

WARHAMMER
40,000

The Ultramarines return in an electrifying new novel

THE KILLING GROUND

GRAHAM McNEILL

В свирепой тьме сорок первого тысячелетия у Империи человека нет слуг более преданных, чем Ультратарины, непоколебимо следующие легендарному Кодексу Астартес.

Уриил Вентрис и Назаний вырвались из демонического Ока Ужаса, но это не сильно упростило их эпическое странствие. Рыцарям Ультратара предстоит преодолеть множество препятствий на пути к дому и искуплению.

- [Грэм Макнилл](#)

-

-

- [Часть первая](#)

- [Глава первая](#)

- [Глава вторая](#)

- [Глава третья](#)

- [Глава четвертая](#)

- [Глава пятая](#)

- Часть вторая
 - Глава шестая
 - Глава седьмая
 - Глава восьмая
 - Глава девятая
 - Глава десятая
- Часть третья
 - Глава одиннадцатая
 - Глава двенадцатая
 - Глава тринадцатая
 - Глава четырнадцатая
 - Глава пятнадцатая
- Часть четвертая
 - Глава шестнадцатая
 - Глава семнадцатая
 - Глава восемнадцатая
 - Глава девятнадцатая
 - Глава двадцатая
-

Грэм Макнилл

ЗОНА ПОРАЖЕНИЯ

Джитти, Дэйву и Нитү из
1-го батальона Королевской
пехоты и комиссару Крисү из
РМН.

Спасибо за беседу и
информацию. Возвращайтесь
целыми, ребята.

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император
недвижит на Золотом Троне Терры. Он —
Повелитель Человечества и властелин
триагов планет, завоеванных
могуществом Его неисчислимых армий. Он
— полүтрүп, неүловимүю искру жизни в
котором поддерживают древние
технологии и ради чего ежедневно
приносится в жертву тысяча дүш. У
поэтомү Владыка Империиүма никогда не
үтирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии

Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонати Варн, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиком, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Агентус Астартес, костические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы Планетарной Обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Агентус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие, да стех жаждущих богов.

Полки, отслужившие более десяти лет, обычно выводятся из зон затянувшейся войны и превращаются в армии колонизаторов. Они не только лучшие солдаты, но еще и старейшие из них, преданно служившие Императору столь долгий срок. Их вознаграждают правом завоевать себе новый мир. И если им это удается, весь полк удостоивается величайшей чести, какую только может предложить Империя, — благодарности самого Императора и права поселиться на захваченной планете. Именно с этого и начиналась история многих миров, входящих в состав Империи. Их жители являются потомками закаленных в боях ветеранов победоносных армий Гвардии.

Тактика

Импералис, записки
командора на
затянувшейся службе.

Порой призраки минувших
дней отказываются уходить...

Бар был полон людей, и воздух, просто
кипящий от возмущения, казалось,
окатывает бурлящими волнами тело
Ганнона Мербала. Он прямо-таки осязал
ненависть к тому, что воплощает, в
каждом приглушенном шепоте, каждом
настороженном, а порой и явно
угрожающем взгляде. Солдат поднял
стопку, стоящую перед ним, и одним
глотком приговорил обжигающее пойло.

Грубая выпивка опалила его глотку, и
Мербал закашлялся, на секунду
задумавшись, а не подмешал ли ему этот
угрюмый ублюдок за барной стойкой
прометия, так, шутки ради. Затем
солдат грохнул стопку обратно на тятую
металлическую поверхность стола и
посмотрел прямо в желтые глаза бармена,

пытаясь отыскать в них подтверждение своим догадкам.

Да, у того на лице застыла все та же маска отвращения, что и у остальных аборигенов. Ганнон нисколько не сомневался, что бармену ничего не стоит попытаться отравить награжденного медалью имперского солдата из армии Ачаманских Фалькат, но затем, когда алкоголь растекся по его венам теплом, Мербал улыбнулся тому, сколько эффективно крепкий напиток заглушает отчаянный крик, звенящий под черепом.

Ганнон плавно опустил голову и прислонился лбом к прохладному металлу стойки.

— Еще одну, — произнес солдат, и бармен снова нацедил в стопку мутное пойло. Мербал тяжело вздохнул, ощущая вонь собственного пота и вины, и закрыл глаза, чтобы не видеть своего располневшего брюха и обвисшей от жира груди.

Потом он поднял голову, разглядывая стойку и стопку с выпивкой на ней.

Судя по рисунку, образованному

заклепками, и потускневшей фабричной
гравировке, когда-то эта барная стойка
была неотъемлемой частью «Химеры».
Гнезда, куда раньше вставлялись лазганы,
теперь служили в качестве пепельниц для
раздавленных окурков сигарет с лхотой.
Мутную и обжигающе крепкую отраву
здесь знали в заржавленном топливном
баке, снятом некогда с «Агской гончей».
Выпивка была просто убийственной, но
только она и могла заставить Ганнона
Мербала забыть о Зоне Поражения.

Он вновь поднял стопку и залпом
осушил ее, в очередной раз закашлявшись.

--- Отличная, мать ее так, штука, ---
пробормотал Ганнон, высыпая на стойку
горстку новеньких имперских монет. ---
Тащи сюда сразу бутылку, сраный козел.

Он услышал, как разговоры за его
спиной неожиданно стихли, и обернулся.
Солдатское чутье еще не до конца было
задавлено алкоголем. Сквозь завесу
кальянного дыма Ганнон увидел, что
практически каждое лицо в этой
забегаловке сейчас обращено к нему.

--- На что уставились? --- взревел он, и

его ярость забила даже куда более глубокое желание, терзавшее его разум. -- Я здесь по праву! Мы победили вас. Вы -- проиграли. Смиритесь.

-- Вот твоя выпивка, -- произнес бармен, грохнув бутылкой синего стекла без этикетки о стойку, -- а эти чертовы монеты можешь оставить себе, мне не нужны кровавые деньги. И выметайся отсюда.

Ганнон подхватил бутылку, но даже не потянулся к деньгам, лежащим перед ним. Он просто сорвал зубами крышку с горлышка и налил себе выпить.

-- Почему ты продолжаешь приходить сюда? -- раздался голос у него за спиной.

Ганнон, пошатываясь, развернулся на стуле, чтобы увидеть перед собой высокого, поджарого мужчину с выбритой головой и глинной, расчесанной на две косы бородой. Левую половину его лица покрывала паутина бледных шрамов. Мербал достаточно повидал в своей жизни ветеранов войн, чтобы опознать след от лазерного ожога.

Этот мужчина носил точно такую же потертую коричневую робу, как и все остальные, но если те предпочитали поверх накидывать пепельно-серые плащи, то незнакомец носил плащ, выкрашенный в зеленые и золотые цвета Сынов Салинаса.

--- Я мог бы приказать арестовать тебя за эту одежку, --- заметил Ганнон.

--- Посмотрел бы я, как у тебя это получится, --- ответил человек. Мербал постарался сфокусировать свой взгляд, чтобы рассмотреть собеседника. Тот был не вооружен, но источал вокруг ауру опасности, словно заточенный клинок, а в глазах его светилась с трудом сдерживаемая злость.

--- Кто ты? --- спросил Ганнон.

--- Полагаю, ты уже знаешь мое имя.

--- Думаю, да, --- ответил солдат, глядя, как люди за спиной этого человека осторожно протягивают руки куда-то под полы своих плащей. --- За тебя объявлена награда... не только за живого или за мертвого.

--- Рассчитываешь ее получить?

--- Не этим вечером, --- покачал

головой Ганнон. -- Я сейчас не на службе.

-- Мудрое решение, -- произнес незнакомец. -- Но на мой вопрос ты так и не ответил. Почему ты приходишь сюда? До меня дошли слухи, что ты заваливаешься в этот бар каждый вечер и накачиваешься до чертиков, после чего начинаешь оскорблять всех подряд и в одиночестве отправляешься обратно к казармам.

-- Быть может, мне просто нравится местная публика, -- ответил солдат, неопределенным жестом обводя стены, -- или мне просто по душе эстетика проржавевшего боевого танка.

-- Ущешь смерти? -- спросил человек, наклоняясь ближе и переходя на шепот.

-- Если и так, то сможешь ли ты исполнить мое желание? -- прошептал Ганнон в ответ. -- Сможешь?

-- Думаю, тебе пора проваливаться. Очень многие здесь уже готовы прикончить тебя, -- сказал незнакомец, -- и что-то я не уверен, что собираюсь их останавливать.

-- Так никто тебя об этом и не

просит.

Человек отодвинулся с несколькими удивленным выражением на лице.

--- Неужто? --- спросил он. --- Похоже, это все затея Барбагена. Ты сдохнешь, а он сможет развязать руки Каин и ее «Клекочущим орлам»?

--- Барбаген? --- сплюнул Ганнон. --- Он больше не имеет ко мне никакого отношения.

--- Да ну? --- спросил мужчина, распахивая на Мербале полушinelь и открывая взглядом заношенный алый форменный камзол лейтенанта Ачаманских Фалькат, чьи серебряные пуговицы с трудом удерживали ткань на внушительном пузе. --- Последний раз, когда я освегомлялся, Фалькаты все еще были бывшим полком Барбагена.

Ганнон вновь запахнул шинель и повернулся к барной стойке, потирая пальцами небритый подбородок и заплывшие глаза. Затем он еще раз посмотрел на мужчину с заплетенной в косы бородой и произнес:

--- Мне действительно жаль. Я... мы

вовсе не желали...

--- Извиняешься передо мной? ---
прервал его собеседник, в чьем голосе
теперь явственно звучал гнев.

--- Пытаюсь, --- сказал Ганнон, но не
успел он продолжить, как со стороны входа
послышался характерный стук и бородач
выбежал через черный ход. Уже через пару
секунд казалось, будто ничего и не
произошло. Угрюмые завсегдатаи
забегаловки полностью переключили свое
внимание на стаканы, старательно
избегая взгляда имперского солдата.

Ганнон повернулся на стуле как раз
вовремя, чтобы увидеть, как под железной
балкой, лежащей на двух искореженных
танковых шасси и образующей вход в бар,
пригибается высокий, сутулый Дарон
Нисато, на чьем лице застыло весьма
недовольное выражение. Он стахнул со
своего инфорсерского мундира вездесущую
пыль и повел глазами по стойке бара, пока
те не остановились на Ганноне.

--- Так и думал, что найду вас здесь,
лейтенант, --- произнес Нисато.

--- Что тут скажешь, --- ответил

Ганнон, — я человек привычек.

— Жаль, что только скверных, — сказал Нусато, и поспорить с этим утверждением Мербал не мог.

— Ну за что не догадаешься, с кем я тут сейчас говорил, — произнес Ганнон, чтобы поддержать разговор.

— И с кем же?

— Не важно, — ухмыльнулся Мербал, оглядывая барную стойку, пока Нусато присаживался рядом. — Ну с кем, можно сказать.

Дарон Нусато был весьма привлекательным мужчиной лет этак пятидесяти с резко очерченными чертами лица, живыми глазами и смуглой кожей. Его волос вилась тугими кудрями и подернулся сединой на висках, придавая своему владельцу весьма характерный облик, который он с успехом использовал, пока являлся комиссаром Ачаманских Фалькат.

— Выпить хочешь? — спросил Ганнон.

— Местный раквир? Не. Думаю, не стоит. Да и тебе, на мой взгляд, уже хватит.

--- Возможно, ты и прав, Дарон, вот только что еще остается?

--- Есть долг, --- произнес Нисато. --- У тебя --- один. У меня --- другой.

--- Долг? --- рявкнул Ганнон, обводя руками бар. --- Сам посмотри, что он с нами сделал. Мы стали врагами на собственной же планете, в мире, за который сражались и проливали кровь. Тот еще выигрыш, верно?

--- Захлопнул бы ты пасть, Ганнон, --- предупредил Нисато.

--- А то что? Арестуешь?

--- Если придется. Ночка в отстойнике для пьяниц может пойти тебе на пользу.

--- Нет, --- отозвался Ганнон, --- лишь одна вещь на этом свете может мне помочь.

--- Какая же?

--- Вот эта, --- ответил Мербал, извлекая из-под подушки безукоризненно начищенный пистолет.

Нисато тут же насторожился.

--- Что это ты задумал? Убери.

Ганнон вновь сунул руку за отворот и извлек нечто, засверкавшее золотом под

лучами мерцающих сфер, которые свисали с проводов, протянувшихся под неровным железным потолком. Затем лейтенант бросил предмет прямо на стойку, где тот закружился, словно простая монетка, и зазвенел по металлической поверхности, демонстрируя взглядам изображение золотого орла.

--- А ты еще хранишь свою медаль? --- спросил Ганнон.

--- Я ее не получал, --- ответил Нисато. --- Меня же там не было.

Медаль завершила свое вращение и легла на грязную барную стойку.

--- Повезло, --- произнес Ганнон, и глаза его наполнились слезами. --- Значит, ты их не видишь?

--- Кого?

--- Сгоревших... тех самых... погибших?

Ганнон увидел ступение и непонимание во взгляде Нисато и попытался объяснить, но в эту минуту в носдри лейтенанту вновь ударила мерзкая, незабываемая вонь сгоревшей человеческой плоти, и слова застряли в гортани. Он поперхнулся, почувствовав на языке привкус

золы, в которую обратились кости
мучеников, и едкий запах прометия так
явно, словно покрытый сажей солдат-
огнемётчик стоял сейчас буквально в шаге
от него.

Ты был там.

--- Только не это... пожалуйста, не
надо... --- зарыдал лейтенант. --- Хватит!

--- Ганнон, что происходит? ---
требовательным тоном спросил Нисато,
но Мербал уже был не в силах ответить.
Он завращал головой, наблюдая за тем, как
языки всепожирающего пламени
охватывают бар --- обжигают, желтые,
не оставляющие никакой надежды. Словно
подгоняемые неким невидимым ветром,
они проявляли недюжинный аппетит,
жадно, с оглушающим ревом поглощая все
на своем пути. Лишь несколько секунд и
понадобилось, чтобы запылала вся
забегаловка, и Ганнон заплакал, зная, что
произойдет затем.

Объятые огнем завсегдатаи
поднялись на ноги. Лица людей, прежде
беспокойные и озлобленные, превратились в
оплавленные, изуродованные агонией маски.

Подобные чудовищным элементам огня,aborигены направились прямо к нему, иТаннон обернулся к Дарону Нисато вотчаянной и пустой надежде, что тотвидит то же самое.

Но бывший комиссар остался слеп когненному безумию, охватившему бар, исмотрел на лейтенанта с озабоченностьюи жалостью.

Таннон закричал, когда по полу началстелиться густой черный дым, оглушаягудушливым и резким химическим запахом.Тени шли сквозь эту пелену, подобныеобъятым огнем марионеткам,двигавшимся в дерганом танце,управляемым каким-то свихнувшимсякукловодом.

Лейтенант слышал голос ДаронаНисато, но смысл слов до него уже неодоходил, ведь в дыму и пламени возник доужаса знакомый силуэт — маленькаядевочка от силы семи лет.

Ее платице горело, а ручки былипротянуты к лейтенанту, словно ребенокнадеялся найти в нем защиту и спасение.Кожа девочки покрылась волдырями,

полоналась, а мышцы и жир начали
сползать с потрескивающих и ломающихся
от чудовищного жара костей, подобно
расплавленной резине.

--- Ты был там, --- сказала девочка, чье
лицо являло теперь просто уродливое
нагромождение плоти, сквозь которую
прорывался огонь, пылающий внутри
черепной коробки. Жуткий, призрачный
свет сиял из ее глаз --- единственного, что
еще не постел уничтожить пожар.

--- Мне жаль, --- пробормотал Ганнон,
и его сердце сжалось от невыносимого
чувства вины.

Он глубоко вздохнул, и в ту же
секунду пылающий бар, обожженный
ребенок и горящие люди исчезли. Все
стало точно таким, каким было еще
минуту назад. Лейтенант оперся о стойку,
чтобы удержать равновесие, когда мир
вокруг закружился в безумном танце, и
постарался успокоить взбунтовавшиеся
чувства, еще не пришедшие в себя после
пробуждения из кошмара.

--- Какого рожна ты творишь? ---
потребовал Нисато, все еще сидевший

рядом и совершенно не подозревавший об ужасах, только что увиденных Ганноном уже в тысячный раз. Затем инфорсер взял лейтенанта за руку и произнес: — Пора уходить. И ты идешь со мной.

— Нет, — сквозь слезы выдал Ганнон, высвобождаясь. — Никуда я не пойду. Не в таком состоянии.

— Верно, — согласился Нисато. — Именно поэтому ты и пойдешь со мной.

— Нет, — повторил Ганнон, подхватывая со стойки пистолет и медаль. — Отсюда я могу отправиться только в одно место: Ад.

Ганнон Мербал вставил ствол пистолета в рот и вышиб себе мозги.

«Мне никогда не хотелось верить, что смерть настолько плохо выполняет свою работу».

Часть первая

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Глава первая

Это люди придают облик планетам, на которых живут, или же это планеты оставляют отпечаток на своих обитателях? Жители Моргуана меланхоличны и замкнуты, граждане Катачана — прагматичны и жестоки. Следствие ли это сурового климата и условий, усложняющих выживание? Или же те, кто поселился на этих мирах, изначально обладали необходимыми качествами? Может ли характер мира повлиять сразу на все население, или человеческая душа сильнее какой-то там географии?

Может ли сторонний наблюдатель предположить, что люди, без опасений за свою жизнь разгуливающие под золотыми арками планеты-святилища, менее предрасположены к насилию и обладают более добродушным нравом, нежели те, кто вынужден таиться в тенях миров, охваченных войнами и лютяжами?

Как бы то ни было, безлюдные

бересковые пустоши, одинокие горы и
терзаемые внутренними распрями города
Салинаса могли предложить массу
интересного материала для этого
наблюдателя.

С хмурого серого неба сплошным
потокот лил дождь: сквозь плотную завесу
воды все было видно точно в густом
тумане, зато богатые кварцевыми
отложениями горы блестели и сверкали.
Группки каких-то лохматых травоядных
животных паслись в высокой траве на
заливных лугах, а на востоке, над
высокими скальными пиками, собирались
темные грозовые тучи.

Стремительные водонады с
оглушительным грохотом обрушивались с
черных утесов, и те немногие уродливые
деревья, что еще росли на холмах,
окружающих мертвый город,
раскачивались, словно танцоры, и трясли
кронами под неистовыми порывами ветра,
слетавшего с обложенных тучами вершин.
Но над сатит обезлюдевшим городом
повисла тишина, подобная неловкой паузе в

разговоре, точно природа боялась
нарушить его уединенную скорбь.
Заваленные обломками улицы пролежали
среди почерневших зданий, чьи
разрушенные стены удерживали только
куски перекрученной стальной арматуры,
пустынные проспекты поросли
кустарником с листьями цвета ржавчины
и крови.

Ветер выглаживал камни и обломки
изъеденного коррозией металла, которые
по-прежнему лежали там, где когда-то
упали, и стонал в разбитых окнах и
пустых дверных проемах — казалось, будто
город издает долгий, протяжный
предсмертный хрип.

Когда-то здесь жили люди. Они
любили, ссорились и прощали в тысячах
личных драм, одновременно
величественных и интимных, знакомых
любому городу. пышные
празднества, скандалы и интриги,
жестокие преступления — все эти сцены
разыгрывались здесь, но тот театр
безвозвратно канул в историю, хотя так и
не стерся из памяти.

Сотни улиц, проулков, проспектов и магистралей пересекали пустынный город, прокладывая себе путь через этот печальный пейзаж, и словно пытались найти тех, кто захотел бы снова воспользоваться ими. Незапертые двери грохотали, раскачиваясь на петлях, и оставленные жилища, казалось, призывали безымянных гостей поселиться в них, вновь дав домам смысл существования. Дождь лил не переставая, и бурлящие ручьи бежали по потрескавшимся тротуарам, заливая даже решетки водостоков и собираясь в огромные лужи.

Среди руин горделиво возвышалась высокая церковь, чей каменный фасад почернел от копоти и сажи. Издали казалось, что, какая бы беда ни обрушилась на покинутый город, величественное сооружение она по большей части обошла стороной. Высокие башни отбрасывали длинные тени, а большой орлинокрылый фронтон, прежде горделиво венчавший парочный вход, теперь словно признавал поражение — крылья перекошились и покрылись зелеными пятнами.

Оконные витражи, некогда прославлявшие Императора и Его многочисленных святых, были разбиты, лишь осколки цветных стекол, подобно клыкам, торчали из рам. Тяжелые металлические двери, когда-то защищавшие главный нартекс церкви, были искорежены и лежали на раскрошившихся плитах двора. Рядом виднелись обломки рухнувших с крыши священных статуй, так и брошенных обрастать мхом.

Ветер, казалось, стремился именно сюда, словно влекомый некой незримой силой, и играл на открытой площадке перед церковью. Он приносил с собой клочки тумана, шуршащие обрывки ткани, бумажу и листья --- все это кружилось миниатюрными вихрями, становившимися все больше, пока ветер набирал силу.

Зияющий чернотой зев входа поглощал последние солнечные лучи заканчивающегося дня, и, хотя становящийся все более свирепым ветер гонял мусор туда и сюда по площадке, ни единого листочка не залетело внутрь.

заброшенного здания.

Из нартекса донесся глухой стон, хотя там определенно никто не мог жить --- как, впрочем, и во всем остальном городе, --- и на площадь перед церковью вырвался поток воздуха холодней самого костоса.

Возникнув вначале как крошечные пятнышки света в темноте, под стрельчатым сводом вспыхнули яркие огни, прочертившие на земле два призрачных параллельных луча. Прежде церковь казалась неколебимой и несокрушимой, но теперь ее материя, казалось, пошла волнами и стала таять, будто от невыслитого жара.

Стенание становилось громче --- ранее доносившееся словно издалека, теперь оно звучало намного ближе и казалось истошным криком неведомой агонизирующей твари, пытающейся удержать собственные внутренности, которые из нее выдирает каждая проходящая секунда.

Темнота вспучилась и вылилась наружу, подобно чернилам, растекающимся

из лопнувшего пүзырька. Но затем она
отступила обратно, сползая по бортам
чего-то огромного, что прорвало
пространство и время, чтобы прибыть в
этот мир, — чадающий, шипящий механизм,
реликт, созданный в незапамятные
времена.

Состоящий из железа и
многочисленных поршней, он напоминал
огромную тахину-джаггернаут, чьи
поблескивающие бронзой бока пульсировали
сверхъестественными энергиями. Спустя
мгновение машина с грохотом вырвалась
из дверей церкви. Уз-под каждой помятой
закленки с головкой в виде черепа струился
пар, пока ржавые, разрушающиеся от
старости железные колеса скрежетали по
сияющим, подобно ртүти, пүтям.

Возможно, по сүти разваливающаяся
конструкция когда-то была древним
паровозом, но неведомые энергии и
извращенные силы превратили его в нечто
совсем иное.

Чья бы воля ни создала этот
кошмарный плод союза технологии и
темных энергий, но он уже начинал

разрываются. Сияющая аура сползала с него слоями, словно луковая шелуха. Сам воздух здесь, казалось, был для него ядовит, и от каждой поверхности машины поднимались шипящие облачка зловонных светящихся испарений.

Жуткая машина завывала, подобно огромному раненому зверю, но в ее вопле, полном невыносимой боли, звучало также и облегчение, ведь вечные муки наконец-то должны были завершиться. Машина начала сбавлять ход, постепенно останавливаясь, точно подстреленное животное, дошедшее до предела своих сил и уже не способное убежать от охотников.

В глубине изуродованного локомотива, если напрячь слух, можно было различить чьи-то голоса, в которых не было и намека на страдания, испытываемые машиной. С каждой проходящей секундой они звучали все громче, словно их обладателей только что выпустили из какого-то все еще весьма далекого от этих мест помещения.

Часть борта локомотива отвалилась, открыв миру все уродство

залитых красным светом внутренних помещений, где стоял стердящий морозильник для мяса, хранивший память о бесчисленных убийствах и истязаниях, о заре пожаров и целых эпохах кровопролития.

В этом красном зареве кто-то двигался... несколько фигур, скорчившихся, точно младенцы или пьяные, вывалились из утробы утирающей машины. Высокие, широкоплечие, похожие на людей, они скребли пальцами по земле, стремясь как можно скорее укрыться от света, словно тот причинял им боль.

Существа, прибывшие на бронированном левиафане, были окутаны клубами дыма. Поднявшись, они двигались неуверенной походкой, словно в лихорадочном бреду, но даже эти первые шаги доставляли им радость, поскольку выводили все дальше от разрушающейся машины.

И чем больше становилось расстояние, тем более материальными и отчетливыми становились их тела, хотя тому самому стороннему свидетелю

небывалого прибытия, существу́й он, вряд ли бы это понравилось.

Незванные гости оказались настоящими чудищами -- «бескожими».

Нерзкая насмешка над природой, обратительные плоды колдовской хирургии, неудачных экспериментов и пугающих, противных естеству сил. Не было среди них и двух похожих друг на друга; их лишённые кожи тела были массивными и гротескными, а головы являли собой раздутые черепа с оползшими лицами и скрежещущими клыками.

Большинство людей, увидев перед собой подобных тварей, просто обезумели бы от страха, но тот, кому хватило бы телости приглядеться пристальнее, смог бы различить за деформированной плотью нечто иное, более важное, что, без сомнения, напугало бы его куда сильнее: блеск человеческого разума и понимания.

Следом за чудищами высадились ещё двое, столь же ошарашенные и с трудом передвигающие ноги, но эти гости ненесли на себе пугающих уродств. Оба обладали могучими, созданными

генетиками телами Астартес, но один был несколько шире в плечах и крепче сложен, а его правая рука отсутствовала ниже локтя.

Один из них носил синий доспех, второй -- только отдельные его части. Светлые волосы первого были коротко подстрижены, а черты его широкого лица казались добродушными, в то время как второй, темноволосый, сероглазый и поджарый, точно волк, был мрачен и источал властность.

Оба воина -- ибо следы от ран и оружие в руках явственно свидетельствовали, что пути войны им вовсе не чужды, -- пошатываясь, отошли от разваливающегося локомотива, а затем упали на землю, с наслаждением втягивая в легкие прохладный воздух.

Когда пассажиры высадились, со стороны поезда донесся скрежет металла о металл, и пылающие железные колеса повлекли таинственную и пугающую машину прочь от этих мест.

Столь долго работавшая в реальных, лежащих далеко за

пределами материальной вселенной, она оказалась совершенно не готова встретиться со стихиями, служившими фундаментом этого бытия, и грубость этого мира разрушала удивительную, рожденную в парном котле с той же легкостью, с какой пламя плавит лед.

Бывшие пассажиры еще несколько мгновений стояли, наблюдая за происходящим, а затем, вначале медленно, но после все быстрее, встретились прочь от сильней и сильней разгорающегося локомотива. Казалось, будто в его котле некий inferнальный источник энергии достиг критической массы. Сияние стало невыносимым даже для тех глаз, что были специально усовершенствованы при помощи генной инженерии. С мучительным криком — никто бы не смог сказать, был ли это просто предсмертный вопль или радость освобождения, — живой паровоз исчез, скрывшись в яркой вспышке.

Этот взрыв не стал причиной ни разрушений, ни пожара, но ослепительный световой дождь наполнил воздух, свидетельствуя о том, сколь великая

мощь была выпущена в этот мир.

Как только отзвенел последний аккорд гибели --- или же бегства --- огромного нематериального локомотива, сумерки и мрачность мертвого города вновь возвратились, и ливень окутал измученных и грязных путников холодным, липким одеялом.

Оба воина нашли друг друга в этой сплошной мокрой пелене и обнялись, словно братья, радуясь уже тому, что смогли вернуться в мир, где атмосфера не состоит из химического супа ядовитых испарений и не смердит палеными костями, расплавленной сталью и войной.

Более крупный Астартес провел рукой по волосам и нахмурился, оценивая окружающий их печальный пейзаж.

--- Хвала Императору, --- произнес он. --- Мы точно не на Медренгарде!

Его спутник улыбнулся и запрокинул голову назад, позволяя холодному дождю мотыть его лицо, словно это было редкое и незабываемое удовольствие.

--- Нет, Назаний, --- повторил костодесантник, --- мы определенно не

там.

--- Но где же тогда?

--- Думаю, друг мой, что уже почти дома, --- сказал Уриил Вентрис.

Хотя уже стеркалось, но глаза Уриила с легкостью смогли проникнуть сквозь темноту, окутавшую город, когда погасли последние следы разрушения или отбытия Омфала Демониума. Не осталось ни малейшего намека на то, что локомотив вообще был здесь, и Уриил радовался избавлению от жуткого порождения демонов.

Когда-то оно служило личным транспортом могущественного воителя Варна, и тот использовал его, чтобы перемещаться между кошмарными реальностями Хаоса, бороздить пространство и время, неся скорбь смертным по всей галактике. Тот демон погиб, нав от руки своего же злобного собрата, что и позволило Назанию с Уриилом бежать с Медренгарда на пропитавшемся кровью локомотиве.

--- Как думаешь, куда он исчез? ---

спросил Назаний, лаская ладонью рукоять трофейного болтера.

Пусть правая рука воина и отсутствовала ниже локтя, но Уриил знал, что его товарищ и левой убивает ничуть не хуже. Сам Уриил также не был безоружен, он сжимал пальцы на позолоченном эфесе меча, который некогда принадлежал капитану Угею, его наставнику и прежнему командиру четвертой роты Ультратаринов.

— Понятия не имею и не особенно интересуюсь, — ответил Уриил, вдыхая холодный ветерок и наслаждаясь свежими, первобытными ароматами, доносящимися из леса, кольцом окружающего высокие горы. На склонах он видел пасущиеся стада и радовался тому, что может наконец разглядывать что-то безопасное. — Я могу только порадоваться, что мы от него избавились.

— Да, с этим не поспоришь, — согласился Назаний. — Теперь бы еще понять, где же нас высадили. Я, точно скажу, за рулем не стоял, а ты?

— У я. Но сомневаюсь, что Омфал

Демониум вообще мог бы послушаться кого-нибудь вроде нас с тобой.

--- Значит, он мог завезти нас куда угодно, --- заметил Назаний.

--- Именно, --- подтвердил Уриил, не меньше друга озабоченный вопросом того, где они очутились. Хотя он не имел ни малейшего представления, что за мир выбран демонической машиной в качестве конечной остановки, но потратил уйму времени в глубинах кошмарного локомотива, заставляя себя представлять, словно видит воочию, Макрагге и родную планету --- Калт, против всякой надежды надеясь вынудить локомотив изменить курс и направиться туда.

Попытка не удалась. Этот мир несколько не походил на загаданные: небо имело свинцово-серый цвет; мрачные тучи кружили над высокими изломанными скалами, взиравшими на странный заброшенный город, раскинувшийся в их кольце.

Уриил отвернулся от гор, чтобы внимательнее рассмотреть более близкий пейзаж --- широкую, вытощенную трамбором

площадь, ныне заваленную мусором и
затянутую бурьяном. Дома,
расположившиеся вокруг, обратились в
руины под властью времени и, без
сомнения, ожесточенной войны. Каждый
дюйм их поверхности был отмечен
пулевым отверстием, лазерным шрамом
или прометиевым ожогом, а в воздухе
висела тягостная аура смерти.

--- Вот мне и интересно, где же это
было? --- произнес Назаний, прокручиваясь на
пятках. --- Во всяком случае, в Империи.

--- С чего ты взял?

--- Посмотри туда, --- кивнул Назаний
в направлении постройки за спиной
Уриила.

Проследив за взглядом товарища,
тот увидел печально поникшего
двуглавого бронзового орла, взирающего на
них с высокого почерневшего здания.
Стрельчатые табернакли и скульптуры,
пусть разрушенные и разбросанные в
полном беспорядке, выдавали в строении
имперскую церковь. Бескожие собрались
под орлом и заграли головы, взирая на
этот символ Императора в восторженном

обожании.

--- Ну, во всяком случае это был имперский мир, --- уточнил Назаний. --- Сейчас город мертв.

--- Верно, --- заметил Уриил. --- Мертв этот город, но на планете есть и другие.

--- Уверен? --- спросил Назаний. --- Хотелось бы верить, что ты не заблуждаешься.

--- Не беспокойся, --- произнес Уриил. --- Не понимаю как, но я точно знаю, что прав.

--- Очередное из твоих предчувствий? --- поинтересовался товарищ. --- Да хранит нас Император, до сих пор они всегда предвещали неприятности.

--- Так или иначе, где бы мы ни оказались, здесь все-таки лучше, чем на Медренгарде.

--- Ну, это-то несложно, --- усмехнулся Назаний. --- Я не много припомню мест, где не было бы на порядок приятнее, чем в мире, расположенном в Оке Ужаса.

Уриил был вынужден признать справедливость этого утверждения.

поскольку никак не мог выдать из своей
головы воспоминания об огромных заводах,
занимающих целые континенты
Медренгарда, о невероятных крепостях,
необъятных облаках горячего непла,
обжигающего легкие при каждом вдохе, и
зловых мертвых тварях, паривших в
тепловых потоках, поднимающихся над
трубами адских фабрик.

Исполняя свою смертную клятву, они
повидали на Медренгарде всевозможные
ужасы, но, что бы ни пытались
противопоставить им родной мир
Железных Воинов, Ультратарины
сохранили победу и спаслись.

Однако где же они оказались в
результате?

Раздумья Уриила были прерваны,
когда он увидел, как те из бескожих, кто
был на это способен, опускаются на колени
перед церковью Императора. Другие, чья
анатомия оказалась слишком сильно
изменена для такого действия, просто
стояли, склонив головы. Из их
изуродованных ртов раздавался тихий,
скорбный стон. Уриил мог только гадать,

что сейчас чувствуют эти несчастные, жалкие создания.

Словно ощутив спиной его любопытный взгляд, самый огромный из бескожих повернулся к Ультратарину и шаркающей походкой направился к нему; при каждом тяжелом шаге на влажно поблескивающем теле вздувались чудовищные мышцы. От приближающегося предводителя бескожих, а это был он, исходил тусклый, животный запах, а с его багрового, сочащегося сукровицей тела, становясь алыми, скатывались капли дождя.

Как всегда при виде этого создания, Астартес овладели стесанные чувства: опасение, жалость, гнев и стремление защитить, не позволить, чтобы с ним обращались так, как заслуживала его внешность, ведь предводитель бескожих был монстром во всех смыслах этого слова.

Будучи выше даже Уриила, он обладал раздувшимся могучим телом и силой превосходил любого костического десантника. Когда-то, еще совсем недавно,

он был простым ребенком, пленником, захваченным жестокими Железными Воинами и оказавшимся на Медренгарде, где посредством демонической магии и мерзкого мастерства Свирепых Мортициев превратился в чудовищного зверя.

В своих стремлениях взрастить новое поколение бойцов дьявольские хирурги, повиновавшиеся кузнецу войны Хонсю, помещали похищенных детей в безобразные демонические матки, в которых и откармливали их, и изменяли при помощи генетического материала, полученного от погибших Железных Воинов и геносетени плененных Астартес.

Весьма капризный и непредсказуемый алхимический процесс куда чаще приводил к неудачам, нежели к успеху, и те жалкие, изувеченные мутациями узники, что больше не годились в работу, просто стывались лабораториями, словно обычные экскременты.

Большинство из них вскоре погибало в кошмарных, зараженных пустошах Медренгарда, но кое-кому удавалось и

уцелеть, превратившись в лишенного кожи монстра, погруженного в самые темные тучины безутия и отчаяния самил фактом своего существования.

Впервые Уриил и Назаний познакомились с бескожими, как их окрестили другие обитатели Медренгарга, когда те уничтожали измученных узников в откормочном лагере Железных Воинов. Тогда Ультрамарины были потрясены жестокостью этих чудовищ, но впоследствии поняли, что они — такие же жертвы космогесантников Хаоса, как и все прочие потерянные души, наг чьими телами издевались в множестве подобных лагерей смерти.

Когда Уриил узнал всю правду о бескожих, он был потрясен и преисполнился жалости к этим огромным существам, созданным из плоти и крови героев Космического Десанта.

Раздутые тела, всей своей уродливой анатомией наводящие на мысль о карнавальном гротеске, кутались в граные накидки из кожи мертвецов, словно это могло хоть как-то скрыть измененную

варпом плоть. Рот одной из тварей навечно застыл в раскрытом положении, поскольку ему не давали закрыться огромные, похожие скорее на острые обломки костей клыки. Другой был проклят иссохшим, но все еще живым телом брата-близнеца, растущим из его груди. У третьего структура скелета изменилась настолько, что теперь он мог двигаться с проворством и скоростью, недоступными не только человеку, но даже зверю.

--- Это мир Императора? --- спросил предводитель бескожих; его негибкий язык с трудом фортировал слова, двигаясь между плотными рядами острых как бритва клыков.

Уриил кивнул, видя боль в глазах существа, и произнес:

--- Да. Точнее, один из них.

--- И много таких?

--- Миллионы.

Увидев ступение в глазах вожака, Астартес понял, что тот, скорее всего, просто не знает таких чисел.

--- Существует очень много таких

миров, --- объяснил Ультратарин, показывая на темнеющее небо, где уже зажглись сотни звезд. --- Каждый из этих огоньков --- один из них.

Честно сказать, это было не совсем правдой, но предводитель посмотрел наверх, и на его лице появилась слабая улыбка.

--- Небо черное.

--- Да, --- устехнулся Уриил, только сейчас осознав, насколько ему не хватало привычной стены дня и ночи обычного населенного мира. --- Сейчас оно черное, но поутру вновь посветлеет.

--- Станет таким, как у железных людей?

Уриил поежился, вспомнив мертвое, никогда не меняющееся небо Медренгарда и немигающий черный глаз солнца, царившего над всем миром.

--- Нет, совсем не таким, как у железных людей. Здесь солнце золотое и теплое. Оно вам понравится.

--- Хорошо. Мир железных людей плохой, --- произнес предводитель бескожих. --- Здесь тоже противно пахнет.

Не так противно, как там, но тоже плохо.

--- Здесь плохо пахнет? --- слова мутанта пробудили у костического десантника любопытство. --- Что ты хочешь этим сказать?

--- Что-то нехорошее здесь произошло, --- ответил предводитель, окидывая площадь оценивающим взглядом. --- Кровь пролилась. Много крови. И не вся еще впиталась. Ее запах пробуждает у бескожих аппетит.

Уриил обменялся взглядами с Назаниел; оба воина прекрасно знали, насколько опасен может быть проголодавшийся бескожий.

Конечно, они сражались с ними плечом к плечу на Медренгарде, объединенные грубой необходимостью и отчаянными условиями, но Уриилу совсем не хотелось выяснять, как долго продержится этот вынужденный союз в противостоянии с чудовищными потребностями этих существ.

Он посмотрел в сторону гор, где еще можно было различить стада диких животных. Затем костодесантник

показал на них и произнес:

--- Можешь разглядеть зверей на горе?

Предводитель бескожих кивнул, и Уриил еще раз напомним себе, что хотя бы отчасти эти создания обладают теми же способностями, что и костические десантники, и одна из них -- как раз усовершенствованное зрение.

--- Охотьтесь на них, -- произнес Ультратарин. -- У них хорошее мясо. Но ни на кого больше, понятно?

--- Да.

--- Человеческое мясо -- плохое, -- добавил Ультратарин. -- Его есть нельзя. Император больше не разрешает вам есть людей.

--- Мы понимаем, -- проговорил вождь бескожих. -- Мясо людей не есть.

--- Если увидите незнакомых людей -- прячьтесь. Не позволяйте им себя увидеть, -- напомним Назаний.

Предводитель качнул массивной головой -- с глиняных клыков закапала слюна, и Уриил понял, что мутант уже предвкушает свежее мясо и горячую кровь. Не произнес больше ни слова, существо

отвернулось и проревело несколько рычащих команд своим товарищам, которые тут же прервали молитву под имперским орлом и следом за предводителем побежали в сторону гор.

--- Как думаешь, сумеют они выжить своими силами? --- спросил Назаний.

--- Не знаю, --- ответил Уриил. --- Да поможет мне Император, но я очень надеюсь на это.

Десантники наблюдали за бескожими, пока те не скрылись из виду, растворившись во тьме мертвого города.

--- Что теперь? --- поинтересовался Назаний.

--- А теперь, --- произнес Уриил, поворачиваясь к своему сержанту, --- настало время поговорить.

Глава вторая

Пока Ультратарины искали защиты от вездесущего дождя и пронизывающего ветра, на город опустилась ночь. Назаний все еще носил залепанный грязью синий доспех, а вот Уриил теперь был практически обнажен. Основную часть брони с него содрали грубые руки хирургов Мортициев, и хотя большинство фрагментов нагрудника уцелело, но без всех прочих силовые доспехи были практически бесполезны.

Лишенная источника энергии, который питал искусственные мускулы, сделавшие их обладателя сильнее, броня стала чрезмерно тяжелой и неудобной, затрудняя движения там, где должна была помогать.

Движимые огни инстинктами, оба костических десантника зашагали в направлении церкви Императора. В отличие от всех прочих строений, окружавших площадь, она казалась относительно целой и наиболее пригодной

для удержания обороны.

На первый взгляд город казался мертвым и заброшенным, но они знали, что не следует доверять столь поверхностным впечатлениям. С рассветом надо было изучить эти места более внимательно, а пока первоочередной задачей для Уриила являлся поиск безопасного убежища, где можно будет как следует отдохнуть. Осмотрев лежащие на полу искореженные двери, Ультрамарин увидел характерные борозды, свидетельствовавшие о подрыве телтазаряга.

--- Кто-то здесь пытался забаррикадироваться, --- произнес Назаний, проследив взгляд друга.

--- Похоже на то, --- согласился Уриил.

--- Но зачем и кому это понадобилось?

--- Скажи, вот если бы ты был простым горожанином и твой город подвергся бы нападению, куда бы ты побежал?

--- Я бы не побежал, --- заметил Назаний. --- Я бы сражался, а не прятался, пока другие проливают за меня кровь.

Уриил ничего не сказал в ответ на это простое и столь очевидное утверждение, поскольку слышал в голосе друга точно то же самое непонимание страхов, подвластных обычным людям, какое было свойственно большинству боевых братьев. Настолько возвысившись над простыми смертными, они все подвергались риску стать высокомерными и самовлюбленными, но если эгоизм других Астартес был ему привычен, Уриил никогда прежде не видел, чтобы так себя вел Назаний.

В холле церкви было холодно так, что даже у Уриила начало покалывать кожу.

Костодесантнику не раз доводилось бывать в церквях, от самых величественных и до самых скромных, но в стенах каждой из них всегда ощущалось присутствие божественного, чего-то могущественного. Это же здание было лишено его.

Оно казалось совершенно пустым.

Уриил распахнул изреженные остатки дверей, ведущих в неф, и эхо его

шагов метнулось навстречу, словно к нему приближался призрачный двойник. В воздухе повисли лохмотья пыли, но глаза Ультратарина легко пронзили трак, царивший внутри церкви. Сводчатый потолок изгибался высоко над головой, а к перевернутому алтарю вели плотные ряды резных колонн.

На каменных плитах пола лежали поваленные, покрытые скверно пахнущей плесенью знамена, все пространство между входом и алтарем было завалено обломками деревянных скамей. Последние лучи дневного света озаряли тысячи бумажных листков, покрывавших, казалось, каждый дюйм выложенных облицовочным камнем стен.

Заинтригованный, Уриил подошел ближе, чтобы выяснить, в чем причина столь необычного зрелища. В этот момент слабый порыв ветра ворвался в пустое окно, и стена словно зашевелилась в нетерпении. Бумага была старой, выцветшей, и многие листки давно сгнили или осыпались на пол, образовав некое подобие снежных наносов. Но и того, что

осталось, хватило, чтобы Уриил понял: все они содержали смешение написанных неразборчивым почерком молитв за упокой погибших, отрывков из поэмы и простеньких литографий улыбающихся мужчин, женщин и детей.

— Что это? — тоже погодя и уставившись на печальные изображения и слова, прошептал Назаний, но голос его все равно прозвучал слишком громко в полнейшем безмолвии церкви.

— Стена памяти, — произнес Уриил. — Молитвы о потерянных родных и любимых.

— Но их так много... тысячи. Неужели они все погибли одновременно?

— Не знаю, — ответил капитан. — Похоже на то.

— Кровь Императора, — прошептал Назаний. — Да что же здесь произошло?

Уриилу вдруг показалось, будто его шею коснулось чье-то холодное дыхание.

«Ты был там».

Астартес мгновенно развернулся на пятках, потянувшись к мечу.

— Что? — спросил Назаний, когда

клинок его груга вспорол воздух.

--- Ничего, --- отозвался Уриил, увидев, что никакой опасности нет.

Они с Назанием были единственными нарушителями покоя заброшенной церкви, но в какое-то мгновение капитан был готов поклясться, что кто-то стоял прямо у него за спиной. Сутрачные пределы зала были совершенно пусты, и все же...

Уриил обладал чутьем опытного воина, закаленным в тысячах сражений, и вряд ли прожил бы столь долгую жизнь, если бы не доверял ему, когда оно предупреждало об опасности. Хотя он ничего не видел и не слышал, но со всей определенностью мог сказать, что они в церкви не одни.

--- Что-то увидел? --- спросил Назаний, зажимая коленями болтер и передергивая затвор, который издал резкий звук, словно выражая неприязнь к новому владельцу. Они добыли оружие на полях сражений в Медренгарде. Прежде болтер принадлежал одному из Железных Воинов. И хотя Назаний держал его сейчас в руке, Уриил видел, что груг вовсе не горит желанием

использовать оружие врага.

--- Нет, --- ответил капитан, --- кое-что почувствовал.

--- И на что это было похоже?

--- Не уверен. Показалось, будто кто-то стоит прямо у меня за спиной.

Назаний обвел внутренний зал церкви взглядом, но, не найдя целей, опустил болтер. Уриил заметил явное облегчение на его лице, а затем почему-то отступило и ощущение чужого присутствия.

--- Нет здесь никого, кроме нас, --- произнес Назаний и зашагал вдоль стены к алтарю, однако рукоять болтера по-прежнему сжимал крепко. --- Должно быть, тебя просто еще не отпустило после Медренгарга.

--- Может, и так, --- согласился Уриил, следуя за товарищем мимо улыбающихся лиц, оставленных жертвоприношений и шелестящих листков бумаги.

Слишком многие погибли и поминались здесь. Назаний был прав, речь шла действительно о тысячах людей, и все это было невыносимо печально. Противоположная стена была украшена

точно таким же скорбным образом, и кучи
бумаг лежали у основания каждой колонны.

Костогесантники подошли к алтарю,
и Уриил вложил меч в ножны.

--- Стоит изучить эти бумаги, ---
произнес капитан, устанавливая на место
поваленный алтарь, а затем принялся
стаскивать с себя и укладывать на него
остатки брони. --- Они могут подсказать
нам, где мы находимся.

--- Очень надеюсь, --- откликнулся
Назаний, опустив болтер на пол и
отпихнув от себя ногой.

--- Ты в порядке, дружище? --- спросил
Уриил, отстегивая жалкие остатки
своего нагрудника. --- Мы же возвращаемся
готовой.

--- Знаю, но...

--- Но?

--- Что будет, когда мы туда
добреемся?

--- О чем это ты?

--- Подумай сам, Уриил. Мы побывали
прямо в Оке Ужаса. Никто еще не
возвращался оттуда, не изменившись. Кто
поручится, что на Макрагге нам будут

рады? Скорее уж нас просто пристрелят, как только увидят.

--- Нет, --- сказал Уриил. --- Ничего они нам не сделают. Мы сдержали смертельную клятву. Тигурий и Калгар сами отправили нас туда и будут гордиться тем, что мы справились.

--- Думаешь? --- покачал головой Назаний. --- Мы сражались, объединившись с костогесантниками-отступниками.

Заключили союз с мутантами-каннибалами. Освободили демона. Тебе не кажется, что у Тигурия может быть весьма скептическое отношение к таким поступкам?

Уриил вздохнул. Он и сам не раз думал обо всем этом, но в сердце своем понимал, что каждое принятое им решение было исполнено наилучших намерений и продиктовано чувством справедливости.

Руководство ордена должно было понять.

Или нет?

Именно добровольное и осознанное отступление от написанного рукой

Робаута Жиллимана Кодекса Астартес и привело к тому, что их с Назанием отправили в изгнание. Сочиненный примархом Ультратаринов десять тысяч лет тому назад, кодекс содержал доскональные предписания, касавшиеся всей жизни орденосцев Космического Десанта, образованных из могущественных легионов времен Великого крестового похода.

Все, начиная от знаков различия, проведения парадов и до того, как воины должны действовать в бою, все это было изложено на священных страницах, и не было другого ордена, который бы следовал этим наставлениям с той же скрупулезностью, как Ультратарины.

Быть верным принципам своего примарха — вот главный идеал каждого Ультратарина, и то, что один из капитанов ордена пошел против них, было абсолютно неприемлемо. Уриил спокойно принял свое наказание, но вот то, что вместе с ним осудили и Назания, ранило его сердце все то время, пока они нарезали километры по поверхности Медренгарда.

За те дни, что они провели в том

адском мире, Уриил не раз сомневался, можно ли его все еще называть героем, но после разрушения цитадели Хонсю и уничтожения демонических тварей, породивших бескожих, он осознал, что они с другим все-таки по-прежнему оружие в руках Императора, служащее Его победе. Теперь же, исполнив смертельную клятву, они возвращались домой.

Что в этом могло быть плохого?

--- Мы сделали все, что от нас требовали, --- произнес Уриил, --- и даже больше. Тигурий поймет, что в нас нет и следа влияния Губительных Сил.

--- А как насчет этого? --- Назаний помахал в воздухе обрубком руки. --- Что если во мне осталось что-то от Несущего Ночь?

--- Не осталось, --- ответил Уриил. --- Хонсю же все забрал.

--- Как ты можешь быть в этом уверен?

--- Не могу, --- согласился капитан, --- но апотекарии все проверят, как только мы доберемся до крепости Геры.

--- А потом меня казнят.

--- Возможно, --- допустил Уриил. --- В конце концов, ты скрывал ксено-инфекцию от вышестоящих офицеров. Но, какое бы решение ни приняли старшие магистры оргена, ты очень скоро вернешься в четвертую роту.

--- Интересно, как она там без нас, --- произнес Назаний.

--- Леарх обещал пристроить за парнями в наше отсутствие, --- сказал Уриил. --- И я уверен, что ты будешь им гордиться.

--- Это точно, --- согласился Назаний. --- Если кого и можно считать образцовым сержантом, так это его. Тот еще сухарь, конечно, но знает, как командовать бойцами.

--- Угу, тебе немногим, кто вернулся с Тарсис Ультра, --- произнес капитан, вспоминая кошмарную бойню, в которой погибло слишком много воинов четвертой роты, защищавших имперскую планету от нашествия тиранидов.

--- Да, там было жарко, это точно, --- сказал Назаний, наблюдая, как Уриил укладывает последний кусок своих доспехов

на алтарь. Капитан остался одет только в потрепанный и грязный облегающий нательник цвета хаки, чья прочная ткань сверкала отверстиями, благодаря которым системы брони подключались к внутренним механизмам, встроенным в тело Астартес.

--- Уверен, что в ауксилии скаутов хватает талантливых кандидатов и что Леарх постарался вырастить из них достойную замену, --- сказал Назаний. --- Сейчас четвертая наверняка уже снова в полной силе.

--- Надеюсь, --- согласился Уриил. --- Мысль об Ультрамарирах без четвертой роты меня совершенно не вдохновляет.

--- Как и меня, но если ты прав и мы скоро вернемся, думаешь, тебе позволят снова ее возглавить?

Уриил пожал плечами:

--- Тут уж от меня ничего не зависит, пусть магистр Калгар решает.

--- Если он действительно понимает, что необходимо ордену, то восстановит тебя в звании в тот же день, как мы вернемся.

--- Уж поверь, он прекрасно понимает, что нужно ордену, --- заверил Уриил.

--- Знаю, просто меня почему-то не оставляет дурное предчувствие. Как бы объяснить... Ведь мы не можем сказать даже, сколько времени отсутствовали. Насколько мне известно, легко могли пройти и сотни, и даже тысячи лет. А эта планета...

--- Что с ней?

--- Предводитель бескожих... он прав, что-то очень плохое случилось с этим городом. Я тоже чувствую.

Уриил промолчал, поскольку и сам ощущал это слабое дуновение в воздухе, будто та ужасная трагедия, которая обрушилась на город и заставила обитателей покинуть его, оставила отпечаток на самой атмосфере этих мест.

--- У, кстати, о нем еще одно, --- добавил Назаний. --- Что, во имя притарха, ты собираешься делать с этими чудовищами?

--- Они не чудовища, --- возразил Уриил. --- В их венах течет кровь

Астартес.

--- Может, и так, но выглядят они как самые настоящие монстры, и сдается мне, что каждый, у кого в руках окажется оружие, откроет пальбу тут же, как их увидит. Стоило оставить их на Медренгарге. Ты же и сам это понимаешь, верно?

--- Я не смог, --- сказал капитан, присаживаясь рядом с Назанием. --- Ты видел, как они жили. Быть может, они и выглядят страшно, но чутьм Императора и хотят только его любви взамен. Я не мог их бросить. Я должен хотя бы попытаться... даже не знаю, может, показать, что существование --- это не только боль и страдания.

--- Ну-ну, удачи, --- с кислым видом произнес Назаний.

К тому времени, как вернулись бескожие, уже взошла луна и вокруг мрачной церкви расплескались призрачными лужами пятна бриллиантово-белого света. Уриилу претило использовать жертвоприношения

и бумагу со стен потиновения, поэтому костер они развели из обломков деревянных скамей, которые сложили в большую железную жаровню, обнаружившуюся в задней части церкви.

Бескожие волокли за собой три окровавленные туши горных животных, истерзанных когтями и клыками. Убитые звери были покрыты грубым мехом, имели головы, похожие на коровьи, с вытянутыми, явно приспособленными для рытья земли мордами и толстой кожей. Ноги их были довольно тонкими и мускулистыми, так что Уриил позволил себе предположить, что скачут эти существа на своих копытах весьма резво.

— Что ж, они хотя бы уже поели, — произнес Назаний, глядя на вымазанные в крови рты бескожих.

— Судя по всему, — согласился Уриил, наблюдая, как предводитель подтаскивает самую большую тушу к алтарю и бросает ее прямо ему и Назанию под ноги.

— Мы поели в горах, — сказал монстр. — Это мясо для вас.

Не дожидаясь ответа, кошмарное

создание отвернулось и повело вокруг
взглядом тусклых, безжизненных глаз.
Обеспокоенный таким поведением, Уриил
протянул руку и коснулся предплечья
вожака.

Едва он успел дотронуться, как
бескожий отдернулся и, зашипев от боли,
вновь повернулся к нему. Уриил вздрогнул
от столь неожиданной реакции и той
злости, которую увидел в глазах командира
мүтантов.

--- Не трогай, --- прошипел вождь
бескожих. --- Боль. Этот мир ранит нас.

--- Ранит? О чем это ты?

Существо потеглило, словно силась
найти подходящие слова, чтобы выразить
свои мысли.

--- Воздух грубой. Мы чувствуем себя
иначе. Слабее. Тело не работает, как
раньше.

Уриил кивнул, хотя понятия не имел,
почему бескожие чувствуют себя хуже
именно на этой планете.

--- Попробуйте немного отдохнуть, ---
сказал капитан. --- Когда солнце взойдет,
вы сможете лучше все разглядеть и решить.

что делать дальше. Ты понимаешь меня?

--- Понимаю, --- кивнул предводитель. ---

Император доволен нами?

--- Да, --- ответил Уриил. --- И вы сейчас находитесь в месте, посвященном ему.

--- Посвященном?

--- Оно принадлежит ему, --- пояснил Уриил. --- Как то место, где вы жили раньше.

--- Дом Императора?

--- Именно так.

--- Тогда мы останемся здесь.

Император позаботится о нас, --- произнес предводитель бескожих, и капитан нашел это столь простое утверждение удивительно трогательным. Эти существа хоть и являлись откровенной насмешкой над человеческим геномом, но веровали в Императора с детской наивностью и искренностью.

Прихрамывая, предводитель бескожих побрел прочь, чтобы воссоединиться со своими последователями, а Уриил отвернулся к алтарю, возле которого

Назаний уже начинал разделять подаренную тушу, чтобы поджарить ее на огне. Конечно, кострические десантники вполне могли есть и сырое мясо, получая даже больше питательных веществ, но после всех лишений, перенесенных на Медренгарге, оба воина просто мечтали о горячей пище.

Уриил посмотрел на бескожих, расположившихся возле стены и с удивлением разглядывающих бумажные листки на ней. Некоторое время спустя Назаний протянул ему большой кусок мяса, одновременно располагая собственный над жаровней.

--- Как просто это забыть, --- пробормотал Уриил.

--- Что именно?

--- То, что на самом деле они самые обычные дети.

--- Бескожие?

--- Да. Подумай сам. Их схватили совсем крохаты, и мортиции придали им чудовищное обличье, но ведь внутри-то они остались детьми. Я сам был помещен в одну из демонических латок и знаю, что

она пыталась со мной сделать. Но поступить так с детьми... представь себе, что однажды ты проснешься и обнаружишь, что стал монстром.

--- Думаешь, кто-то из них еще помнит прежнюю жизнь?

--- Не знаю, --- произнес Уриил. --- Отчасти даже надеюсь, что нет; было бы слишком жестоко, если бы они понимали, что было или потеряно. Но все-таки мне кажется, что именно фрагментарные воспоминания не позволили им окончательно превратиться в чудовищ.

--- Тогда следует надеяться, что сейчас, выбравшись с Медренгарда, они вспомнят как можно больше.

--- Возможно, --- сказал Уриил, подвешивая лоток мяса над огнем. --- Понимаю, выглядят они жутко, но случившееся с ними --- не их вина. Они не заслуживают, чтобы их загнали в угол и убili только за то, что выглядят не так, как мы. Может, тела их нам и не спасти, но в наших силах спасти их души.

--- Как?

--- Обращаясь с ними, как с людьми.

--- Тогда, надеюсь, тебе удастся убедить в этом окружающих, пока они их не увидели.

--- Со временем именно это я и собираюсь сделать, но давай разбираться с проблемами по мере их поступления.

--- И раз уж ты об этом заговорил, --- сказал Назаний, снятая мясо с жаровни и пробуя его на вкус. --- О! Вкуснотища. Так что мы намеревается делать утром?

Уриил тоже снял кусок с огня и впился в мясо, наслаждаясь его ошеломительным запахом и благородным вкусом после долгих дней, проведенных на сухайке и переработанной питательной пасте. Мясо было довольно жестким, но все равно восхитительным. Горячий сок побежал по подбородку костогесантника, и тот с трудом подавил в себе желание проглотить свою порцию не жуя.

--- Завтра, --- с набитым ртом проговорил Уриил, --- мы осмотрим город, определимся с его географией, а потом подумаем, как бы нам выйти к жилоту поселению.

--- А дальше?

--- Дальше мы представимся первому же попавшемуся на глаза имперскому чиновнику и свяжемся с орденом.

--- Думаешь, все будет так просто?

--- Может, да, а может, и нет, --- сказал Уриил. --- Думаю, мы выясним это уже завтра, но сейчас нам следует отдохнуть. В моем теле болит каждая клеточка, и мне нужна хотя бы одна ночь здорового сна, прежде чем разбираться с делами.

--- Но мне, так звучит просто замечательно, --- согласился Назаний. --- Всякий раз, как я пытался закрыть глаза на этом чертовом паровозе, так начинал видеть реки крови и освеженные трупы.

Уриил кивнул, ведь и сам прекрасно помнил кошмары, всплывавшие в его сознании, когда он пытался поспать в Омфале Демониуме. До встречи с Несущим Ночь он и вообразить себе не мог подобных ужасы, не говоря о том, чтобы поверить в возможность их существования в реальности.

В течение всего того не поддающегося исчислению времени,

которое костодесантники и бескожие
провели внутри безумных глубин адского
локомотива, они непрерывно подвергались
атакам этих безумных снов, и Уриил
понимал, что его разум уже был готов
слопаться, ведь кто может день за днем
переживать кошмары и остаться в своем
уме?

Из всех чудовищных видений о смерти
и кровопролитии, посещавших Мезиру
Баргил, не было никого, кого бы она
боялась так же, как Плакальщика. Она
никогда не видела его лица, только
слышала всхлипывания, но глубина боли и
страданий, заключенная в этих звуках,
была просто невыносимой.

Казалось нелогичным, что кто-то
может испытывать подобные муки и
скорбь и все-таки продолжать жить. И все
же темные очертания Плакальщика,
вырисовывающиеся на фоне белых,
выложенных керамической плиткой стен
пустой комнаты, определенно выдавали в
нем живое существо.

При виде Плакальщика по ее щекам

начинали катиться слезы, ей передавалась капелька его скорби, и тогда предательски подкашивающиеся ноги несли ее прямо к железной койке, на которой тот сидел. Кровать эта служила единственным предметом мебели в абсолютно пустом помещении.

Мезира понимала, что все это только сон, но от осознания ее страх несколько не уталаялся.

И хотя она стесалась листьями кхат с половиной бутылки раквира, прежде чем нехотя залезть в постель, видения с Плакальщице ее все-таки настигли.

Шаг за шагом она приближалась к стенающему существу, чьи плечи неистово тряслись от судорожных всхлипываний. Когда расстояние стало совсем незначительным, Мезира вдруг ощутила, как скорбь сменяется гневом, и как бы женщина ни старалась, но рука против ее воли поднялась и протянулась к Плакальщичу.

Едва ее ладонь легла на его плечо, обоняние Мезире наполнилось вонью паленого мяса, а перед глазами заплескали

образы: горящие готы, кричащие люди и
огненный шквал, раздувающийся и
шевелиющийся, точно живой.

— Нет, — прошептала она. — Только
не снова.

Плакальщик прекратил рыдать,
словно только сейчас заметил ее.

Без всякого предупреждения его тело
внезапно окуталось пламенем,
пожирающим и руки, и лицо.

— Ты была там, — произнес
Плакальщик, совершенно не обращая
внимания на уничтожающий его огонь.

— Нет, я!.. — закричала Мезира,
отшатываясь прочь от смертоносного
жара.

— Ты была там, — повторил
Плакальщик, и в голосе его прозвучал
приговор.

Еще несколько секунд, и тело его
обуглилось до черноты, и женщина начала
задыхаться от запаха горелой плоти.

— Мертвые наблюдают, и ты будешь
наказана.

— Пожалуйста, скажите, — принялась
утолять Мезира, — почему я?

--- Ты была там, --- произнес
Плакальщик, словно эти слова все
объясняли. --- Ты была там.

--- Но я же ничего не делала. Это была
не я, --- зарыдала женщина.

--- Ты была там.

--- Я...

--- Ты была там, --- сказал
Плакальщик, глядя прямо на нее, --- и
заплатишь. Вы все заплатите.

Мезира Бардгил, воя от страха,
выпрыгнула из постели, сражаясь с
простыней, из которой никак не могла
высвободиться. Она с грохотом повалилась
на пол, лягаясь и завывая, словно безумная.
Затем, зарывав, свернувшись в позу
эмбриона, прижимая лапони к вискам и
вонзая в кожу изломанные ногти.

Спустя несколько секунд она впилась
зубами в собственную лапони, чтобы
приглушить крики, и начала кататься по
полу.

Ее глаза все это время были плотно
закрыты, и ей пришлось приложить
немало усилий, чтобы поднять веки.

В комнате господствовал полумрак, и ее освещал только пробивающийся сквозь тонкие занавески свет тусклых люминесцентных ламп, беспорядочно разбросанных на улице. Тихо капала вода в нержавеющей раковине унитаза, притаившихся за перегородкой, возле которой стоял стол с наваленной кипой бумаг.

Мезира не поднималась с пола, пока ее дыхание полностью не восстановилось, а сердечный ритм не пришел в норму. Затем она встала, но, чтобы удержать равновесие на трясущихся от страха ногах, ей пришлось опереться о кровать. Ее жилистое тело была дрожь; женщина наклонилась поднять простыню и закуталась в нее.

Сон все еще был свеж в ее памяти, и, утерев слезы, Мезира направилась к столу и доверху наполнила раковину высоким бокалом. По всей поверхности стола были разбросаны листы бумаги — наполовину законченный доклад Верене Каин, описывающий эпидемические слепки, сделанные во время встречи между губернатором Барбаденом и

общественными лидерами. Конечно, это было нарушением мер безопасности — оставлять документы валяться вот так, но сегодня Мезира только ранним утром смогла покинуть имперский дворец, хотя вовсе не желала проводить в обществе Барбагена ни единой минуты больше, чем было необходимо.

В окно влетали звуки города: гребезжание ветхих автомобилей, сильные голоса пьяниц, выбирающихся из окрестных баров, и время от времени — чья-то отчаянная брань. Мезира могла бы прочесть чувства и эмоции, стоявшие за всеми этими звуками, но предпочла отстраниться, приглушив свои способности очередной порцией раквира.

А потом налила себе еще, зная, что этой ночью ей поспать уже не удастся, и не желая вновь увидеть кошмары, показанные ей Плакальщиком.

Во сне он повернулся к ней лицом, чтобы она увидела, как плоть плавится исползает с его почерневшего черепа, пока пламя вокруг него становится все более слепящим. Ей хотелось отвести взгляд,

Она была уверена, что, увидев его лицо, обязательно сойдет с ума, но голова ее оказалась надежно зафиксирована на месте, и тогда Мезира посмотрела ему прямо в глаза — холодные и белые, словно сердце мертвой звезды; в них она увидела такие ужасы, каких не знала даже Зона Поражения.

Грязные, наполненные трупами вагоны катились за грохочущим и источающим кровь демоническим локомотивом, бегущим по рельсам из костей. Целые леса младенцев, нанизанных на раскачивающиеся тяснищие крючья. Планеты, погибшие под натиском визжащих демонических орг, и галактики, чьи звезды погасли после того, как их энергия была выкачана, чтобы снабжать тот мир с безумной геометрией, какой являл собой чудовищный поезд.

Погибшие души корчились в тьмах этого отвратительных демонических глубинах, и Мезира ощущала мощные излучения варна, исходящие от локомотива, отравлявшего воздух и землю Салинаса своим присутствием.

Чем бы ни была эта кошмарная машина, но она стала свидетельницей бесчисленных убийств и несла с собой вносящие ужас воспоминания о каждой капле крови, пролившейся в ее присутствии.

И псайкер увидела все: как каждую из этих душ вырывали из тела, как все мыслимые и немыслимые злодеяния совершились над безвинными, как невыносимый кошмар охватывал живых существ.

Так ясно, словно действительно присутствовала при этом, она видела, как могущественный демонический локомотив возникает на главной площади Хатүриана возле церкви, над которой красуется бронзовая позеленевшая аквила, накренившаяся после бомбардировок, — это самое строение «Клекочущие орлы» в свое время вначале обстреляли из телтаганов, а затем штурмовали, обрушивая шквальный огонь винтовок и рубя мечами все живое.

Мезира прикрыла глаза, пытаясь защититься от воспоминаний о воплях,

отрывистом лае автоматического оружия и жутком, не прекращающемся гуле огнеметов. Оттолкнувшись от стола, она подошла к окну и взглянула на мощные улицы Барбадуса, рассматривая немого численных стельчаков, рисковавших проходить прямо под ее окнами. Все они шли, стараясь не поднимать глаз, ведь не было на планете такого человека, который не знал бы, что здесь живет ручной псайкер Барбагена, и никто не хотел навлечь на себя ее проклятие.

Гнев овладел Мезирой, и она выпустила свои силы, позволив им призраками пронестись над улицами и коснуться утов тех, кто населял грязные лагуны и бытовки, созданные из остовов бронемашин, некогда способных обеспечить техникой целый полк Ачаманских фалькат.

Барбадус вырос на останках того, что оставила за собой Имперская Гвардия.

В завершение кампании по приведению к миру тяжелейшей системы планета Салинас была подарена

Фалькатат, и полку разрешили оставить себе всю бронетехнику, поскольку все равно не было никакой выгоды ее эвакуировать. Вот только без достаточного числа технопровидцев и техножрецов практически весь автопарк стремительно пришел в полную непригодность, и лишь отдельные роты все еще поддерживали на ходу свои танки и БТР.

Те, кому это не удавалось, просто бросали машины, и уже в скором времени оставленной техникой завладели предприимчивые граждане Барбадуса. Целыми семьями они поселялись внутри и вокруг этих машин, превращая в дома бывшие орудия войны.

Танк «Леман Русс» мог запросто стать пристанищем для семьи из пяти человек, стоило только извлечь из него все лишние детали, а «Хитеры» оказались даже более вместительными. Множество других машин было растерзано на куски ради запчастей и листов металла. Так что целые кварталы Барбадуса отстроились благодаря боевой технике, либо проржавевшей насквозь, либо

слотававшейся, либо еще по какой-либо причине оставленной солдатами.

Сознание Мезиры тут же уловило колеблющуюся трясину недовольства, зревшего сразу за дверьми каждого без исключения жилища, и псайкер прекрасно понимала его причину, ведь вторжение Ачаманских Фалькат было жестоким и кровопролитным.

Новый губернатор даже переименовал столицу мира в свою честь.

«Неудивительно, что нас ненавидят, — подумала Мезира. — Мы отвратительны даже мне».

Хотя обычно ее эмпатические способности были ограничены только чувствами людей, сегодня она ощущала и нечто совсем иное, словно ей вдруг удалось уловить неистовый гнев самой планеты. В воздухе повисла странная наэлектризованность, назревающее предчувствие важных событий и неизбежности — ничего подобного Мезира прежде не испытывала, и это напугало ее до полусмерти.

Что-то очень и очень значительное

изменилось на Салинасе, но точное понимание ускользало от псайкера.

Были ли те образы, что она увидела в глазах Плакальщика, отражением реальности или простыми аллегориями?

Она не была обучена интерпретации видений и могла только надеяться, что различные астропатические предсказатели губернатора Барбагена сумеют хоть что-нибудь понять из ее описаний.

Едва она успела вспомнить о бывшем полковнике Фалькат, как ощутила на своей шее холодное дыхание.

Поежившись, Мезира резко развернулась, одновременно вскидывая руку к виску.

В дальнем углу комнаты стояла маленькая фигурка, окутанная светом, --- девочка, протягивающая к ней руки.

«Ты была там».

Как бы ему ни хотелось отдохнуть, но Уриил так и не сумел уснуть, поскольку где-то на заднем плане непрерывно маячило ощущение, что они здесь не одни. Как следует набив желудки мясом, они с

Назанием обслеживали пустующие помещения церкви: осыпающуюся ризницу, заброшенные кладовые и даже монашеские кельи в трансептах.

Так и не найдя ничего предосудительного, они решили пройтись патрулем вокруг, перебираясь через завалы и пересекая накренившиеся плиты дорог. Всего лишь вглубе они, разумеется, не могли и надеяться по-настоящему контролировать окрестности, но все равно ничто вокруг не говорило о том, что в городе есть еще хоть одна живая душа помимо их самих.

Назаний заснул сидя, прислонившись спиной к стене, и, слыша его тихое посапывание, Уриил не смог сдержать улыбки, ведь с лица друга впервые после Павониса сползло напряженное выражение. Но, хотя Назаний и провалился в глубокий сон, капитан знал, что его спутник готов прервать свой отдых и тут же схватиться за оружие, едва это потребуется.

Бескожие жались друг к другу, точные дикие животные, образуя кольцо тел со

своим предводителем в самом центре. Их дыхание казалось какофонией хрипов, влажного кашля и свиста, вырывающихся из тех уродливых щелей, что затеняли иллы и ноздри.

Понимая, что сегодня ему уже не утнуть, Уриил поднялся и прошелся вголь нефа, время от времени останавливаясь и изучая очередной трепещущий листок на стене, несущий на себе молитву или изображение. На Астартес смотрели многочисленные улыбающиеся лица — мужчины и женщины, старые и молодые.

Что же все-таки случилось со всеми этими людьми? И кто устроил поминальную стену?

На многих листочках была проставлена дата, и хотя ее формат оказался неизвестен Уриилу, оставалось совершенно очевидным, что в каждом случае она одна и та же. Какая бы беда ни постигла город, она протчалась над ним одним стремительным порывом.

Капитан продолжал свою прогулку по боковому приделу и никак не мог избавиться от ощущения не то чтобы

чьего-то постороннего присутствия, но того, что за ним кто-то или что-то наблюдает. Уриил не убирал руки с золоченого эфеса меча, придававшего ему уверенности той аурой героизма, который олицетворяло это оружие. Капитан Угей выковал этот меч еще до Коринфской кампании и прославил его задолго до того, как вручил клинок Уриилу на Фракии перед своей смертью. Уриил поклялся быть достойным памяти своего наставника и его оружия, и клятва эта помогла ему пройти через долгие месяцы невзгод и испытаний.

Уриил вышел из церкви, и глаза его автоматически адаптировались к рассеянному свету и настроились так, чтобы их обладатель мог видеть не хуже, чем ясным днем.

Если раньше город наведал меланхолию и казался полностью заброшенным, то теперь его руины прямо сочлились угрозой, словно скрытую под ним ненависть выпустили свободно разгуливать во тьме. Все органы чувств заверяли костодесантника, что он здесь

совершенно один, но чутье подсказывало, что далеко не все тайны этого города доступны глазу.

Пыль, покрывавшая площадь, шевелилась, словно потревоженная шагами невидимки, а в разбитых окнах и выломанных дверях стенал ветер. Лунный свет отражался от осколков стекла и металла. Где-то вдаль перекатывались тяжелые катушки, и звук их напоминал стех.

Постукивая пальцами по золотому наверху эфеса, Уриил зашагал в город, выбрав направление наугад.

Разрушающиеся здания окаймляли вытершие улицы, заваленные мусором, оставшимся от прежнего населения: коробками, сумками, цветочными горшками, памятливыми альбомами и тому подобным. Чем больше капитан вглядывался и запоминал, тем четче его разум, обученный подмечать последовательности и сходства, осознавал, что весь этот хлам расположен вовсе не в случайном порядке, но в соответствии с неким скрытым планом.

Это были не просто вещи, брошенные и позабытые своими владельцами. Они также служили тайным памятником. Расположенные в видном беспорядке, предметы были уложены на свои места со всей тщательностью: монетки на земле образовывали идентичные узоры, на кусках торчащей арматуры красовались ленточки, а цветочные горшки стояли, точно дожигались, пока за ними не возвратятся их хозяева.

Все выглядело так, словно те, кто расставил и разложил здесь все эти вещи, очень не хотели, чтобы кто-нибудь еще узнал, что о погибших все еще помнят и скорбят.

Что ж, еще один фрагмент головоломки, но, не имея дополнительной информации, Уриил ничего не понимал. Стены домов по обе стороны от него были иссечены попаданиями из мелкокалиберного оружия, то тут, то там виднелись воронки от взрывов артиллерийских снарядов. Сквозь город явно прошла чья-то армия, паля во все стороны и истребляя все живое.

Ржаво-коричневые разводы на стенах могли быть только следами крови, и Уриил остановился, безошибочно определив в лунном свете блеск кости. За перевернутым ящиком он обнаружил кружок катней, в центре которого лежал маленький череп, размерами не больше детского.

Между катнями была закреплена потускневшая фотография, заключенная в полиэтиленовый пакетик, чтобы защитить ее от непогоды. Стерев росу и грязь с поверхности, Уриил увидел юную девочку с глиняными светлыми волосами в простом белом платье до колен. Она стояла рядом с высоким мужчиной, предположительно — отцом, обнимавшим ее с родительской гордостью. Снимок был сделан на фоне здания из одноцветного камня с двумя окнами, закрытыми ставнями.

Астартес повернул фотографию. На обороте печатными буквами было выведено: «Амелия Тоуси».

— Как же ты утерла? — спросил Уриил, и его голос отразился от стен так,

словно он не шептал, а кричал.

Ошеломленный громкостью звука, капитан огляделся и в дальнем конце улицы успел что-то заметить... ему показалось, будто там стоит девочка в белом платье.

Глава третья

Уриил удивленно моргнул, и девочка исчезла, словно никогда и не существовала.

Тогда он вскочил на ноги и побежал к тому месту, где она недавно стояла.

Добежав до самого конца улицы, Уриил начал озираться по сторонам. Ничто не указывало на то, что девочка была здесь, и он даже подумал, что зрение обмануло его. Визение было столь мимолетным, что он просто не мог быть уверен, что его воображение не разыгралось после взгляда на фотографию. Но все-таки ребенок показался ему действительно реальным.

Уже начиная убеждать себя в том, что его чувства сыграли с ним шутку, Уриил услышал тихий вздох, едва слышное дыхание и вновь заметил мелькнувшую где-то впереди белую ткань. Осторожно, как каждый органом чувств выискивая опасность, он обнажил меч и зашагал по улице в том направлении, откуда донесся звук. Дома вокруг были почерневшими и

словно готовыли сложиться внутрь себя.

Он прошел мимо нескольких ящиков, но решил не останавливаться возле них, поскольку тональность вздыхающих звуков изменилась. Теперь он слышал вовсе не дыхание, но всхлипывания невыразимого детского горя.

Уриил сбавил шаг, поняв, что звук неожиданно прервался, и обнаружил, что стоит перед простым каменным зданием с глупыми окнами. Ставни давно провисли на проржавевших петлях, а часть постройки оказалась изрешечена пулями и осколками, но не узнать дом с фотографии было невозможно.

Неужели его специально привели сюда?

Эта мысль несколько встревожила костогесантника, хотя страха эти места не внушали.

Все звуки утолкли, даже ветер утих, когда Уриил, держа меч наготове, шагнул в пролом в стене и оказался внутри здания. Отчасти он понимал, что следовало бы вернуться к церкви и позвать Назания, но пока капитан не чувствовал никакой

угрозы, только звенящее во тьме дома
глубокое одиночество.

Глаза космодесантника вновь
мгновенно адаптировались к
изменившимся условиям освещения, и он
увидел перед собой небольшую комнату с
поруганной мебелью, лежащей на полу.
Почерневшие, опаленные огнем стол и
стулья были разбиты разве что не в
щепки. В помещении стоял едкий запах
застарелой гари, и, проведя пальцами по
ближайшей стене, Уриил ощутил на них
маслянистый осадок протетиевого
топлива.

Осмотревшись, космодесантник
увидел последнее печальное напоминание о
жизнях, прервавшихся в одно мгновение, —
два выжженных на гальней стене силуэта,
вскинувших руки в ужасе или же в
финальной бессмысленной попытке
защититься от убивавшего их огня.

Уриилу не составило труда
представить себе эту комнату, когда она
была охвачена пожаром и наполнена
страхом и болью. Он мог только
надеяться, что смерть этих людей

оказалась быстрой. Под его сапогами
заскрипели осколки стекла и посуды, и
капитан наклонился, чтобы подобрать
небольшой металлический предмет,
замеченный им среди прочего мусора, —
пустую гильзу, судя по всему, от
автоматического оружия, со штатным в
виде имперского орла и серийным номером
Департамента Муниторум.

— Стреляли напавшая или
защищаясь? — пробормотал Уриил,
разглядывая оплавленный и почерневший
корпус автомата, лежащего в дальнем углу.
Ствол его был прямым и поблескивал
серебром, хотя и был уже тронут
темными пятнышками ржавчины. Как же
эта деталь оружия смогла избежать
испепеляющего жара, уничтожившего все
остальное в жилище?

Вспомнив о необычных памятных
приношениях на улицах, Уриил решил, что
в расположении автомата также есть
потаянный смысл, посмотрел туда, куда
указывал его ствол, и увидел проход в
заднюю комнату.

Как и основное помещение, она тоже

почернела от копоти. В тех местах, где пламя не достигало своей пиковой температуры, со стен оползала пузыряющаяся краска. Здесь было не только темно, но еще и пусто, если не считать ржавого остова железной кровати в углу.

Уриил прошелся по комнате, пытаясь найти что-нибудь, на что мог указывать ствол автомата. Чувствуя себя несколько глупо, он уже собирался покинуть дом, когда увидел слова, выведенные на стене.

Отчасти скрытые под слоем пыли, они все равно были предельно разборчивы для его генетически улучшенного зрения. Слова, скрытые от посторонних глаз, но все же доступные тому, кто их ищет.

«Сыны Салинаса восстанут вновь!»

Уриил нахмурил брови, прочитав это и попытавшись понять, что же означает сей лозунг.

Кто такие Сыны Салинаса?

Какой-нибудь культ? Движение сопротивления? Промышленная фракция?

Кем бы они ни были, они постарались как следует скрыть свои лютые настроения, и уже одно это вызывало у

Уриила сомнения в их верности
Императору.

Был ли Салинас человеком или же
так называлась планета?

Заметив тень, неожиданно
возникшую перед ним на стене, Уриил
обернулся. Скрипучие тяжелые шаги и
прелый животный запах тут же
подсказали Астартес, кто преследует его,
и костогесантник опустил меч.

Он вернулся в основное помещение
дома и уже из прохода увидел
предводителя бескожих, присевшего на
корточки возле стены, на которой
отпечатались два силуэта. Существо
склонило огромную голову, чтобы
принюхаться, и его зрачки расширились,
когда оно уловило запах.

--- Эти люди?.. --- произнес
предводитель.

--- Что?

--- Это место... много семей?

--- Да, --- подтвердил Уриил. --- Это
был город.

--- А эти люди? --- спросил вожак
бескожих.

--- Они жили здесь, --- объяснил Астартес.

--- Они умерли здесь.

Уриил кивнул, убирая меч в ножны:

--- Так и есть, но я не понимаю почему.

--- Этот мир пахнет неправильно, мерзко. Не думаю, что мы будем здесь счастливы, --- прошептал огромный монстр. --- Те, кто убили этих людей... они плохие... такие же, как железные.

--- Почему ты так думаешь? --- спросил капитан.

Предводитель только пожал плечами, словно ответ казался ему очевидным, а затем отвернулся от стены, переключив внимание на детские игрушки, разбросанные в одном из углов. Он присел рядом с ними и поднял с пола оплавленную куклу в обгоревшем платье, а потом коснулся кубиков, с которых протетий сжег изображения.

Слабый намек на то, что должно было олицетворять в его случае улыбку, проступил на лице существа, и Уриил почувствовал, как защетило сердце. Какая

судьба была бы уготована тому ребенку, который превратился в вождя бескожих, не похитить его подлые Железные Воины?

--- Плохие люди захотят убить нас, --- сказал бескожий, не оглядываясь.

--- Почему ты так говоришь? --- спросил Уриил, хотя и понимал, что его собеседник более чем прав.

--- Я знаю, что мы --- чудовища, --- произнес мутант. --- Плохие люди, убивавшие семьи, будут бояться нас.

--- Нет, --- сказал Уриил. --- Я этого не допускаю.

--- Почему?

--- Потому что вы заслуживаете шанса на жизнь.

--- Думаешь, бескожие смогут здесь выжить?

--- Не знаю. Но была ли у вас надежда на Медренгарде? Мне ничего не известно об этом мире, мне неведомо даже, как он называется и где расположен, но обещаю --- я сделаю все возможное, чтобы здесь вы нашли лучшую жизнь. То, что с вами произошло... это чудовищно, но вы не заслужили того, чтобы вас обвиняли в

этом. Сейчас вам надо потерпеть еще
немножко и не высовываться, пока я не
сумею выбрать подходящий момент,
чтобы рассказать о вас другим людям.
Выдержите?

— Бескожие хорошо прячутся. Не
найдут, пока мы сами не захотим.
Научились этому в мире железных людей.

— Тогда оставайтесь пока здесь,
прячьтесь, а когда придет время, мы с
Назаниел придет за вами. И тогда вы
снова ощутите тепло солнца на своих
лицах и больше не будете вспоминать о
железных людях.

— Лучшая жизнь, — произнес вожак
бескожих. — Обещаешь?

— Лучшая жизнь, — кивнул Уриил.

— И Император полюбит нас?

— Обязательно, — сказал капитан. —
Он любит всех своих подданных.

Предводитель бескожих кивнул и
повернул к Уриилу массивную голову. Лицо
мутанта было просто не способно на
ложные эмоции, и космогесантник
почувствовал огромный груз
ответственности, увидев, с каким

доверием отнеслось существо к его словам. Да, он обещал им лучшую жизнь и был обязан сделать все возможное, чтобы сдержать слово.

Неожиданно мутант вскинул голову, и складки плоти над его челюстями запульсировали.

— Приближаются люди, — сказал бескожий. — Люди на машинах.

Полковник Верена Каин подавила зевок и потерла рукой, затянутой в кожаную перчатку, усталые глаза; ее откровенно убавкивало ровное движение «Хилеры». Сидя в командирском кресле, она имела возможность обозревать холмистый предугроенный пейзаж, протянувшийся вдоль реки, убегающей к разрушенному Хатүриану.

Каин уже видела впереди неровные очертания города, четко вырисовывающиеся на фоне мрачных скалистых гор и угрюмого неба, чей цвет вполне соответствовал этому Императором проклятому часу. Двигаясь своей неповторимой широкой походкой,

впереди шли шесть разведывательных
«Часовых», время от времени выныривая из
предзасветного сүтрака; двүногие
машины должны были удостовериться,
что во время этого дүрацкого
путешествия, в которое их отправило
предостережение Мезиры Бардгил,
патрүль не угодит в засаду Сынов
Салинаса.

Похожая на тощүю күрицү псайкерша
заявилась во дворец глухой ночью и
потребовала, чтобы о ней доложили
гүбернаторү Барбагенү, что только
подтверждало отсутствие у нее мозгов.
Бардгил уверяла, что прибыла с
новостями первостепенной важности, а
как только гүбернатор ее принял,
принялась распускать сопли и пицать
что-то про чүдовищ и океаны крови,
изливающиеся с Зоны Поражения.

Хорошая пощечина от Каин потогла
прекратить эту истерику, и полковник
даже улыbnүлась, вспомнив ошарашенное
выражение разбитого лица Мезиры. Когда-
то та была санкционированным псайкером,
приписанным к «Клекочүщим орлам», но

оказалась среди передателей, оставивших полк после частичной демобилизации Фалькат, последовавшей за Днём Восстановления. У Каин не было времени на подобных трусливых крыс, так что она не долго раздумывала, прежде чем поставить Баргил на место.

Мезира была псайкером, и по правилам ее следовало передать Комиссариату сразу после демобилизации, но по причинам, ведомым лишь ему одному, Барбаген позволил ей покинуть полк без лишнего шума. Почему он так поступил, оставалось за гранью понимания Каин, но она не стала поднимать этот вопрос, потому что обладающий бритвенно острым умом Лито Барбаген мог покончить с ее карьерой с той же легкостью, с какой выдвинул ее на свою прежнюю должность.

Когда Баргил успокоилась достаточно, чтобы выразиться без напыщенных гипербола, она поведала о мощном выбросе варп-энергии в разрушенном городе Хатүриан. Яницесы подтвердили ее слова, и тогда Барбаген

распорядился, чтобы одно отделение
отправилось к Зоне Поражения и все
разведало.

Позади Каин, двигаясь строем,
напоминающим стрелу, ехали еще
одинадцать «Хитер», несущих более
сотни «Клекочущих орлов». Ветераны,
прошедшие десятки битв, самые
почитаемые и дисциплинированные
солдаты Ачаманских Фалькат — на кого
еще положиться, если порядок требуется
навести со всей мыслимой быстротой и
тщательностью?

Когда стала приближаться окраина
мертвого города, Каин посетило дурное
предчувствие, но полковник отмахнулась
от него. Последний раз, когда она была
здесь, все вокруг было охвачено пожарами,
и теперь воспоминания об увиденном и
услышанном тогда вновь всплывали в ее
голове.

Она неожиданно для себя поняла, что
не думала о той ночи долгие годы, но
вернувшиеся картины прошлого не
действовали на нее так же, как на кое-кого
из ее полка. Тогда они сделали то, что

были должны, и навели на планете порядок. Полковник не только не испытывала сожалений, но и бессознательно протянула руку к медали в виде орла, прицепленной слева на груди ее тунгура.

«Хитера» запрыгала по кочкам, и Каин поднесла к глазам побитые магнокүляры, изучая рүины, пока «Часовые» остатривали ограждение из колючей проволоки, окружающее мертвый город.

Все поле зрения заполнили разрушающиеся здания, окрашенные в зеленый и молочно-белый цвета системами видоуловителя, но больше смотреть по сүществу было не на что. Дальше дорога үже не была такой ровной и пролежала по заросшим лесом холмам, так что Каин прижала рүки к бокам и сползла внутрь «Хитеры».

Следовало проявлять осторожность. Сыны Салинаса продолжали вести партизанскую войну, и хотя маловероятно было, что они осмелятся открыто атаковать столь хорошо воорүженную группу, на подобной местности вполне

могли поджигать снайперы. К тому же выезд мог быть спровоцирован с одной лишь целью — выманить и уничтожить имперского офицера.

Внутри машины было душно и шумно. Сзади рычал двигатель, наполняя воздух запахами горящего топлива и священной стази. Полковник в очередной раз порадовалась своей стройности, располагаясь в узком железном вместилище среди опасных подвижных частей.

— Есть что-нибудь, мэм? — спросил Баском, ее флигель-адъютант, оглянувшись от своей вокс-станции.

— Ничего там нет. — Полковнику пришлось закричать, чтобы ее голос можно было расслышать за рокотом мотора.

— А мысли насчет того, что нас может ожидать? — продолжил Баском.

Каин и сама не знала, чего ей ожидать после предельно расплывчатого и сбивающего с толку предсказания Бардгил, но полковник не имеет права продемонстрировать свою неосведомленность

перед младшими офицерами.

--- Возможна небольшая активность сынов Салинаса, --- сказала она. --- Также есть вероятность, что мы встретим очередных глупцов, рискнувших пробраться в зону и оставить свои подношения среди кучки камней.

Баском покачал головой:

--- Помните, вы полагали, что они вряд ли теперь сюда полезут, особенно после того, как мы прикончили тот последний сброс.

Каин не ответила, вспоминая троих тужчин, стоящих возле дворцовой стены перед расстрельным отрядом за то, что пролезли за заграждение, окружающее Хатүриан. Проникновение в город было строжайше запрещено и каралось смертью, что почему-то никак не доходило до некоторых тупоголовых, раз за разом рискувавших собственными жизнями, чтобы обновить поминальные знаки.

Если бы Барбаген прислушался к советам Каин, то приказал бы сровнять руины массивным огнем «Василисков» уже через час после Дня Восстановления.

Вот только новый губернатор решил, что такой шаг лишь заново раскочегарит пламя недавно подавленного восстания.

Но последние десять лет очень хорошо показали, насколько оно «подавлено»: непрекращающиеся взрывы, мятежи и недовольство населения, обладающего непробиваемой тупостью и неспособного принять свое поражение. Власть Империи протерлась на этом мизантропизме, и Сыны Салинаса были бессильны что-либо изменить, сколь бы харизматичной персоной ни был Паскаль Блез.

Личность предводителя Сынов Салинаса обросла множеством слухов: говорили, что прежде он служил в Гвардии, и что он был главным инфорсером Барбадуса до того, как эту должность получил Дарон Нисато, и даже то, что он не кто иной, как мятежный инквизитор. Но кем бы он ни был в своей прошлой жизни, Каин уже прикончил достаточно его солдат, чтобы понимать -- командир он никудышный.

-- Надеюсь, это и в самом деле Сыны Салинаса, -- произнес Баском. -- Давненько

мы не сталкивались в настоящем честном бою.

Каин не могла не согласиться со своим адъютантом. Со Дня Восстановления Фалькатам почти не представлялось возможности обновить свои боевые навыки. Ни напряженных перестрелок с ксеносами, ни стычек с воинами Губительных Сил, только толпы протестующих гражданских да неблагодарная работа по патрулированию районов, выросших на месте собственных же бронеколонн, где тебе могло оторвать руки и ноги и провизированным взрывпакетом и где поджигали снайперы, только и мечтающие прострелить котелок зазевавшегося солдата.

Самой Каин все происходящее казалось полной бессмыслицей. Не они ли освободили эту систему от Губительных Сил? Конечно, на Салинасе не успели вспыхнуть открытый мятеж, но ведь, учитывая, что другие три мира этой системы погрузились в дремучую ересь, было только вопросом времени, когда и эта планета поддастся влиянию Великого

Врага. Неужели эти люди не могли понять, что им несказанно повезло?

Фалькаты прибыли сюда со всей возможной pompой и церемониями, как того требовал командующий Крестовым походом генерал Шерми Виго (человек, ненавидевший Лито Барбагена и столь же презираемый в ответ), но их появление только разожгло пламя народного гнева и привело к трем годам жестокой, никому не нужной войны.

В результативности приведения к миру никто на самом деле и не сомневался, ведь Ачатанские Фалькаты уже прошли сквозь изменчивый ад сражений за еще два мира этой системы и вовсе не были настроены на проявление милосердия. Но сколь бы ожесточенными и неизбежными ни были привычные им бои, мало чести было в отстреле мирных жителей, полагавших, будто, взяв в руки оружие, они становятся настоящими солдатами.

--- Не слишком-то надейся, Васком, --- предупредила Каин. --- Сомневаюсь, что мы сегодня увидим хоть что-то необычное.

--- Что скажешь? --- спросил Назаний.

--- Похоже на моторы «Хилер» и «Часовых».

--- Мне тоже так показалось, --- согласился Назаний. --- Гвардия?

--- Скорее всего.

--- Надеюсь, что они окажутся дружелюбными.

Уриил кивнул и провел рукой по бритому затылку, прислушиваясь к приближающемуся гулу машин. Усовершенствованный слух позволял капитану различать технику по тону, как исходящий от нее звук отражался от холмов, и с точностью определять разделяющее их расстояние.

Судя по всему, боевые машины пехоты находились не более чем в двух километрах и должны были появиться в зоне видимости в самом скором времени.

Уриил побежал по улицам, ощущая, как в очередной раз изменяется окружающая атмосфера, --- ветер завывал, словно каждый своим порывом пытался предупредить о приближающихся людях.

Предводитель бескожих давно обогнал Астартес благодаря размашистой походке и глинным, гибким конечностям, позволявшим ему бежать по заваленным строительным мусором улицам с немыслимой быстротой и ловкостью.

Назаний оставался на месте и ждал своего командира, пока тот не появился, и тогда они вдвоем принялись собирать скудные пожитки, прежде чем направиться к южной окраине города. Кем бы ни были люди на машинах, Уриил и Назаний собирались встретиться с ними не таясь.

Когда все вещи были собраны, Уриил повернулся к вожаку бескожих и протянул руку, но остановился, вспомнив, какую боль прикосновение вызвало в прошлый раз.

--- Вы понимаете, что надо сделать? --- спросил Ультратарин.

Огромное создание кивнуло, и все его уродливые последователи повторили тот же жест:

--- Спрятаться.

--- Уленно, --- сказал Уриил. --- Вам необходимо спрятаться, но, обещаю, ненадолго. Нам просто нужно поговорить с

этили любѣти и разѹзнатѹ побольше об
этом мире.

— А потом вы вернетесь?
Расскажите им, что не надо нас бояться?

Уриил помедлил с ответом,
поскольку не знал, что сказать, и не хотел
обещать что-то заведомо невозможное.

— Я вернусь и заберу вас, как только
это будет безопасно, но до тех пор вам
лучше не высовываться. Заберитесь
повыше в горы. Судя по всему, там
достаточно еды и воды, чтобы вы могли
спокойно жить, если не станете
приближаться к поселениям.

Предводителю бескожих
потребовалось некоторое время, чтобы
осознать все сказанное Уриилом, а затем
тутант вдруг как-то съежился. Астартес
понял, что существо боится, и каким бы
забавным это ни казалось, но было вполне
объяснимо. Все последние дни, проведенные
на Медренгарде, вожак смотрел на
Уриила, как ребенок на угрюменного
опытом отца.

Теперь он лишался этой поддержки, и
Уриил видел страх одиночества в белесых

с кровавыми прожилками глазах монстра.

--- Вы будете в безопасности, --- сказал костогесантник. --- Даю слово. Я не позволю, чтобы с вами что-нибудь случилось. А теперь вам пора уходить, и быстро.

Предводитель бескожих развернулся и повел свое племя в глубины разрушенного города. Уриил же провожал их взглядом, очень надеясь, что тутанты сумеют выжить на этой планете.

Но, глядя на колючую проволоку, судя по всему, окружающую кольцом весь город, он не был в этом слишком уверен. Во время прогулки прошлым вечером они не забредали настолько далеко к югу, и наличие кордона наводило на весьма тревожные мысли.

--- Похоже, что едут все-таки свои, --- заметил Уриил. --- Техника, захваченная еретиками, обычно не работает настолько хорошо. За моторами ухаживают специалисты, это сразу слышно.

--- Что ж, у тебя слух всегда был получше, чем у меня. --- Назаний старался

изображать спокойствие, но Уриил понял, что товарищ чувствует себя не в своей тарелке. -- Ну а что будем делать с колючей проволокой?

Капитан посмотрел налево и направо, проследив взглядом за цепью высоких деревянных столбов, глубоко вбитых в землю, и подвешенными между ними кольцами проволоки с опасно острыми шипами.

-- Тут они не поспунились, -- произнес Уриил. -- Любой, кто попытается пробраться через изгородь, превратится в кровавые ошметки.

-- Угу, -- согласился Назаний, непринужденно помахивая болтером. -- Судя по лоскуткам ткани и следам крови, здесь нет недостатка в тех, кто пытается прорваться.

Они подошли к самой черте города и направились по дороге к широким воротам, увешанным разноцветными лентами и гирляндами увядших цветов. Еще больше ленточек украшало колючую проволоку, что придавало пейзажу почти праздничный вид.

--- Так как будем действовать? ---
спросил Назаний.

--- Осторожно, --- ответил Уриил. ---
Другого варианта просто нет. Хотелось
бы быть откровенным с этими людьми, но
я не стремлюсь стать жертвой ретивого
гвардейца, у которого и без того палец на
спусковом крючке грозит.

--- Мудрая мысль. И лучше не
употинать, где мы побывали.

--- И в самом деле, --- согласился
Уриил. --- Во всяком случае, не сейчас.

--- А вот и они, --- кивнул Назаний,
указывая в сторону горизонта.

Уриил смотрел, как три угловатые
гвруногие машины пересекают холмистую
местность и приближаются к городу
скрежещущей механической походкой. Все
они были выкрашены в ржаво-красный цвет
и, к великому облегчению
костодесантников, несли на носу
изображение золотого орла. Две машины
были оборудованы смонтированными по
бокам автомашками, в то время как
третья демонстрировала миру лазерную
пушку, гудевшую от накопленного

электрического заряда.

--- Их тут несколько больше, чем просто три, --- заметил Назаний, чуть наклонив голову набок.

--- Знаю, --- откликнулся Уриил. --- Еще одна справа и две в лесу слева.

--- Автопушки и лазерное оружие... от нас только мокрое место останется, если они откроют огонь.

--- Значит, не будем давать им повода, верно?

--- По мне, так звучит неплохо.

Уриил остановился и стал наблюдать, как три видимые ему машины сбавляют скорость и с преувеличенной осторожностью начинают приближаться к обнаруженным костогесантникам. Их оружие было приведено в готовность и нацелено. Гидравлические затворы шипели, а заслонки на стволах обнажали дула орудий войны.

--- Ведет себя тихо, --- прошептал Уриил.

Все три «Часовых» замерли, нацелив на них оружие.

--- А если они начнут стрелять... ---

произнес Назаний, сильнее сжимая рукоятку болтера.

--- Спокойно, --- сказал Уриил, заметив жест товарища. --- А теперь очень и очень медленно положи пушку на землю.

Назаний посмотрел на свое оружие так, словно совсем забыл, что держит его, а затем кивнул. Потом, подняв вверх обрубок руки, опустился на одно колено и положил болтер. «Часовой», вооруженный лазерной пушкой, внимательно следил за его движениями.

Две другие машины стояли неподвижно, вполне удовлетворенные тем, что костодесантники и без того будут накрыты их огнем.

--- Почему они ничего не предпринимают?

--- Полагаю, сейчас они советуются с командующим офицером.

--- Будь я проклят, если все это мне нравится, --- проворчал Назаний.

--- Я тоже не слишком рад, --- отозвался Уриил, --- но есть ли у нас выбор? Рано или поздно все равно пришлось бы встретиться с имперскими властями.

— Верно. Только я бы предпочел, чтобы ты при этом не стояли под прицелом пушек, которых и на целую роту хватит.

«Часовые», стоявшие перед Астартес, не двигались, но Уриил различал гулы сервоприводов грутых, невидимых сейчас, машин, делавших круг и проверявших, что, кроме Ультратаринов, здесь больше никого нет. Уриил очень надеялся, что вожак бескожих хватило ума увести своих людей подальше от города, ведь если командир гвардейцев хотя бы наполовину разбирался в своей работе, то приказал бы сейчас обшарить все руины.

Наконец Уриил услышал рокот гусеничной техники, и в зону видимости вползла неровная колонна «Химер». Как только боевые машины пехоты приблизились, «Часовые» включили ослепительно яркие поисковые прожекторы. Уриил даже заморгал, стараясь избавиться от темных пятен перед не успевшими адаптироваться глазами.

Хотя рассвет уже позолотил

восточный небосклон, но лучи прожекторов оказались настолько яркими, что даже Уриил с трудом мог различить хоть что-нибудь позади них. Простого смертного наверняка бы ослепило, но модифицированное зрение костодесантника позволяло подавить большую часть негативных воздействий.

Приглядевшись, Ультратарин увидел, как «Хитеры» рассредотачиваются вокруг них; прямо на Уриила и его сержанта были нацелены тяжелые орудия целого эскадрона бронетанков. С грохотом распахнулись люки, и по сходням сбегало несколько десятков солдат.

— Должен признать, свое дело они знают, — прошептал Назаний, и Уриил вынужден был с ним согласиться.

Солдаты были облачены в броню, состоявшую из сверкающей красной стальной пластины на груди и отороченной мехом кольчуги, и в короткие алые плащи, брошенные на левое плечо. Стволы винтовок неотрывно следили за движением костодесантников; каждый солдат двигался стремительной, текучей

походкой, позволявшей не терять прицел.

На головах новоприбывших красовались конические шлемы цвета бронзы с наклонными нащечными пластинами и кольчужной бартицей. Кроме того, каждый воин имел при себе тяжелый изогнутый меч, и ничто в облике этих людей не позволяло Уриилу предположить, что это старинное оружие или нужно только для красоты.

— Не слишком ли много сил они тратят на нас двоих? — шепнул Назаний.

— Это точно... и как они узнали о нашем появлении?

— Ну, это мы, видимо, скоро выясним, — отозвался Назаний. — Похоже, они идут сюда.

Сержант с глазным имплантатом, встроенным в шлем, махнул рукой, отправляя вперед два отделения солдат. Они установили в воротах массивное квадратное устройство, и от головной «Хилеры» с кабелем в руках к нему побежал облаченный в рясу техножрец, на спине которого располагалось нечто вроде тяжелого ранца, где виднелись

посвистывающие поршни и выкрашенные в бронзовый цвет механизмы.

Вокруг устройства, которое подключили к воротам, возникла мерцающая аура, а затем раздался треск, и по колючей проволоке пробежал электрический разряд. Не успел свет от вспышки погаснуть, как солдаты устремились в проход, распахнув закрытые на магнитный замок ворота ударом ноги.

Одетые в красную форму бойцы рассредоточились, двигаясь парами, чтобы образовать перекрывающиеся секторы обстрела.

--- Чисто! --- крикнул один из солдат, и через секунду эхом откликнулся другой, стоявший на противоположном конце их строя.

Теперь, имея возможность рассмотреть их вблизи, Уриил уверился, что перед ним опытные ветераны. Они удерживали безопасную, точно выверенную дистанцию между собой и целью, которая в то же время была достаточно небольшой, чтобы с гарантией не промахнуться, если дело дойдет до драки.

Никого из них, похоже, не стучал тот факт, что их оружие сейчас было нацелено на двух незнакомцев, чье телосложение определенно указывало на принадлежность к Астартес.

Сержант с глазами-имплантатами выступил вперед, обнажая меч, и Уриил увидел, что оружие выполнено в виде фалькаты — изогнутый клинок односторонней заточки сужался к кончику. Такие мечи были довольно тяжелыми и позволяли наносить рубящие удары с силой топора, но в то же время ими можно было фехтовать с точностью и стремительностью сабли. Эфес имел форму крюка, а крестовина была сделана в виде распростертых орлиных крыльев.

Кончиком клинка сержант отбросил в сторону болтер Назания и жестом приказал одному из солдат забрать его. Уриил проследил взглядом за тем, как боец сгибается под тяжестью оружия костического десантника и тащит его явно заинтересовавшегося техножрецу.

Затем сержант оглядел Уриила с головы до ног, но выражение лица

командира красных солдат было неразлично под маской вокса-ребрифера и бионическими имплантатами. Поскольку огнестрельного оружия у Ультрамаринов больше не было, обступившие их люди немного расслабились, что несколько опустило их в глазах Уриила, ведь меч-то все еще был при нем. К тому же опытный военный должен был знать, что костический десантник смертельно опасен, даже если сражается голыми руками.

Все замерли в неподвижности, пока не откинулся верхний люк одной из «Хилер» и в нем не показалась стройная фигура, облаченная в офицерскую униформу. Насколько Уриил мог судить, это была женщина — высокая и длинноногая, она спрыгнула с брони с уверенным изяществом человека, привычного к боевым условиям.

Стащив с головы шлем, она провела рукой по темным, коротко стриженным волосам. Лицо ее имело острые, резко очерченные черты. Когда она строевым шагом направилась прочь от своей

«Хилеры», за ней тут же заспешил невысокого роста человек с переносным воксом на спине.

Как и каждый из ее солдат, офицер была вооружена покоящейся в ножнах фалькатой. На груди мундира ярко сияла медаль в виде золотого орла.

Женщина остановилась возле своего сержанта, и при виде двух огромных воинов на ее лице отразилось удивление. Но, к ее чести, женщина сумела восстановить самообладание буквально за долю секунды.

--- Кто такие? --- спросила офицер.

--- Уриил Вентрис и Назаний Лисан, --- ответил капитан.

--- Вы Агентус Астартес?

Вопрос показался ему риторическим, но Уриил все равно кивнул и сказал:

--- Мы Ультратарины.

Он снова увидел, как на какое-то мгновение на лице его собеседницы мелькнуло удивление, но она быстро его скрыла.

--- Ультратарины? Далеко же вы забрели от дома. И что вас сюда привело?

--- При всем уважении, --- произнес

Уриил, -- ты даже не знаешь, где находится.
Что это за планета?

Словно пропустив этот вопрос мимо ушей, офицер сказала:

-- Вы проникли в запретную зону, Уриил Вентрис. Нахождение в Хатүриане карается смертью.

Уриил обменялся с Назанием изумленными взглядами. Огромной физической мощи и окутывавшего их ореола легендарной славы костических десантников, как правило, хватало, чтобы большинство простых смертных лишилось дара речи от благоговейного трепета и почтительности, но эту женщину, похоже, несколько не волновал тот факт, что она общается с элитными воинами Императора.

Начиная впадать в гнев, Уриил шагнул вперед.

В ту же секунду стволы винтовок вновь вскинулись, а с солдат слетела расслабленность.

-- Мы -- костические десантники Императора, -- прорычал Уриил. Эмоции, накопившиеся за время изгнания, все-таки

вырвались на поверхность. Он сжал рукоять меча и добавил: -- Мы -- воины четвертой роты ордена Ультратаринов, и вам, черт возьми, следует проявить должное уважение!

Женщина, казалось, осталась совершенно безучастной к его разъяренной речи, но рука легла на эфес фалькаты.

-- Попытаешься вытащить ее, обещаю, что прирежу тебя, пока твой клинок еще наполовину будет в ножнах, -- предупредил Уриил.

-- А ты сдохнешь секундой позже, -- парировала женщина.

-- Возможно, но твой нахальный язык укоротить успею, -- отрезал капитан.

Неожиданно он ощутил лагерь на своей руке и, оглянувшись, увидел Назаний, в глазах которого читался сдерживаемый стех.

-- Помнишь, я тебя спросил о том, как мы будем действовать? -- спросил Назаний. -- Ты тогда ответил: «Осторожно». Мне кажется или твое поведение несколько не соответствует этому определению?

Гнев Уриила рассеялся, и капитан даже улыбнулся, осознав, насколько абсурдными были его действия, учитывая количество нацеленного на него оружия. Он убрал руку с эфеса меча и снова встретился глазами с офицером, сверлившей его яростным взглядом и все столь же судорожно сжимавшей эфес фалькаты.

Назаний встал между ними и произнес:

— Послушайте, пока все это не вышло из-под контроля и никто не поранился, я предлагаю всем выдохнуть и начать беседу заново. Так вот, мы случайные гости на вашей планете и понятия не имеем, что находится в этих местах запрещено. Сейчас нас интересует только возможность связаться с орденом, и в этом нам бы не помешала ваша помощь. Не могли бы вы сказать хотя бы, что это за мир и кто здесь всем управляет?

Женщина позволила себе немного расслабиться и убрать ладонь с оружия. Затем она сделала глубокий вдох, разгладила полы своего тундира и сложила

руки за спиной.

--- Что ж, --- произнесла она. --- Я полковник Верена Каин, командующий офицер Ачаманских Фалькат, а мир называется Салинас.

--- И кто здесь главный?

--- Губернатор Лито Барбаген является назначенным имперским командующим этой планеты, --- сказала Каин.

--- Вы можете проводить нас к нему? --- спросил Уриил.

--- Вам придется ехать в сопровождении вооруженного эскорта, поскольку ваши личности еще необходимо установить.

--- Установить? --- удивился Уриил. --- Вы не верите, что мы --- Агентус Астартес? Неужели ослепли?

--- Вам следует знать, --- отрезала Каин, --- что я уже не первое десятилетие сражаюсь с врагами Императора и иные из них практически ничем от вас не отличались. Так что уж извините, что не спешу довериться одному только вашему внешнему облику.

Уриил уже собирался снова возмутиться, но Назаний заговорил первым:

--- В чем-то полковник Каин права, командир. Да и вообще, какая разница? Главное, что нас подбросят туда, куда надо.

--- Очень на это надеюсь, --- произнес Уриил.

--- Поедете в заднем отсеке «Химеры», --- сказала Каин, оценивая их габариты. --- Будет тесновато, но втиснуться вы вроде бы должны.

--- Не сомневайтесь, --- отозвался Назаний и под прицелами лазганов и пристальными взглядами гвардейцев потащил за собой Уриила к машине, но напоследок оглянулся на полковника Каин. --- Совсем забыл спросить, --- произнес костодесантник. --- Какой сейчас год?

Глава четвертая

Утренний свет, пробивающийся сквозь старые шторы, и звуки начинающего оживать города пробудили Наскаля Блеза задолго до того, как он услышал грохот распахнувшейся металлической двери его дома. Он тут же сел на кровати и выхватил из-под подушки пистолет, который никогда не держал дальше, чем на расстоянии вытянутой руки. Уже проверив боекомплект и сняв оружие с предохранителя, он услышал веселые голоса, доносящиеся с лестницы.

Судя по интонациям и отсутствию пальбы, это были вовсе не инфорсеры Дарона Нисато, обычно входящие в предварительно выбитые двери. Но все равно Блез не спешил убирать пистолет. Времена стояли неспокойные, а те смертельно опасные игры, в которые он играл вместе с остальными Сынами Салинаса, требовали предельной осторожности.

Он провел рукой по выбритому

затылку и пробежался пальцами по расчесанной на две косы бороде, как всегда поступал, когда задумывался. Теперь он узнавал голоса, звучащие внизу; один принаглажал Коулену Харку, верной тени и телохранителю самого Блеза, а другой — Рикарду Устелю, сборщику информации.

Наскаль покачал головой от плеча к плечу, разминая затекшие за ночь мышцы шеи. Сегодня он спал один в комнате, пропахшей машинным маслом; запах этот было ничем не вывести, поскольку дом был обшит пластинами брони, снятыми с ржавеющего остова танка «Летан Русс».

Решив, что непосредственная опасность прямо сейчас ему не грозит, Наскаль выскользнул из постели и натянул на себя домашний комплект одежды, состоявший из потертой серой рубы и широкого кожаного ремня. Затем он сунул ноги в ботинки и как раз шнуровал их, когда в его дверь дважды постучали.

— Заходи, Коулен, — произнес он уверенным, властным тоном. Обладателю такого голоса стоило бы раздавать приказы войскам, но куда чаще ему

приходилось диктовать коды налоговых выплат, номера банковских счетов и проводить деловые встречи.

Коулен Харк отворил дверь и уважительно поклонился; движения телохранителя были четко выверенными, начисто лишенными суетности. Он был довольно крупным, широкоплечим мужчиной с угрожающе выглядящей мускулатурой. Сама природа постаралась, чтобы его облик не вязался ни с какой работой, если та не предполагала насилия. Как и Паскаль, Коулен носил простую робу, но, помимо этого, через его плечо был перекинут лазерный карабин, а в набедренных ножнах покоился кинжал.

— Прибыл Рикард Устель, — доложил телохранитель.

— Слышу, — отозвался Блез. — Что ему надо?

— Он собирается доложить о передвижении войск.

— И для этого он решил поднять меня в такую рань? — с некоторым раздражением спросил Паскаль.

— Речь идет о «Клекочущих орлах», —

произнес Коулен. --- Численностью в полную
роту.

Раздражение слетело с Наскаля
вместе с сонливостью. Никакие имперские
войска не вызывали такой ненависти у
граждан Салинаса, как «Клеочущие орлы».
Они по праву заслужили славу жестоких и
беспринципных убийц, и не было на
планете никого, кто не мечтал бы
отомстить им за произошедшее в
Хатүриане.

--- Дальше еще интереснее, --- заметил
Коулен.

--- Чем же?

--- Их ведет Каин.

Наскаль закончил шнуровать ботинки
и выпрямился.

Верена Каин.

--- Да, неплохо было бы отловить эту
бессердечную сукку.

--- Мне тоже так показалось, ---
согласился Коулен, кровожадно
устехнувшись.

--- И где они?

--- Рикард сообщает, что они
отправились на север, --- сказал

телохранитель. --- Но его словам, все
выглядит так, словно они решили
навестить Зону Поражения.

--- У нас там кто-нибудь есть?

--- Нет; во всяком случае, никого, о ком
бы я знал.

--- Тогда с чего она отправила туда
свою роту?

--- Кто знает? Но Рикард говорит,
что они не брали с собой машин
обеспечения, а стало быть, собираются
скоро вернуться. Надо успеть выставить
стрелков.

Наскаль кивнул:

--- Отправьте гонцов к засадным
группам. Потребуется шесть отрядов,
вооруженных ракетами. Собирается у
Железной Ангелицы и выдвигается
оттуда. Приступай.

Коулен кивнул и выбежал из комнаты,
оставив Наскаля одного.

Лидер повстанцев почувствовал, как
сильнее забилося его сердце при мысли о
нанесении «Клекочущим орлам» ответного
удара. Но он заставил себя сдерживать
ликование, понимая, что сейчас необходимо

холодный разум. Под властью эмоций люди склонны совершать глупые ошибки, и Наскаль не любил давать волю чувствам, считая это пустой тратой сил.

Он принялся мерить комнату шагами, обдумывая ситуацию и обращаясь к своему дару аналитика, столь хорошо служившему ему в те дни, когда он еще работал в Администратуме. Теперь казалось, будто это было в другой жизни.

Наскаль Блез был надзирающим за писарями при кабинете губернатора Шаары и по факту являлся простой шестеренкой в никогда не замирающей машине имперской бюрократии, пока на Салинас не явились Ачатанские фалькаты. Хотя на всех прочих планетах системы было неспокойно и регулярно вспыхивали мятежи, но Шаара сумел удержать Салинас от беспорядков и вычистить всех подстрекателей, полагая, будто это поможет планете пережить без неприятностей тревожные времена.

Но, как в итоге оказалось, он серьезно ошибался.

Не делая различия между ними и

зругими тирати системы, толот
Имперской Гвардии обрушился на Салинас с
ничуть не меньшей яростью. Ачаманские
Фалькаты казнили губернатора Шаару
уже в день своей высадки, а всю его
администрацию и офицеров согнали в
концентрационные лагеря, чтобы дать
время представителям Департамента
Муниторум решить их судьбу.

Наскаль Блез входил в делегацию,
собранную из уцелевшего управляющего
персонала и направившуюся, чтобы
выразить свой протест и объяснить
бесполезность столь жестких мер, на
встречу с полковником Лито Барбагеном,
возглавлявшим действовавшие на
поверхности Салинаса имперские войска.

Воспоминания Блеза о том дне были
все еще свежи. Не успели они пожаловаться
на жестокость Фалькат и рассказать о
лояльности прежнего губернатора, как
делегацию окружило подразделение
солдат, которых, как позднее узнал
Наскаль, называли восьмой ротой, также
именуемой «Клекочущими орлами».

Полковник Барбаген произнес речь о

заразе предательства, поразившей всю систему, и о том, что точно такие же уверения в невиновности он слышал и от других вожаков мятежников на взбунтовавшихся мирах.

А потом началась пальба.

Наскаль провел пальцами по створченному шраму на груди — туда ударил первый лазерный импульс. Второе попадание прошло вскользь по виску, и будущий лидер сопротивления словно провалился в черную яму, полную боли и забвения. Придя же в себя, он обнаружил, что лежит в заваленной трупами глубокой траншее, свежевырытой по стенами дворца. Глядя в лица мертвецов, он узнавал тех, с кем отправился на встречу, и ужасная несправедливость их убийства придала Блезу таких сил и воли, каких он никогда в себе прежде не замечал.

Устекая кровью, едва живой, он выбрался из братской могилы, растворился в наполненной криками и звуками выстрелов темноте и шел, пока не добрался до ближайшей клиники, где силы его и оставили.

О нескольких последующих днях он не помнил ничего, кроме боли и галлюцинаций, вызванных подавляющими его медикаментами. Неделю спустя после расстрела он сумел встать с кровати, чтобы услышать рокот танков Имперской Гвардии, катящихся по городским улицам, и грохот сапог облаченных в красные одежды солдат Ачаманских Фалькат, выискивающих предполагаемых предателей.

В ту минуту ненависть наполнила его сердце, и тогда в его душе навсегда умер клерк Администратума и родился тот воин, каким он стал. Уже через месяц после прибытия Гвардии недавно организованные Сыны Салинаса впервые совершили акт неповиновения, взорвав бомбу, убившую нескольких старших офицеров Фалькат.

Под управлением харизматичного и пылкого Сильвана Тайера повстанцы добились первых успехов и изрядно усложнили Фалькатам работу по удержанию Салинаса.

Но долго так продолжаться не могло.

Сынам Салинаса нечего было противопоставить неистощимой мощи Имперской Гвардии и безжалостности Лито Барбагена. После кошмара Зоны Поражения Сильван Тайер повел своих одержимых жаждой мести людей в короткое и ожесточенное сражение... сражение, которое они не могли даже надеяться выиграть, и в тот день планета лишилась самого цвета своих граждан.

Наскаль утешал Сильвана не вступать с Фалькатами в открытый бой, объяснял, что Хатүриан специально уничтожили, чтобы заставить их действовать необдуманно, но охваченный яростью и ненавистью предводитель Сынов Салинаса не слышал его.

И все ушедшие с Тайером погибли, накрытые огнем артиллерии, перемолотые гусеницами танков и добитые пехотой.

Люди называли Сильвана Тайера героем, но Наскаль знал, что этот человек был глупцом. Ослепленный ненавистью и жаждой мести, прежний предводитель

Сынов Салинаса не сумел разглядеть западни, устроенной Барбагеном. А если и сумел, то не придал этому должного значения.

Наскаль Блез собрал всех уцелевших и научил их действовать с осторожностью, тайно. Объяснил им, что они вовсе не всемогущая армия мстителей, как проповедовал Тайер, а тоненький и слабый ручеек, который медленно, но верно крошит камень.

Так Сыны Салинаса сумели продолжить свою войну.

Больше они не устраивали массштабных акций неповиновения, зато регулярно совершали небольшие вылазки, изматывавшие силы оккупировавших их города войск, чей бывший полковник теперь прятался в губернаторском дворце.

Стук в дверь выдернул Наскаля из его горьких дум, и, подняв взгляд, он увидел, что Коулен Харк опять стоит в проходе.

— Так ты идешь? — спросил телохранитель.

— Да, — ответил Блез, беря со стула свой пепельно-серый плащ.

Спустя мгновение он улыбнулся, отбросил этот плащ, подошел к металлическому ящику, стоявшему возле кровати, и, щелкнув удивительно хитроумным замком, открыл потайную нишу. Сняв фальшивое дно, он достал из-под него с особой тщательностью сложенное одеяние из зеленой и золотой ткани.

Развернув и расправив плащ Сынов Салинаса, он закрепил его застежками на плече и на груди.

Коулен оценивающе посмотрел и кивнул.

Наскаль же убрал пистолет в кобур и улыбнулся своему телохранителю:

— Раз уж ты натереваетсяя прикончить Верену Каин, будет только лучше, если она узнает, кто стал ее палачом.

Высоко в горах над мертвым городом вожак бескожих сидел вместе с собратьями в чаще густого леса. К земле лип предутренный туман, и его влажные прикосновения к обнаженной мускулатуре

казались странными и необычными. Мягкость почвы под ним доставляла радость, а прохладный ветерок казался сладчайшим эликсиром.

Никогда прежде он не знал о существовании подобных вещей, каждый его вдох раньше был отравлен токсичным дымом из чадающих заводских труб, усыпавших мертвые долины мира железных людей.

Бескожие поймали еще двух зверей, насавшихся на лугу под высоким утесом, и затащили их в лес. Сейчас их разорванные и окровавленные куски туши лежали в кругу лутантов. Предводитель поднял к лицу могучий кулак, в котором сжимал заднюю ногу животного, и зубами оторвал от кости основательный шмат мяса.

Он никогда не пробовал ничего настолько вкусного: свежее, пропитанное кровью, напоенное здоровьем. Прежде-то им приходилось питаться разве что гнилой мертвечиной да изуродованными хилыми жирными тушами тех, кого находили на человеческих фермах железных людей.

Мысль, что жизнь может быть

совсем иной, никогда не посещала вожака, ведь разве он знал другую? Время от времени в его сознании всплывали разрозненные кусочки воспоминаний о том, что было до плена, но походили они на отражения в осколках разбитого зеркала, и он не обращал на них внимания.

Порой, когда боль и изнуряющая усталость, сопровождавшие его существование, становились невыносимыми, вождь бескожих уходил далеко в покрытые сажеей горы и там, греясь на окутанных едкими, отравленными облаками пиках, погружался в глубокий сон, где его посещали странные прилипчивые образы.

Пока его тело отдыхало, он видел во сне картины другой жизни, другого способа ее вести.

Были ли это воспоминания? Он не знал, но ему нравилось думать, что были.

В тех снах он видел лицо женщины, доброе и полное ничем не обусловленной любви. Ему хотелось надеяться, что это его мать, но никаких других воспоминаний о ней, кроме этого, у него не осталось. Она

что-то говорила, но он никогда не слышал ее слов. Вожак знал только то, что она прекрасна, и то, что она удивительно заботлива по отношению к нему.

Когда навевающие сон испарения уносили его дальше в мрачные глубины истерзанного сознания, предводителя бескожих видел высокие дома из белого камня, восхитительные разноцветные окна и пьедестал, на котором возвышалась окруженная сияющими ангелами статуя золотого воина с нимбом из звезд над головой.

Из всех лихорадочных видений, посещавших вожака, это обладало наибольшей властью над его разумом, потому же он четко мог сказать, кому посвящен памятник.

Это был Император, и Император любил вождя бескожих.

Его любовь была вечной, но вот золотые видения вскоре разбивались, точно стекло, стелаясь отвратительными картинами, полными ужаса и крови, и они были настолько чудовищны, что вожак вскоре начал бить кулаками по земле.

лотая камни.

Он видел огонь. Видел взрывы и частые вспышки выстрелов.

В их стробирующем свете он различал воинов в серой, как сталь, броне с шевронами, выкрашенными в черный и желтый цвета.

К нему протягивались тяжелые тисненные латные перчатки, отрывая от окровавленного тела той прекрасной женщины, и он кричал, но уши пленителей оставались глухи к его мольбам, и прежний мир рушился навсегда. Дальше были только разрозненные картинки последовавшего ужаса: темнота и страх, неистребимый привкус крови во рту, вооруженные пилами твари и гигантские слюнявые лица чужовицных «матерей».

Потом — только боль и ощущение пустоты внутри, пока он лежал в непроглядной темноте внутри влажных складок плоти.

А затем — долгожданный свет.

Но и тот оказался обманом, служившим лишь одной цели: показать пленнику его уродство.

Он стал чужовищем и душой, и телом и был слит вместе с грудой гниющего мяса в не прощающую слабости пустыню под цитаделью железных людей.

Отвращение к собственному кошмарному существованию всякий раз помогало ему вырваться из объятий токсичных испарений, и тогда он спускался с гор, чтобы воссоединиться со своими жалкими друзьями — никому не нужными, отвергнутыми и не знающими любви.

Большинство тех забывающих плешков беспорядочно перекрученной плоти и костей, что падали сверху, были слишком бесформенны или же оказывались лишены рассудка.

Таких племя просто съедало, но те, кто обладал достаточно подвижным и сильным телом, становились новыми воинами в растущей армии предводителя бескожих.

Да, такой была его жизнь, и грудой он не знал, пока не появился тот воин.

Вождь наблюдал за тем, как свежие отбросы цитадели железных людей падают в водоем, и уже предвкушал вкус

плоти тех, кто, силясь выбраться на берег, бұлтыхался в черной воде. Но голодное ожидание сменилось изумлением, поскольку те вовсе не были такими же чудовищами, как он сам. Главарь уже готов был приказать сожрать их, но в последнее мгновение почувствовал запах материнской плоти, исходящий от воина, руководящего новоприбывшими.

Тогда вожак отвел их в просторную пещеру под землей, где и обитало племя, и представил воина статуе могучего Императора, которую они изваяли из обломков, иногда падавших сверху. Император считал человека, именовавшего себя Уриилом, достойным, и новоприбывшие влились в племя, а затем помогли совершить нападение на железных людей, живших в крепости на вершине неприступной скалы.

Много крови тогда пролилось, много железных людей погибло, а крепость была разрушена. Конечно, бескожих тоже убили много, но воспоминание все равно было приятным и стало одним из тех якорей, за которые цеплялся вожак, пока они удирали

с жуткого мира в омерзительном чреве
демонической машины.

Предводителю бескожих совсем не
нравилось вспоминать о времени,
проведенном в зловонных, пропитавшихся
кровью глубинах локомотива, поскольку
ему стоило нелепых усилий удержать
свое плетя, чтобы они не вцепились друг
другу в глотки острыми клыками и
когтями.

Но путешествие, к счастью,
закончилось, и они вступили в этот мир.
Воздух был чистым, а земля — мягкой, но
что-то все-таки было не так. Вожак не
мог точно сказать, что именно, и даже не
сумел бы подобрать нужных слов, чтобы
выразить эту «неправильность», но вся
атмосфера искрила от присутствия
великого гнева.

Он ощущал это столь же отчетливо,
как кровь, что стекала по его лишенному
кожи лицу.

Мяса на тушах животных почти не
осталось. Один из воинов племени —
существо с влажно поблескивающими
внутренними органами, под которыми

проступал скелет, и уродливой вытянутой
мордой с мелкими острыми зубами ---
принялся колоть кости и высасывать из
них мозг. Другой копался в кишках,
выскивая последние съедобные кусочки.

--- Нет, --- прорычал предводитель
бескожих. --- Мы больше не должны так
жить.

Все племя уставилось на него, на
уродливых лицах проступило явное
непонимание.

--- В этом мире нам будет лучше, ---
сказал он. --- Уриил обещал это. Нам
незачем бояться, Император любит нас.

Вожак убедил надежду,
затеплившуюся в глазах его воинов, когда
первые лучи рассвета, просочившиеся
сквозь листву древесных крон, позолотили
траву. Он почувствовал их приятное
покалывающее прикосновение к телу, и по
подставленной солнцу влажной красной
руке стало расплываться мягкое тепло.

Тогда вожак поднялся и направился
прочь из лесной тени, пригибаясь под
ветвями, а солнце взбиралось все выше над
горатами, разливая вокруг золотой свет.

Плетья последовало за предводителем, зачарованное этим теплом, распространяющимся по стремительно светлеющему небосклону.

Двигаясь так, словно только пробудились от долгого сна, бескожие вышли из-под защиты деревьев на открытое место. Их лица сияли в предвкушении чуда; слепящий шар в небе казался чем-то невероятным и новым, но в то же время удивительно знакомым.

Воспоминания о более счастливых днях стали пробиваться на поверхность сознания вожака, и он почувствовал, как в его груди зашевелилась нарождающаяся надежда. Возможно, здесь и в самом деле им будет лучше, и они сумеют начать новую жизнь в мире, где их не станут презирать и преследовать.

Солнечное тепло усиливалось, и тяжкое покалывание стало чем-то совсем другим, чем-то болезненным. Все плетья начало стонать, почесывая конечности, словно пытаясь избавиться от назойливого зуда.

Вожак ощутил, что все его мышцы

начинают гореть от боли, как если бы он вдруг вздумал искупаться в зараженных водах мира железных людей.

Он зарычал, понимая, что жжение только усиливается, что его обнаженная плоть совсем не приспособлена к свету этого странного солнца. По телу стали расползаться черные пятна, растекающиеся, точно капли нефти в воде. Боль становилась невыносимой, и предводитель бескожих закричал, когда его пальцы случайно сковырнули одну из пузырящихся отметин и из ранки брызнула липкая сукровица.

В мире железных людей солнце излучало отчаяние и безнадежность, но это... это светило причиняло боль.

Бескожие завывали, вонзая когти в собственные тела, силясь понять, что же с ними происходит. Их крики становились все более жалобными, пока палящий свет сжигал их, и вожак зарычал в гневе и ранящем осознании того, что его предали.

Этот мир вовсе не был хорошим. Он должен был сразу понять это, но позволил себе забыть, что вся вселенная ненавидит

их.

Даже солнце мечтало убить его людей.

--- Племя! --- взревел вожак. --- Назад! Возвращается в тень!

Он повернулся спиной к смертоносному солнцу и бросился бежать, чтобы укрыться под защитой деревьев, но даже там обжигающий свет находил их, пробиваясь сквозь кроны острыми лучами, словно пытающимися разрезать незащищенную плоть их тел. Бескожие смотрели на своего вождя в надежде на спасительный совет, которого он не мог дать.

Это вовсе не была лучшая жизнь... не для таких, как они.

Несчастные орали от боли и били себя кулаками в грудь, и сам вожак выкрикивал в небеса проклятия. Через листву он увидел высокий скальный выступ --- почти отвесную темную каменную плиту, с которой обрушивались многочисленные водопады.

На фоне общей ее черноты предводитель бескожих заметил заплату

еще более черную — выемку в поверхности
плиты — пещеру.

— Племя должно бежать! — закричал
он. — Убежище в скале! За мной!

Не оглядываясь и не пытаясь
проверить, следуют ли за ним остальные,
вожак вырвался из жалкого укрытия,
которое даровал лес, и побежал вверх по
холмистому склону, направляясь к скале.
Могучие ноги легко несли его вперед,
позволяя перепрыгивать через огромные
валуны; он даже сумел на время отвлечься
от обжигающей боли, грозившей одолеть
его.

Позади раздавались мучительные
вопли, но предводитель слышал влажные,
шлепающие шаги и скрежет
деформированных костей, трещащих друг
о друга, — племя бежало следом.

Черные волдыри продолжали
вздвигаться на теле, пока он бежал, но
вожак заставил себя не обращать
внимания на боль, всецело
сосредоточившись на том, чтобы
добраться до спасительной прохлады в
темноте пещеры. Наконец он перелез через

последний валун и, сбавив скорость, скользнул в тень. Жжение прекратилось, но все его тело по-прежнему было пронизано всепроникающей болью.

Он оглянулся, чтобы увидеть, как сабые быстрые из его соратников завершают безумный марш-бросок к пещере, забывая и скрежеща зубами. Вождь бескожих остановился, чтобы проследить за тем, как остальные проделают тот же полный страданий путь через открытое пространство под золотым солнцем, с каждой секундой все сильнее обжигающим и заставляющим чернеть их плоть.

Один из бескожих, создание с негибнущими в коленях ногами и чрезмерно массивным телом, поскользнулся на округлом камне. С agonизирующим криком монстр упал на землю, и из многочисленных ожогов, вскрывшихся при падении, потек гной. Воспаленная, покрытая волдырями мускулатура начала лопаться, когда бедняга попытался подняться. Ему не хватало ловкости, и потому встать он так и не сумел. Могучие руки судорожно

искали точку опоры, но владевшая ил
паника и агония оказались сильнее.

Наконец он испустил последний вой и
рухнул наземь под взглядом своего вождя,
наблюдавшего за тем, как чернота
распространяется по телу товарища и
безжалостное солнце выжигает последние
остатки его жизни.

--- Он умер, --- провозгласил
предводитель, и остальные столпились
вокруг него, глядя на обугливающийся
труп. Бескожие обоняли аромат мяса, и
вожак ощущал их ступение и голод, но
никто не рискнул вновь подвергнуть себя
пытке палящими лучами.

Тогда вождь бескожих отвернулся от
света и начал спускаться в пещеру.
Темная, сырая, со стенами, исчезающими
вдалеке, она была удивительно уютной
после жестокого солнца. Вожак, не
останавливаясь, уходил все глубже во трак,
погрузившись в тревожные размышления об
этом новом испытании.

Они опять оказались чудовищами,
рыщущими во тьме пещер, где чудовищам
и было самое место.

В душе предводителя бескожих
взростал гнев.

Задний отсек боевой машины пехоты
класса «Хилера», если верить заявленным
характеристикам, должен был вмещать
до двенадцати человек вместе с боевой
экипировкой. Конечно же, что типично для
армейских стандартов, эти бойцы,
набившись внутрь, не должны были, с
точки зрения разработчиков, иметь
возможности даже почесаться. А когда в
отсек загрузились два костических
десантника, пространства стало
настолько мало, что пятерым бойцам
пришлось возвращаться на броне.

— А я-то еще жаловался, что в
«Носорогах» места мало, — сказал
Назаний. — Напомни мне, чтобы я больше
никогда не спорил на этот счет с Гарком.

Уриил предпочел промолчать,
внимательно изучая пейзаж, проносящийся
за крохотными смотровыми блоками,
проделанными в бортах машины и
позволяющими хоть какому-то
естественному свету проникать внутрь.

Конечно, на потолочной части были размещены лампы, но они могли создать только тошнотворный красноватый полумрак.

Внутри «Хитеры» расположились еще четверо бойцов из Ачаманских Фалькат — троица не снимавших шлемов солдат, держащих на коленях своих лазганы, и сержант, присвоивший оружие Назания. Сержант оказался единственным, кто решился избавиться от бронированного головного убора, и только теперь Уриил понял, что глазные «имплантаты» крепились именно к шлему, но не были хирургически встроены в череп этого человека.

Сержант был мужчиной средних лет, но на его обветренном лице под копной рыжеватых волос пролегли глубокие морщины. Взгляд его был жестким, но не лишенным тепла, и смотрел он на Уриила и Назания со смесью благоговения и несколько нервного восторга.

— Так вы Ультратарины? — спросил он.

— Они самые, — кивнул Уриил.

— А я — сержант Цона Трелейн, —
сказал мужчина, протягивая ладонь для
рукопожатия. Судя по тому, что та,
обтянутая перчаткой, оказалась твердой
и негибкой, Уриил предположил, что это
аугметический прометез.

Его подозрения подтвердились, когда
Трелейн поднял руку и произнес:

— Потерял в схватке с эльдарскими
пиратами. Поймал рикошет, и какой-то
странный осколок вошел под кожу. В
итоге — заражение крови. Так что медики
отхватили мне лану от сих и до сих.

— Мне тоже доводилось встречаться
с эльдаратами, — заметил Уриил. —
Быстрые и беспощадные убийцы.

— Что есть, того не отнять, —
согласился сержант. — Такова их натура.
Да только полковника тоже размазней не
назовешь. Он провел обманный маневр, и
уже никакое трюкачество не могло спасти
тварей, когда им в спину ударили его
«Клекочущие орлы».

— Его? Боюсь, я несколько запутался.

— Ах да. Полковник Каин теперь
вместо него возглавляет только тех, кто

остался в полку после Дня
Восстановления, -- пояснил Трелейн. -- До
нее Фалькатати руководил Барбаген.

-- Это тот самый Барбаген, который
теперь губернатор?

-- Он, -- подтвердил сержант. -- Мы
заполучили эту планетку по всем
правилам. Отбарабанили свои десять лет
службы, прошли через ад на Лосгате и
Штейнхолде и заработали право
поселиться здесь, как только вернем этот
мир Императору.

Уриил оценивающе посмотрел на
толчаливых солдат, сидевших возле
тяжелого стального люка в задней части
машины, -- все они были суровыми и
неразговорчивыми, поэтому
словоохотливость сержанта показалась
ему несколько противоестественной.

-- Ну а вы сами-то как сюда попали? --
поинтересовался Трелейн.

-- В город или на планету?

-- А и то, и то, -- с улыбкой произнес
сержант, но Уриил прекрасно слышал, что
благожелательность в голосе этого
человека -- фальшивая. -- Уверен,

получится увлекательная история. Сами понимаете, гостей-то у нас мало бывает, не говоря уже о визите Ультратаринов. Ну, давайте, расскажите же, что там с вами приключилось?

Костогесантник почувствовал невысказанное вслух предупреждение Назания, что не следует открывать слишком много, и задумался, а не шпионит ли сейчас за ним полковник Каин? Не высадила ли она к ним Трелейна специально, чтобы они разговорились с дружелюбным сержантом?

— Это долгая и... содержащая военную тайну история, сержант, — ответил Уриил.

— Вы же где-то там бросили свой корабль. Ну, в смысле, вы же не могли попасть сюда без него?

— Нет, корабля у нас не имеется, — сказал Уриил.

— То есть вы телепортировались вниз? — нагавил Трелейн. — Ну, с корабля на орбите? Или высадились на одной из десантных капсул? Ультратарины же используют их, да?

--- Используем, --- согласился капитан, ---
но сюда спустились не в ней.

--- Тогда как?

--- Как уже говорилось, история долгая, и я предпочту повествовать ее непосредственно губернатору Барбагену. Пока же могу сказать только то, что мы не менее преданные служители Императора, нежели вы сами. Мы находимся здесь по особому поручению нашего ордена и сейчас мечтаем только о том, чтобы вернуться домой и воссоединиться с остальными боевыми братьями.

--- Просто странно, что из всех мест на планете вы выбрали именно это, --- заметил Трелейн.

--- Это вы о Хатүриане? Ведь так называется город, верно?

--- Да, именно так и называется, --- подтвердил сержант, и Уриил заметил, что собеседник явно не горит желанием продолжать.

--- А что с ним приключилось? --- спросил капитан. --- Почему за его посещение полагается смертная казнь?

--- Просто полагается --- и все, ---
отрезал сержант. --- И больше я не намерен
говорить о Зоне Поражения.

--- Зоне Поражения?

--- Я же сказал, что не стану о ней
говорить, --- предупреждающим тоном
сказал Трелейн, явно нитало не заботясь,
что сидящий напротив него воин может
убить его раньше, чем сержант успеет
что-либо сообразить. Какова бы ни была
правда о Хатүриане, или же, как его
назвал этот человек, Зоне Поражения, но
рассказывать ее фалькатам было крайне
неприятно.

Как только Трелейн осознал, что
ничего значимого он от космогесантников
не услышит, его говорливость тут же
иссякла, и последующие несколько часов
поездки они провели в напряженном
молчании. Сержант больше ничего не
собирался рассказывать ни о планете, ни о
людях, ее населяющих. Впрочем, Уриил
не пытался втянуть его в разговор, а
просто переключил все свое внимание на
те картины пейзажа, какие мог
разглядеть за выставленными в албразурь

стволатами стационарных лазганов.

То малое, что ему удалось увидеть, говорило о пышных полях, высоких горах, густых лесах и чистых небесах. Смотреть на все это после кошмарных пейзажей дегмонического мира из Ока Ужаса было настоящим наслаждением, и Уриилу не терпелось остотреть здесь как можно больше, прежде чем вернуться на Макрагге.

Мысль о том, что он снова ступит на родную землю его ордена, согревала душу, и капитан ощутил, как отстывает плоть, лежавшая в последнее время на его жизни.

Ультратарины выполнили смертельную клятву и возвратились на территорию Империи. Правда, сейчас они оказались кем-то вроде добровольных пленников, но вряд ли могли оставаться в этом положении слишком долго, так что Уриил был готов немного потерпеть и простить неуважительное отношение. Он не мог винить Фалькат за подозрительность, ведь разве жандармы не оказались на их

планете нежданно-негаданно, да еще и непонятно как и откуда? Случись кому так заявиться на Макразге, незваного гостя вначале бы скрутили и бросили в самое глубокое подземелье крепости Геры, прежде чем подвергнуть безжалостному допросу.

Ах... крепость Геры: огромные, ломящиеся от знаний библиотеки, Храм Исправления, где в стазисе покоится тело Робарта Жиллимана, Зал Героев, ущелье Лапонис... столь много там чудесных мест.

Уриил решил, что, если ему все же выпадет шанс вернуться домой, посетит их все.

Его мечтательное настроение было разрушено скрипучим голосом, раздавшимся из старенького громкоговорителя.

--- Всем занять боевые позиции, --- приказала Верена Каин. --- Хватайте оружие, мы подъезжает к Барбадусу.

Уриил снова переключил внимание на Трелейна.

--- Барбадус? --- спросил

костюмодесантник. — Это город?

Трелейн кивнул, одновременно подгоняя остальных солдат, уступающих возле лазанов.

— Ага, столица, — произнес сержант, поднимая над металлической крышей трубу перископа, заканчивающуюся изощренным царпинатом пикет-планшетом. Устройство затерцало, включаясь, и на экранчике возникло полное статических помех изображение приближающегося города.

Хотя оно было довольно размытым, очертания домов на окраине показались Уриилу весьма странными, хотя малое разрешение картинки и не позволило ему определенно сказать почему.

Над городскими окраинами возвышалась огромная конструкция или даже статуя, которая, несмотря на помехи, показалась капитану похожей на крылатого ангела.

— А это что такое? — спросил Уриил, когда колонна машин подъехала ближе.

— Это-то? — отозвался Трелейн. — Железная Ангелица.

Наскаль Блез пригнулся за низким паранетом на крыше глинобитной развалюхи, наблюдая за приближавшимися «Хилерами». Он уже отчаялся понять, в какой машине едет полковник Каин, поскольку ни на одной из них не было ни антенны voxа дальнего действия, ни других отличительных признаков, указывавших, что на борту находится высокопоставленный офицер.

Увы, фалькаты научились не допускать столь элементарных ошибок.

Три «Часовых» вышагивали впереди колонны, еще три замыкали строй, и Наскаль испытывал тревожные чувства, гудая о том, какой огневой мощью обладает это войско.

Позади него баюкал вигдавшүю вигдывшүю трубу Коулен Харк; ракета была уже заряжена и подготовлена. Вдоль улицы, по обе ее стороны, укрываясь на крышах и за обгоревшими танковыми остовами, залегли еще пять ракетных групп и тридцать стрелков, вооруженных кто старинным лазганом, а кто и вовсе

примитивной винтовкой с поворотным, продольно-скользящим затвором.

Людей собирали на скорую руку, но, хотя подобная поспешность и отсутствие четкого плана действий противоречили всему, чему Блез учил своих сторонников, возможность разгелаться с Каин была слишком привлекательной, чтобы ее упускать.

«Хитеры» на полной скорости въезжали в грязный пригород, где многие дома давно разваливались и отчасти ушли под землю. Прямо в эти минуты те, кто поддерживал Сынов Салинаса, уводили отсюда мирных жителей. Паскаль Блез был очень щепетилен в том, чтобы не подвергать население своего мира ненужной опасности, а вот фалькаты вряд ли станут осторожничать, когда откроют ответный огонь.

Сам лидер повстанцев надеялся, что к тому моменту, когда это случится, он, и его бойцы уже успеют раствориться в лабиринте руин и брошенных машин.

--- Готов? --- прошептал он.

Рокот гусеничной техники с каждой

проходящей секундой становился все громче.

--- Как никогда, --- отозвался Коулен.

--- Пусть шагающие машины пройдут мимо, а потом вышибай головную «Химеру», --- сказал Наскаль. --- Остальные отряды будут ждать твоего выстрела.

--- Полню, --- прошипел Коулен. --- Верь или не верь, но опыт в таких делах имеется.

--- Да, конечно. Прости, --- извинился Блез, борясь с привычкой контролировать каждый шаг подчиненных.

Будучи уверенным в том, что Коулен Харк заставит западню захлопнуться в нужный момент, Наскаль позволил себе посмотреть на Железную Ангелицу --- хранительницу и счастливый талисман Сынов Салинаса.

Она возвышалась над городом --- огромная конструкция, сваренная из снятых с брошенной техники деталей. Крылья ей достались от разбившегося «Грома», основу тела составляли куски фюзеляжа, а черты лица были изваяны при помощи моторных частей.

Она была довольно примитивной и

еще не до конца завершенной, но все равно ---
прекрасной.

--- Пристотри за нами сегодня, наша
прекрасная леги, --- прошептал Паскаль.

«Хитеры» вкатились в зону
поражения.

Коулен Харк встал на колени и
уложил пусковую трубу на паранет,
нацеливая ее на катящиеся по улице
машины.

--- За Сынов Салинаса! --- закричал он и
нажал на кнопку пуска.

Глава пятая

Взрыв, услышанный Уриилом, был приглушен бронированной шкурой «Химеры» до глухого хлопка, и взрывная волна заставила машину откатиться на гусеницах назад. В стоторовых блоках мелькнула вспышка, а потом раздался быстрый стук пылающих осколков, посылавшихся сверху на корпус.

Прогрел второй взрыв; на сей раз откуда-то сзади. Внутренние динамики неожиданно ожили, разразившись криками и отрывистыми командами.

--- Засада! --- крикнул космогесантник еще до того, как затихло эхо первых ударов.

В бок их «Химеры» вдруг словно ударили огромным молотом, и машина встала на одну гусеницу. Солдаты закричали, а Уриил поспешил схватиться за поручни, когда она вновь начала падать на землю. В месте попадания броня «Химеры» прогнулась внутрь. Пассажирский отсек наполнился дымом и

искрали, и капитан почувствовал запах крови.

Один из бойцов был мертв --- определенно сломал шею. Еще один, чье лицо превратилось в жуткую красную маску после удара о стенку корпуса, кричал от боли. Два других получили массу ссадин и лежали на полу, но в целом остались невредимы.

Уриил вскочил со своего места и метнулся через весь отсек, чтобы ударить кулаком по рычагу, отпирающему десантный люк. Лишившись подвижности, «Хилера» стала смертельной западней.

В машину ворвался жаркий ветер, и капитан уловил в нем едкую вонь горящего топлива и обугливающейся плоти. Снаружи утреннее солнце подсвечивало пылающую машину; языки огня вырывались из пробитых бортов, и к небу столбом поднимался густой, черный как столь дым.

--- Подъем! --- закричал костодесантник. --- На выход!

Пазаний подхватил раненого солдата, пока Трелейн помогал подняться двум другим и подгонял их к люку подбитой

«Химеры». На земле вокруг нее валялись изувеченные тела и куски человеческого тела — останки тех, кому пришлось ехать на броне и кто в итоге погиб в огне взрыва.

Опять услышав гулкий рев, Уриил успел оглянуться, чтобы увидеть, как очередная ракета врежется в крышу еще одной «Химеры» полковника Каин. Этот выстрел угодил в менее защищенную верхнюю часть, и снаряд разорвался внутри, заставив бронемашину заходить ходуном. Над затянутым дымом полем боя раздался треск ружейных выстрелов — прежде прятавшиеся на крышах мятежники наконец показались.

Уриил оттащил еще одного раненого солдата подальше от огня, распространяющегося по оставленной им машине. Мотор уже горел, и оставалось только вопросом времени, когда детонируют боезапас и энергоустановка.

Пули и лазерные импульсы вгрызались в землю вокруг них, пока Уриил и раненый гвардеец пытались найти укрытие. В стену рядом с Астартес ударило разом несколько выстрелов, осыпав его каменным

крошечном, и капитану пришлось активно заморгать, чтобы избавиться от попавшей в глаза пыли.

Вскоре к ним присоединился и Назаний, укрывший своего солдата за грубой каменной стеной развалин. Огни вели с обеих сторон улицы, дома на которой, как теперь мог видеть Уриил, представляли собой либо примитивные постройки из необожженного кирпича, либо остовы брошенных танков.

Брезентовые навесы и покосившиеся веранды со стенками из гофрированного железа были пристроены к ржавеющей бронетехнике, и таких удивительных жилищ было гораздо больше, нежели тех, при строительстве которых были использованы более традиционные материалы.

--- Мы не должны отсиживаться, --- сказал Уриил.

--- И чем мы будем вести бой? --- призывая к разуту отозвался Назаний. --- К тому же ребята Каин, похоже, знают свое дело.

Это и в самом деле было так.

Уцелевшие «Химеры» закрыли собой поврежденные машины, а на дома вдоль улицы обрушился плотный град ярких лазерных импульсов.

Солдаты вели огонь из машин, чья броня прекрасно защищала от телкокалиберного оружия и чьи башенные мультилазеры посылали в противника шипящие, мощные лучи. Мимо, расшвыривая комья грязи и чада двигателей, прокатилась одна из «Химер», спешащая на помощь погубитой товарке.

Раздался громкий, разносящийся эхом лай установленного на машине тяжелого болтера, и выпущенные им заряды начали перемалывать каменный паранет на крыше одного из домов. Уриил увидел, как там взорвалось алое облачко, и даже сквозь неумолимый грохот выстрелов расслышал чей-то крик. Матежники умело спланировали засаду, но укрепления, за которыми они были вынуждены укрываться, могли быть с тем же успехом сделаны из бутага, раз уж речь зашла о болтерном огне.

На глазах Уриила один из движущихся подпрыгивающим шагом «Часовых» дал очередь из автомашки, накрыв группу людей, бегущих среди развалин. Крупнокалиберные снаряды взорвались прямо в ее центре, и все мятежники до единого рухнули на землю, изуродованные до неузнаваемости, а их кровь окрасила бледные каменные стены алыми дугами.

Раздался одиночный выстрел — отчетливый и звонкий — и голова пилота, управлявшего «Часовым», откинулась назад с образовавшейся в затылке неровной дырой. Снайпер.

Уриил проследил направление выстрела и сквозь дым сумел различить размытый силуэт убийцы. Уцелевшие «Химеры» уже почти полностью окружили подбитые, и теперь солдаты помогали своим пострадавшим товарищам выбираться из горящих обломков; на первый взгляд нападение начиналось казаться сорвавшимся.

Астартес рискнул высунуться из-за иссеченного пулями угла, за которым

укрывался. Стоять вот так и спокойно наблюдать за сражением для него было просто нелогично, и он знал, что не сможет отсиживаться, пока остальные утирают за него.

Капитан повернулся к Назанию, но не успел даже открыть рот, как грубо произнес:

— Я все понял, ты все-таки встрянешь. Действуй. Я прикрою.

Уриил кивнул и выскользнул из проулка, устремившись к поврежденной «Хилере», опасно завалившейся набок. Ее корпус был покрыт потеками крови и машинного масла, а изнутри вырывался дым. Главное оружие машины оказалось поврежденным, но кастодезантник видел, что турельное оружие все еще цело.

Воздух рассекали выстрелы — Уриил слышал их близкий свист и отчетливое шипение. От брони «Хилеры» скрикошетила пуля, и Астартес ощутил, как что-то горячее и острое прочертило полосу на его лодыжке.

Он прыжком ушел под защиту накренившейся машины, перекатился и

поднялся на ноги уже в ее тени. Затем схватился за верх кузова «Химеры», перебросил себя на ее крышу, подполз к турели и, выбив предохранитель, развернул оружие к цели; положение не слишком годилось для ведения огня, но Уриил обладал достаточной силой, чтобы выдержать тяжесть отдачи.

Снайпер высунулся, чтобы прицелиться по следующему «Часовому», и тогда костюмгесантник нагавил лапоть на газетку. Оружие стреляло с оглушительным, беспощадным лязгом, который, казалось, наносил урона не меньше, чем выпущенные им снаряды. Тяжелые тупоносые пули покидали ствол в ослепительном снопе искр. Мишень Уриила разлетелась в клочья мяса, во все стороны фонтаном брызнула кровь.

Тогда капитан вновь повернул тяжелый стаббер, осыпая градом пуль паранеты здания на противоположной стороне улицы. Под ударами сверхзвуковых снарядов глиняные кирпичи рассыпались в пыль. Оружие обладало невероятной отдачей, но сила костюмгесантника

легко позволяла с ней справиться.

Лазерный импульс опалил плечо Уриила, и воин поморщился от неожиданной боли, но смог удержать оружие нацеленным на боевые позиции на крышах. Из окна затвора сыпались, прочерчивая в полете бронзовые дуги, дымящиеся гильзы.

--- Уриил! --- закричал Назаний снизу. --- Слева!

Капитан посмотрел в ту сторону, куда указывал обрубком руки товарищ, и заметил движение между дымящимися почерневшими остовами танков, превращенных в дома. Группа из трех человек намеревалась выпустить по нему ракету, и Уриил, стремительно развернувшись, дал по ним очередь.

Пули прочертили дугу и, забарабанив по металлу остовов, зазвенели, словно тысяча колокольчиков. Один из противников отлетел назад и упал с зияющей дырой во всю грудь.

К их чести, ни один из двух оставшихся не испугался ужасной гибели своего товарища; более того, они уже

нацелили пусковую установку прямо на ту «Химеру», на крыше которой стоял Уриил. Космогесантник попытался дать по ним еще одну очередь, но оружие в его руках только сухо закашлялось, когда боек застучал по опустевшему патроннику.

Уриил увидел триумф на лице прищурившего один глаз мятежника.

А затем голова ракетчика взорвалась.

До капитана донесся отчетливый звук болтерного выстрела, и, оглянувшись, он увидел Назания, бегущего к нему по проулку и, что радовало, сжимающего в руке свой пистолет. Сержант Ультратаринов выстрелил снова, и последнего противника сбilo с ног. А затем наг тем местом, где он стоял, взметнулся грибок взрыва — это заряд, выпущенный Назанием, заставил детонировать запасные ракеты, лежавшие в джутовом мешке на спине мятежника.

Вылетевшая из рук повстанцев пусковая установка бешено закружилась на земле, прежде чем взорваться. К небу взмыли тонкие усики черного дыма.

Услышав приближающийся рокот гусениц и гулкий равномерный ритм коротких очередей, Уриил выпустил из рук захваты тяжелого стаббера. Солдаты полковника Каин полностью овладели ситуацией, и для космогесантников работы уже почти и не осталось.

Затем капитан заметил, как на крыше мелькнуло что-то зеленое, и, подняв взгляд, увидел облаченного в плащ мужчину с выбритой головой и разделенной на две косы бородой, смотревшего на него через пробойну в паранете. Человек что-то прокричал, но его слова были неразличимы за грохотом выстрелов и бешеным ревом моторов, и даже усиленный слух Уриила не позволил ничего разобрать, но смысл сказанного стал очевиден, когда с крыши стали исчезать стволы винтовок. Плотность выстрелов стремительно снижалась; мятежники отступали, чтобы скрыться среди беспорядочного нагромождения руин.

Человек в зелено-желтом плаще рискнул в последний раз оглянуться и встретился глазами с Уриилом.

Ненависть в чужом взгляде капитан узнавал безошибочно. Он на всю жизнь насторожился ее на Медренгарде.

И человек, смотревший на него с крыши, ненавидел его и желал ему смерти, и не только ему, но всем и каждому на этой залитой кровью, задымленной улице: Фалькатам, Уриилу, Назанию, любому солдату, который отстреливался и пытался помочь своим раненым товарищам.

Затем мужчина исчез, и Уриил прыгнул с «Хитеры».

Он приземлился в грязи рядом с Назанием.

— Спасибо, что предупредил, — сказал капитан. — Та ракета могла здорово подпортить мне день.

— Не за что, — отозвался Назаний. — Все равно бы он, скорее всего, промахнулся. Эти глупцы даже не способны понять, что проигрывают, пока не становится слишком поздно.

Уриил был вынужден согласиться с этим утверждением друга. Фалькаты понесли серьезный урон, когда угодили в

засаду, но ответили на удар с завидной скоростью и спокойствием. Солдаты действовали, словно на тренировке, приняв бой без всякой суеты или паники, которые вполне могли бы даровать напавшим победу.

Мятежники же, вместо того чтобы своевременно отступить после начального успеха, задержались на месте дольше разумного и потому понесли в столкновении тяжелые потери, поскольку не обладали ни дисциплиной, ни огневой мощью хорошо обученной Имперской Гвардии.

— Заметил того парня в желто-зеленом плаще? — спросил Уриил.

— Да, — ответил Назаний, не оставляя неуклюжих попыток перезарядить свое оружие. — Вожак, как понимаю. Глупо с его стороны носить столь приметный наряд.

— Мне тоже так показалось, — согласился капитан, забирая из руки товарища болт-пистолет и вставляя свежий магазин. — Ты где эту штучку раздобыл?

— У него взял, — кивнул Назаний в сторону мертвого сержанта Фалькат, лежащего на краю улицы с торчащим посреди лба осколком металла размерами с хороший наплечник. — Мне показалось, что оружие ему уже не понадобится и что будет неплохо позаимствовать пистолет и отомстить за беголагу.

— Весьма неплохо, — согласился Уриил.

— К тому же так мне не придется снова пользоваться тем проклятым болтером...

— Кстати, где он сейчас?

— Там, — указал Назаний на обломки «Химеры», из которой они выбрались не более пяти минут назад. — Пусть сгорит.

Уриил понимал, что чувствовал его друг: в использовании оружия, затронутого Губительными Силами, не было никакой чести, зато сплошной риск. Лучше уж бросить его в огне, чем дожидаться, пока оно обратится против тебя самого.

Рядом с ними остановилась еще одна «Химера», и из люка возле турели иштүрмболтера, ухватившись за

держатели, высунулась Верена Каин. Стволы оружия все еще дымили, и лицо полковника было черным от грязи, с отдельными розовыми росчерками там, где с ее лба скатывались струйки пота.

— Забирайтесь, — равкнула она. — Они могут вернуться.

— Это навряд ли, — заметил Уриил, но все равно поднялся с земли и помог сделать то же самое Назанию. Кормовой люк «Химеры» распахнулся, и вниз прыгнули сержант Трмейн и два сопровождающих его солдата. Все они разглядывали крыши через прицелы лазганов.

Трмейн потанил костодесантников, и Уриил с Назанием подбежали к грохочущей «Химере».

Улица была затянута дымом, на ней догорали пять уничтоженных боевых машин пехоты, брошенных прямо на месте. Тел видно не было: уцелевшие экипажи забрали с собой и раненых, и мертвых. «Часовой», пилот которого погиб на глазах Уриила, повалился на землю, когда его ногу сломала неуклюжая «Химера».

--- У куда теперь? --- спросил Уриил, лагонью защищая глаза от солнца.

--- К казармам, --- ответила Каин. --- До них ближе всего, а у нас много раненых.

У капитана накопилось множество вопросов, но раненые --- превыше всего, а сейчас даже секундное промедление могло стоить жизни некоторым из них. Трелейн забрался внутрь машины, но Уриил, уже схватившись за края люка, увидел, что отсек полон стонающих пострадавших, лежащих на грязном полу. Капитан знал, что остальные машины выглядят сейчас точно так же и пропахли страхом, болью и кровью.

Солдаты сидели, прижимаясь плечом к плечу, набившись во внутренний короб куда плотнее, чем могли рассчитывать самонадеянные военные инженеры, и теперь в их глазах Уриил видел уважение к костодесантникам и восхищение, чего прежде не было, --- известие о том, как Ультратарины повели себя в бою, достигло ушей даже тех, кто не видел этого собственными глазами.

Гвардейцы зашевелились, стараясь

освободить для них место.

Здоровые бойцы, разместившиеся в освещенном тусклыми красными лампами отсеке, старались оказать своим раненым товарищам всю возможную в этих условиях помощь, и Уриил чувствовал исходящую от каждого, кто находился на борту, усталую, готовую вырваться наружу злобу.

— Мы поедет на броне, — сказал Уриил. — У вас тут и без нас тесно.

«Хитеры» полчались по Барбадусу, и Уриил получил возможность впервые как следует рассмотреть местную столицу Умпериума. Выглядело все так, словно город вырос на останках давнего масштабного сражения. Повсюду, насколько хватало глаз, ностодесантник видел лишь руины да обломки военной техники. Целые кладбища бронемашин, брошенных разрушаться под властью стихии или же превратившихся в жилища обитателей планеты.

Дома из неотесанного камня, кирпича и металлических пластин опасно

кренились, удерживаемые только
железными опорами, некогда
представлявшими собой главные танковые
орудия. Но чем дальше колонна «Хитер»
углублялась в город, тем чаще начинали
встречаться более надежные и пригодные
для жизни постройки, появлялись
окруженные высокими стенами башни из
розового камня и выбеленного дерева.

Здания из темного металла и
закаленного стекла, определенно имевшие
имперское происхождение, пребывали в
сомнительном соседстве с глинобитными
и кирпичными хижинами, и все более-
менее старые постройки, какие попадались
на глаза Уриилу, носили следы,
оставленные войной за этот мир: лазерные
опалины, пулевые выбоины. Но стихия уже
начинала стирать их.

То там то сям Уриил замечал
зелено-золотые вымпелы, развевающиеся на
высоких столбах и провисших бельевых
веревках, -- в те же цвета был одет
человек с раздвоенной бородой. Более того,
многие памятные ленты в мертвом городе
имели ту же расцветку, и космогосантники

задумался, что бы это могло означать.

--- Кровь Императора! --- прошипел Назаний, воззрившись на вершину холма, вздымающегося к западу от столицы.

--- Что там? --- насторожился Уриил, опасаясь очередной засады.

--- Может, сам посмотришь? --- отозвался Назаний. --- Я никогда такого не видел.

Проследив за взглядом товарища, капитан обнаружил, что на гладкой вершине холма возвышается постройка удивительной формы. В ее очертаниях было нечто знакомое, но Уриилу потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что именно.

Жители города были весьма изобретательны в том, что касалось использования брошенной техники, и многие машины даже превращали в дома, но то, что видел сейчас капитан, казалось просто верхом гизайнерского искусства местных сборщиков военного мусора.

Три высоченных «Капитолы Импералис», могучие левиафаны в мире военных технологий, применявшиеся,

чтобы размещать командование и контролировать протяженные линии фронта, были выставлены борт к борту и превращены в нечто совсем новое. Когда-то внутри каждой из этих невероятных боевых машин располагались сотни операторов и офицеров, направляющих в бой целые полки артиллерии, многие десятки тысяч солдат и роты бронетехники. Даже один такой колосс нечасто можно было встретить на поле боя, а уж чтобы увидеть сразу три, да еще и брошенных на произвол судьбы? Это было просто неслыханно.

Да, они определенно были брошены — ржавчина и коррозия на их броне свидетельствовали, что эти гиганты уже давным-давно не в строю. Крайние машины оказались лишены имперских орлов, хотя и сложно было сказать, произошло это по вине стихии или же так и было задумано. Между гигантами кто-то перебросил шаткие мостки, а на нижних этажах были возведены соединительные тоннели.

— Как думаешь, что это? — спросил Назаний.

Уриил и сам уже задал. Изучив странное сооружение повнимательнее, он заметил над командной палубой центральной машины некий истершийся рисунок, который вполне мог изображать крылатый посох, обвитый гвүтя переплестшимися змеями.

Кагүцей?

--- Может, учреждение медикае? --- предположил Уриил.

--- Мне кажется излишней роскошью использование в таких целях «Капитоль Имперуалист».

--- Согласен, но вполне возможно, что больше они уже ни на что и не годятся.

--- О чем это ты?

--- Оглянись вокруг, --- сказал Уриил. --- Да всей этой брошенной техникой можно было бы целую армию вооружить. Половина города живет в ржавых остовах, оставшихся от танков Имперской Гвардии. Похоже, что, когда Фалькаты решили здесь остаться, командование сил Крестового похода, в котором они участвовали, не выделило им достаточных средств, чтобы

поддерживать все это в порядке.

--- А значит, техника превратилась в бесполезные железяки?

--- Да. Со временем.

--- Какой позор, --- произнес Назаний. --- Нехорошо это --- проявлять подобное неуважение к тому, что не раз в бою спасало твою жизнь.

--- Да, плохо, --- согласился Уриил, вспоминая, сколь грубо обошлись с его собственной броней на Медренгарде.

Капитан мечтал вновь оказаться заключенным в боевые доспехи Астартес, вновь ощутить себя полноценным и верным слугой Императора, облаченным в мощнейшую броню и вооруженным самым смертоносным оружием. Экипировка Космического Десанта была не просто средством ведения войны, но и инструментом, через который воплощалась воля самого Императора.

У подножия холма, на котором расположилось удивительное медицинское учреждение, сиял купол многоарусного, украшенного колоннадой здания, определенно являвшегося не чем иным, как

храмом Экклезиархии. Величественное в своем великолении, оно явно возводилось с расчетом на то, чтобы возвышаться над всеми окрестными домами и демонстрировать могущество Империи. Но и тут война не прошла стороной — два из четырех шпилей, расположенных по сторонам света, были разрушены и торчали каменными пеньками.

Затмевая даже этот храм в лицетворении имперского могущества, над нищим городом, раскинувшись у его подножия, подобно холмам вокруг огромной скалы, вздымался высокий дворец, увенчанный мрачными шпилями. Резко вырисовывающийся на фоне неба, он казался удивительно аскетичным, лишенным богатых украшений, какие Уриил привык видеть на подобных зданиях.

— Имперский дворец? — уточнил капитан.

Назаний кивнул и добавил:

— Своей мрачностью он вполне соответствует этим местам.

Уриил так же ответил кивком на высказывание друга. Дворец обладал весьма

суровым видом: грозные цилиндры башен, наверху которых под навесами прятались тяжелые орудия; сверкающие электрическими разрядами антенны, приземистые закрытые ангары — все это более чем подчеркивало безрадостный пейзаж, но, кроме того, строение, казалось, излучало ауру грубой силы, лишенной всякого сострадания.

Губернатор Барбаген определенно не был человеком, склонным к показной роскоши. Это обязательно следовало учесть в будущем, и Уриил задумался, пытаясь представить себе бывшего имперского командующего.

Барбаген совершенно точно не пользовался популярностью, о чем недвусмысленно свидетельствовало поведение местных обитателей на улицах.

Коренные жители планеты оказались статными, высокими людьми, носящими, словно общую униформу, пепельно-серые комбинезоны и глинные плащи.

Когда «Хитеры» проносились мимо, горожане спешили прижаться к стенам, и в глазах этих людей Уриил видел всю ту

же с трудом сдерживающую враждебность, какую недавно заметил на лицах гвардейцев.

Победа Фалькат в борьбе за владение Салинасом явно оставила раны... раны, которые так и не удалось заживить.

Куда бы ни посмотрел Уриил, повсюду он видел свидетельства того, что местное население активно использует технику, брошенную Гвардией: лотки городского рынка были сварены из помятой листовой стали, согранной с танковых телеги и фургоны оказывались переделанными прицепами от грузовиков снабжения; на ручки для хозяйственных тачек пошли выхлопные трубы.

Колонна машин полковника Каин стремительно мчалась по улицам, совершая резкие, неожиданные повороты.

— Не хочет давать мятежникам второго шанса, — заметил Назаний, озвучив собственные мысли Уриила, и вцепился в борт «Хитеры», когда броневик вильнул за очередной угол.

Капитан посмотрел на прохожих и увидел на лице каждого из них

неприкрытую ненависть.

— Не могу ее за это винить, — сказал он.

Путешествие с «Клекочущими орлами» по удивительным улицам Барбагуса продолжалось еще десять минут — десять долгих минут, во время которых Уриил ежесекундно ожидал услышать выстрел или рев выпущенной по ним ракеты. Но ничего подобного так и не произошло, и с каждым новым поворотом колонна уходила все глубже в город и все дальше от имперского дворца.

Вскоре «Хилеры» прибавили ходу, устремляясь к возникшим впереди высоким стенам, отстоящим от ближайших домов на весьма приличном расстоянии. Уриил отметил, что постройки здесь расположены более свободно и куда менее населены, но лишь по прошествии нескольких секунд, когда их машина выкатила на открытое пространство, стал понимать причины этих отличий.

Вокруг стен раскинувшихся перед ним казарм лежала свернутая кольцами

колючая проволока, а мощные железные ворота базы охраняли приземистые укрытия из мешков с песком и древесных стволов. По обе стороны от них красовались бронзовые орлы.

Колонне пришлось сбавить скорость, чтобы проехать мимо огромных бетонных плит, препятствующих быстрому приближению техники.

— Должен признать, они весьма осторожны, — произнес Назаний, отмечая тот факт, что за колонной неотрывно следят орудия, установленные на углах крепостных стен.

— Они напуганы, — сказал Уриил, не прекращая думать обо всех тех враждебных лицах, мимо которых они проехали по пути сюда. — А еще — вынуждены прятаться за этими стенами. Что-то я не заметил на улицах ни единого патруля, а ты?

— Я тоже, но ведь не обязательно же в городе должно быть военное присутствие, — ответил Назаний. — Наверняка за порядком следят какие-нибудь местные силы, а не Гвардия.

--- Таковых тоже не наблюдается, ---
заметил Уриил.

--- И то правда. Странно, да?

--- Более чем.

Беседе пришлось прервать, поскольку ворота загрохотали, открываясь и уходя вглубь стен, а затем колонна вкатилась на пыльный внутренний плац. За укреплениями обнаружилось несколько строений барачного типа и стандартной для Империи конструкции: изогнувшиеся аркой стены из рифленого металла и покрытые рубероидом крыши. Одинаковые, эти здания расположились через равные промежутки вдоль всего двора. Различалось только назначение: столовая, ремонтный цех, топливный склад, хранилище экипировки, лазарет.

Высоко над крепостью взметнулось знамя, изображающее выпустившего когти золотого орла, и со всех сторон к потрепанным в бою «Химерам» встретились встревоженные солдаты. Начали перекрикиваться выбирающиеся из машин бойцы, на них в ответ заорали медики, требовавшие освободить место

для раненых.

Уриил спрыгнул с крыши «Хитеры», лова обращенные на него и Назания удивленные взгляды. Затем он увидел полковника Каин, чьи отрывистые приказания легко пробивались сквозь всю эту суму и гомон голосов, возмущенных негавним нападением. С уверенным спокойствием она подгоняла врачей, совершенно не обращая внимания на их недовольство вмешательством в их работу.

Уриил кивнул Назанию, и вдвоем они направились к полковнику.

--- Мы можем чем-нибудь помочь? --- спросил капитан Ультратаринов.

Каин оглянулась, отвлеченная от раздачи приказов. Ее лицо уже было начисто вытерто.

--- Нет, --- ответила она, --- и будьте крайне признательна, если вы не станете отходить от сержанта Трмейна. Вы все еще находитесь под стражей.

--- Даже после всего того, что произошло? --- удивился Уриил, одновременно наблюдая за тем, как со

спины к ним заходят Трелейн и еще трое
гвардейцев, облаченных в свежую
форменную одежду и сжимающих в руках
нацеленные на костюмодесантников лазганы.

--- Особенно после этого, ---
подтвердила Каин. --- Учитывая, что
нападение Сынов Салинаса состоялось
сразу после вашего прибытия... мне одной
кажется, что не заподозрить тут
некоторую взаимосвязь с моей стороны
было бы преступной глупостью?

--- Сынов Салинаса? --- спросил Уриил. ---
--- Кто они? Это название было нацарапано
на стене одного из домов в Хатүриане.

--- Еще одна проблема, добавляющая
мне хлопот, --- произнесла полковник.

--- Но кто они такие? --- продолжил
настаивать Уриил.

--- Ничтожества, --- отрезала Каин, и
в глазах ее засверкала ярость. ---
Предатели, пытающиеся убедить людей в
том, что вооруженные силы Империи ---
захватчики, каждому решению которых
следует сопротивляться. Эти «сыны»
просто террористы, убийцы и еретики, не
заслуживающие ничего, кроме полного

уничтожения.

Уриил не был удивлен пылкостью полковника, в конце концов, слишком многие из ее людей буквально только что либо погибли, либо оказались ранены. Но тем не менее в ее обычно стальном голосе прозвучала ненависть куда более глубокая, нежели простой гнев.

Верена Каин ненавидела Сынов Салинаса со всей страстностью религиозного фанатика.

— У вас есть мысли о том, как удалось организовать это нападение? — спросил Назаний.

Полковник пронзила его ядовитым взглядом, даже не пытаясь сдерживать глубину своего раздражения.

— Весь этот проклятый город снабжает их информацией, — процедила она. — Стоит нам сделать хотя бы шаг, как обязательно найдется кто-нибудь с переносным воксом, чтобы сообщить об этом мятежникам.

Еще примерно тридцать минут ушло на то, чтобы позаботиться о раненых.

отправить в цех поврежденные машины и
перевооружить солдат, каждый из
которых за время сражения успел
израсходовать большую часть
боекомплекта. Несколько нервный
комиссар случайным образом -- насколько
показалось Уриилу -- выхватывал
вернувшихся из общей толчеи и
выслушивал их доклады. Каин вновь
принялась выкрикивать распоряжения с
такой яростью, словно боялась, что если
прервется хотя бы на мгновение, то уже не
сможет справиться с грузом недавних
событий.

Каждое ее приказание исполнялось с
поражительным рвением,
свидетельствовавшим о том, что
непослушание влекло за собой весьма
серьезные последствия, и Уриил понял, что
видит перед собой офицера, который не
только отменно разбирается в своем
ремесле, но и не позволяет забыть об этом
подчиненным.

Тем временем оба костогесантника
расположились на земле, прислонившись
спинами к одной из «Хитер»; металл ее

брони тихо потрескивал и постанывал, остывая. Солнце уже проделало половину своего пути к зениту, и Уриил прикрыл глаза, наслаждаясь игрой теплых лучей на своей обнаженной коже.

Поскольку им все равно теперь нечем было заняться, кроме как ждать, пока полковник Каин прикажет выдвигаться, Уриил решил воспользоваться неожиданным представившейся возможностью и отдохнуть. Костический десантник в течение всей своей службы практически не имеет времени ни на что, кроме подготовки к грядущим сражениям. Боевой тренинг, укрепление мускулатуры, биохимический контроль и всевозможная армейская муштра — вот с чего начиналась и чем заканчивалась для него жизнь.

Жизнь во имя служения, жизнь, принесенная в жертву, жизнь ради битвы.

Какой слуга Императора мог просить о большем?

Ответ на этот вопрос явился сам собой в виде воспоминания об Аргарике Ваанесе.

За время, проведенное на Медренгарде, Уриил успел усомниться в своем праве называться костическим десантником, но сумел пройти через все испытания и даже стать сильнее. Но не все побывавшие на проклятой планете проявили ту же стойкость характера, и капитан с горечью вспоминал об Аргарике Ваанесе, повернувшись спиной к Императору и своему долгу перед Нил.

Некогда Ваанес был воином из Гвардии Ворона, но по так и не понятым Уриилом причинам отрекся от своего ордена и вступил на путь вероотступничества. Капитан предлагал ему возможность вернуться на стезю праведности и найти искупление, но Аргарик предпочел позор и бесчестие.

Уриилу оставалось только гадать, что случилось с ним дальше. Скорее всего, тот уже был мертв, и его побелевшие кости валялись где-нибудь на усыпанных теплом пустошах демонического мира.

Понимая, что начинает проявлять излишнюю сентиментальность, капитан заставил себя выбросить воспоминания об

Ардарики из головы и повернулся к Назанию.

Им не требовалось даже говорить друг с другом, достаточно было просто молчаливого присутствия товарища, познавшего вместе с тобой жизнь, смерть и все такое прочее. Они могли просто наслаждаться тишиной...

Тишиной, которую вскоре нарушило приближение полковника Каин.

Уриил посмотрел на нее.

--- Губернатор Барбаген готов вас принять, --- сказала женщина.

--- Хорошо, --- ответил Уриил. --- Полагаю, что я тоже готов встретиться с ним.

«Из маленькой искры должно разгореться большое пламя».

Часть вторая

КОЖА

Глава шестая

Посещение имперского дворца на Салинасе? Подобных экспериментов над собой Дарон Нисато старался лишний раз не ставить. Это место было слишком равнодушным и слишком вульгарным символом имперской власти, чтобы вызывать хоть сколь-нибудь теплые чувства. Более того, оно стало фокальной точкой для ненависти граждан; видя его резкие, неприликие очертания на фоне голубого неба, ты начинал ощущать всю свою ничтожность перед лицом Империи и, что куда важнее, свою ничтожность перед лицом губернатора Лито Барбагена.

Приблизившись к пропускному пункту, Нисато позволил дежурному офицеру забрать оружие, хотя, конечно, его раздражал тот факт, что даже главе сил правопорядка бояться оставить пистолет при встрече с губернатором.

Это был уже третий пост охраны, через который пришлось пройти за утро.

Очередное серое железобетонное строение, от которого за версту несло унынием и равнодушием. Вначале БТР «Рино» Нисато остановили на КПП возле главных ворот. Затем, едва он успел сделать пару десятков шагов, пришлось подтверждать свою личность при помощи весьма болезненных проб на генетическое соответствие. Дарон трачно устехнулся, подумав о том, не является ли именно регулярный забор крови на анализ причиной бледности и худобы охранников, служащих во дворце.

--- Чему ухмыляется? --- спросил дежурный офицер, заперев пистолет Нисато в сейф.

--- Просто мне радостно видеть, сколько ревностно вы относитесь к своим обязанностям, --- ответил Дарон, прекрасно осведомленный о том, что эти люди начисто лишены всякого чувства юмора.

Охранник вопросительно покосился, пытаясь понять, не издеваются ли над ним, но Нисато был непревзойденным мастером в умении скрывать свои мысли. Решив, что его священный труд все-таки

не стал тишенью для насмешек, офицер
угрюмо кивнул и махнул рукой в сторону
прохода, ведущего во внутренние пределы
дворца.

Нисато уже собирался направиться
туда, когда за его спиной хлопнули двери, и
помещение наполнилось весьма
характерным запахом благовоний, пота и
поглостии. Можно было не глядя сказать,
кто вошел на пропускной пункт.

--- Кардинал Тогандис, --- произнес
Нисато.

Услышав вздох, он обернулся, чтобы
увидеть перед собой во всей красе тучную
фигуру понтифекса максимуса Барбадуса.

--- Инфорсер Нисато, --- откликнулся
Тогандис, чей лоб был покрыт
бусеринками пота. --- Я нахожу
восхитительным тот факт, что судьба
свела нас в этом месте и в сей час.

Шейво Тогандис не вызывал
уважительного к себе отношения даже в
те времена, когда служил в качестве
штатного исповедника при Фалькатах.
Он никогда не отличался хорошими
манерами, был неутерен в еде и обожал

разговаривать вычурными фразами. Но
напрямде говоря, сам Нисато так ни разу и не
ощутил в себе потребности обратиться к
услугам этого человека, предпочитая
исповедоваться непосредственно
Императору.

Те десять лет, что прошли со Дня
Восстановления, не слишком хороше
обошлись с Шейво Тогандисом; его и без
того полное тело успело изрядно раздуться
во всех направлениях разом.

— Вас тоже вызвали? — спросил
Нисато.

— Да-га, — ответил Тогандис,
промокнув бровь платком. — Мы все —
верные слуги нашего господина и
благодетеля. Барбаген приказывает, и
нам остается лишь ревностно исполнять.
И мы же не будем вынуждать нашего
добродетельного губернатора ждать?

— Нет, — согласился Нисато, отходя в
сторону, чтобы пропустить кардинала к
неулыбчивому офицеру.

Пока Тогандис проходил через все
надлежащие формальности, необходимые
для того, чтобы тиновать гворцовую

охрану, Нисато воспользовался случаем
внимательно рассмотреть верховного
священнослужителя Салинаса.

Впечатления тот не произвел.

Если не принимать во внимание
роскошных одеяний, Шейво Тогандис
показывался всего лишь нервным
человечком, чье поведение, иди речь о ком-
либо другом, должно было повлечь за собой
арест, заточение в тюремную камеру и
обработку дознавателями до тех пор, пока
толстяк не исповедуется во всех своих
грехах.

Исповедующийся исповедник. Эта
мысль вызвала у Нисато улыбку.

Помимо алой ризы, вышитой
серебром, Тогандис носил высокую, искусно
украшенную митру с глиняными золотыми
лентами. Кроме того, в руке священник
сжимал глиняный посох, насчет которого у
него и случился спор с дежурным
офицером.

— Видите ли, любезнейший, — начал
Тогандис, — вызов во дворец в сей
послеобеденный час застал меня в самый
неожиданный момент, а посох этот суть

самый сакральный инструмент, являющий собой символ той важной и ответственной роли, какую я играю на этой планете. Я бы крайне не советовал вам пытаться забрать его у меня.

— Никакое оружие или предмет, способный использоваться в данном качестве, не допускаются к ношению во дворце, — отчеканил дежурный офицер слова, которые, видя, заучивал наизусть. — Это позволено исключительно фалькатам, состоящим на действительной службе.

— А теперь слушай сюда, ничтожный, жалкий клеветник! Пора бы уже тебе было усвоить, что из всех правил существуют исключения, так что я отказываюсь раболепствовать и выслушивать твои глупейшие попытки выслужиться. Ты меня понимаешь?

— Но правде сказать — нет, — произнес офицер, протягивая руку, — но это ничего не меняет. Вам придется сдать свой посох.

— На вашем месте, Шейво, я бы не стал тратить драгоценное время на

бесполезные споры, — сказал Нусато, изъясняясь так же напыщенно и самовлюбленно, как кардинал. — Даже я, надежда и опора имперского правопорядка, вынужден был сдать символы своей власти, столкнувшись с упорством сей важной персоны.

Тогандис окинул взглядом пустую кобурку на поясе Нусато и улыбнулся в знак солидарности, определенно оставшись глух к сарказму в голосе инфорсера.

— Что ж, как говорится, нельзя встречать невзгоды в одиночестве, верно? — с этими словами кардинал повернулся обратно к дежурному и неохотно протянул тому посох. — Вот только если я по возвращении замечу на нем хоть малейшую царапинку, на вас, сугарь, будет возложена суровейшая из всех мыслимых епитимий!

Дежурный офицер принял посох и усталомахнул рукой, разрешая проходить.

Улыбаясь, Нусато следом за кардиналом вышел во внутренний двор, залитый ярким светом солнца, уже приблизившегося к той точке, когда утро

переходит в день.

Перед ними возвышался дворец — темный и угрожающий. Его оборонительные орудия хотя и смотрели сейчас в небо, но все равно являли собой доходячий символ той власти, какой обладал владеющий ими человек. Сложенный из невероятно огромных блоков темного камня, дворец напоминал Нисато, расположенных на высоких утесах величественных затках его родного мира — несколько печальных родовых гнездах, построенных из камней, добытых на морском берегу.

Нижние уровни дворца патрулировали солдаты, облаченные в багряные одеяния и носящие на боку обнаженные фалькаты. Их красные кирасы поблескивали на солнце, а начищенные бронзовые шлемы сияли, точно золотые, вот только ни один из охранников, ясное дело, не имел права носить стрелковое оружие.

В отличие от большинства солдат в церемониальных нарядах, Ачатанские фалькаты некогда были серьезными воинами, и Нисато гордился тем, что в

прежние времена сражался с ними в одном строю. В этих людях не было слабости, и сражались они с таким огнем в сердце, что на каком-то остальным полкам оставалось только мечтать. Конечно, после Дня Восстановления огонь угас, но угли все еще продолжали тлеть.

Перед дворцом припарковались три «Химеры», на бортах которых красовались гербы «Клекочущих орлов», и увиденное показалось Нисато настолько необычным, что он принялся гадать, кто же удостоился редкой чести приехать сюда на этих машинах.

Тогандис очередной раз протокнул лоб платком.

— Скажите, любезнейший, а когда вызывали вас, хотя бы нагнали, в чем заключена причина столь неожиданной аудиенции? — спросил он.

Нисато покачал головой, сбавляя привычный широкий шаг настолько, чтобы встать в ногу с переваливающимся с боку на бок кардиналом.

— Ничего такого, но разве Лито не славился всегда своим нетногословием?

— Уж такой он, да, — согласился
Тогандис. — В самом деле такой. Никаких
тебе проникновенных речей перед битвой,
одни только приказы — точные,
требующие безоговорочного подчинения.

Насколько помнил Нисато, так оно и
было. Когда Лито Барбаген возглавил
Ачаманских Фалькат, Дарон — тогда еще
кадет-комиссар — был вынужден
расстрелять несколько молодых офицеров,
остелившихся проявить личную
инициативу и по-своему
интерпретировать приказания нового
командира.

Лито терпеть не мог повторять
дважды и не ожидал от своих подчиненных
ничего, кроме полного повиновения. И,
насколько знал Нисато, годы, проведенные в
отставке, вовсе не стяжили характера
Барбагена, так что, получив вызов, он
тут же отложил все дела, связанные с
расследованием деятельности Сынов
Салинаса, и поспешил во дворец.

До встречи с Тогандисом Нисато
полагал, что все это как-то связано с
внутренним нападением на возвращавшийся

в город конвой полковника Каин. Теперь же, видя, что, помимо кардинала, сюда прибыли еще и «Хитеры», главный инфорсер понял: речь пойдет о совсем других делах.

— Какая жалость, что столь скверная история приключилась с бывшим магьютантом губернатора Барбагена, да?

— Простите? — отозвался Нисато, услышав столь неожиданный и неприятный вопрос.

— Ганнон Мербал, помните? — произнес Тогандис. — Мне довелось слышать, что он застрелился прямо у вас на глазах.

— Да, — ответил Нисато, насторожившись. — Именно так.

— Кажется, он был вашим другом? Или я заблуждаюсь? — спросил кардинал, и Нисато чуть не растеялся над этими жалкими потугами изобразить непринужденную беседу.

— Был, — подтвердил инфорсер, а про себя подумал: «Надо отвечать как можно более односложно. Пусть кардинал сам поболтает языком».

--- Кхм, значит, был, --- протянул
Тогандис. --- Не знаете, с чего бы это ему
могла прийти в голову подобная затея?

--- Это вы мне скажите, Шейво, ---
сказал Нисато. --- Ведь вы были его
исповедником, верно?

--- И в самом деле, Дарон, --- ответил
кардинал, явно уязвленный тем, что к
нему обратились просто по имени, --- но
существует нерушимое правило, и вы не
можете о нем не знать, запрещающее мне
раскрывать сокровенную тайну исповеди.

--- Даже если человек уже мертв?

--- Особенно если он мертв, ---
подчеркнул Тогандис. --- Трех
исповедовавшихся пребывают в руках
Императора. Впрочем, пожалуй, я могу
вам сказать, что Мербал испытывал в
некотором роде чувство вины.

--- Из-за этого? --- поинтересовался
Нисато, демонстрируя священнику
золотую медаль Мербала, которую тот
бросил на барную стойку, прежде чем
разметать свои мозги по всему бару.

Кардинал тут же отвел взгляд, и
Дарон не был бы инфорсером, если бы не

заметил чувства вины в глазах собеседника. Тогандис вновь принялся утирать пот.

— Я... я уже давно не вспоминал о Хатүриане, — произнес толстяк, но Нисато понимал, что тот врет.

— Вы были там? — спросил инфорсер, и Тогандис вздрогнул.

Нисато уже знал ответ; кардинал носил точно такую же медаль прямо на своей ризе.

— Я там был, да, — затараторил Тогандис, — но в сражении участия не принимал.

— Насколько мне известно, сражением это назвать затруднительно.

Кардинал поначалу не ответил, и Нисато уже было решил, что тот предпочел проигнорировать сказанное, но затем толстяк прошептал:

— Да, весьма затруднительно, но...

— Но? — попытался надавить Нисато, надеясь все-таки узнать побольше о самой таинственной из известных ему операций.

Но прежде, чем Тогандис успел хоть что-нибудь сказать, раздался полный

официоза голос:

— Инфорсер Нусато, кардинал
Тогандис, губернатор Барбаген готов
принять вас. Прошу следовать за мной.

Нусато молчаливо выругался, но
заставил себя выдать улыбку, когда
отвел взгляд от кардинала и посмотрел в
излучающее любезность лицо Мерска
Эвершета.

Лицо это, может, и было довольно
тонким и несколько угловатым, зато под
элегантным сюртуком скрывалось крепкое,
могучее тело. Нусато не раз видел этого
человека в бою и знал его как беспощадного
убийцу. Оставалось только гадать, каким
образом Барбагену удалось убедить
Эвершета оставить действительную
службу. Среди фалькат Мерск считался
своего рода аномалией — хорошо
воспитанный, голубых кровей, он мог
запросто претендовать на офицерское
звание, но по непонятным причинам
предпочитал остаться рядовым.

Теперь же он стал советником,
личным слугой, секретарем и
телохранителем Лито Барбагена, уже

самодовольно гавно стенив на этом посту ныне покойного Ганнона Мербала. Нисато несколько не сомневался, что Эвершет до зубов вооружен искусно скрытыми пистолетами и ножами.

--- Мерск, --- кивнул инфорсер. --- Как поживаешь?

--- Неплохо, --- ответил тот. --- А теперь, если позволите...

--- Конечно, конечно, --- взволновано проныхтел Тогандис. --- Пойдемте, Дарон. Не может же мы заставлять ждать нашего любезнейшего губернатора?

--- Не может, --- отозвался Нисато, --- и уж точно не хотел.

Он увидел, как на лице Эвершета проступает самодовольная ухмылка, и с трудом подавил желание стереть ее кулаком. Вместо этого инфорсер зашагал следом за личным головорезом Барбагена и кардиналом, сопровождаемый целым отделением одетых в красную униформу солдат, окруживших их со всех сторон и поблескивавших на ярком солнце своими фалькатами.

Натек был слишком грубым и

выходил за рамки приличия, но Нусато решил не уделять этому внимания и спокойно позволил отконвоировать себя по петляющим коридорам, узким винтовыми лестницам и гулким, холодным палатам дворца, где никогда не звучал стех и не горели катины.

Эвершет больше не выказывал желания общаться, да и Тогандис в этих угрюмых чертогах утратил свою привычную экстравагантную словоохотливость. Они шли в полном молчании, пока солдаты неожиданно не замерли в самом начале глинного коридора, украшенного портретами. На другой его стороне Нусато увидел мощнейший силэт Межиры Бардгил, к которой, как ни странно, по-прежнему испытывал почти отцовские чувства.

Она всегда была довольно нервной особой и часто подвергалась издевательствам, пока служила Барбагену в качестве ручного псайкера.

Нусато видел, что время, прошедшее со Дня Восстановления, к ней тоже не было добрым.

--- Сюда, --- произнес Эвершем, хотя и Нисато, и Тогандис прекрасно знали дорогу.

Они проследовали за телохранителем Барбагена по глиняному коридору, и кардинал даже попытался изобразить нечто вроде восхищения при виде портретов полководцев, в давние времена возглавлявших Фалькат. Нисато же на протяжении всего пути продолжал гадать, что именно толстяк собирался рассказать перед тем, как вливался Эвершем.

Мезира поприветствовала их робкой улыбкой и кивком, и инфорсер увидел темные мешки у нее под глазами, а заодно отметил, насколько обвисла кожа на ее и прежде худощавом теле. Тогандис старательно делал вид, что не замечает псайкера, пока Эвершем стучался в широкие деревянные двери. Едва услышав дозволение войти, Мерск распахнул их и скользнул внутрь.

Нисато, Тогандис и Мезира последовали за ним в помещение, оказавшееся просторной и богатой

библиотекой с рядами упирающихся в потолок книжных стеллажей и глиняными столами.

Губернатор сидел прямо на столешнице того из них, что стоял в центре.

Высокий, поджарый и темноволосый, Лито Барбаген выглядел почти аскетично; костюм, безукоризненно подогнанный по фигуре, хоть и был пошит в соответствии с гражданскими нормами, все же напоминал об армейской форме своими бронзовыми пуговицами, латпасами на брюках, дополняли картину начищенные до блеска сапоги. Слева на груди бывшего полковника была прикреплена орденская колодка, весьма элегантно вписывавшаяся в общий стиль.

Барбаген обладал привлекательной внешностью; его темные волосы и ухоженную бороду пронизала обильная седина, однако глаза губернатора по-прежнему сверкали хищным огнем.

Но, какое бы чарующее впечатление он ни производил, вниманием Дарона Нисато всецело завладели двое других.

стоявших рядом с Барбагеном. Впрочем, изумление Шейво Тогандуса вырвалось наружу быстрее.

— Астартес, — на выдохе произнес кардинал.

Оба воина были облачены в простые серые рясы с откинутыми за спину капюшонами, хотя эти одеяния и казались до смешного тесными для столь огромных созданий. Ни Верена Каин и никто из солдат, дежуривших у стен библиотеки, не сомневались, что не могли тягаться с костодесантниками в росте, но даже не доставали тем до плеча. Один из них обладал стройным телосложением, если, конечно, такое описание уместно, когда речь заходит о двух с половиной метровом гиганте, в то время как второй, у которого правая рука ниже локтя отсутствовала, был более приземистым и широкоплечим.

Сказать, что Дарона Нисато потрясло столь неожиданное зрелище, было бы просто колоссальным преуменьшением.

— А, Дарон, Шейво! — воскликнул

губернатор. -- Весьма польщен тем, что вы составили нам компанию.

«Как будто у нас был выбор», -- подумал Нисато.

-- К нам прибыли гости, -- продолжал Барбаген, -- утверждающие, что могут повесть поистине фантастическую историю.

С каждой минутой солнце вползло все глубже и глубже в пещеру, заставляя бескожих отступать все дальше в поисках тени. Ни громогласный рев, ни угрожающая демонстрация физической мощи не могли остановить его... равно не помогли молитвы и испуганные стоны.

Вожак, наблюдая за тем, как ненавистный свет пытается достать племя в этом последнем пристанище, почувствовал, что гнев в его душе перерастает в ярость. Никуда было больше бежать, нигде было прятаться от несущего смерть солнца.

Предательство приближалось к своей развязке.

Остальные воины, несчастные и

запуганные, сгрудились в кучу за спиной
своего вождя; ни пугающий вид, ни могучие
мышцы не могли защитить их от лучей,
сжигающих лишённые кожи тела. Даже
незначительное соприкосновение со светом
приводило к травмам, ожоги
стремительно распространялись по рукам
и ногам, становившись все бледнее.

Свет продолжал усиливаться, и
вожак зажмурился, чувствуя, как
поверхность его мускулов начинает
стягиваться, словно ее туго обматывают
невидимой пленкой.

Тело жгло с головы и до ног, и когда
он поднял перед собой руку, то увидел, что
там, где ее коснулось солнце, появились
странные пятна молочного цвета. Его
обнаженная плоть меняла свой цвет с
красно-серого на блестящий маслянисто-
белый.

Хотя сам предводитель и не знал
подобных слов, но его метаболизм
отреагировал на неожиданное шоковое
воздействие ультрафиолета активацией
генетической памяти, закодированной в
одном из дополнительных органов.

Космические десантники называли этот орган меланохромом — это было биологическое устройство, помогавшее коже Астармес при необходимости становиться темнее, чтобы защитить ее от вредоносного излучения.

Усиленные и измененные до полной неузнаваемости за время, проведенное предводителем в одной из чужовицных демонических маток, разбросанные по его телу фрагменты меланохрома сейчас неустанно трудились, создавая единственную защиту, информация о которой была закодирована в их никак не связанной с мозгом памяти, — кожу.

Вождь бескожих наблюдал, как молочно-белая пленка волнами растекается по его плоти, полностью покрывает собой руку, охватывает пальцы, стягивает вместе мясо и кости.

Потрясенный увиденным, он шагнул вперед, подставляя руку под прямые лучи света, что, подобно ворю, вползал в пещеру. Молодую кожу обожгло, ее нежный белый оттенок сменился воспаленным розовым. Тогда вожак убрал руку и обернулся, чтобы

увидеть, как та же пленка расплзается и по телам остальных воинов племени.

Неужели они вновь становятся целыми?

Природа случившегося чуда оставалась неведома вождю бескожих, поэтому он упал на колени и вознес благодарственную молитву Императору, ведь кто еще мог сотворить такое доброе волшебство?

Приободренное изменением, произошедшими с вожаком, все племя подалось вперед, и их сочащиеся влагой тела начали претерпевать те же метаморфозы.

Воины стонали и выли, когда их касалось солнце, поскольку деградация затронула их куда сильнее, нежели предводителя, и ультрафиолет еще продолжал жечь их плоть. Все племя смотрело на вождя в ожидании наставлений, но сейчас он ничем не мог им помочь.

Его тело изменялось, приспособлялось, мутировалось. Он не знал ни как, ни почему и понимал лишь то, что

Император предоставил ему шанс стать чем-то новым, перестать быть просто чудовищем. Гнев, ярость и злоба отступали... не исчезали совсем, но становились управляемыми.

Вождь бескожих посмотрел на свое племя:

— Ожидайте. Изменения придут. То, что происходит сейчас со мной, случится и с вами. Не сразу, но скоро.

Чтобы его слова прозвучали более убедительно, вождь, сопровождаемый испуганными и отчаянными воплями, полностью вышел на свет. Шаг за шагом он приблизился к выходу из пещеры и покинул взглядом горный склон.

Солнечные лучи слегка обжигали его, но теперь это ощущение уже не пугало и даже доставляло удовольствие. Забытые воспоминания о том, что такое обладать кожей, нахлынули на него со всей яркостью: быть цельным и здоровым, стоять под жарким солнцем и наслаждаться его теплом!

Где-то далеко внизу простерлись руины мертвого города, по заброшенным

улицам которого блуждали лишь тени.

Хотя, задумался предводитель, так ли уж заброшены они были?

Уриил стоял перед губернатором Салинаса и понимал, что разговаривает сейчас с одним из самых опасных собеседников в своей жизни. Лито Барбаген, человек, о котором он имел лишь разрозненные сведения, до этой минуты оставался загадкой.

Поскольку некогда Лито командовал полком, а теперь заправлял целой планетой, недооценивать его определенно не следовало, но только встретив холодный, безжалостный взгляд губернатора, Уриил осознал всю правду.

За время своей службы капитану не раз доводилось общаться с командирами Гвардии. Кто-то оказывался достойным человеком, кто-то — скверным, но в основном все это были люди, стремившиеся исполнить свой долг и уберечь от гибели вверенных им солдат. И если еще можно было предположить, что в первом Барбаген был хоть сколько-нибудь

заинтересован, то последнее ему явно было чуждо.

Едва раненых разместили в казармах «Клекочущих орлов», как Уриилу и Назанию вновь пришлось грузиться в «Химеру» и на всех парах мчаться по городу. Помимо них выехали еще несколько обманных конвоев, но на сей раз все эти предосторожности не пригодились.

За время пути космогесантники почти не видели города, только кирпичные и металлические стены, мелькающие в створках блоков. Уриил пытался составить хоть какое-нибудь представление о маршруте, но очень скоро устал отслеживать непредсказуемые повороты и сдался. Впрочем, прежде чем их высадили посреди просторного двора перед имперским дворцом, он успел насчитать несколько кратковременных остановок — конвой явно проезжал через какие-то пропускные пункты.

Вблизи дворец оказался еще более внушительным, нежели представлялось издали; его оборонительные системы и боевые орудия вполне могли потягаться с

многими из удаленных крепостей
Ультратара. Полковник Каин тут же
повела костогесантников в казарменного
тина пристройку у основания дворца; как
всегда, за ними поспешил отряд одетых в
красную форму солдат.

Навстречу вышел мужчина в глинном
черном сюртукѣ, и Уриил тут же обратил
внимание, что двигается незнакомец в
непринужденной и плавной манере
прирожденного убийцы. Человек
представился Эвершетом, личным слугой
губернатора Барбагена. Уриил бросил
взгляд на Назания и, к своему облегчению,
увидел, что от глаз его друга также не
укрылась замаскированная за учтивой
улыбкой подлинная суть этого «слуги».

Вскоре принесли чистую одежду, и
Уриил с радостью избавился от последних
остатков своей сломанной брони. Назаний,
впрочем, не разделял его восторгов и вовсе
не стремился скрыть недовольство, когда
его вынудили расстаться с доспехами. Да
и сам Уриил испытал схожие чувства,
увидев солдата, подошедшего, чтобы
забрать меч с золотой рукоятью.

--- Этот меч хранит в себе память и честь капитана Ультратаринов, --- предупредил Уриил.

--- Вам не следует тревожиться о своем вооружении, --- пообещал Эвершел. --- Его доставят в Галерею древностей. Поверьте, куратор Урбикан неплохо разбирается в подобной броне и оружии.

Интонации его свидетельствовали, что спорить бессмысленно, поэтому все личные вещи оказались изъяты и унесены в неизвестном направлении отрядом обливающихся потом солдат. Все еще находясь под вооруженной охраной, костодесантники воспользовались душевой, чтобы смыть с себя накопившуюся за время путешествия грязь Медренгарда, хотя Уриил сильно сомневался, что простое потока горячей воды для этого достаточно.

Наконец они привели себя в порядок и переоделись в подаренные им облачения: простые балахоны, на скорую руку подогнанные так, чтобы их можно было натянуть на огромные тела. Теперь, когда их внешний вид стал достаточно

приличным, чтобы предстать перед губернатором, Эвершем и полковник Каин (она, к слову сказать, тоже успела переодеться в чистую форму) повели их по сумрачным, спартански простым коридорам, обшитым деревянными панелями; по пути им так и не встретилось ни украшений, ни чего бы то ни было еще, подчеркивавшего бы высокий статус владельца замка.

Это само по себе уже было весьма занятным, поскольку, как свидетельствовал личный опыт Уриила, подавляющее большинство людей стремится оставить на всем окружающем их, свой след, изменить мир и показать, что они существуют, что чего-то стоят в этой жизни.

Но ничего подобного капитан не находил в безликих палатах дворца и потому задал, кем же должен быть человек, способный назвать это строение домом.

И вот наконец они миновали увешанный портретами коридор и вошли в огромную, заставленную книжными

стеллажами библиотеку, по периметру которой нес свою вахту десяток солдат. У потрескивающего, завывающего камина расположился высокий тучина, чьи темные волосы были пронизаны сединой. Он носил довольно строгий, без лишних изысков костюм и попивал какую-то желтовато-коричневую жидкость из высокого бокала.

Эвершет удалился, чтобы, как он заявил, встретить других гостей, оставив Уриила с Назанием на попечение Лито Барбагена и Верены Каин.

Полковник, не произнося ни слова, заняла место среди солдат, стоявших у стены, а губернатор несколько долгих секунд удерживал на костогесантниках медвяной взгляд, прежде чем наконец подняться с кресла и поставить бокал на стоявший рядом столик.

— Я Лито Барбаген, имперский командующий Салинаса, — произнес он. — Теперь мне бы хотелось узнать, кто вы.

— Я капитан Уриил Вентрис. А это — сержант Назаний Лисан.

— А сам он что, представиться не

способен? -- спросил Барбаген. -- Дар речи
утратил?

-- С ней у меня все в порядке, --
ответил Назаний.

-- Так почему бы тебе ею не
воспользоваться? -- предложил
губернатор. -- Никогда, сержант, не
позволяй другим людям говорить за тебя.

Уриил был не только удивлен, но и в
значительной степени взбешен повадками
Барбагена. Тот, как и Каин, совершенно не
выказывал благоговейного трепета, какой
обычно возникал у простых людей при
появлении Агентус Астартес. Более того,
манера держаться и язык тела этого
человека свидетельствовали о
враждебности.

-- Так, значит, ты, Уриил Вентрис,
утверждаешь, что капитан, -- продолжал
Барбаген, присаживаясь на край стола. --
И капитан какого же ты ордена?

-- Мы полноправные воины
Ультратарины, -- сказал Уриил. --
Четвертая рота: «Защитники
Ультратара».

-- Пожалуйста, в следующий раз,

когда я задаю вопрос, отвечай кратко и точно. Терпеть не могу болтунов, --- произнес Барбаген.

Гнев овладел Уриилом, но капитан почувствовал успокаивающее прикосновение Пазания и постарался совладать со своим темпераментом.

--- Как скажете, губернатор.

--- Отлично, --- улыбнулся Барбаген. ---

Салинас --- простой мирок, и мне бы хотелось, чтобы таким он и оставался. Мне нравится, когда все просто, ведь если начинаешь усложнять, есть шанс, что все полетит кувырком. Понимаешь меня?

Поскольку вопрос показался Уриилу риторическим, он решил промолчать.

--- Да, и еще одно, капитан, если я задаю вопрос, это означает, что я жду ответа. Не в моей натуре сотрясать воздух вопросами, ответ на которые мне заранее известен.

--- Да, --- процедил сквозь зубы Уриил. --- Я вас понимаю.

--- Вот и славно, --- продолжил Барбаген как ни в чем не бывало, словно не замечая растущую ярость Уриила. ---

Конечно, Салинас не лишен определенных проблем, но ни одна из них не обладает должным весом, чтобы лишить меня покоя. И тут вдруг, откуда ни возьмись, на моей планете объявляются два воина Астартес, не уведомившись даже извести о своем прибытии... и, боюсь, все это вносит лишние сложности в общую систему, что грозит нарушить слаженную работу моего мира.

--- Смею заверить, губернатор Барбаген, мы вовсе не желаем доставлять вам неприятности, --- сказал Уриил. --- Единственное, чего мы хотим, так это вернуться на Макрагге.

--- Понимаю, --- кивнул губернатор. --- Должно быть, вы говорите о своей родной планете?

--- Да.

--- Капитан Вентрис, как я уже упоминал, мне очень не нравятся усложнения. Они вносят в систему непредсказуемые переменные и крайне мешают жить. Достойное бытие можно обеспечить себе лишь в том случае, если сможешь гарантированно предугадать

исход своих действий. Проверенные факты и предсказуемость — вот краеугольный камень всего и вся, и стоит забыть хоть об одном, как миром начинает овладевать хаос.

— Конечно, губернатор... — начал было Уриил.

— Я еще не договорил, — отрезал Барбаген. — Так вот, сдается мне, что ваше пребывание на моей планете настолько случайная величина, что будет лучше просто избавиться от вас.

Барбаген щелкнул пальцами, и солдаты, расположившиеся вдоль стен библиотеки, разом вскинули винтовки, нацелив их на Уриила и Назания.

Капитан просто не мог поверить тому, что слышит и видит. Неужели этот человек собирается вот так запросто расстрелять их? Уриил быстро подсчитал количество и оценил огневую мощь нацеленного на него оружия, пытаясь прикинуть шансы на выживание. К сожалению, даже легендарная стойкость костического десантника не могла бы их спасти, дай все эти солдаты прицельный

залл.

--- Вы без предупреждения и разрешения явились на мою планету, --- прорычал Барбаген. --- Вломились в запретную зону и еще смеете рассчитывать, что я встречу вас будто дорогих гостей? Вы за дурака меня принимаете?

--- Губернатор Барбаген, --- произнес Уриил. --- Клянусь честью своего ордена, что мы --- верные слуги Императора. Если позволите, я могу объяснить вам причины, приведшие нас сюда.

--- Надеюсь, эти причины хоть сколько-нибудь вас оправдывают, --- сказал Барбаген. --- А теперь я рассчитываю услышать правду. И немедленно.

В глазах собеседника Уриил видел ярость, но также видел и то, что эта эмоция никак не передается телу губернатора. Гнев этого человека был ледяным, полностью сдерживаемым и подчиненным логике, что делало его еще более опасным, поскольку эту ненависть не сковывали какие-либо другие эмоции.

Барбагену было достаточно одного

жестка, чтобы уничтожить
костодесантников без всякого сожаления, и
Уриилу показалось, что это будет иронией
судьбы -- если его, пережившего все
мыслимые и немыслимые опасности Ока
Ужаса, прикончит верный слуга
Императора.

-- Разумеется, -- после нахальных
угроз в голосе Уриила зазвучали жесткие
нотки. -- Я расскажу правду, и, надеюсь,
тогда мы сумеем прийти к соглашению о
времени нашего отбытия.

-- Не исключено, -- процедил
Барбаген, -- но это уже буду решать я,
после того как выслушаю вашу историю.

Уриил кивнул, не собираясь даже
притворяться, будто благодарен
губернатору за разрешение говорить.

-- Должен предупредить вас, что мой
рассказ покажется вам фантастичным. У
наверняка в отдельные факты будет
сложно поверить, но клянусь честью, что
все это правда.

Однако не успел Уриил продолжить,
как в дверь постучали, и Барбаген
крикнул:

--- Войдите!

Створки распахнулись, и на пороге снова возник Эвершел, сопровождаемый сразу тремя людьми.

Двое новоприбывших оказались мужчинами и один -- женщиной. Первый был высоким и обладал грубой красотой, а кожа его была почти столь же темной, как и его госпожи. Его внешний вид позволил Уриилу предположить, что этот человек является кем-то вроде представителя местных сил правопорядка.

За ним поспешал толстяк, разжиревший просто до неприличия, его тучные тела были скрыты под богато расшитыми серебром пурпурными одеяниями. Этого незнакомца Уриил с ходу отнес к высшим чинам Экклезиархии... Возможно, тот был даже кардиналом. Толстяк непрерывно вытирал блестящий лоб влажной ладонью, и даже с расстояния капитан уловил запах прогорклого пота.

Третьей шла худощавая, итеющая изможденный вид женщина с несколькими печальными чертами лица и нервными повадками. Исходявший от нее запах

страха перебивал даже вонь, источаемую кардиналом.

Никто из этой троицы не смог сдержать изумления при виде костодесантников.

--- Астартес, --- удивленно выдохнул толстяк.

--- А, Дарон, Шейво! --- воскликнул губернатор. --- Весьма польщен тем, что вы составили нам компанию. К нам прибыли гости, утверждающие, что могут поведать нам поистине фантастическую историю.

Глава седьмая

Знакомились они без лишней потпы, быстро: Дарон Нисато, главный инфорсер Барбага; Шейво Тогандис, кардинал Барбага и понтифекс максимус Салинаса; и наконец, Мезира Бардгил, ранее санкционированный псайкер Ачаманских Фалькат, а ныне — простой гражданин. Уриил не мог не заметить по лицу Верены Каин, какое презрение она испытывает ко всем троим.

Лито Барбаген вновь подхватил свой бокал и опустился в кресло. Надо заметить, что губернатор занял единственное сидячее место во всей библиотеке, вынуждая всех прочих стоять, пока он наслаждался уютом, закинув ногу на ногу.

— Можете начинать рассказывать, капитан, — произнес Барбаген, качнув бокалом в сторону Уриила.

Тот в очередной раз заставил себя проглотить гнев и кивнуть.

Начал он с операции, проведенной

четвертой ротой на Тарсис Ультра, и войны против тиранидов, внегалактической расы хищников, пожирающих миры. В голосе Уриила звенела гордость, когда он повествовал о многочисленных битвах под стенами Эреба и отваге, проявленной подразделением Имперской Гвардии во время обороны этого города.

Капитан видел, какую гордость за своих товарищей по оружию испытывают солдаты Фалькат, слушая об отчаянной борьбе за Тарсис Ультра.

Оргы Великого Пожирателя были разбиты в той войне, но победа досталась слишком большой ценой.

Многие из воинов Уриила пали, и магистры Ультратаринов не собирались проявлять снисхождение к его необдуманному руководству ротой. Не успели уцелевшие костодесантники возвратиться на Макразге, как Уриила и Назания уже обвинили в нарушении Кодекса Астартес — увесистого труда, который был написан в стародавние времена притархом Ультратаринов и

которыми они руководствовались во всех областях своей жизни.

--- И какому же наказанию вас подвергли? --- поинтересовался Барбаген.

--- Временному изгнанию из ордена, --- ответил Уриил.

--- И какой в нем смысл?

--- Лорду Тигурию, верховному библиарию Ультрамаринов, было ниспослано видение великого зла, и нас отправили уничтожить его. Это смертельная клятва.

--- Смертельная? --- переспросил Барбаген. --- Стало быть, на ваше возвращение не рассчитывают?

--- Мало кто возвращался с таких заданий, --- согласился Уриил.

--- И как, сдержали вы эту свою смертельную клятву?

--- Так точно. Мы прибыли на планету, захваченную Губительными Силами, пробили дорогу к крепости вражеского полководца и разнесли ее до основания.

--- Неужели вы это сделали вот так, вдвоем? --- задала вопрос Верена Каин.

— Нет, — произнес Уриил, стараясь как можно осторожнее подбирать слова, — во всяком случае, не совсем. Нам удалось объединить усилия кое с кем из местных обитателей. При их поддержке мы сумели выполнить задание и теперь мечтаем только о том, чтобы возвратиться в орден.

Барбаген какое-то время размышлял над словами Уриила, прежде чем сказать:

— Весьма интригующая история, капитан Вентрис, вот только с той самой секунды, как мне впервые донесли о вашем прибытии, меня мучает один вопрос. Как же вы добрались сюда?

— По правде сказать, губернатор Барбаген, я не слишком-то понимаю механику этого процесса, — начал объяснять Уриил, понимая, что необходимо раскрыть хотя бы часть правды. — Много из того, что с нами случилось в последнее время, осталось за гранью моего разума. Нас доставила сюда какая-то машина, способная перемещаться между вашим миром и эмпиреями. Она остановилась на этой

планете, и мы были вынуждены
высадиться в Хатүриане. Где она
находится сейчас и почему именно
Салинас? Не знаю.

Барбаген покосился на Мезиру
Баргил, которая судорожно, нервно
кивнула, и Уриил понял, что губернатор
использует псайкера в качестве живого
дефектора лжи. Капитану оставалось
только радоваться, что он решил не врать
губернатору, поскольку тот наверняка
приказал бы своим людям открыть огонь
при первом же намеке на обман.

--- Утак, вы двое, значит, --- протянул
Барбаген, --- герои Космического Десанта,
начинающие долгий путь домой. Должен
признать, капитан Вентрис, есть в этом
что-то эпичное. Но чего же вы хотите от
меня?

Уриил позволил себе облегченный
вздох. Конечно, до извинений или хотя бы
дружелюбия этой фразе было весьма
далеко, но им все-таки удалось незначительно
продвинуться в нужном направлении.

--- Мы нуждаемся в возможности
отправить астронавтическое послание на

Макразге, — сказал капитан. —
Разумеется, оно вначале должно быть
одобрено вами. Мы исполнили
стертельную клятву, а теперь настало
время возвращаться.

Барбаген осушил остатки
желтовато-коричневой жидкости и
отставил бокал в сторону.

— И что я получу, если соглашусь
помочь?

— Мы будем находиться в вашем
подчинении до тех пор, пока наши боевые
братья не прилетят.

Сколь бы ни было это предложение
отвратительным для самого Уриила,
Барбагену мысль о двух костогесантниках
у него на побегушках определенно
понравилась, и губернатор улыбнулся.

— Не так уж и часто нам выпадает
шанс обратиться за помощью к воинам
Agentus Астартес.

Он вновь щелкнул пальцами, и
солдаты, стоящие по периметру комнаты,
с явным облегчением опустили оружие.

— Да, вполне возможно, что именно
вашего вмешательства сейчас как раз и не

хватает, чтобы помочь нам справиться с недавними недоразумениями, -- произнес Барбаген. -- Тети самymi, невольными свидетелями которых, если верить докладу полковника Каин, вы недавно стали.

-- Верно, -- сказал Уриил, хотя понимал, что губернатор и без него знает все подробности утреннего столкновения с Сынами Салинаса.

-- Мы не нуждаемся в помощи, -- встряла Верена Каин, и Барбаген устехнулся, услышав ее слова. -- Паскаль Блез -- весьма посредственный военачальник, и командует он просто кучкой любителей.

-- И все же, Верена, он сумел заманить тебя в западню, да еще и лишить нескольких боевых машин пехоты, -- заметил Барбаген. -- Тех самых машин, которые мы уже не можем себе позволить терять.

Полковнику Каин хватило ума промолчать, и тогда губернатор продолжил:

-- Да, гутаю, нам будет полезно

заручиться поддержкой Агентств
Астартес. Людям нашего мира пора
понять, что они являются частью
Империи и что сопротивление
приказам законных властей недопустимо.
— Барбаген поднялся и сцепил руки за
спиной. — Я сведу вас со своим личным
астронавтом, и мы посмотрим, что можно
сделать, чтобы помочь вам вернуться
домой. Тем временем я должен попросить
вас гостить в моем дворце. Вас обеспечат
всем необходимым, но ради вашей же
безопасности я вынужден запретить
покидать наши стены без
соответствующего эскорта. Видите ли,
улицы Барбагуса далеко не столь
безмятежны, как нам бы хотелось.

Хотя Уриил и был несколько удивлен
неожиданной переменой в поведении
Барбагена, он не спешил отвергать это
предложение только потому, что
губернатор ему не нравился. Поэтому
капитан благодарно кивнул:

— Да, губернатор, этот вариант нам
вполне подходит.

— Разумеется, — произнес Барбаген.

обводя рукой всех прочих, кто собрался в библиотеке до того, как Уриил начал свой рассказ. — А теперь, раз уж эта проблема решена, мне, капитан Вентрис, пора возвращаться к насущным делам и поговорить с советниками. Эвершем же подберет для вас подходящее жилье в моем дворце, а когда появится возможность связаться с вашей родиной, я обязательно пришлю слугу.

— Благодарю, губернатор Барбаген, — сказал Уриил, хотя и понимал, что тот уже практически забыл о них.

Рядом с капитаном возник Эвершем:

— Пожалуйста, прошу следовать за мной.

Уриил кивнул и еще раз окинул библиотеку взглядом.

За все то время, что он говорил, ни Тогандис, ни Нисато не произнесли ни слова, и капитану оставалось только гадать, зачем их вызвали послушать этот рассказ. Ради чего Барбаген собрал их здесь?

Но обдумать этот вопрос можно было и потом, пока же возле него в ожидании

стоял Эвершел.

Уриил и Назаний поклонились имперскому командующему Салинаса и следом за своим сопровождающим покинули зал.

— Ну? — спросил Барбаген. Маска благолепия слетела с его лица, едва костюгесантники успели выйти. — Что думаете?

Никто не решался заговорить первым, и губернатор вздохнул. Он обладал такой репутацией, что никто не осмеливался озвучить собственное мнение, пока не поймет, к чему клонит Барбаген. Поскольку играть в кошки-мышки ему сегодня уже надоело, губернатор произнес:

— Мне сдается, что за личностями Уриила Вентриса и Назания Лисана кроется нечто большее, чем кажется на первый взгляд. А вам?

К его удивлению, первым слово взял Шейво Тогандис.

— Они все-таки Агентус Астартес, той господин, — произнес толстяк. — Что может в них быть подозрительного?

— Это я у тебя, Шейво, и спрашиваю, —
сказал Барбаген. — И мне вовсе не
нравится, когда мои собственные вопросы
задают мне же, только сформулировав
иначе.

— Прошу прощения, губернатор, —
пробормотал Тогандис, определенно
раскаиваясь в своей поспешности.

Барбаген же принялся неторопливо
прохаживаться рядом со своими
подчиненными, четко проговаривая каждое
слово так, чтобы места недопониманию
просто не осталось. Годы, проведенные ил
в войсках снабжения, до того как он
возглавил Ачаманских Фалькат,
приучили его выражаться как можно более
походчиво.

— Итак, капитан Вентрис
утверждает, что прибыл с планеты,
отдавшей во власть Губительных Сил.
Скажите, кардинал, не будет ли с моей
стороны излишней предосторожностью
украсить выделенные ему помещения
священными цитатами, знаками и тому
подобным? Сдается мне, что должна
существовать какая-нибудь литания.

способная развеять мои сомнения в их чистоте.

--- Ах да, конечно, я уверен, что кое-какие молитвы способны помочь разрешить этот вопрос, --- сказал Тогандис. --- Быть может, «Поучения Себастиана Тора» или же «Благодарения и благословения»...

--- Избавь меня от подробностей, --- отрезал Барбаген. --- Просто найди нужные строки и проследи, чтобы все было сделано как надо. Если они притащили с собой скверну, я не должен допустить, чтобы она вырвалась в мой мир.

Закончив с Тогандисом, Барбаген перенацелил взгляд на Дарона Нисато, верного и непоколебимого Нисато. Губернатор не мог не ощущать, что инфорсер не испытывает к нему теплых чувств, но стирался с этим как с неизбежным, поскольку Дарон отменно справлялся со своей работой и отдавал ей всю душу.

Именно это и стало причиной, по которой нынешний глава службы правопорядка покинул ряды «Клекочущих

орлов».

Заставив себя отбросить
посторонние мысли, губернатор спросил:

— А что скажешь ты, Дарон? Как тебе этот капитан Вентрис?

— Не думаю, что он лжет. — Нисато выпрямил спину чутьочку сильнее, чем обычно.

— Неужели? — произнес Барбаген. — Боюсь, тогда нынче тебя подведет чутье.

Нисато покачал головой:

— Сомневаюсь, господин. Но, хотя я и не думаю, что Вентрис лжет, определенно многое из произошедшего с ними он не рассказал. Он весьма ступно описал свое прибытие на Салинас, как и тот мир, откуда они явились, а когда кто-то начинает так юлить, это заставляет заподозрить, что он прекрасно осознаёт — узнав подробности, мы, скорее всего, захотим их прикончить прямо на месте.

— Стало быть, ты предлагаешь надавить на них и заставить признаться во всем?

— А вот это уже зависит от того, собираетесь ли вы устраивать шумиху.

— Нет, — заверил Барбаген, — вот уж чего-чего, Дарон, а шутихи мне бы хотелось избежать. Ладно, разберись пока с утренним нападением, арестуй кого-нибудь. Короче говоря, потряси дерево и проверь, какие плоды с него упадут. Мне бы хотелось уже к вечеру увидеть парочку голов, нанизанных на пик. И плевать, чьи они будут, понял?

Нисато кивнул и отвернулся. Уже уходя, главный инфорсер что-то шепнул Шейво Тогандису, но Барбаген не смог разобрать ни слова. Губернатор улыбнулся. Бедный старый Нисато вечно пытается связать воедино разорванные концы, но все никак не может понять, что это не всегда возможно, что некоторые нити просто не желают связываться.

Когда инфорсер вышел, Барбаген повернулся к Мезуре Бардзил, отметив про себя ее измученный вид и затравленное выражение в глазах. Какая досада. Могла бы уж хотя бы попытаться привести себя в порядок, прежде чем являться во дворец.

Барбаген не раз видел то же несчастное выражение побитой собаки на

лицах многих астронавтов и теперь задал, не является ли оно визитной карточкой всех легальных псайкеров Империи. Впрочем, он тут же отбросил эти мысли как не несущие практической пользы.

— А что скажет госпожа Баргил? — спросил он. — Прольет ли она побольше света на все сказанное сегодня?

Мезира покачала головой, упорно продолжая сверлить взглядом пол у себя под ногами. Барбаген протянул руку и взял женщину за подбородок, заставляя посмотреть прямо себе в глаза.

— Мезира, когда я задаю вопрос, ты ожидаю услышать ответ, — сказал губернатор. — Поверь, будет очень обидно, если выяснится, что твой ментальный дар позволил толике Варна свить гнездышко в твоей прелестной головке, и Дарону придется продыривить ее из болтера.

Глаза псайкера наполнились слезами, и Барбаген скривил в губы в гримасе отвращения. Слезы всегда выводили его из себя, особенно женские, поэтому он наклонился к Баргил поближе и что-то тихонько прошептал ей на ухо.

А затем отвесил тяжёлую пощечину.

--- Начинай говорить, Мезира, ---
сказал Барбаген. --- Мне казалось, тебе
должно было хватить уха еще после этих
твоих утренних истерик понять,
насколько они меня раздражают и что в
своем присутствии устраивать подобный
театр я не позволю.

--- Да, губернатор, --- ответила
Баргзил. --- Извините, губернатор.

--- Вот и славно, --- произнес Барбаген,
вытирая слезы с ее впалых щек. --- А
теперь, когда ты успокоилась, могу я
услышать что-нибудь важное? И прошу,
избавь меня от гипербол, какими столь
активно сыпала в прошлый раз.

Мезира Баргзил с видимым трудом
заставила себя успокоиться, потом
потерла глаза и глубоко вздохнула.

--- Это... это довольно сложно
описать, --- сказала она.

--- Прошу, постарайся, --- произнес
губернатор таким тоном, что
становилось очевидно --- это вовсе не
просьба.

--- Инфорсер Нисато прав, --- сообщила

Мезира. -- Капитан Вентрис не врет, но и не рассказывает всей правды. Он сам верит своим словам, это я могу утверждать с уверенностью, и за нити я не ощутила никакой скверны, но на чем бы он и его друзья ни прибыли...

-- Можешь об этом что-нибудь рассказать? -- спросил Барбаген.

-- Не совсем уверена, что именно оно собой представляет, но оно могущественное, очень могущественное, -- сказала Мезира. -- Вначале разорвало пространство, чтобы прибыть на нашу планету, а затем сбежало, проделав дыру в эмпиреях, и выпустило тем самым в мир огромное количество энергии.

-- И что это означает? В практическом смысле?

-- Не знаю, -- ответила псайкер, буквально сжимаясь оттого, что оказалась вынужденной сказать именно эти слова. -- Но мне кажется, что они неспроста появились именно на Зоне... в Хатүриане.

-- Объясни?

Мезира обвела взглядом стоящих вокруг людей, словно надеялась найти в их

лицах поддержки, не найдя, затараторила, и Барбаген по ее глазам понял, что псайкер вновь готова сорваться.

--- Мы все прекрасно знаем, что случилось в Хатүриане, что мы натворили... вещи такого размаха... они не забываются никогда -- ни в нашем мире, ни в каком другом. Когда человек умирает, -- продолжала она, -- его... за отсутствием много терпина, скажем, душа улетает в варн и в большинстве случаев разрушается в водовороте его энергий. Но иногда души покойников накапливают в себе такую ярость, страх, гнев или еще какую-либо сильную эмоцию, что сохраняют сознание даже в варне, и это напрямую связано с нашим случаем.

--- Каким еще случаем?

--- То, как они умерли, -- пояснила Мезира. -- Что бы ни доставило сюда капитана Вентриса, оно было ужасным, чем-то, пытающимся стереть и насильем. Хатүриан стал для него чем-то вроде магнита.

--- Но ты же только что говорила, будто эта штукавина, на которой

прилетел Вентрис, сбежала?

Мезира кивнула:

--- Да, оно не стало здесь задерживаться, но его мощь настолько велика, что стены, отделяющие нас от Варна, серьезно истончились... а они и до того были слишком тонки.

--- Нонсенс и абсурд, --- вскрипел Шейво Тогандис. --- Это набожный мир, Мезира. Да, у нас есть определенные неурядицы, но мы со всем подобающим благочестием относимся к подавлению всяких там псайкерских штучек.

Барбаген үстехнулся, услышав это недосказанное обвинение.

--- Наша вера сдерживает варн, --- заявил кардинал. --- Так всегда было и так пребудет вовек.

--- Ты правда так гутаешь, Шейво?! --- закричала Мезира. --- Тогда ты просто болван. Неужели не замечал, насколько все неспокойно в этой солнечной системе? Как по-твоему, почему нам вообще пришлось сюда лететь? Варн всегда просачивался в ночные кошмары всех местных обитателей, вносил тревогу и страх в их

сны, наполняя их видениями смерти и войны! А теперь то же самое происходит и с нами.

Мезира царапала руки, словно пытаясь сорвать с них кожу или же очиститься от некой невидимой грязи. По щекам женщины вновь покатились слезы, и Барбаген увидел в ее глазах отпечаток безумия.

— Вы все это чувствуете! — голосила она. — Мы были там! О Боже-Император, защити нас, ибо мы были там!

Губернатор встал перед Мезирой и крепко сжал ее плечи.

Она утолкла и посмотрела ему в глаза.

— Простите... простите меня, пожалуйста, — прошептала она. — Я больше не могу так жить, пожалуйста... не могу.

— Ну-ну-ну, — произнес Барбаген. — Успокойся.

Она судорожно кивнула, крепко обхватив себя, и губернатор покачал головой, видя столь отчетливое и жалкое свидетельство слабости. Затем он вновь

опустился в кресло, скользя в его мягкий кожаный уют, явственно тем самым давая понять -- аудиенция окончена.

Верена Каин протянула ему бокал винтажного раквира, единственного, что действительно нравилось Барбагену на Салинасе; ее стремление угодить ему было так же велико, как и желание однажды занять его место. Губернатор улыбнулся и пригубил напиток, наслаждаясь обжигающей горечью, прокатившейся по горлу.

-- Все свободны, -- сказал он.

Главный медик Серж Касуабан так много лет провел в Палатах Провидения, что уже давно не замечал запаха крови. Каждая стена, сколь тщательно бы их ни отмывали скрипучие ржавые сервиторы, так пропиталась этой жизнетворной жидкостью, что никаким трудом ее уже нельзя было вывести до конца.

«Как много жизней здесь оборвалось?» -- задал он.

Его подсознание тут же дало ответ: слишком много.

Шаги Касуабана громко отзывались от решетчатого пола, пока врач шел мимо палат, тянущихся рядами вдоль центрального нефа клиники. Он ежедневно думал над тем, какая ирония заключена в том, что три «Капитоль Импералис», образчика самых могущественных боевых машин, когда-либо созданных Империей, теперь были скованы и превращены в медицинское учреждение.

Впрочем, последние слова вызывали у него раздражение. Конечно, довольно многие из тех, кто попадал в Палаты Провидения, выходили отсюда живыми, вот только они казались лишь тенями себя прежних — лишённые конечностей, навсегда обезображенные шрамами или другим образом изуродованные адской изобретательностью человеческой расы в деле причинения страданий ближнему своему.

Десятилетнее противостояние между правительством Лито Барбагена и Сынами Салинаса слишком дорого обошлось гражданам планеты.

Касуабан был высоким мужчиной и

при перемещении по коридорам, где раздавались стоны утирающих, ему регулярно приходилось пригибаться. Волосы его давно приобрели цвет металлических стен, а лицо пробороздили глубокие морщины, и теперь оно выглядело похожим на кусок недавно выделанной кожи, забытый на жарком солнце. Медикам обладал телосложением отслужившего свое солдата, хотя возраст и десять лет, проведенных без еженедельной сдачи зачетов по физической подготовке, успели прибавить ему лишнего жирка.

Санитары и медсестры бежали от палаты к палате, обслуживая сотни страдальцев, заполнивших клинику. Сотрудники кивали, когда Серж проходил мимо. В глазах одних он видел завистливое уважение, в других --- безмолвное смирение. Вidel --- и понимал, что меньшего и недостойн.

Он прошел в боковое помещение, некогда служившее вместилищем для пульта управления оборонительными орудиями боевой машины. Теперь здесь стояли, почти прижимаясь друг к другу,

железные пружинные койки, и на каждой из них лежало изувеченное уродливое тело, лишь отдаленно напоминающее человеческое.

Касуабан кивнул санитару, готовившему капельницу для ближайшего к двери пациента. От разбивающей сердце фигурки, лежащей на кровати, тянулись провода, подключенные к потрескавшемуся дисплею и нервно попискивающей коробке.

--- Как она? --- спросил Серж.

--- А вы как думаете? --- раздалось в ответ. --- Умирает.

Касуабан кивнул и встал у края кровати, стараясь сохранять безучастный вид, пока открывал личную карту девочки и сверялся с тем, как изменилось ее состояние за минувшую ночь.

Ее звали Аник... до того, как то, что от нее осталось, оказалось на этой койке. Ему пришлось ампутировать ей обе ноги выше колена и левую руку у плеча. Сейчас все тело Аник было залито синтетической и покрыто бинтами --- отчаянная попытка остановить смерть... попытка, которая, как прекрасно понимал Касуабан, обречена

на провал.

Аник и ее семья оказались зажатые под перекрестным огнем во время перестрелки Сынов Салинаса с патрулем Ачаманских Фалькат, проверявшим южные окраины Барбадуса. Пули и лазерные импульсы пробили корпус «Химеры», который Аник называла своим домом; рикошет лишил девочку родителей, обеих ног и руки. А затем полыхнул бак с производимся в домашних условиях топливом, обливая ребенка пылающей химией.

Девочка умрет этой ночью. Впрочем, это должно было случиться еще несколько дней назад, но она проявила волю к жизни, и Касубан знал: его долг, его епитимья состоит именно в том, чтобы из всех сил сражаться за нее, пока ребенок продолжает бороться сам.

--- Увеличьте дозу обезболивающих, --- распорядился медик.

--- Не поможет, --- отозвался санитар. --- Девочка не выживет.

Охваченный внезапным порывом гнева, Серж прокричал:

— У нее есть имя! Ее зовут Аник!

— Она просто очередная капля бальзама на вашу больную совесть, — отозвался санитар, выходя из палаты.

Касуабан предпочел проигнорировать эти слова и подошел к регулятору капельницы, чтобы самостоятельно настроить подачу морфия. Пусть спасет девочку было и не в его силах, но зато он мог хотя бы облегчить ее страдания.

За время службы с Ачатанскими фалькатами он насмотрелся войны на несколько жизней вперед и крайне надеялся, что, когда срок его службы в полку выйдет, сумеет подыскать себе теплое местечко, чтобы скоротать остаток дней в покое и забыть наконец о том, как здорово умеет человек творить насилие. Медикае даже не снилось, что фалькаты когда-нибудь получат право на свой собственный мир. Да и вообще, разве существовали на свете полки, которые когда-либо расформировывались?

Все, конечно, слышали легенды о планетах, заселенных героическими

артиями Имперской Гвардии, но ведь на самом деле такого не бывает, верно?

И все-таки с Фалькатами это случилось.

Самоотверженная завоевательная партия, возглавляемая генералом Шерми Виго, захватила Салинас и объявила его своим, вот только почему-то вместо того, чтобы стать последней точкой в войне и привести к основанию династии Фалькат, победа эта обратилась отравленной чашей.

Все грезы Касуабана о безмятежной жизни в отставке развеялись, как утренний туман.

И он помнил тот день, когда его мечты пошли прахом.

Это случилось на Зоне Поражения, посреди засыпанного неплот мертвого Хатүриана.

Когда бойня завершилась, он брел по соворенному войной адскому пейзажу, пустым взглядом окидывая улицы и развалины домов, где одно на другом лежали тела... свернувшиеся в позы эмбриона, потрескивающие, остывая от

того невыносимого жара, которым еще недавно был охвачен город.

Это был тот самый день, когда мир для Касубана перевернулся с ног на голову, когда разрушилось все, во что он верил, когда начался его путь в поисках искупления. Врач снова посмотрел на девочку, стараясь никак не выразить ту скорбь, какую испытывал всякий раз, когда приближался к ней.

Разве могла она сделать что-то настолько плохое, чтобы навлечь на себя гнев Лито Барбагена и Ачаманских Фалькат?

Не могла. Она ничего и не сделала. Просто оказалась не в том месте и не в то время, как и большинство людей, лежавших в Палатах Провидения.

--- Ты этого не заслужила, --- прошептал он.

Услышав его голос, девочка затормозила, утешаясь взглядом на медсестру, беззвучно зашевелила губами.

Он присел на край койки и наклонился поближе; голос ребенка был почти не слышен, щеки Касубана коснулось ее

слабое дыхание.

--- Ты был там, --- прошептала она, и медикае скривился, словно от внезапной боли.

Он поднялся на вдруг ставшие ватными ноги, сердце бешено заколотилось в груди. Касуабан попытлся от койки; лежащая на ней изуродованная девочка вдруг стала вызывать у него ужас. Он развернулся и чуть ли не бегом вылетел из палаты, двизаясь, словно в бреду.

Серж Касуабан переходил от палаты к палате, проверяя капельницы, делая пометки в медицинских картах и нагужая себя сотней других дел, только бы не позволить себе вспоминать о том, что услышал.

К тому моменту, как он закончил обход, начинало стеркаться, и усталость уже почти валила Сержа с ног. Свет, проникавший сквозь крошечные окошки, стал по-вечернему серым, а он даже и не заметил. Зажглись обнаженные люминесцентные полосы, приотанные к энергетическим кабелям под потолком

коридора, и от их болезненного свечения медикае стало слегка подташнивать.

Тогда он возвратился в центральную секцию Палат Провидения и по лестнице поднялся на командирский мостик, где когда-то лорды-генералы и магистры войны планировали мероприятия по причинению разрушений немыслимых масштабов. Сейчас помещение было практически пустым, если не считать небольшого письменного стола, пары стульев и низенькой раскладушки, на которой Касуабан проводил свои беспокойные ночи, да нескольких закрытых сейфов с медикаментами у стены.

Медикае бросил на стол записки, сделанные им за время обхода, и опустился на жесткий железный стул. В стенку его черепа колотились воспоминания о частых ночных кошмарах и словах, слетевших с губ Аник, но Серж знал один надежный способ заглушить приносимые ими вину и боль. Он открыл ящик и извлек из него бутылку с тонким горлышком и без этикетки, а затем — два стаканчика; оба поставил на стол и наполнил.

--- Нет смысла прятаться, --- произнес
медикае. --- Так что иди сюда, выней со
мной.

От стены отделилась тень, и
Наскаль Блез занял стул напротив
Касуабана.

--- Здравствуй, Серж, --- сказал лидер
Сынов Салинаса. --- Как ты догадался, что
я здесь?

--- В отличие от всего остального,
что здесь есть, ты не воняешь смертью, ---
ответил медикае.

--- Какая ирония, да?

--- Может, и так, --- отозвался
Касуабан, --- если подумать. Так что тебе
нужно?

--- Ты и сам знаешь, --- произнес
Наскаль, пододвигая к себе стаканчик и
отхлебывая раквир.

--- Я больше не могу снабжать тебя
лекарствами, нам и самим начинает уже
не хватать.

--- Так попроси у Барбадена еще.

--- Он ответит: нет.

--- Тебе? Сомневаюсь.

--- Тебя это забавляет, правда?

--- Что именно?

--- То, что лекарства для твоих людей поставляет сам Лито Барбаген.

--- Ну, по мне так это просто образец справедливости, --- признал Наскаль, --- но давай к делу. Сегодня мы понесли определенные потери.

--- Наслышан, --- сказал Касуабан. --- Вы напали на «Клекочущих орлов» Верены Каин.

--- Ага, вот такие мы, --- устехнулся Блез. --- Ей удалось уйти, но кровь засранцам мы испортили.

--- Сколько у вас потерь? --- спросил Касуабан.

--- Слишком много. Десять погибли, и еще шестнадцать получили ранения. Моим людям плохо, они нуждаются в свежих бинтах, морфии и антисептиках.

--- Я не могу делать поставки так часто, --- возразил Касуабан. --- Приводи своих раненых сюда.

--- Не будь дураком, --- предупредил Наскаль. --- Неужели ты думаешь, что Барбаген не приказал Нисато и его держимордам присматривать за этим

местом?

Касуабан растеялся:

--- Но ты-то пришел? И еще меня дураком называешь.

--- Я знаю, как проходить незамеченным, --- заверил Блез. --- К тому же я тут один. Сомневаюсь, что они не заметят, как в клинику затаскивают шестнадцать раненых бойцов.

--- Я больше не могу просить Барбагена, --- повторил Касуабан, хотя и сам слышал по собственному голосу, что проиграл спор. Он знал, что отдаст Паскалю все, в чем тот нуждается. Более того, он знал это уже в ту секунду, когда только почувствовал присутствие этого человека в своем кабинете.

--- Я понимаю, что тебе все это не нравится, Серж, --- сказал Паскаль, увидев по лицу собеседника, что тот сдался, и решив проявить по этому поводу сочувствие. --- Но ты же знаешь, мы поступаем правильно, ведь так?

--- Правильно? --- переспросил Касуабан. --- Я больше не знаю, что означает это слово. Когда-то, когда я

служил в фалькатах, то полагал, что знаю. Я видел слишком много молодых мужчин и женщин, разорванных на куски твоими бомбами, слышал их крики и плач матерей, и это не оставляло в моем сердце места ни для чего, кроме ненависти. Я ненавидел Сынов Салинаса за все то, что они олицетворяли. И чувства эти, поверь, были более чем сильны.

— А потом была Зона Поражения, — заметил Наскаль.

— А потом была Зона Поражения, — эхот отозвался Касуабан. — И вот тогда я потерялся. Я смотрел, как Лито Барбаген отдает приказ о нападении, и понимал, что это неправильно, но не говорил ни слова, пока не стало слишком поздно.

Наскаль допил раквир и поставил стаканчик обратно на стол.

— А потом вы с кардиналом Тогандисом принялись помогать нуждающимся из Мусорограда, давая надежду на завтра и оставляя припасы в помеченном нами «Лемане Руссе». Вы все поняли.

Вразговоре возникла неловкая пауза.

--- Ты не спросил... про него, --- произнес наконец Касуабан.

Наскаль облизнул губы и сказал:

--- Он еще жив?

--- Да, --- подтвердил медик. --- А ты сомневался?

--- Сильван Тайер всегда был крепким засранцем, --- пробормотал Блез, несколько нервозно покосившись на лестницу, сбегавшую вниз, к врачевным палатам.

--- Хочешь с ним повидаться?

--- Нет, --- ответил Наскаль, --- ни капельки.

Касуабан увидел, как Блез складывает ладони в знак аквилы на своей груди.

--- А вот это действительно забавно, --- с горьким смехом произнес врач.

Уриил окинул взглядом погружающийся во мглу город. С высоты тот казался мирным, но воспоминания об утренней засаде указывали на ложность этого ощущения. Барбадус пребывал в войне с самим собой, удерживаемый войсками Империи, но расколотый

еретиками и мятежниками, готовыми
препятствовать каждому шагу законного
правительства.

Хотя капитану и не нравился Лито
Барбаген, но тот по праву властвовал над
Салинасом, и никакие протесты не могли
этого изменить. Салинас достался
имперским завоевателям в результате
победы, и теперь этот мир по законам
Императора принадлежал гвардейцам.

И все-таки гурное предчувствие
шевелоилось где-то в глубине сознания
Уриила, заподозрившего, что он видит
далеко не все, что есть некие тайны,
кроющиеся под поверхностью, что его
отношение к происходящему может
радикально измениться, когда он лучше
разберется в процессах, происходящих в
этом мире.

Он отвернулся от поблескивающего
окна, прикрытого щитами, и направился
обратно в отведенные им с другом
комнаты. Ему было не привыкать сидеть
под арестом, но в этом случае клетка
оказалась куда более удобной, нежели та,
где он оказывался раньше: две кровати,

большие по теркам обычных людей, хотя и тесноватых для костического десантника, стоящие возле стен, и еще два пустых ящика для вещей, хотя ни Уриилу, ни Назанию класть туда было нечего.

— Ну как, увидел что-нибудь интересное? — спросил Назаний.

Сержант сидел на полу, рассеянно почесывая кулю и наблюдая за тем, как друг пересекает комнату. Назаний казался удивительно спокойным, и Уриил даже позабывал его способности сохранять самообладание в любых обстоятельствах.

— Нет, — сказал капитан, ощущая, как само присутствие Назания успокаивает его нервы. — Пока все выглядит мирно.

— Тогда, во имя Императора, сядь уже, пока не протоптал дыру в ковре, — предложил Назаний, поднимая перед собой бронзовый кубшин. — Мне тут удалось винца добыть. Конечно, не такое хорошее, как тот купаж, что подают на Калте, но пить, несомненно, можно.

Уриил взял кубок, стоявший на столике возле кровати, и опустился на пол.

рядом с другом. А затем протянул бокал, чтобы Назаний наполнил его до краев. Несмотря на предупреждение, вкус напитка показался волшебным.

--- Недурственно, --- произнес Уриил.

--- Сойдет, --- откликнулся Назаний. ---

Эх, а помнишь вина Калта?

--- Некоторые, --- сказал капитан. --- А с чего вдруг такой интерес к винам моей родной планеты?

--- А тот замечательный дуалект, на котором они разговаривали в этих своих пещерах? --- продолжал Назаний. --- Полню, как мы с тобой заговорили в первый раз. Я вряд ли хоть слово понял.

--- Да, язык своеобразный, --- согласился Уриил, начиная понимать, к чему клонит его товарищ.

--- Кажется, тебе несколько лет понадобилось, чтобы избавиться от чудовищного акцента, --- заметил Назаний. --- Ты еще хоть что-нибудь помнишь из того?

--- Кое-что, --- ответил Уриил, переходя на неразборчивый дуалект обитателей глубоких пещер Калта. --- Это

уж такая штука — раз усвоив, уже не забудешь.

Последний раз на этом языке он говорил, когда ему было примерно шесть лет, но генетически усиленная память позволила вернуться к родной речи с такой легкостью, словно он оставил свой мир только вчера.

— Вот-вот, — расхохотался Назаний, тоже переключаясь на калтианский диалект, который гарантированно не мог быть понят никем за пределами Ультратара. Можно было рассчитывать, что ни один шпион не сумеет разобрать ни слова и даже самые мощные когитаторы рискуют перегореть, обрабатывая их речь.

— Умно, — похвалил Уриил, поднимая кубок и словно произнося тост в честь Назания.

— Порой нисходят озарения, — ответил тот.

— Я еще помню тот случай, когда мы вот так последний раз выпивали.

Назаний кивнул:

— Ага, это было на «Vae victis» в

системе Тарсис Ультра. Большая победа.

--- Возможно, и так, --- отозвался Уриил, --- только обошлась она нам дорого, да и сам видишь, куда завела.

--- Вот в этом ты весь --- вечно смотришь на тучи и никогда не ищешь светлую сторону, --- сказал Назаний. --- Давай смотреть куда? Мы спасли Тарсис Ультра. На наших глазах передохли все демоны Хонсю, а теперь мы направляется домой. Вспомни обо всем хорошем, что нам удалось сделать, и подумай о том, что еще только предстоит.

Уриил улыбнулся:

--- Пожалуй, друг мой, ты, как всегда, прав. У тебя редкий дар прозревать самую суть вещей.

--- Так это же неоспоримый факт, что в любой армии мозги есть только у сержантов, --- сказал Назаний.

--- Но с чего ты вздумал перейти на калтианский диалект?

--- Надо кое о чем переговорить, --- сказал Назаний, неожиданно становясь серьезным. --- И другим лучше не слышать, поскольку все сказанное должно остаться

между нами.

--- Хорошо, --- согласился Уриил. --- Так в чем дело?

--- Например, в бескожих. Когда ты собираешься рассказать о них Барбагену?

--- Не знаю, --- признался Уриил. --- Вначале я планировал объяснить все при первой же встрече, но, увидев этого человека, оказался уже не столь уверен, что это хорошая мысль.

--- Я понимаю, о чем ты, --- кивнул Назаний. --- Не думаю, что Лито Барбаген сможет легко это принять.

--- Да он просто расправится с ними, едва увидит.

--- И что предлагаешь нам с ними сделать? --- спросил Назаний. --- Ты же не можешь просто бросить их там. Кроме того, я знаю, ты веришь и надеешься, что кровь героев в их венах пересилит животное начало. Но если и так, это вряд ли будет длиться вечно. Рано или поздно они снова станут теми, кем были на Медренгарде.

--- Может, и так, --- согласился Уриил. --- Но я все равно не могу их

бросить. Они отдали все, что имели, ради борьбы с Хонсю. Большинство погибло в боях. Мы обязаны им.

--- Верно, --- опять кивнул Назаний. --- Обязаны, но давай все-таки постараемся сделать так, чтобы их не перестреляли, пока мы думаем, как с ними расплатиться.

--- Возможно, имеет смысл попытаться подействовать через кардинала?

--- Через этот кусок сала? --- во взгляде Назания читался скепсис. --- Сомневаюсь, что Барбаген его вообще замечает. Точнее сказать, этому губернатору вообще на всех плевать, если ты понимаешь, о чем я.

--- Понимаю, --- подтвердил Уриил, вновь прикладываясь к кубку. --- Мне уже доводилось встречать людей его типа --- командиров, заставляющих себя забыть тот печальный факт, что руководят они простыми людьми из плоти и крови. Для таких, как Барбаген, понятия чести и долга не более чем забавные слова, нечто эфемерное. Война для них состоит из

чисел, логистики, причин и следствий.

--- Да, --- согласился Назаний, --- опасный типаж.

--- Самый опасный из всех. Таким командующим безразлично, сколько они положат людей ради достижения цели, если в конечном итоге победят.

--- Остается вопрос: как такой человек оказался у руля целой планеты?

--- Фалькаты входили в состав завоевательной армии, --- начал объяснять Уриил. --- Право поселиться на одном из покоренных миров является высочайшей наградой, какую Империя может предложить полку Гвардии, сражавшемуся десятки лет. Барбаген дослужился до полковника, так что с полным правом стал и губернатором, и я бы удивился, если бы вся правящая верхушка планеты не оказалась выходцами из Гвардии.

--- Солдатами, не вылезавшими из самых раскаленных горячих точек галактики и теперь распоряжающимися целой планетой?

--- Именно, --- ответил Уриил. --- Долгие годы кровопролития --- и вдруг все

закончилось.

--- И тут приходит время убивать в себе те инстинкты, которые позволяли выжить все это время.

--- Вот только не получается, --- заметил капитан.

Назаний вздохнул и покачал головой:

--- Неудивительно, что на этой планете творится такой бардак.

Глава восьмая

Обычно, запершись в одиночестве в своей частной библиотеке, Шейво Тогандис обретал покой и утиротворение, но этой ночью он лишь все сильнее раздражался с каждой перевернутой страницей. Книги всегда помогали ему пережить тяжелые времена, но сегодня они не предлагали ничего, кроме расплывчатых уверений в необходимости закалять свой дух при помощи некоего странного, до отвращения абстрактного понятия, именуемого в тексте «броней отрицания».

Как и чем такая броня могла помочь человеку в жизни, так и осталось недосказанным, поэтому Тогандис оттолкнул от себя манускрипт. Тени на стенах танцевали в неровном свете электрических свечей, в спертom воздухе все еще стояло благоухание, оставшееся после роскошной трапезы, с которой кардинал разделался менее часа назад. Жареная дичь с пряным соусом и тарелка

ароматных свежих овощей, выращенных в
церковном саду.

Летающий череп с мерцающими
зеленым светом линзами в глазницах
вздрогнул и взлетел чуть выше, когда
священник откинулся на спинку
дорогостоящего и очень мягкого кресла.
Покосившись на парящее возле него
устройство, Тогандис произнес:

— «Поучения Себастиана Тора», том
тридцать седьмой.

Череп встретился к провисающим под
грузом книг полкам, высвечивая зелеными
глазами золотые и серебряные корешки, а
затем затер и выдвинул вперед
суставчатый захват, чтобы достать
увесистый том в богато украшенном
переплете из красной кожи.

Отчаянно сражаясь с тяжестью
книги, череп спустился и водрузил том на
стол перед кардиналом, прежде чем вновь
занять свое место за его правым плечом.

Тогандис потер уставшие глаза и
склонился над текстом, силясь прочесть
плотный витиеватый шрифт,
заполнявший страницы. Рядом лежал

требник, в котором кардинал делал заметки для своих будущих проповедей, и сейчас священник положил возле него лагерь, не отрываясь взглядом от тома, принесенного ему черепом.

На предплечье кардинала была закреплена переплетенная проводом сложная металлическая конструкция, из которой выдвинулся легкий бронзовый щуп, завершающийся мнемонером, кончик которого терпеливо подрагивал в ожидании приказа.

От устройства отходили тонкие серебряные проводки, убежавшие к челу-то, внешне напоминающему переносной вокс-приемник, стоявшему на столе перед кардиналом. Тогандис кивнул и принялся вслух декламировать строчки из книги.

— Сила Императора кроется в человечестве, а силы человечества — в Императоре. Отвернись одно от другого, и ты окажется потерянным и проклятым.

Как только эти слова слетели с его губ, мнемонеро задержалось и начало переносить их на чистый лист требника. Кардинал заполнял одну страницу за

другой подобными цитатами... цитатами, которые всегда звучали в его сердце, но которые, как догадывался сам священник, вряд ли могли оградить дворец от проникновения злых сил.

Он страшился возвращаться к губернатору без чего-либо конкретного, что могло бы продемонстрировать его старания. Конечно, можно было бы просто оди за другим процитировать стихи из этого писания, но Лимо Барбаген инстинктивно распознает обман. Тогандис промокнул брови платком — при одной мысли об этом человеке его бросало в пот.

В роли полковника Ачаманских Фалькат Барбаген был тираном.

Став имперским управляющим Салинаса, он превратился в чужовище.

Перед глазами кардинала как наяву предстал образ Лимо Барбагена, высунувшегося во весь рост из люка «Агской гончей», катящейся по пылающим улицам Хатүриана. «Мародеры» более чем основательно подошли к своей работе, и их бомбы разрушили город почти до основания.

А то немногое, с чем не успели справиться они, доделали «Клекочущие орлы».

Тогандис прикрыл глаза, вспоминая тяжесть пистолета в своей руке и то, как он шел позади машины Барбагена. Он слышал шипение лазганов и рев огнеметов, казавшиеся в эту минуту невероятно громкими, но сам так ни разу и не выстрелил. Кардинал помнил, как смотрел на свой пистолет — матово-черный, лежащий в его пухлой розовой ладони, — и размышлял о том, насколько абсурдно, что именно он держит оружие в такой час.

Но звуком, всегда выходившим на передний план его воспоминаний, был крик — чудовищный, невыносимый вопль человеческих существ, бьющихся в агонии. Казалось нелогичным, что кто-то вообще способен испытывать такую боль, но для Хатүриана эти звуки в тот день стали нормой.

Пока «Орлы» заканчивали бойню, Тогандис шел, ошарашенный происходящим вокруг него и изливая содержимое своего

желудка на запекшуюся, иссушенную землю. В последовавшие затем часы гвардейцы разгуливали среди руин и победоносно кричали, но их голоса казались исповеднику глухими, доносящимися словно откуда-то издалека.

Потом потекли недели, месяцы и годы; кардинал часто видел, как те самые солдаты приходят в его кафедральную церковь, притянутые туда чувством, которое никто из них не осмеливался выразить вслух за ее пределами, — памятью о том, что они натворили на Зоне Поражения.

Ганнон Мербал был одним из этих солдат, и перед Тогандисом как наяву проходили сейчас все те ужасные вещи, о которых они с ним разговаривали во трапезной исповедальни: отвратительные грехи, обжигающее чувство вины и невыносимые муки совести.

Теперь Ганнон Мербал был мертв, его мозги украсили потолок грязной забегаловки в Мусорограде. Следом за воспоминаниями о солдате явился и образ Дарона Нисато, бывшего комиссара

Фалькат... человека чести и тихого
благородства.

Неудивительно, что Лито Барбаген
уволил того из «Клекочущих орлов»
незадолго до операции в Хатүриане.

Щеки священника окрасил рүтянец
стыда, когда он вспомнил, что еще утром
подүмывал пойти и рассказать Нисато обо
всем, что случилось в Хатүриане: и о том,
в чем исповедался Ганнон Мербал, и о том,
что видел собственными глазами.

Тогандис винил себя в трусости, но
мысль о том, чтобы бросить вызов Лито
Барбагену, лишала его сил, и он никак не
мог остелиться избавиться от груза вины
и поточь Нисато открыть миру правду о
Зоне Поражения.

Он раздүмывал над словами, которые
Дарон прошептал ему на ухо, прежде чем
уйти из библиотеки Барбагена:

— Кому исповедүется исповедник?

Такие простые, так искренне
произнесенные слова, но последствия... ох,
последствия.

Тогандис плотно закрыл глаза, борясь
со слезами раскаяния, едва не

пролившимися незамеченно по его щекам. Он понимал, что если позволим себе заплакать сейчас, то уже не сможет остановиться, так и будет рыдать о погибших и, как это ни эгоистично, о самом себе.

Кардинал сделал глубокий вдох и вновь встретил взгляд на раскрытые перед ним страницы, попытавшись сосредоточиться на начертанных тысячами лет назад словах Себастиана Тора, человека, о котором Тогандис ничего толком не знал, но чьи наставления всегда вызывали его восхищение и вдохновляли его.

Простой человек Себастиан Тор восстал против тирании безумного верховного лорда Администратума Тогандиса Вандира и сверг его в яростных войнах, вошедших в историю как Эпоха Отступничества. Тор стал епископом, и Тогандис очень любил обращаться к его проповедям, когда выступал перед своей паствой.

Кардинал попытался представить, как поступил бы великий епископ в той

ситуации, в которой оказался Салинас, и
поежился, когда перед его внутренним
взором предстала картина того, как его
вышвыривают из церкви, словно
диглматарского священника, которого Тор
выгнал из-за кафедры прямо посреди
проповеди.

Заставив себя отогнать от себя
этот образ, Тогандис провел несколько
следующих часов, зачитывая вслух пассажи
из книги, записывая их при помощи
мнемонера, ритмично заполнявшего
чистые страницы его требника
проникновенными виршами и поучениями с
необходимости бдительности в
противостоянии демонам и скверне.

Электросвечи разгорались все ярче,
пока свет, льющийся сквозь высокие окна,
тускнел. Затем Тогандис услышал какой-
то шум за дверью у себя за спиной и
удивленно заторгал, когда оторвал взгляд
от книги и увидел, что за витражными
стеклами стало уже совсем темно.

Был куда более поздний час, нежели
ему думалось, а работы предстояло еще
много. Другие священнослужители сейчас,

должно быть, как раз собирались на вечерю, и с его стороны было бы неподобающим не присоединиться к ним. Библиотека кардинала была расположена как раз в основной части церкви, и сейчас он мог слышать доносящиеся из-за двери настойчивые голоса.

Они, похоже, звали его по имени, но тяжелая деревянная створка приглушала их, и потому голоса казались просто слабым шепотом.

Кардинал поднялся с кресла и провел пальцами по губам, осознав, что зовут его с подозрительной настойчивостью. Шейво Тогандис, каким бы мастером самодовольствия ни являлся во многих других вопросах, был достаточно честен с собой, чтобы понимать: его проповеди, пусть и весьма интересные и остроумные, никогда не приводили верующих в экстаз и не могли заставить людей утратить его выступить.

Охваченный любопытством, Тогандис отстегнул от руки крепления мнемонера и взял со стола требник. Затем подошел к двери и уже собирался открыть ее, когда

кое-что в зовущих голосах вступило в резонанс с той частью его мозга, которая отвечала за страх.

Ты был там.

С неожиданной, пугающей ясностью Шейво Тогандис вдруг понял, что ждет его по ту сторону двери.

Мезира Баргил ощущала, как какая-то сила набирает мощь по всему городу: отбратительная вибрация, словно раздражающий нервы скрип мела по школьной доске, отзывалась в самых ее костях. Комната была погружена во тьму, но серебряные нити, незримые для того, кто не обладает псайкерскими способностями, вползали внутрь, змеясь по трещинам в кирпичках, просачиваясь сквозь известку и пролезая в щели у косяков.

Призрачный налет изморози очертил дверной проем, и изо рта женщины начали вырываться облачка пара.

--- Прошу, уходи! --- Она зажмурилась. --- Что я вам сделала? Я же ничего не делала.

Но, произнося эти слова, она уже понимала, что в том-то и заключается ее

преступление.

Просто стоять в стороне, пока идет бойня, и ничего не предпринимать было ничуть не лучше, чем самостоятельно нажимать на спусковой крючок или размахивать фалькатой. Мертвые объединились, и что бы ни принесло сюда двух костических десантников, оно навсегда разрушило баланс сил на Салинасе.

Некогда бесплотные энергии стали частью материального мира, проникнув в каждую его складочку и узелок, и их порождения, прежде неспособные ни на что, кроме появления в кошмарных снах, вдруг обрели власть над реальностью и были теперь более чем опасными, питаясь из неожиданно открывшегося бесконечного источника.

Мезира ощущала ту ужасную силу, что проникла в ее комнату, то уплотнение в воздухе, которое может говорить только о чужом присутствии.

--- Пожалуйста. --- Она заплакала. --- Нет.

Открой глаза.

Женщина затамала головой:

--- Нет, не открою!

Открой глаза!

Мезира закричала, чувствуя, как против ее воли открываются глаза, а затем она увидела его -- Плакальщика, чей черный силуэт резко вырисовывался на фоне мягкого лунного света, проникающего через окно.

Мерцающие призрачным светом, его глаза пригвоздили ее к кровати, словно булава энтомолога -- мотылька. Сладкий запах дыма и опаленной кожи забил ноздри, повсюду вокруг вспыхнули серебряные огни, холодные и беспощадные.

В этом ледяном свете Мезира увидела обгоревшую плоть Плакальщика, мышцы и жир, стекающие желтыми ручейками с костей.

Ты была там.

Мезира Баргил закричала -- и кричала до тех пор, пока сознание ее не отделилось от всех органов чувств и не нырнуло во тьму.

Шейво Тогандис почувствовал холод,

исходящий от гверной ручки, прежде чем успел прикоснуться к ней. Дыхание облачками вырывалось из его рта, а неожиданно пробравшийся в комнату легяной сквозняк проникал даже сквозь плотную материю одеяний.

Кардинал ощущал их там, за гверью, их желание, чтобы он вышел и встретился с ними лицом к лицу, чтобы они могли предъявить ему старые счета.

Страх овладел им, колени ослабли и были готовы поглотиться.

Тогандис зашептал молитву Богу Императору и закрыл глаза, повторяя стихи, которыми его еще в детстве, когда он боялся темноты, научила мама, уверявшая, что Император обязательно защитит.

В это мгновение Шейво Тогандис вновь почувствовал себя четырехлетним пальчишкой, прячущимся от тьмы под одеялом и в ужасе шепчущим простейшие псалмы, чтобы отогнать чужовищ.

Стихи молитвы приходили к нему легко; страх протянулся через десятилетия к его юным годам и извлек

нужные воспоминания из самых дальних, пыльных уголков сознания. С каждым произнесенным словом паника отступала, и вскоре рука кардинала сжала ручку двери.

Он повернул ее и толкнул, заставляя непослушные ноги вынести его в коридор. Волна холодного воздуха, морозного, точного дыхания зимы, вырвалась следом за ним, ударила в спину, словно нетерпеливые руки, подталкивающие его к тому, что ждало впереди.

Тогандис ощущал, как сквозняки ошущивают его, изучают... но слова детской молитвы заставляли их слабеть и становиться менее настойчивыми. Выставив перед собой требник с проповедями, кардинал вышел из библиотеки в холл церкви.

Он сбился на полуслове, когда понял, что церковь полна народу, вот только никто из собравшихся перед величественной золотой статуей Императора в конце нефа не то что не относится к числу его прихожан, но даже не может быть назван живым.

Чуть более явственные, чем пятна серебряного света, подобные огонькам свечей за матовым стеклом, они лишь отдаленно напоминали людей.

--- Император меня храни, --- прошептал кардинал, с неохотой двигаясь по трансепту к алтарю возле высокой статуи Императора. Та хрупкая отвага, что расцвела в его душе несколько минут назад, окончательно улетучилась, и холодный липкий страх вновь завладел его сердцем. Его стал подводить мочево́й пузырь, и Тогандис испытал почти непреодолимое желание облегчиться.

Ему пришлось постараться, чтобы удержать верх над собственным телом, но он все равно заставил себя посмотреть сквозь мерцающие силуэты незваных гостей, чтобы увидеть столпившихся у алтаря священников, чтецов, младших исповедников и служек.

Лица людей сияли в благоговейном восторге от развернувшегося перед ними зрелища.

Неужели никто из них не понимал, что все это чудовищно, до ужаса

неправильно?

Неужели они не видели, какая невероятная опасность им угрожает?

Что-то в душе Шейво Тогандуса, оставшееся от того человека, каким он был до кошмарных событий Зоны Поражения, заставило его собрать волю в кулак и подойти к живым, собравшимся возле огромной статуи.

В конце концов, это были его люди, и он за них отвечал.

На ходу он отметил, что призрачные силуэты поворачивают головы, бросая на него обвиняющие взгляды, и что в их глазах начинает разгораться злоба.

— Вы тоже их видите? — воскликнул один из священников, оглянувшись на подошедшего кардинала. — Ангелы, ваше преосвященство! Ангелы Императора!

Тогандус посмотрел на призрачные фигуры, и его передернуло от одной мысли о том, что столь мерзостных созданий кто-то ошибочно принимает за нечто столь чистое и чудесное, как ангелы. Пускай плоть и очертания лиц этих существ и были замаскированы серебряным

светом, лившимся откүда-то из самой их
глубины, только кардинал видел
достаточно, чтобы понять: не ангелы это,
но демоны в человеческом обличье, бесы,
выбравшиеся из самой черной ямы адовой
бездны.

--- Не приближайтесь к ним! ---
закричал Тогандис, ускоряя шаг.

Пот на его бровях застыл и
протораживал теперь до самых костей, а
дыхание вырывалось из груди
отрывистыми болезненными хрипами.
Священники недоуменно посмотрели на
своего главу, не видя того, что видел он, и
тогда кардинал встал между ними и
светящимися силуэтami.

Тогандис едва дышал от страха. Он
чувствовал исходящие от тварей голод и
ненависть и понимал теперь, что перед
ним даже не демоны, но мстительные
мертвецы, чьи алчущие крови, ненасытные
души пришли взыскать с него то, что
принадлежало им по праву.

Теперь его попытки спастись от
столь могущественного зла при помощи
детской молитвы казались до смешного

слышати, и какой-то частью своего сознания Тогандис понимал, что ему остается только отложить в сторону молитвенник и принять наказание за свои ошибки. Кардинал почувствовал, как требник начинает выскользывать из его рук.

Прежний исповедник Фалькат, желчный старик по имени Тоурн, подарил ему этот требник в тот день, когда его избили, и теперь, обратив на книжицу свое внимание, Тогандис увидел строки, начертанные пером считанные минуты назад.

В этих словах он вдруг узрел силу, силу, сүтевшю раздуть последние, едва тлеющие угли в его сердце.

— О Император, милосердный отец, надзирающий над нами, ниспошли же нам свет свой, дабы нам было с чем войти во тьму, — заговорил он. — В нужде нашей подари нас отвагой, что наполняет огнем сердца всех служителей праведности. Стань защитой нам и мечом нашим, дабы и мы исполнили то же для тебя!

Тогандис чувствовал, как его братия

собирается у него за спиной, и их близость
придала ему уверенность. Он перелистнул
страницу, продолжая декламировать с
такой энергетикой и такой
отчетливостью, каких никогда не
замечал за собой во время проповедей.

И пусть слова, которые он читал,
были всего лишь обычными молитвами и
благословениями, но сейчас они
погнитывались его верой и потому
обретали силу. Простой богословский
текст, но богословский же, а такие вещи
всегда обладают кое-какой властью.

Холодный ветер, втолкнувший
кардинала в церковь, подул снова, на этот
раз сильнее и уже без той осторожности и
любопытства, какие проявлял прежде.
Теперь это был настоящий шквал,
проносящийся по нефу из конца в конец,
завывающий и яростный, заставляющий
развеваться одеяния Тогангуса,
перелистывающий страницы требника и
пытающийся их вырвать.

Священники закричали, увидев, как
призрачная «паства» сливается в единый
вихрь протораживающего до костей света.

Словно подхваченный ветром туман, привидения утрачивали всякую индивидуальность, сливаясь в общую забывающую массу бесформенных лиц.

--- Император хранит нас! --- закричал Тогандис, слясь перебороть вопли и стенания разъяренных фантомов. Дующий из ниоткуда ветер принялся гонять мерцающее полупрозрачное облако по всей церкви, со свистом рассекая воздух и закручивая в спирали разводы серебристого света.

Призраки собрались у окна-розы в дальнем конце нефа перед мощными бронзовыми порталами, ведущими во внешний мир: клубящееся, бесформенное, пребывающее в постоянном движении облако света и дымки. Серебряные языки холодного огня вдруг взметнулись вдоль стен церкви, перекидываясь с одной колонны на другую, и в глазах Тогандиса защищало от неожиданно ударившего в его ноги страда горелой плоти.

Скамьи перед ним покрылись изморозью, а купель за спиной затянуло коркой льда. Священники и чтецы

попадали на колени, сложив ладони в молитве. И все же их глаза по-прежнему были полны восхищения, и Тогандис понял, что ужас, несомый этими видениями, предназначен одному лишь ему.

Никто, кроме него, не мог видеть глубинную суть призраков, ибо те явились за ним и только за ним.

Слившись воедино, они спикировали вдоль нефа прямо к алтарю, и в каждом их агонизирующем крике кардинал слышал жажду его крови. Сотни ртов стали плавиться, превращаясь в одну общую пасть, и складки света распахнулись по бокам бесформенной массы, придавая ей подобие некоего ужасного мстительного ангела.

— Мы лишь только скромные слуги Твои, — продолжал декламировать Тогандис, и его слова тут уже уносила прочь ледяной ветер, — обрати же к нам лик Свой, изгони тени, охрани верных и защити их от беззакония варна!

Призраки вдруг начали утрачивать свою целостность, и за ангелом воздаяния застелился глиняный светящийся шлейф

расползающейся призрачной кожей. Тогандис зажмурился. Он крепко сжал свисающую с его шеи освященную аквилу и высоко поднял молитвенник.

Стена серебряного пламени врезалась в кардинала, и тот ощутил, как его словно сковыбает вечной мерзлотой, приносимой проходящими сквозь него мертвецами. Мүки их боли и ужаса перед таким существованием наполнили каждую клеточку его тела, от чрезмерно пухлых ног и до покрытого испариной лба, но, так и не найдя поживы, призраки с отчаянным криком уносились прочь.

Сердце Тогандиса сбивалось с ритма и грозило разорваться от неожиданной нагрузки, его клапаны и желудочки работали на износ, слясь удержат хозяина в мире живых. Перекрученные кровеносные сосуды едва не лопались. Какими бы запасами прочности ни обладало тело кардинала, вряд ли их могло хватить надолго.

Тогандис не отваживался открыть глаза, зная, что, поступив так, увидит нечто настолько ужасное, что это

закончится для него смертью. И вдруг на
церковь опустилась неожиданная,
пугающая тишина, в которой он слышал
одно лишь свое дыхание да затихающее эхо
последнего стога.

На его плечо опустилась чья-то рука,
и он вскрикнул, почувствовав резкий укол
боли где-то в груди и последовавшее за
этим покалывание в кончиках пальцев.

--- Кардинал? --- произнес осторожный,
полный духовного экстаза голос у его уха.
Тогандис узнал говорившего. Это был один
из вечерних чтецов, хотя имени этого
человека он не запомнил.

Сделав глубокий вдох, чтобы
привести в порядок нервы, Тогандис
открыл глаза.

Церковь вновь была точно такой,
какой ей и полагалось быть в ночной час, ---
спокойным, темным местом, озаряемым
только тусклым неровным светом свечей.
От серебряных призрачных огней не
осталось и следа, только по краю купели
осталась корочка льда, да и та быстро
таяла.

Тогандис немного помолчал.

дожидаясь того момента, когда будет уверен, что его голос ничем не выдаст пережитого ужаса.

— Что тебе? — поинтересовался наконец кардинал.

— Это был ангел? — произнес чтец.

Тогандис посмотрел за спину и увидел полные восторга лица священников. Что он должен был им сказать? Правду? Вряд ли.

В их глазах горел свет веры, и он не имел права отнимать ее у них.

— Да, — кивнул Тогандис. — Это был ангел Императора. Но молись, чтобы больше ты его не увидел.

Ночь в горах к северу от Барбадуса была непроницаемо черна.

Когда солнце опустилось за горизонт, бескожие стали неуверенно выползать из пещеры. Двигались они нерешительно и осторожно, будто боясь, что палящее светило может неожиданно вернуться. В течение всего долгого дня племя страдало, чувствуя себя обманутым из-за того, что солнечный свет едва не уничтожил их.

всех.

Пещера пропахла страхом, и только с полным наступлением темноты его начало сменять чувство облегчения. Теперь бескожие были в безопасности, во всяком случае на какое-то время.

Вожак обонял страх, испытываемый его племенем; сырой, выгающий тебя запах, который прежде так нравился ему, когда исходил от других существ, теперь вызывал только гнев.

Он устал бояться, устал от того, что страх стал его извечным спутником.

Сколь бы силен и опасен ни был предводитель, но это чувство гнездилось в его сердце столько, сколько он себя помнил. Вначале его пугали железные люди, потом — черное солнце, собственный чудовищный облик и мысли о том, что сделает с ним Император, когда вождь бескожих наконец предстанет перед Ним.

Вождь племени поднял перед собой руку и стал разглядывать чуть влажную и еще розовую молодую кожу. В течение дня она становилась все менее гладкой и блестящей, и когда предводитель

осторожно потрогал ее, то почувствовал, как она отзывается на его прикосновения.

Вместо боли он ощутил рельеф своих пальцев, шероховатость ладоней.

Вероятно, это место еще могло стать новым домом для него и для его племени.

Он посмотрел туда, где его воины пировали над еще несколькими тушами мясистых существ, что паслись на горных склонах. Плоть этих животных была сочной и питательной, а их ноги не позволяли им передвигаться с ошеломительной скоростью бескожих.

Вожаку хотелось покинуть эти места, но пока что он не рисковал уводить племя слишком далеко от пещеры, опасаясь, что солнце снова застанет их в пути. Большинство воинов уже отращивало новую кожу, но процесс шел с очень разной скоростью, а те, у кого эта естественная броня не окажется достаточно прочной, несомненно погибнут, если не успеют найти укрытие до наступления дня.

Когда-нибудь они все обретут такую

же кожу, как и сам предводитель, но могло
пройти достаточно много времени,
прежде чем их уродливые тела сумеют
выполнить то же, что уже вспомнило его
собственное. Там, где плоть нависала
складками, они обрастали защитным
покровом куда медленнее, чем на
выступающих перекрученных костях или
мышцах бесформенных лиц — последние
сейчас, пока их благодатели утоляли свой
голод, активно работали, растягивались и
сжимались, и каждый раз, когда воин
начинал пережевывать очередной кусок
мяса, его кожа рвалась, но тут же снова
расталась.

Вождь кинул взгляд через плечо.

Сколь ни темна была ночь, мертвый
город купался в свете.

Глазам простого смертного
Хатүриан показался бы таким же
заброшенным и молчаливым, как прежде,
но тот, чье зрение было создано колдунатми
на одном из самых мрачных миров, а мозг
созревал и выросл в матке существа,
насквозь пропитанного чистым Хаосом,
видел, что по улицам блуждают толпы

силүэтов. Только принадлежали эти
силүэты вовсе не живым людям, а... кому-
то другому.

До этого вожак бескожих замечал их
просто как мимолетное шевеление на
краю поля зрения, но теперь мог
наблюдать, что они собираются вместе,
привлеченные в эти владения смерти
прибытием машины железных людей.

Уриил и его товарищ не видели этих
созданий и даже не догадывались об их
существовании. Грозные энергии,
отыскавшие чудовищный локомотив,
сумели разбудить заброшенные улицы
мертвого города, возвратив сюда тех, кто
когда-то именовал его домом, и одолжив
призраком свои силы.

Вожак старался держать свое плечо
как можно дальше от собирающихся
вместе, полных неугасимой ненависти
существ, на уровне костного мозга
осознавая, что если потревожить это
море злобы и боли, то все может
закончиться катастрофой.

Словно бы почувствовав его взгляд и
обнаружив его присутствие, светящиеся

силуэты пришли в движение и поплыли по улицам, направляясь к металлическому ограждению вокруг города. Хотя этот барьер и не позволил бы существовать из плоти и крови покинуть Хатүриан, но удержат порождения света и ненависти было не в его силах.

Призраки устремились к горам и тирующему у входа в пещеру племени.

Бескожие почувствовали их приближение и потому оскалили клыки и выпустили когти.

Сам вожак тел временем стоял и наблюдал за направляющимися к нему огнями. Он не боялся их, поскольку тир черного солнца рождал в своем дымном чреве существ и пострашнее.

Племя скрылось в пещере, а предводитель встал у входа, защищая своих людей, великоленный и величественный в новой коже. Он ощущал ту кипящую ненависть, что бурлила внутри удивительных сияющих созданий, но, кроме того, чувствовал еще и их голод и желание причинять вред тем, кто когда-то лишил их жизни.

Пока он наблюдал за их приближением, его окутал запах паленого мяса, пробуждая начинавшие забываться воспоминания о вкусе человеческой плоти. Вожак испустил стон, и в складках его пасти начала скапливаться густая слюна.

Он потряс головой.

Уриил запретил им питаться вкусным мясом людей и пить их теплую кровь.

Император не желал, чтобы племя пожирало Его подданных.

Воины за спиной вожака заворчали и задвигали клыкастыми ртами, тоже почувствовав страд горелого мяса и вспомнив о вкусе человечины. Запах был слишком силен, и предводителю пришлось постараться, чтобы его мысли не убежали от уже приблизившихся созданий.

Без всякого видимого движения они застыли, собравшись вокруг зева пещеры, --- теснящаяся орда призрачных силуэтов, озаряемых льющимся из их сердец светом. Их тела в общем и целом напоминали человеческие... мужчины, женщины, дети --- все они смотрели на него, и в их взглядах

читались всевозможные вариации эмоций, от жалости и до предвкушения.

Лица их были черны и покрыты ожогами, оплавившаяся плоть сползала с их тел, и вождь бескожих ощущал их боль, бесконечные муки, прекратить которые могло лишь одно. Он знал, что перед ним вовсе не живые люди, а мертвецы, не имевшие права на существование.

Они встретились в пещеру к бескожим, ища не упокоения, но новой жизни.

Предводитель чувствовал, как мертвецы обтекают его, подобно водному потоку, --- толкающаяся толпа, собравшаяся из многих тысяч созданий. Пещера наполнилась светом, ослепляющим, всепожирающим светом. Призраки прижимались к вожаку, совершенно непонятным ему способом проникали в его тело.

Миллион сознаний, подобно рою разъяренных насекомых, гудел в его голове, и он вскинул руки к ушам, силясь заглушить этот шум. Тысячи голосов отзывались эхом внутри его черепа, и

каждый силился перекричать остальных, каждый умолял, упрашивал, требовал, чтобы ему предоставили право высказаться.

Тело предводителя наполнилось болью; чувство было такое, словно его вдруг охватил огонь, от жара которого вскипала кровь в венах, трещали кости и плавилась мышца. Стены пещеры, казалось, вдруг начали искажаться и расплываться, исчезая и уступая место новым, созданным из кирпича человеческими руками и разрушенными хитроумными боевыми машинами.

Вместо каменного свода над головой он видел небо... ясное небо, в котором кружили похожие на кресты силуэты, сбрасывающие вниз металлические канистры, оставлявшие за собой дымные следы, а потом падавшие на землю и взрывающиеся жарким белым огнем. Платя обступало со всех сторон, танцуя и прыгая, будто живое, пожирая все вокруг в остервенелом ликовании.

Вожак знал, что наблюдает за гибелью этих людей, этих существ.

состоящих из света и гнева, и никак не мог изгнать видения из своего сознания. Он слышал крики — оглушительные, рвущие сердце на части.

— Нет! — взревел вождь бескожих. — Убирайтесь прочь из моей головы!

Теперь он мог расслышать испуганное рычание и стоны остального племени и заставил себя подняться, вжимая пальцы в толстую кожу на лице. Желтые когти разорвали ее, оставляя глубокие борозды на щеках, и боль от ран стала желанным гостем, поскольку это была боль. Срезанная кожа повисла лохмотьями, и свежая кровь окропила пол пещеры.

Руки предводителя исполняли какой-то совершенно противостественный танец, согрогаясь и выкручиваясь под влиянием набившихся в его тело созданий. Каждый его мускул, каждая жилка и каждая клеточка были наполнены энергией и яростью тертвецов.

Только боль по-прежнему оставалась его собственной, и вожак вцепился в свою грудь над сердцем и размашистым движением провел по ней когтями.

пробороздив кровавые полосы и создав на своей коже рисунок, чем-то похожий на бьющегося в тучах, кричащего орла.

Вождь бескожих рүхнүл на колени, вскидывая рүки к небү... мертвые жители Хатүриана заполняли его, выдавливая его личную боль и страхи в последний сопротивляющийся уголок разума.

Теперь вместо своей боли он ощущал всю бесконечность страданий призраков.

Их гнев и ярость теперь стали его собственными.

И только одно могло положить им конец. Смерть.

Глава девятая

Уриил вынырнул из глубокого забытья, удивленный тем, что сумел с такой легкостью заснуть и что в этот раз его не посещали видения крови и смерти. Он так долго пробыл вдали от реального мира, что уже начал забывать, каково это — ложиться спать, не испытывая страха.

Назаний звучно похрапывал на кровати у противоположной стены, и глаза его быстро двигались под сомкнутыми веками. Уриил нахмурился, когда в его памяти вдруг всплыл обрывок того, что ему снилось.

Он видел перед собой нещеру и что-то очень яркое и злобное, выползающее из нее. Уриил не мог в точности разглядеть его очертания и природу, но был абсолютно уверен, что это нечто неописуемо жуткое. Он потряс головой, прогоняя последние остатки сна, и свесил ноги с кровати.

Стараясь двигаться как можно тише, он налил в кубок воды и прополоскал рот.

При этом капитан ощутил привкус непла
и еще чего-то металлического,
напотнившего о крови. В воздухе витал
слабый запах чего-то подгоревшего, и
Уриил решил, что, должно быть, где-
нибудь рядом с их комнатой находится
кухня или столовая.

Он потер лагоями глаза, смущенный
той вялостью, которая одолела его мышцы
и мысли. В нормальных обстоятельствах
костический десантник был способен
перейти из сна в полную боевую
готовность буквально за один вдох, но с
самого первого дня на Салинасе всем его
существом овладела странная апатия.

Возможно, была какая-то причина,
которая могла объяснить и это его
состояние, и то, что повсюду на улицах и
среди самих фалькат он видел только
угрюженные лица. Это была грустная
планета, и меланхолия, захватившая в
плен самого капитана, вполне могла быть
составной ее частью, пропитавшей саму
материю этого мира и населявших его
людей.

Пазаний потянулся на кровати и сел.

а затем погнул руки, чтобы почесать затылок... затылок, изрядно обросший за последнее время. Погнул сержант обе руки, но вот прикоснулась к волосам только левая.

--- Черт, никак не привыкну, --- произнес Назаний, глядя на покрасневшую культию правой руки. --- Пока она была заражена ксеноинфекцией, я ненавидел ее, а теперь мне ее не хватает. Тебе не кажется это странным?

--- Но мне, так вполне естественно, --- отозвался Уриил. --- Я слышал, что некоторые люди, потеряв конечность, утверждали, будто чувствуют, как та же конечность, словно она все еще на месте.

--- И от кого же ты это слышал?

--- Это было на Тарсис Ультра, --- объяснил Уриил. --- Магос Локард рассказывал мне о древнем агенте Марса. Звали его Симеоном, и он ввел в обиход целую серию новых разновидностей аутоматических имплантатов. Что-то там было такое про то, что этому самому Симеоону удалось сделать электрографические снимки пациентов,

на которых все конечности оказывались
видны даже после того, как их уже
ампутировали.

--- У как он их делал? --- спросил
Назаний, почесывая культию, которая, как
видел Уриил, была ярко-красной от
воспаления и покрытой коричневатой
коркой там, где еще не выросла кожа.

--- Локарг этого не знал, --- ответил
капитан, поднимаясь с постели и начиная
серию упражнений, чтобы размять
затекшие мышцы, --- но рассказал мне, что
Симеон был членом некого Драконьего
культа и что никто точно не знает,
существовал ли этот человек на самом
деле. Рассказы о его трудах --- на Марсе
нечто вроде сказок. Говорят, он умер во
время Марсианской схизмы в конце
Древней Ночи.

--- Зубы Императора, это же такая
седая древность, что кто тут разберется,
правда это или ложь! --- сказал Назаний,
присоединяясь к зарядке Уриила.

--- Притерно то же самое сказал и
Локарг, --- ответил капитан. --- Кроме
того, он тогда еще добавил, что Марс

забыл столько всего, что все что угодно из истории этой планеты может оказаться просто легендой.

--- Легенды рождает время и пустая болтовня, --- кивнул Назаний, --- разве не так говорят на Марсе?

--- Дай достаточно времени, и все что угодно станет легендой, --- согласился Уриил. --- Однажды настанет момент, когда и ты с тобой в нее превратишься. Быть может, нам даже посвятят фрески в Храме Исправления.

--- Или поставят статуи на Аллее Героев, --- улыбнулся Назаний.

Два друга провели первые утренние часы, вспоминая жизнь на Макрагге и красоты этого мира, который оба надеялись скоро увидеть. Спустя некоторое время они вдруг пришли к осознанию того, что уже слишком давно не проходили подобающие Астартес тесты на силу и выносливость. Оказавшись вдали от своих боевых братьев, они не имели возможности состязаться с ними и попытаться их превзойти, что не могло не сказаться на навыках. Этот факт был

весьма неприятным.

Когда они как раз заканчивали с зарядкой, в дверь вежливо постучали, и в комнату вошел Эвершет, двигавшейся все с той же угрожающей кошачьей грацией. Его лицо не выдавало никаких эмоций, впрочем, Уриил всегда испытывал некоторые затруднения, когда пытался разобраться в чувствах простых смертных.

--- Доброе утро, --- сказал капитан.

--- И в самом деле доброе, --- отозвался Эвершет. --- Надеюсь, вам хорошо спалось?

--- Вполне, --- заверил Назаний.

--- Чем можем быть вам полезны, мистер Эвершет? --- спросил Уриил.

--- Губернатор Барбаген посылает вам свой привет, --- начал Эвершет, --- и просит меня уведомить, что распорядился назначить для вас встречу с Яниценсами.

Ощущение солнечных лучей на коже стало для Сержа Касуабана приятным разнообразием после тесных, провоцирующих клаустрофобию Палат Провидения. И хотя воздух Мусорограда

враг ли можно было назвать свежим, он все равно был куда приятнее, нежели затхлая атмосфера смерти и отчаяния в металлических коридорах и больничных палатах.

Мусороград — именно такое «говорящее» название заслужил крупнейший район Барбадуса, и оно, как полагал Касубабан, как нельзя лучше ему подходило. Многие из изначальных построек, некогда возведенных здесь, были разрушены еще во время первой войны при устирении планеты и так и не отстраивались заново. Те же, что сохранились, стояли вприкурку к домам, созданным из оставленного гвардией наследства.

Это место стало кладбищем брошенных боевых машин полка. Дюжина бронированных рот оставила здесь свою технику, чьи экипажи уволились из Фалькат, или же просто поломанную и не поддающуюся ремонту. Находчивым гражданам не понадобилось много времени, чтобы, проявив смекалку, поселиться прямо в этих машинах, некогда несших в бой их врагов, и теперь бывшие танковые

эскадры служили пристанищем для многих семей. Моторы были отремонтированы и переделаны в обогреватели, а отсеки боеприпасов превратились в спальни.

Тысячи людей жили в этих стесненных условиях, с первым заводским гудком отправляясь на работу в оружейные цеха или на фабрики по переработке прометия. На всем Мусорограде лежал налет усталости и меланхолии, и Касуабан понимал, что его собственное присутствие здесь терпят постольку, поскольку нуждаются в его лекарствах и врачебных способностях.

Касуабан сидел за металлическим столиком, установленным на козлы, и ставил успокаивающий бацитрациновый компресс рабочему, обварившему руку, когда подготавливал к отправке в другие тиры топливный гель. Этот человек в некотором роде был счастливчиком — опытный санитар оказался неподалеку и обработал его рану прямо на месте, что, впрочем, не избавляло впоследствии от ужасных шрамов.

Закончив с компрессом, Касуабан отпустил мужчину со строгим наказанием следить за чистотой раны, хотя и понимал, что исполнить это указание в таком месте, как Мусороград, весьма проблематично.

Позади медикае стоял грузовик, в кабине которого сидел санитар, а кузов был набит упаковками атлуп с вакцинами, стерильных игл, марли, синтобинтов, витаминов, таблеток для очистки воды и прочими жизненно необходимыми медицинскими припасами.

Касуабан потер виски и тяжело вздохнул. Затем поднялся из-за столика и помахал людям, стоявшим к нему в очереди на осмотр.

— Вернусь через пару минут, — сказал он, прежде чем отойти к своему грузовику и принять из рук санитара кружку чуть теплого кофе. Напиток был мерзким на вкус и почти остывшим, но это все-таки было лучше, чем ничего.

Серж прикрыл веки и присел на подножку, опоясывавшую корпус двигателя. Он решил дать отдых своим усталым

глазам — несколько часов прерванного сна, проведенные на раскладушке в кабинете, не смогли восстановить его силы.

Касуабан с самого рассвета работал в Мусорограде, и скоро ему предстояло ехать к очередному импровизированному медицинскому пункту. Серж покосился на кабину грузовика, раздумывая, как бы ему отвлечь санитаря, когда увидит «Леман Русс», помеченный Паскалем Блезом, и сметать тайком выгрузить припасы.

— Легче не становится, как я полагаю, — раздался рядом чей-то голос.

Касуабан подскочил на месте — испуг и вызванный им скачок адреналина стали серьезным испытанием для его организма. Кофе расплескался, забрызгав одежду.

Рассерженный, медик все оглянулся и увидел Шейво Тогандиса, с трудом выбирающегося из комфортного паланкина Экклезиархии — словно огромная бабочка из слишком плотного кокона.

— Чего тебе? — прорычал Касуабан, радуясь тому, что кофе был таким холодным. — Что не легче?

— Не становится легче помогать

страждущим, --- пояснил кардинал. ---
Сдается мне, что кое-кто тут поставил
перед собой цель, которую в принципе
невозможно достигнуть.

--- Ты прав, Шейво, --- согласился
Касуабан, откидываясь на борт грузовика. ---
Легче не становится. Да и не может
стать.

--- В точку, --- произнес кардинал.

Тогандис просто обливался потом,
что неудивительно при его комплекции, и
Касуабан улыбнулся, наблюдая, как
прислуга силится помочь толстяку
выбраться из паланкина.

Оказавшись наконец на воле, Тогандис
подождал к грузовику и обменялся
рукопожатием с медиком, который с
трусотой подавил в себе желание сразу же
вытереть о штаны ставшую липкой от
чужого пота ладонь.

--- Доброе утро, дружище, --- произнес
кардинал. --- Еще один день в служении
Императору и его народу.

--- И еще один день для исправления
ошибок прошлого, верно? --- отозвался
Касуабан.

Тогандис огарил его странным взглядом и кивнул, жестом приказывая своей свите, состоящей из священников и сервиторов, поставить его переносной алтарь у останков сгоревшей самоходной артиллерийской установки «Грифон».

Серж Касуабан и Шейво Тогандис составляли весьма странный дуэт и тем не менее за годы, прошедшие со Дня Восстановления, стали если и не друзьями, то во всяком случае товарищами, связанными общим делом. Они никогда открыто не обсуждали то, почему стали свидетелями на Зоне Поражения, но оба каким-то образом понимали, насколько нуждаются друг в друге, и, почти не сговариваясь, принялись выплачивать свой долг Салинасу и всем его гражданам поочередно.

Раз в неделю они навещались в самые нищие трущобы Барбадуса. Касуабан предлагал нуждающимся свои медицинские услуги и советы, а Тогандис проповедовал всем желающим слова Императора. Поначалу в этих вылазках трудиться приходилось почти лишь

одному Касуабану, но время шло, дела у людей за годы, прошедшие со Дня Восстановления, становились все хуже, и все больше и больше граждан города приходили искать защиты и благословений Императора.

Касуабана никогда не сопровождали солдаты, только водитель да несколько сервиторов, чтобы помогать разгружать медикаменты и обеспечивать самую минимальную охрану, в которой, спасибо Паскалю Блезу, почти не было необходимости. Тогандис путешествовал несколько менее скромно, разъезжая в паланкине из инкрустированного дерева с серебряной оковкой, сопровождаемый небольшой компанией распевających псалмы священников и лоботомированных кагильщиков.

--- Позновато ты сегодня, --- заметил Касуабан, но без упрека в голосе.

--- Да, --- отозвался Тогандис, --- мое сомнатбүлическое состояние было отравлено фантасмагориями.

С трудом отыскав смысл в словах кардинала, Касуабан кивнул:

--- Что-то плохое приснилось?

--- О, это лишь отчасти описывает произошедшее, мой гипнократствующий друг.

--- Ночной кошмар? --- спросил медик настолько непринужденно, насколько мог.

--- Не то слово. Визения столь отвратительного свойства, что, уверившись в их реальности, человек и с ума сойти может.

--- И что же тебе приснилось?

--- Мой милый Серж, известно то, я думаю, тебе.

--- Шеёво, откуда же мне знать?

Тогандис наклонился поближе, так, чтобы его больше никто не мог услышать.

--- Мне снилась Зона Поражения.

--- Ох.

--- Вот, слог один, а все уж сказано, --- сказал Тогандис. --- Что ж, вполне точное описание.

--- А ты что ожидал услышать? --- прошипел Касубабан, хватая кардинала за руку и оттаскивая его подальше от кабины грузовика. --- Держал бы ты лучше свой проклятый рот на замке. Это не та

тема, о которой стоит рассуждать вслух,
а в этом месте и подавно.

--- Хочешь сказать, тебе не снится
Хатүриан? --- произнес Тогандис. --- Боюсь,
я буду склонен назвать тебя лжецом, если
ты заявишь нечто подобное.

--- Ты не мой исповедник, Шейво, ---
сказал Касүабан, вытаскивая из кармана
помятую серебряную фляжку и отхлебывая
из нее.

--- Ага, теперь я вижу, почему ты снова
своих не запоминаешь, --- заметил
кардинал.

--- Не стей меня судить, --- отрезал
Касүабан, делая еще один глоток. --- Уж
кому это и делать, так точно не тебе.

--- Коль человек в церковном
облечении не стеем обличить тебя в
пороке, то кому еще это сделать?

--- Не тебе, --- повторил Касүабан. ---
Нет у тебя такого права. Ты и сам был
там.

Тогандис кивнул и пододвинулся к
товарищу настолько близко, что тот
почувствовал аромат сегодняшнего
завтрака кардинала и затхлый запах

нота.

--- Я был там, это точно, и мир скорее перевернется, чем перестану жалеть о том.

--- Неужели? --- язвительно устехнулся Касуабан, тыкая пальцем в грудь священнослужителя. --- Тогда чего же ты все еще носишь медаль? Гордишься?

Тогандису хватило приличия как минимум на то, чтобы слухнуться.

--- Нет, не горжусь. Ношу же потому лишь, что, если я ее сниму, подаст мол. Лито Барбагену недобрый знак. Или, может, ты думаешь, что, хотя бы заподозрив, что ты злоумышляет против него, он не пошлет Эвершема по нашим головы?

Касуабан вцепился в одеяния кардинала.

--- Говори, мать твою, потише! --- прошептал медикае. --- Или ты смерти ищешь?

Тогандис покачал головой и с недовольной гримасой высвободил свою ризу из рук товарища.

--- Пойми, Серж, я ведь не ссориться с

тобой пришел, -- произнес кардинал.

-- Тогда зачем?

-- Хочу предупредить.

-- Предупредить меня? О чем?

-- Я видел их прошлой ночью, -- сказал

Тогандис. -- Мертвецов Хатүриана.

-- В кошмарном сне?

-- Нет, в церкви.

-- Что ты несешь?

-- Они пришли за мной, -- объяснил

Тогандис. -- Да, пришли за мной, но так и

не забрали, чему причин, скажу как на

исповеди, сам я не нахожу. Они обрели силу,

Серж, настоящую силу. И лишь вопрос

времени, когда они явятся за нами всеми.

Касүабан покачал своей фляжкой
перед лицом кардинала.

-- Сдается, Шейво, что это не о моем
здоровье тебе следует тревожиться.

Взглянул бы ты лучше сначала в зеркало.

-- Я не шучу, Серж, -- настаивал

Тогандис. -- Неужели сам не видишь? Что-

то изменилось и далеко не к лучшему.

Мир стал совсем другим. Я чувствую это

в каждом глотке воздуха.

Серж Касүабан хотел бы поспорить с

кардиналом, но перед его внутренним взором вновь предстала девочка, лежащая на больничной койке и произнесшая до сих пор преследовавшие его слова. И не он ли сам проснулся посреди ночи с раскалывающейся от боли головой, вынырнув из ужасного сна, в котором из пещеры выбралось чудовище с пылающими глазами, намеревающееся его сожрать?

Но восставшие мертвецы?

--- Ты чувствуешь! --- сказал Тогандис, заметив выражение лица товарища.

--- А если даже и так? Что я могу тут пожелать? Мы с тобой оба прекрасно знаем, что натворили и чему позволили случиться. Если мертвецы придут за нами, то почему бы и не позволить им войти?

--- Так хочется сдохнуть? --- спросил кардинал.

--- Нет, --- ответил Касубан, опуская плечи и переводя взгляд на озлобленные лица тех, кто называл Мусороград своим домом. --- Смерть была бы слишком простым выходом для нас. Куда большее наказание жить с осознанием того, что

мы сделали.

--- Сомневаюсь, что мертвецы
смотрят на проблему с той же позиции, ---
заметил Тогандис.

Уриил и Назаний проследовали за
Эвершем по дворцовым коридорам,
аскетичное убранство которых стало
более понятным после знакомства с Лито
Барбагеном. В проходах дежурили
облаченные в красную униформу
фалькаты в блестящих кирасах и со
сверкающими серебром кривыми мечами,
но, как отметил про себя капитан, ни один
из этих людей не имел при себе ни
лазгана, ни даже пистолета.

По пути Эвершем был не слишком
общителен, он исключительно вежливо и
лаконично отвечал на обращенные к нему
вопросы, но не предоставлял никакой
информации сверх самого необходимого. О
Яниценсах он сказал Уриилу лишь одно:
«Когда увидите, сами все поймете».

Наконец они вышли из дворца, причем
с противоположной стороны от той, с
которой заходили в него. В разные

стороны от основного корпуса разбежались высокие здания с похожими на зубья пилы паранетами, образуя треугольник внутреннего двора. Если сам дворец был построен из темного, впускающего страх камня, то эти крылья выложили гладкими розовыми плитами, поблескивавшими, точно полированный гранит. Внешние стены западной пристройки пестрели узкими оконцами, но не было видно ведущих внутрь дверей. Крыша ее обросла лесом антенн.

Восточное крыло выглядело совсем иначе и явно было древнее остальных территорий дворца. Каменные стены оказались богато украшены орнаментом и претендовали на звание произведения искусства — это здание определенно должно было прославить талант своего создателя.

Если все прочие постройки в пристанище Барбагена были чистыми и довольно новыми, то это крыло давно состарилось и имело несколько неухоженный вид — каменные стены растрескались и выглядели обветренными.

точно лицо пожилого политика, а окна потускнели от пыли и груза воспоминаний. Несмотря на то что здание это давно не ремонтировалось — а может, и именно поэтому, — оно сразу же полюбилось Уриилу, почувствовавшему некую общность с ним или же с чем-то, что оно олицетворяло.

Между двумя крыльями дворца раскинулся голый бетонный пустырь, такой же просторный, как и строевой плац перед крепостью Геры, и вполне способный вместить сразу весь орден. Ничто не нарушало суровой армейской строгости этого места: ни статуи, ни технические пристройки. И глазу среди всей явной утилитарности площадки не за что было зацепиться, кроме как за возвышавшуюся на дальнем конце бетонного поля круглую башенку — приземистую, уродливую, грозную.

— Строевой плац? — спросил Уриил, когда Эвершел уверенно зашагал прямо через безлюдный двор.

— Так точно, — отозвался тот. — Именно на этой площадке и был

провоозглашен День Восстановления.

--- День Восстановления? ---

переспросил Назаний.

--- Официальная дата полного
возвращения Салинаса под управление
Империи, --- пояснил Эвершел. ---
Великий день для всего полка.

--- И все же вы по какой-то причине
предпочли скрыть это место здесь, за
стенами, --- заметил Назаний.

Эвершел опустил его взглядом:

--- Наш полк умер здесь.

Уриил тщательно взвесил про себя
столь неожиданно проявленные этим
человеком эмоции и рискнул уточнить:

--- Умер?

--- Мы вышли из состава
завоевательной армии, --- пояснил Эвершел
с явственной горечью в голосе. --- Мы были
официально расформированы, перестав
считаться действительным полком, и из
тех, кто не желал расставаться с
оружием, сформировали Силы
Планетарной Обороны.

--- Да, пожалуй, вам и в самом деле
было тяжело это принять, --- произнес

Уриил, зная не понаслышке, какое раздражение вызывает у большинства солдат Имперской Гвардии тот факт, что их ошибочно принимают за бойцов СНО. Гвардейцы называли их изгнанными солдатыками, хотя те зачастую и становились первой линией обороны против восстаний или инопланетных вторжений. Уриил знал многих отважных воинов из СНО и иногда вспоминал Павла Лефорта, служившего в оборонительном легионе Эреба и спасшего ему жизнь на Тарсис Ультра.

Тот незначительный факт, что солдат не путешествует среди звезд и не несет к ним войну, несколько не утешает его в глазах Императора.

--- Во всяком случае, нелегко, --- сказал Эвершет, и его шаги ускорились, когда он вспомнил об испытанном в тот день гневе. --- Быть частью чего-то великого и вдруг стать никем --- можете себе такое представить?

--- Но правде сказать, могу, --- ответил Уриил.

Эвершет оглянулся через плечо и

сообразив, что слишком дал волю своему языку, просто кивнул, его лицо приняло привычное настороженное выражение.

Решив сменить тему, Уриил указал на разрушающееся восточное крыло.

--- А это здание? Что там?

--- Галерея древностей, --- ответил сопровождающий.

--- Музей?

--- В некотором роде, --- сказал Эвершет. --- Нечто среднее между полковым музеем и хранилищем тех вещей, которые, как показалось куратору Урбикану, должны быть начищены и убраны под стекло. Пустая трата времени. Все равно никто не придет на них посмотреть.

--- Это туда унесли наши доспехи? --- спросил Назаний.

--- Полагаю, что так, --- ответил Эвершет.

--- Думаю, мне стоит взглянуть на эту вашу Галерею древностей, --- произнес Уриил, но их проводник только пожал плечами, словно его это несколько не интересовало, хотя, как подозревал

капитан, жест был фальшивым.

На том разговор и завершился, а потом на них вдруг словно опустилось почти осязаемое облако тревоги. И с каждым шагом, сделанным по направлению к погруженной в задумчивость серой башне на краю плаца, чувство это становилось только сильнее.

Теперь, когда они подошли ближе, Уриил смог различить несколько зарывшихся в землю бункеров вокруг башни. Ее собственные стены были начисто лишены даже намека на окна, но у основания было видно похабно распахнутое лоно входной арки.

Костогесантников определенно вели именно туда, и именно там располагалось логово Яниценов, кем бы они ни были.

Уриилу башня сразу же не понравилась, и, оглянувшись на Назания, он убедился, что его товарищ испытывает сходные чувства.

В воздухе отчетливо пахло угрозой, толпки колючей проволоки, окружавшей мрачную постройку, казались кустами терновника, обступившими гниющий

ствол погибшего дерева.

— Что это за место? — спросил Уриил, и ему показалось, что каждое сказанное им слово мертвой птицей повисает в воздухе. — Псайкерское логово?

— Это Арзилет, — ответил Эвершел так, словно это все объясняло, — дом Яниценсов.

— Миленько, — без особого энтузиазма произнес Пазаний, разглядывая угрюмое строение.

Когда они подошли ближе, из переднего бункера показались несколько гвардейцев и побежали к ограждению из колючей проволоки. Присмотревшись внимательнее, Уриил увидел, что каждый из них тащит на себе по тяжелому металлическому листу. Уложив их поверх проволоки, гвардейцы создали безопасный проход.

Когда Эвершел зашагал по импровизированному мосту, Пазаний наклонился к уху Уриила и прошептал:

— Не могу не отметить, что эти Фалькаты вооружены не только мечами.

Капитан кивнул. Он тоже обратил

внимание на стволы лазганов, следившие за нити из атбразур бункеров. Да и солдаты, обеспечившие для них путь через колючую проволоку, имели при себе стрелковое оружие. Неужели то, что скрывалось за стенами угрюмой башни, было настолько опасным, что губернатор Барбаген решил не распространять свои ограничения по боевой экипировке на охранников плаца?

Уриил сошел с последнего металлического листа, и едва он успел оказаться за ограждением, как гвардейцы бросились разбирать мост, запирая посетителей у подножия башни.

Насколько мог видеть Уриил, она была сложена из темных каменных блоков, плотно исписанных какими-то руническими письменами, опоясывавшими здание и покрывавшими его от фундамента и до самой крыши. Арочный проход, ведущий внутрь, казался разинутым зевом портала в преисподнюю, и на секунду капитану почудилось, будто он ощутил доносящееся оттуда дыхание чего-то древнего и зловещего.

--- Это они на всех так влияют, ---
объяснил Эвершем, заметив, что Уриил
почувствовал себя неуютно.

--- Кто?

--- Яниценсы, --- сказал Эвершем, входя
под арку. --- Пойдет, губернатор Барбаген
уже ждет вас.

Внутри башня оказалась ничуть не
более гостеприимной, чем снаружи, ---
пустой, уходящей наверх, в темноту.
Единственный лучик света падал точно в
центр пола, озаряя покрытую изморозью
чугунную винтовую лестницу.

Воздух был холодным, словно в
хранилище, и все поверхности
блестели от конденсата. Уриил
испытывал здесь странное чувство
дизориентации; изгибающиеся стены
стыкались настолько далеко, что это,
казалось, противоречило внешним
размерам башни.

Кроме того, капитан ощущал
горьковатый металлический привкус
психических энергий, витающих в этом
помещении, --- ни с чем не сравнимое.

пронизывающее насквозь чувство,
наполняющее тревогой все его существо.
Ультратарин не мог не отметить всю
иронию ситуации: чем большим
потенциалом обладает псайкер, тем хуже
в его присутствии нормальным людям, но
в то же время без его способностей весь
Империум бы рухнул, столкнувшись лицом
к лицу со всей необъятностью
галактических пространств.

Эвершем вновь зашагал вперед, хотя у
него значительно прибавилось
самоуверенности, когда он ступил на
гладкую отражающую поверхность
каменных плит, отделявших их от
лестницы. Стараясь не касаться перил,
проводник начал восхождение, и Уриил
последовал за ним. Ступеньки оказались
узкими и со скрипом прогибались под весом
Астартес, но сейчас все мысли капитана
были настолько заняты вопросом о том,
что ждет его впереди, что он совершенно
не задумывался об опасности свалиться.

Винтовая лестница изгибалась и
убегала далеко вверх, и Уриил был более
чем уверен, что она поднимается

значительно выше, чем может, учитывая размеры башни, какой та представлялась снаружи. Теперь он слышал стех... тоненький, похожий на детский, но в то же время принадлежащий чему-то безмерно древнему.

Меж стен эхом разносился тихий шепот, но Уриил заставил себя всецело сосредоточиться на том, чтобы аккуратно переставлять одну ногу за другой, пока ступеньки не закончатся.

Наконец он обнаружил, что стоит в окутанном сумраком зале, освещаемом только слабым светом, просачивающимся сквозь затененные окна, которых капитан не заметил снаружи. Стены помещения окутывали тени, но Уриил сумел различить стоящие по периметру силуэты облаченных в ряссы людей, борющихся какую-то совершенно непонятную чужь.

Дыхание вырывалось облачками пара, холод пронизывал до самых костей. Уриил в очередной раз подумал о том, как хорошо было бы снова оказаться внутри доспехов седьмой модификации, а не в этой

тоненькой накидке, весьма слабо защищавшей от противоестественного мороза.

Эвершем повел их в самый центр зала, к губернатору Лито Барбагену, стоявшему возле наклонной кушетки, где лежало нечто, чего Уриил пока еще не мог разглядеть.

Барбаген что-то говорил тихим, больше похожим на шепот голосом. Когда Эвершем приблизился, губернатор оглянулся и нетерпеливым жестом подозвал к себе костодесантников.

Уриил снова заставил себя сдерживать гнев и направился туда, где стояли Барбаген и Эвершем. Он чувствовал, что источник невероятного псайкерского потенциала находится там, в центре зала. Губернатор сместился в сторону, а его слуга встал позади кушетки, и Уриил впервые увидел Яниценсов.

Первой мыслью было, что все это какая-то гурная шутка, что его просто привели посмотреть на одного из самых уродливых мутантов в его жизни. Рука капитана сжалась, пытаясь схватить

рукою отсутствующего оружия. С
другом подавив отвращение перед...
тварью, что лежала на кушетке, он
заставил себя присмотреться
внимательнее и увидел на одном из двух ее
лиц слабую улыбку.

Она... точнее, они расположились под
странным углом --- бесформенная,
узловатая масса плоти, сплавившейся
вместе так, как не могла позволить
человеческая анатомия. Это был не
просто мутант, но нечто зачатое и
рожденное вне материнского чрева --- две
девушки, над которыми зло пошутила
свихнувшаяся природа.

Их головы срослись так, что они
никогда не смогли бы посмотреть друг на
друга --- несчастные уродливые девушки с
двумя ртами и двумя носами, с одним
глазом для каждого лица, размещавшимся
сразу над носом, и третьим --- затянутым
паволокой, выпученным, расположенным в
центре общего для них лба.

Уриил мог видеть мозг одной из
девушек, просвечивающий сквозь тонкую
мембрану покрытой шрамами кожи.

натягивавшейся и вновь расслаблявшейся при каждом ее вздохе. На правой стороне ее головы виднелось рудиментарное ухо с вдетой в него золотой сережкой. Крохотные сухие тела лежали в вечных объятиях, в которые их сплавила трагедия зачатия.

Они были одеты в темно-зеленые облачения из мягкого бархата, и Уриил обратил внимание на прицепленный к ним значок в виде головы орла — символ Агентус Астра Теленатика. Быть может, это и был тот астронавт, которому предстояло уведомить Ультратаринов о возвращении двух изгоев?

Уриила ужасало это жалкое зрелище, к тому же в глазах девушек он видел сияние разума.

В мутном глазу на их общем лбу началось какое-то шевеление, но затем пошли разводы, словно кто-то капнул чернил в белую краску.

Эти узоры капитану доводилось видеть и раньше, пока он встатривался в глубины варна сквозь хрустальный свог в

тот день, когда Отфал Демониум
захватил «Гордость Калта».

--- Добро пожаловать, Уриил
Вентрис, --- произнес левый рот. --- Меня
зовут Күлла.

--- А меня --- Лалла, --- добавил правый.

--- Мы --- Яницесы, --- сообщили они
хорош.

Глава десятая

Лалла обладала мягким голосом и вела себя словно беспечная девочка-подросток, еще ничего не знающая о жестокости окружающего мира. В хрипловатом голосе Куллы звучала такая горечь, словно именно она понимала, какие превратности судьбы бездумная природа выделила на их долю.

Уриил же смотрел на спаянных девушек с неловким любопытством, не зная, что и сказать.

Астронавты зачастую оказывались весьма эксцентричными созданиями, несущими по жизни проклятие способности пронзать сознанием безбрежные пространства галактики и связываться с другими представителями своей профессии, без чего Империят был бы немыслим.

Уриил не раз встречался с астронавтами, но никогда не видел среди них никого, чьи тела были бы столь же обезображены, как у Яниценов, никого,

кому лучше было бы умереть при рождении, чем влачить подобное существование. На девяносто девяти тирах из ста девочек бы сразу убили, но, где бы они ни появились на свет, та планета определенно была куда более терпимым к уродам местом.

Но, какую бы жалость он к ним ни испытывал, капитан не мог отделаться от чувства, что перед ним крайне опасные мутанты, и заставить себя относиться к ним иначе.

— Не стоит нас жалеть, Уриил, — сказала Лалла. — Нам нравится приносить пользу.

— Утолкни, — перебила ее Кулла. — Что ты можешь знать о пользе? Всю работу одна я делаю!

— Не ссорьтесь, девочки, — сказал Барбаген, и в голосе его прозвучали неожиданные мягкость и ласка. — Не надо спорить. Вы же знаете, что бывает, когда это случается.

— Да, — проворчала Кулла. — Ты заставляешь своих треклятых заклинателей затащить потуже петлю на

нашей шее.

--- У нас больно! --- пропущала Лалла.

--- Это ваш астронавт? --- спросил Уриил у губернатора.

--- Можешь спросить у них самих, --- отозвался Барбаген, --- они же вот, прямо перед тобой.

--- Кулла, он считает нас мутантами, --- веселым голоском произнесла Лалла.

--- А разве это не так? --- спросил капитан.

--- Да уж не больше тебя, Астартес, --- ослабилась Кулла. --- Ты-то сам кто, как не угрог? Если начистоту, то твоя генетическая структура куда сильнее отличается от человеческой, нежели наша.

Уриил сделал глубокий вдох. Какие бы предосторожности ни принял Барбаген, когда строил тюрьму для этих созданий, Кулла и Лалла, очевидно, являлись весьма могущественными псайкератами, и было бы глупостью злить их без лишней необходимости.

--- У в самом деле, глупостью, ---

ұлыбнулась Күлла.

Капитан вздрогнул, и Лалла прыснула со смеху:

--- Она вечно так себя ведет, но не волнуясь, прочесть ей удастся только поверхностные мысли, если только ты сам не захочешь впустить ее глубже, чтобы ты смогли узнать все твои грешки.

--- Я --- костический десантник Императора. У меня нет грехов, --- отрезал Уриил.

--- Ой, да брось ты, --- смеясь, произнесла Лалла, --- у всех есть свои тайны.

--- Нет, --- сказал капитан. --- У нас их не бывает.

--- Есть, есть у него секреты, --- заявила Күлла, заходясь хриплым визгливым хохотом, от которого задержалась кожистая мембрана над ее мозгом.

--- Может, перейдем к делу? --- спросил Уриил, чувствуя себя неуютно в присутствии Яниценов, поскольку теперь знал, что те способны не только общаться с другими астронавтами, но и читать

мысли.

--- Конечно, --- отозвался Барбаген, откровенно потешаясь над смущением капитана. --- Просто встань перед близнецами на колени и делай то, что они скажут. И будет куда проще и быстрее, если ты не станешь при этом задавать лишних вопросов.

--- Мы оба должны это сделать? --- спросил Назаний.

--- На ваше усмотрение, --- сказала Лалла. --- Разница невелика.

--- Тогда я, пожалуй, пока просто посижу в сторонке, --- сказал Назаний и сделал Уриилу приглашающий жест.

--- И тебя еще награждали за доблесть, --- пожурил капитан.

--- Такова уж командирская ноша --- порой приходится все делать самому, --- парировал Назаний. --- К тому же она сама сказала, что разницы никакой.

--- Умеешь ты убеждать, --- усмехнулся Уриил, опускаясь на колени.

--- Дай нам руки, --- сказала Лалла, --- и потерпи.

Капитан кивнул, задавая, что именно

хотела она сказать этим последним словом, и подчинился, осторожно прикоснувшись к их ладоням и почувствовав стремительную пульсацию крови в их крошечных тонких пальцах.

— Мы, знаешь ли, не из фарфора сделаны, — заметила Күлла. — Мне казалось, что Астартес полагается быть сильными. Сожми наши руки.

Лалла захихикала, и Уриил, покраснев, сжал ладони сильнее.

— Так-то лучше, — сказала Күлла. — Теперь мы можем управлять твоим разумом.

Зрачки Уриила расширились от неожиданности, но Лалла улыбнулась:

— Шутит. Мы на такое не способны, разве что ты сам попросишь.

Его пальцы начали мерзнуть, и капитан почувствовал, как холод распространяется по его рукам, перетекает в тело. Он не мог знать, что из ехидных реплик близнецов было правдой, а что нет, но со всей уверенностью подозревал, что задумай они причинить ему вред, то он ничего не сумеет сделать.

чтобы помешать или расправиться с ним
одной только силой мысли.

--- И что я должен делать? --- спросил
Уриил, стараясь ничем не выказывать
своего беспокойства.

--- Куда ты хочешь отправить
сообщение? --- спросила Лалла, плавно
закрывая глаз.

--- Кому ты его посылаешь? ---
требовательно произнесла Күлла.

--- Ультратаринам, --- сказал Уриил. ---
Мир Макразге.

--- Открой свой разум, Астартес, ---
приказала Күлла, и голос ее стал еще
более хриплым и грубым.

Капитан кивнул, хотя это указание и
показалось ему довольно неопределенным,
закрыв глаза, заметлил дыхание и стал
ждать прикосновения сознания близнецов.
Но ничего не почувствовал и начал
испытывать нетерпение.

--- Твой разум закрыт для нас, ---
сказала Лалла, --- словно крепость,
готовящаяся отразить вторжение
захватчиков.

--- Не понимаю, --- произнес Уриил.

— Ты же Астартес, а ваши мозги жесткие и неуступчивые, словно адамантый, — сказала Күлла, хотя капитан видел, что губы ее не шевелятся. Ее голос звучал прямо в его мозгу и не нуждался в сотрясениях воздуха. — Вас тренируют, закаляют и улучшают таким количеством способов, что ваши сознания становятся подобны дверям за семью печатями, охраняющими чудесный, сказочный мир. Вас учат очень многому: как использовать память, анализировать языки, боевую обстановку, но все-таки наставники при этом вынуждают вас запереть от самих себя одну частичку вашего разума, ту частичку, которая могла бы поточь вам по-настоящему воспарить. Ваши чувства не похожи на чувства простых смертных, но если ты вступишь нас, мы могли бы отпереть эту дверь для тебя.

— Күлла, прекрати, — сказала Лалла. — Ты же знаешь, что это не разрешено. Оставь его в неведении.

— Эх, ну и ладно, — проворчала Күлла, и Уриил услышал ее вздох в своем

сознании. — Что ж, Астартес, представь
свой родной мир: его людей, горы и моря.
Почувствуй запах земли и свежесть
воздуха. Ощути траву под ногами и ветер
на лице. Вспомни все, что делает твою
планету не похожей ни на одну другую.

Радуясь тому, что наконец-то
получил понятные инструкции, Уриил
представил себе Макрагге таким, каким
увидел его в последний раз — прекрасным
голубым шаром, медленно вращающимся в
глубинах космоса. Сверкающие лазурным
блеском обширные моря, покрывающие
большую часть его поверхности, кружащие
в небе спирали грозовых туч,
напоминающие миниатюрные галактики.

Проникнув внутренним взором за
тучи, Уриил нарисовал потрясающую
воображение колоссальную империальную
крепость Геры, возвышающейся на
глинном мысу. Увидел перед собой высокие
желобчатые колонны ее величественной
крытой галереи, где размещались изваяния
проявивших героизм воинов. Затем
сознание капитана воспарило выше, над
золотым сводом, серебряными куполами и

пронзающими небеса сияющими шпильми
великолепные библиотеки, залы боевой
славы, золоченые чертоги Храма
Успавления, куда стекались пилигримы и
верующие и где лежало в стазисе тело
Робаута Жиллимана.

Потом Уриил представил себе
простирающиеся позади крепости дикие,
не тронутые человеком просторы долины
Ланонис, белоснежные скальные вершины
наг ослепительно синей рекой,
прокладывающей себе путь по горам и
лежащим внизу полям. Словно птица,
промчался капитан наг долиной,
устротившись к грохочущему водонаду,
низвергающемуся в огромной высоты.

Гремящие облака брызг поднимались
наг озером, наполняя воздух холодной
токрой дымкой, и Уриил застелся,
попробовав на вкус кристально чистую
воду родной планеты своего ордена. Он
вылетел из долины, вспоминая горы и леса
Макрагге, его крутые каменистые берега
и безбрежные бездонные океаны.

--- Назаний, --- выдохнул он, --- я там.

--- Сосредоточься на мыслях о родине, ---

— сказала Күлла. — Озвучь свое желание.

— Мое желание? — переспросил Уриил.

— Вернуться домой.

Уриил кивнул, давая знак, что понял.

— Мы исполнили смертельную клятву, — сказал он. — Пришло время возвращаться к боевым братьям.

— Покажи нам, — произнесла Күлла. — Покажи нам все.

Как ни была ему ненавистна сама идея о возвращении туда даже в мыслях, Уриил вызвал в памяти картины Медренгарда: покрытые неплот поля, чадающие континенты фабрик и адских, проклятых тварей, населяющих этот мир. Он нарисовал перед собой кошмарную сцену: Халан-Гол, жуткие демонические татки Демонкүлабы и, наконец, финальную победу, одержанную над Хонсю.

Уриил почувствовал, как руки близнецов вдруг затряслись, и открыл глаза, когда в его ноздри ударил отвратительный запах горелого мяса. Повсюду вокруг плясало и ревели

призрачное платье, но все остальные, казалось, ничего не замечали.

Помещение купалось в свете огня, и Уриила охватило смутное ощущение того, что за ним из темноты наблюдает чей-то голодный взгляд.

Холодное бесплотное платье отбрасывало от каждого из присутствующих странные тени, и у капитана перехватило дыхание, когда он понял, что видит мир таким, каким тот представляется близнецам.

Клубящаяся тьма окутывала Эвершета, а тело Барбагена озаряло холодное гало серебряного сияния, подобного блеску луны на поверхности неподвижного озера. Мерцающие дуги золотых волн потрескивали над головами Яниценов, в то время как силуэт Назания был очерчен текучей алой аурой, похожей на кровь, пролившуюся в воду. Кроме того, Уриил видел, что эта аура не заканчивается культей друга, но продолжается, образуя размытые контуры руки.

Посмотрев вниз, на собственное тело, капитан понял, что его торс и руки тоже

излучают красное сияние, напоминающее о раскаленных углях.

--- Вы воины, --- сказала Күлла, и голос ее долетел словно откуда-то издалека. --- Какого еще, на твой взгляд, могут быть цвета ваши ауры, как не цвета крови?

Назаний что-то говорил, но Уриил не понимал ни слова --- груг обращался к нему из какой-то невообразимой дали. Голос Назания звучал все тише и тише, и капитан понял, что его взгляд начинает притягивать к заплывшему глазу в центре спросшегоса лба Яниценсов.

В его глубине кружились звезды и планеты, были видны все разделяющие их бескрайние нехоженые просторы космоса. Уриил вскрикнул, когда его начало засасывать туда, в этот глаз. Он ощущал себя ничтожной пылинкой в безграничной пустоте галактики. Расстояния здесь были столь велики, что ни одно человеческое сознание не было способно полностью оценить их масштабы, но все же он преодолевал их со скоростью мысли. Он и был частью этой мысли --- все, что он представил, становилось таяком идей и

образов, позволявшим при помощи
могущества близнецов переноситься через
любые расстояния.

Тошнотворное чувство
головокружения стало почти
невыносимым, и теперь капитан мог разве
что цепляться за руки Яницевов, пока те
несли его через бесконечность.

А потом все закончилось.

Уриил судорожно вздохнул, когда
близнецы вдруг выпустили его ладони. Он
быстро заморгал, нормальное зрение
вернулось к нему, и все нелюбимые краски
и аэры, которые он видел до того, канули в
небытие и теперь казались просто
частичкой странного сна.

— Это все? — спросил он, тяжело
дыша.

— Твое послание услышат, — сказала
Лалла.

— Услышат все, кому на это силенок
хватит, — добавила Кулла.

Когда Эвершем вывел Уриила и
Назания из Аргилета, небо было уже
темным, украшенным россыпями звезд.

Облегчение, которое испытал капитан, покинув Яниценов, было просто всепоглощающим. Он сделал глубокий вдох, очищая легкие, и воздух снаружи башни показался ему таким же сладким и чистым, как и в горах Макрагге.

— Долго мы там были? — спросил Уриил, разглядывая звезды.

— Слишком долго, — отозвался Назаний, наблюдая за тем, как солдаты вновь придают колючую проволоку, чтобы дать им пройти. — Ты сидел, скорчившись, возле этих... девчонок несколько часов.

— Неужели? — поразился Уриил. — Мне показалось, что прошло в лучшем случае несколько минут.

— Уж поверь мне, — сказал Назаний, почесывая воспаленную кожу культи, — ты заблуждаешься. Кстати, Барбаген ушел сразу же, как вы начали.

— Рука болит? — спросил капитан, шагая следом за Эвершетом по мосту из металлических листов.

— Есть немного, — признался Назаний. — Надо заметить, резали ее мне

вовсе не с хирургической аккуратностью.

Уриил слышал раздражение в голосе друга и знал, чего тот опасается. Назаний потерял руку в подземельях Павониса, сражаясь против бога древних звезд, и микроскопические осколки живого металла, из которого был выкован вражеский клинок, вначале проникли в его кровь, а затем внедрились в структуру аугметических протезов, подаренных ему агентами планеты.

После этого аугметика обрела способность к самовосстановлению, и Назаний терзал себя чувством вины из-за того, что ничего не рассказывал в течение долгих месяцев, пока не был вынужден наконец покаяться Уриилу. Мортиции, внушающие ужас палачи-хирурги Железных Воинов, впоследствии аттестировали эту конечность и подарили ее кузнецу войны Хонсю, но муки совести от этого не прекратились.

— Ты избавлен от скверны ксеносов, — сказал Уриил, стараясь говорить как можно тише. — Я в этом уверен.

— А что если взатен в меня забралось

что-нибудь медренгардское?

--- Ты бы знал, если бы это произошло, --- заверил капитан. --- Если бы губительные Силы испортили твою плоть, ты бы не говорил сейчас со мной вот так. А точнее сказать, ты обратился бы против меня болтер во вчерашнем сражении.

--- Уверен, что все происходит так быстро? Может, я только делаю первые шаги по дороге зла.

--- Не могу дать гарантий, --- ответил Уриил, услышав страх в голосе друга, --- но я уверен, сам факт, что ты задаешься этим вопросом, говорит о том, что все с тобой нормально. Те, кого совратило зло, никогда не задумываются, никогда не сомневаются в своей правоте и не видят подлинной сути своих действий. Если бы ты и в самом деле пошел по этому пути, я бы заметил.

--- Надеюсь, ты прав, --- протянул Назаний.

--- Если хочешь знать наверняка, я могу попросить губернатора Барбадена организовать тебе визит к медикам.

--- И ты полагаешь, они что-нибудь заметят?

--- Во всяком случае, они смогут проверить, не занес ли ты себе инфекцию, --- сказал капитан.

Пазаний благодарно улыбнулся:

--- Спасибо, Уриил. Твоя дружба многое для меня значит.

--- В такие времена, друг мой, ничем другим дорожить и не приходится, --- улыбнулся в ответ Уриил.

Рикард Устель утирал --- это было так же верно, как то, что день всегда сменяется ночью. Паскаль Блез видел это в глазах парня, чей взгляд свидетельствовал: тело уже выбросило белый флаг в схватке за жизнь, и теперь остановка всех биологических процессов оставалась только вопросом времени. Для Рикарда сделали все возможное, но среди повстанцев не было настоящих врачей, и все их ничтожные познания о том, как лечить боевые раны, добывались именно вот так, в наблюдении за тем, как люди утирают.

Серж Касуабан привез медикаменты, как и обещал, и многие из пострадавших в нападении на «Клекочущих орлов» должны были выжить — многие, но не все.

И, к прискорбию, Рикард Устель был одним из тех, кому не повезло.

Коулен Харк сидел у кровати паренька, сжимая его руку и что-то тихо говоря. Свет двух масляных светильников играл на бледном лице утирающего, окрашивая его в теплые, здоровые краски, словно пытался скрыть злобещий прогноз.

Паскаль потер след от лазерного ожога на виске и сделал еще один глоток ракивира, неожиданно подумав о том, как здорово было бы сейчас осушить всю бутылку до дна и погрузиться в лишенное снов забытие. Но он знал, что не имеет на это права; от его поступков зависели жизни многих людей, и Блез понимал, что Сыны Салинаса не могут продолжать жить так же, как сейчас.

Этот печальный факт был известен ему уже очень давно, но ненависть к Лито Барбагену ослепляла его, мешая принимать реальность такой, какой есть.

Насилие не могло привести их к победе в этой войне, и теперь лидера повстанцев тошнило от осознания того, сколько раз он принимал участие в сражениях и убийствах. Неужели все это было впустую?

Услышав, как Харк тихо выругался, Наскаль поднял взгляд.

--- Отошел, --- сказал Коулен. Когда он устало рухнул на стул напротив командира, лицо его превратилось в маску гнева. --- Рикард... умер.

Наскаль кивнул и по столу подогвинул к товарищу бутылку. Тот сделал долгий, глубокий глоток обжигающей выпивки.

--- Скажи мне, Коулен, за что он умер? --- спросил Наскаль. --- Скажи, почему он должен был умереть?

--- Он погиб за Салинас, --- ответил Харк, --- чтобы победить Империум.

Наскаль покачал головой:

--- Нет, он умер ни за что.

--- Как ты можешь так говорить? --- возмущился Коулен. --- Он погиб, сражаясь с притеснителями. Разве это ничего не значит?

--- Просто надежда победить

Ципериум стехотворна, --- печально
произнес Паскаль. --- Полагаю, я знал это с
самого начала, только не хотел
признаваться даже себе. Я хочу сказать: а
что мы можем сделать? На самом деле?
Мы сражается украденным оружием, уже
настолько старым, что порой оно
представляет больше опасности для нас
самых, чем для тех, на кого нацелено. У
них же --- танки, авиация, а теперь еще и
костические десантники.

--- Всего двое, --- парировал Коулен, --- и
один из них к тому же без руки.

--- Разве это ни о чем тебе не
говорит? Тот факт, что мы удостоились
внимания всего-то двух костических
десантников? А вот мне --- многое.

--- Стало быть, мы не можем
победить? Это ты мне хочешь сказать? ---
с нажимом спросил Коулен.

--- Нет. Или да... возможно. Я больше
ничего не знаю, --- ответил Паскаль.

--- Сильван Тайер ни за что бы не
сдался!

--- Сильван Тайер повел Сынов
Салинаса в самоубийственную атаку, не

и тея ни талейшего шанса на победу. Я ни за что так не поступлю, Коулен. Просто не смогу.

--- Зато он умер как герой, --- не терпящим возражений тоном произнес Харк.

На мгновение Наскалю захотелось рассказать Коулену правду о том, что на самом деле Сильван Тайер, обгоревший и изуродованный до неузнаваемости, лежит в Палатах Провидения, но прежний лидер Сынов Салинаса обрел в глазах людей ореол мученика, и было бы излишне жестоко отсрывать с него венец славы.

--- Да, --- сказал Наскаль, --- да, в этом ты прав, но с меня хватит мучеников. Я хочу, чтобы люди могли жить своей жизнью. Я хочу мира.

--- Так ведь за это ты и сражаешься!

Наскаль застесался, но стех вышел горьким и сдвленным.

--- Бороться за мир, устраивая войну?

--- Если это необходимо.

--- Вот как раз такие мысли нас поднажды и погубят, --- пообещал Наскаль.

Трое расположились треугольником в тесной комнатке, выложенной термостойкой плиткой, и каждый смотрел в самый центр помещения.

Первым из них был юноша, привязанный ремнями к поставленной вертикально койке; его руки и ноги сковывали серебряные цепи, а голова была зажата в тиски, не позволявшие сдвинуть ее ни на миллиметр.

Шипящие распылители увлажняли зияющие провалы пустых глазниц, веки которых были постоянно раскрыты с помощью офтальмологических расширителей. Огни плавно покачивающиеся трубочки подавали в его вены питательные вещества, пока другие выводили отходы жизнедеятельности. За спиной юноши расположились гудящие, пощелкивающие машины, следящие за состоянием его здоровья, и только их ритмичное пульсирование и попискивание показывало, что этот человек вообще жив, настолько слабо и незаметно вздымалась и опадала его грудь.

Наверх его рта крепился

зарешеченный корпус вокс-ловителя, от которого отходили золотистые провода, а те в свою очередь змеились и сворачивались кольцами на полу, пока не достигали второго из обитателей комнаты.

Этот был точно так же прикован, хотя большой роли это и не играло, поскольку все его конечности, за исключением правой руки, были удалены хирургами. Он сидел в механической колыбели, сваренной из бронзовой арматуры и опутанной пульсирующими кабелями, и так же, как и в случае с его соседом, всю необходимую пищу получал при помощи побулькивающих трубок. Золотистые провода, тянувшиеся от первого обитателя через всю комнату, уходили ему за спину, где разделялись на пучки, подключенные к металлическим разъемам, которые располагались там, где у него раньше находились уши. Веки этого постояльца были защищены наднагинами глазниц, и на них мелкими буквами был вытатуирован какой-то текст.

Сбоку от этого человека располагался
деревянный аналой с закрепленным на нем
желтеющим пергаментом,
разматывающимся с валика под
мерцающим пикт-рекордером.
Единственная рука узника неподвижно
лежала возле пергамента, крепко сжимая
глинное перо между большим и
указательным пальцами тщедушной
куисти.

Последний из обитателей
комнатшки также являл собой единение
плоти и машины, но если его соседи были
привязаны к своим рабочим местам
ремнями и заклинаниями, то он просто
подчинялся приказаниям, прошитым в его
мозгу при помощи лоботомии, и
карточкам с программами, которые
вносили в его память хозяева.

У него, стрелкового сервитора,
больше не осталось собственного разума и
желаний, он был обычным живым оружием,
у которого нет иных интересов и целей,
кроме тех, которые перечислялись в
приказах. Хотя он больше напоминал
нормального человека, нежели двое других.

но его тело было усилено бионикой,
мышечными стимуляторами,
компенсаторами равновесия и
прицельными системами, что и позволяло
этому существу управляться с увесистым
массивным инсинератором, заменившим
ему левую руку.

Оружие непредсказуемым образом
двигалось, следуя за двумя грузами
обитателями комнаты. Мозг сервитора
был запрограммирован так, чтобы при
минимальнейшем признаке угрозы переключиться
в боевой режим и залить помещение
благословенным огнем, испепелив здесь
всех, включая самого себя.

Инсинератор мгновенно установился на
пленника, прикованного к койке, едва грузы
юноши начала двигаться с непривычной
силой. Попытки машины за его спиной
участилось, сливаясь в пронзительный
тревожный визг.

На выходе из невероятно огромного
сопла инсинератора ожил шипящий язычок
голубого пламени.

Тело первого пленника, хотя и было
заковано так, чтобы он не мог и

целохнувшись, задержалось, словно через
него пропустили электрический ток.
Заходили ходунот челюсти, но вокс-
уловитель не позволил ни единому звуку
вырваться наружу.

Едва этот узник начал говорить, как
обладатель писчего пера тут же
задвигался, словно машина, которую
неожиданно включили в сеть. Перо
заскрипело по пергаменту, покрывая тот
паутиной текста, мощая рука заметалась
по поверхности листа. Мерцающий экран
пикта защелкал, гелая снимки
пробегающих под ним строчек и отправляя
их в еще одну тщательно охраняемую
комнату этого здания.

Помещение с узниками наполнилось
жарким шипением проходящего последнюю
проверку инсинератора, но условия,
приводящие стрелкового сервитора в
действие, так и не были соблюдены,
поэтому он пока что неподвижно наблюдал
за разворачивающимся перед ним
действием.

Наконец скованный юноша с
выжженными глазами успокоился.

расслабились сведенные сугорогой мышцей тела, и он испустил пусть беззвучный, но вполне осязаемый вздох. Его напарник тоже замер, и сухая рука вернулась на свое место возле исписанного каракуляти листа.

Затем голубое пламя инсинератора угасло, стрелковый сервитор возвратился на свое место, и в комнатухе снова воцарилась тишина.

В стене открылась потайная дверь, до той поры неразличимая изнутри помещения, и в образовавшемся проходе возникла вереница облаченных в ряссы кагульщиков. Каждый нес дымящую курильницу, пряча лицо под капюшоном и словно не видя обитателей комнаты. Они описали несколько кругов вдоль стен, нащупывая свой путь ищущими руками и одновременно помахивая кагулами с благословленными ароматизированными маслами.

Помещение затянуло дымкой, напотаившей утренний туман, но это несколько не беспокоило огромного, закованного в броню человека, вошедшего в

котнату. Массивный почти до
гигантизма, заключенный в начищенные
до блеска серебристые доспехи, он,
казалось, заполнил собой сразу все свободное
пространство. Дым камильниц ослепил бы
любого нормального человека, но этот
воин без особых затруднений нашел дорогу
к аналою.

Тяжелая рука, закованная в перчатку,
протянулась и выграла лист пергамента
из раздатчика, потом подняла страницу к
скрытому под шлемом лицу, и великан
погрузился в чтение.

Конечно, он уже слышал эти слова из
уст искусственно выращенного херувима,
но ему захотелось увидеть все лично,
чтобы своими глазами убедиться в
правдивости информации.

Все признаки были налицо.

Великое Око открылось, и
предвестники зла уже проникли в мир.

За спиной он услышал тяжелые шаги
и, оглянувшись, увидел, как в котнату
входит еще один человек, облаченный в
точно такие же огромные доспехи, как и у
него самого. В руках тот сжимал

массивную алебарду.

--- Это правда? --- спросил
новоприбывший. --- Новое возмущение
энергий на Салинасе?

--- Правда, --- подтвердил первый воин. ---
Командуй готовиться к бою, Шейрон.

--- Уже сделано.

Воин кивнул, меньшего от своих
людей он и не ожидал.

--- Ориентировочное полетное время
до Салинаса?

--- Орбита планеты пересекается с
нашей. Пять дней в худшем случае.

--- Хорошо, --- произнес воин. --- Мне бы
хотелось поспеть туда, пока еще есть что
спасать.

--- Это может оказаться
невозможным, --- заметил Шейрон.

--- Так значит, сделает его таковым, ---
сказал воин. --- Я уже устал от войны на
уничтожение.

«За ошибки ждет быстрая расплата».

Часть третья

HEMEZUDA

Глава одиннадцатая

Толстый слой пыли покрывал сотни стеклянных шкафов, и самый воздух Галереи древностей, казалось, пропитался затхлостью, запустением и забытой историей. Из всех мест на Салинасе, где успел побывать Уриил, только это по-настоящему говорило с ним. Здесь особенно сильно ощущались наследие прошлого и причастность к великим событиям, и капитану вспомнились многочисленные залы в крепости Геры, украшенные древними знаменами и почетными трофеями.

Миновал уже целый день с момента встречи с Яницесами, но чувство вины из-за контакта с сознанием псайкера так до конца и не выветрилось. Сегодня же, едва рассвет бросил свои первые лучи на Салинас, Уриил позвал Эвершема, всюду тенью следовавшего за ним, и отправил к губернатору Барбагену с просьбой выделить опытного медика для осмотра

Назания.

Поскольку незаметного ответа не последовало, Уриил решил, что чем просто сидеть и ждать, пока с ними свяжутся боевые братья, лучше будет побольше узнать о том мире, где они оказались.

И самый верный способ, подумал капитан, — ознакомиться с прошлым.

Они нырнули в дворцовые коридоры и скоро снова оказались посреди плаца, благо маршрут надежно отпечатался в памяти Уриила и проблем найти выход не составило.

Голая бетонная эспланада и серая башня вдаль выглядели ничуть не веселее, нежели гнет ранее, и пока они с товарищем шли к Галерее древностей, Уриил не мог отделаться от мысли, что их что-то притянуло сюда, словно эта их вылазка была кому-то очень нужна.

--- Выглядит не слишком-то обещающе, --- произнес Назаний, разглядывая заброшенное крыло дворца. У него хотя Уриил рассчитывал, что найдет внутри что-нибудь действительно

интересное, в эту минуту он не мог не согласиться с другом.

Но боязнь разочароваться развеялась в то же мгновение, как только они вошли внутрь и увидели глинные ряды шкафов, упаковочных ящиков и стоек с антиквариатом. Большая часть помещений тонула во мраке, и кто знает, какие сокровища ожидали Астартес впереди, ведь Галерея древностей хранила память о боевой славе и истории всей планеты.

Ответственным за всю эту, казалось бы, беспорядочную коллекцию являлся куратор Лукас Урбикан, придирчивый и горделивый человек, которого Уриил заранее предупредил о своем визите.

— Ах, — произнес Урбикан, посмотрев поверх очков на гостей, едва те успели распахнуть двери его владений. — Я надеялся, что вы сочтете необходимым посетить мою скромную выставку, хотя заранее вынужден извиниться за некоторую... беспорядочность в расположении экспонатов.

Урбикан оказался тучиной среднего

роста, чья осанка выдавала его солдатское прошлое. Пусть теперь он носил темную рубашку вместо мундира, но было видно, что он по-прежнему поддерживает свое тело в хорошей физической форме и заботится о здоровье. Капитан был склонен предположить, что куратору уже перевалило за шестьдесят, поскольку его строгое лицо избороздили морщины, а остатки волос, остриженных почти вплотную к черепу, были белы, точно свежий снег.

Хранитель галереи поклонился гостям и маршевым шагом направился навстречу, одновременно протягивая в приветствии иснещенный старческими пятнами руку. Уриил принял предложенное ему дружелюбное пожатие и обнаружил, что лапоть старика и сильна, и покрыта трудовыми мозолями.

--- Куратор Урбикан, как я понимаю? ---
--- заинтересовался Уриил.

--- Никто иной, мой друг, никто иной, --- с обезоруживающей улыбкой ответил ему Урбикан, --- но можете звать меня просто Лукас. Я же должен предположить, что

перего мной капитан Уриил Вентрис, что, если не ошибаюсь, идентифицирует вашего однорукого товарища как сержанта Назания.

--- Вы не ошиблись, --- сказал Назаний.
--- Рука меня и в самом деле в некотором смысле выдает.

--- Значит, вы о нас слышали? --- спросил Уриил.

--- Полагаю, не так уж и много найдется на Салинасе людей, до которых еще не долетели слухи, --- ответил старик. --- Вести о прибытии Агентств Астартес разносятся быстро, хотя должны признаться, что наш Лито, скорее всего, надеялся сберечь вас для себя и себя одного. Достопочтеннейшему губернатору вечно не хватает времени ни на меня, ни на пыльные и ветхие реликвии прошлого. «Пустая трата времени», --- говорит он.

--- Но правде сказать, губернатор Барбаден, похоже, вовсе не рад нашему появлению, --- заметил Уриил и сам изумился собственной откровенности.

--- Ну, полагаю, у него и так забот полон рот, --- признал Урбикан, --- со всеми

этили хлопотами-то из-за Сынов
Салинаса.

--- Тоже верно, --- произнес Уриил, неожиданно осознавая, что куратор может помочь разузнать очень многое. --- Так что у нас, похоже, полно свободного времени.

--- И вы решили употребить его на то, чтобы посетить мою нищую Галерею древностей? Весьма польщен, --- заявил Урбикан, лучась радостью. --- Мне-то известно, сколь редко солдатам вроде вас выпадает свободная минутка, как, впрочем, и любому человеку войны. Я все помню, хотя и немало утекло воды с тех пор, как я имел право называть себя солдатом Императора.

--- Вы служили в фалькатах? --- спросил Назаний.

--- Расплачивался за свои грехи, --- все так же улыбаясь, отозвался Урбикан, хотя на долю секунды улыбка эта и подувала. Впрочем, он почти тут же непринужденно взмахнул рукой. --- Конечно, с той поры прошло много лет. Я оставил службу сразу же после Дня Восстановления, хотя, подозреваю, полковник Каин все равно

отправила бы меня в отставку, хотел я
этого или нет. В войнушку должна играть
молодежь, верно?

Урбикан на секунду задумался, а
потом вскинул кулак с выставленным
средним пальцем.

— Ах да! Ну где же мои манеры? Я-то
ведь знаю, зачем вы пришли, какой же я
глупец!

Уриил позволил себе улыбнуться,
наблюдая, как пожилой куратор заселенил
к помещению, отходящему от основного
коридора.

Внутренняя отделка этого
дворцового крыла знавала и лучшие дни. Со
стен облезала краска, по полу и
сводчатому потолку расползались сырые
пятна. То там, то сям космогесантники
видели свисающие знамена, красно-золотые
флаги и квадратные штандарты,
украшенные золотым изображением
орлиноголового воина с двукрыльями.

Вдоль коридора бежал ряд накрытых
стеклом музейных стоек, а у стен
грохотались высокие колонны ящиков.
Некоторые из них были раскрыты и

подписаны неразборчивым почерком, в большинстве обнаружился армейские тундры или же еще что из солдатской экипировки. Между пиратидами упаковочных коробок стояли шкафы с треснутыми стеклянными дверцами и безжизненные манекены, облаченные в, по всей видимости, не соответствующие грузу грузу элементы униформы, бронежилеты и сжимающие в руках заржавленные пистолеты, которые, судя по всему, грозили в любую минуту рассыпаться от старости.

Во всей этой коллекции не было ни единого признака упорядоченности, и все равно Уриил получил невероятный прилив сил, узнав, что хотя бы один человек на Салинасе еще заботится о сохранении памяти о тех, кто служил в полку, и при этом не забывает и о прошлом людей, населявших планету еще до завоевания.

— Сколько же лет службы помнят собранные здесь вещи? — спросил Уриил, посмотрев на Пазания, как раз разглядывавшего шкаф с выставленными там медалями и разными моделями штыков.

— Десятки, — произнес его друг, поднимая фалькату с заржавленным клинком, — если не сотни.

Пока Урбикан отсутствовал, пытаясь найти то, что искал, чем бы оно ни было, Уриил бесцельно бродил среди стенов. Первый шкаф, привлечший его внимание, был наполнен выдавшими виды книжицами в кожаных переплетах с рассыпающимися страницами. Многие из них истлели до полной нечитабельности, но одна, отличающаяся от остальных, горделиво стояла прямо посреди полки.

Тиснение в виде золотого листа почти стерлось, но Уриил даже по остаткам надписи на обложке смог понять, что перед ним «Тактика Импералис», великий трактат, на основании которого планировали свои войны имперские армии. Проставленная на корешке дата уже не читалась, но поскольку номер редакции не дотягивал даже до пятисотого, то книге этой давно перевалило за тысячу лет.

— Ага, вижу, вы нашли копию «Тактики», принадлежавшую некогда

Старому Герцогу.

--- А кто такой Старый Герцог? ---
спросил Назаний.

--- Полковник, командовавший
фалькатами перед Лито Барбагеном, ---
крикнул ему Урбикан, --- величественный
старикан был, настоящий джентльмен.
Никогда не терял самообладания в битве,
даже если дела шли ну совсем вразнос.
Полню, как нас в ущелье Коредга прижали
превосходящие силы противника. Так
старикан повернулся к адъютанту и
произнес: «Я никогда и ни за что не отдам
приказ об отступлении. Передайте
остальным, что любая попытка бежать
будет расцениваться как переход на
сторону врага». Ничего так, да?

--- В самом деле, так и сказал?

--- Понятия не имею, --- отозвался
Урбикан. --- Старого Герцога же убили час
спустя после начала сражения, но звучит
то все равно неплохо. Ага! Вот ты где.

Урбикан снова возник из боковой
комнаты, неся в руках глиняный,
завернутый в холстину предмет, который
с крайней почтительностью положил на

стол возле Уриила. Тому не требовалось
его разворачивать, чтобы понять, что
перед ним меч капитана Удея, и сердце
капитана забилося чаще.

--- Эвершет принес меч сюда, капитан
Вентрис, --- произнес куратор, --- и я
забылся о вашем оружии.

Уриил сжал золотую рукоять и
извлек клинок из ножен. Пальцы капитана
начали поглаживать витиеватое
плетение эфеса, крестовина приятно
прижалась к кулаку. Вновь держать этот
меч в руках и ощущать свою
причастность к наследию Костицкого
Десанта было просто восхитительно --- и
это чувство было еще одним признаком
того, что изгнание из ордена почти
подшло к концу.

Он повернул клинок в руках, и
начищенная, без единого пятнышка
поверхность отразила слабый свет
галереи.

--- Благодарю, --- произнес Уриил. ---
Этот меч многое для меня значит.

--- Великолепное оружие, --- похвалил
Урбикан, --- хотя мне показалось, что

изначальный клинок мог быть заменен.

— А у вас острый глаз, Лукас, — сказал Уриил. — Прежний клинок сломался в бою на Павонисе. И я выковал новый, когда вернулся на Макразге.

— Что ж, это все объясняет. И все равно — замечательное оружие, — произнес Урбикан. — Быть может, у вас когда-нибудь найдется время рассказать мне его наверняка великую историю?

— Почту за честь, — кивнул Уриил и попытался закрепить ножны на боку, но потом сообразил, что ремень слишком велик, чтобы его можно было застегнуть без громогдных гонимых Агенмус Астартес.

Заметив проблемы, возникшие у товарища, Назаний произнес:

— Скажите, куратор, а моя броня тоже здесь?

— Конечно же, сержант, — улыбнулся Урбикан. — Седьмая модель, подтип «Аквила», если не ошибаюсь?

— Совершенно верно, — подтвердил Назаний. — Разбираетесь в гонимых Астартес?

--- Совсем чёточку, --- признался Урбикан. --- Это моя страсть --- изучать боевую экипировку наших доблестнейших защитников, хотя скажу как на духу, лишь однажды мне представился шанс потрогать доспехи и оружие, которые были бы древнее ваших.

--- Вы прикасались к доспехам Космического Десанта? --- спросил Уриил. --- Где?

--- Как где? Здесь, конечно же, --- ответил куратор, и на лице его возникло озадаченное выражение, которое тут же неожиданно сменилось неподдельным весельем. --- Ах, ну да! Вам обязательно надо пойти со мной.

Сказав это, Урбикан тут же засеменил по проходу, ведущему вглубь галереи.

--- Друзья мои, --- произнес он на ходу, --- вы вовсе не первые Астартес на Салинасе.

Для человека, верой и правдой служившего Лито Барбагену в те времена, когда тот командовал Ачатанскими фалькатами, в годы после Дня

Восстановления Мезира Баргзил вела удивительно нищенское существование. Во всяком случае, так полагал Дарон Нисамон. Очень часто, когда полк сражался в самых суровых войнах, он видел ее трясущуюся фигурку возле полковника; ее сутулость тельце просто тонulo в гвардейской шинели, и Дарон ничего не мог пожелать с чувством утления, возникавшем при взгляде на эту женщину.

Он знал, что неправильно было испытывать к ней симпатию, ведь у него, ротного комиссара, однажды вполне могла возникнуть необходимость всадить ей палку в голову, если бы ментальные силы Мезиры стали представлять опасность.

При всей ее очевидной тщедушности Баргзил верно служила полку и ни разу не сделала даже попытки уклониться от своих обязанностей.

И вот какую награду она получила, выйдя в отставку, — коряво сложенный домик из необожженного кирпича и досок на окраине Мусорограда; стены ее жилища были исписаны антиимперскими лозунгами, а на двери красовалось

грубоватое граффити, изображающее
рогатых чудищ. Улица, куда ни глянь,
казалась совершенно безлюдной, что,
впрочем, и неудивительно, ведь появление
черных «Химер» правоохранительных сил
Барбадуса как ничто другое распугивало
местную публику.

Нисато выбрался через командирский
люк и, скатившись по наклонной броне,
спрыгнул на плотную песчаную землю.
Броня тяжело давила на плечи, но было бы
глупо показываться без нее столь близко к
Мусорограду. Инфорсер еще раз оглядел
улицу, всматриваясь в крыши, окна и
открытые двери, где его мог поджидать
вооруженный мятежник.

Затем Дарон обернулся к рокошущей
машине и сказал:

--- Я захожу внутрь.

--- Прикрытие нужно? --- спросил
раздавшийся в его шлеме голос --- говорил
лейтенант Паульсен.

--- Нет, жди здесь. Я всего на пару
минут.

--- Мы будем наготове, если вдруг
понадобится, --- заявил Паульсен, и Нисато

услышал рвение в его голосе. Когда начиналась кампания на Салинасе, Паульсен находился в ранге младшего комиссара и следовал примеру Нисато во всех своих делах, а после Дня Восстановления вместе с ним перешел в службу правопорядка.

Особых карьерных перспектив эта работа не представляла, зато их хотя бы куда меньше ненавидели, нежели тех, кто решил остаться в фалькатах. И как минимум, став хранителями спокойствия и служителями закона, они могли сделать хоть что-то хорошее.

Во всяком случае, именно это говорил себе Дарон Нисато всякий раз, перед тем как лечь спать.

--- Будьте начеку, --- приказал главный инфорсер, --- если не выйдут через десять минут, входите следом и вытаскивайте меня.

--- Вас понял, сэр.

В жарком чреве «Хилеры» сидели пятеро вооруженных, облаченных в броню и готовых к бою инфорсеров, но Нисато не думал, что их помощь ему понадобится.

Мезира была всего лишь одинокой, всемирно забытой женщиной и вряд ли могла представлять опасность. Встретившись с ней во дворце, он видел отчаяние, наложившее глубокий отпечаток на черты ее лица, и потому, хотя это вообще-то и не должно было входить в его обязанности по поддержанию закона и порядка, Дарон решил навестить ее и проявить заботу.

Ведь если не он, то кто?

Нисато постучал в дверь своей бронированной перчаткой и услышал глухое эхо, унесшее звук вглубь дома. Судя по всему, заперто не было. Тогда инфорсер толкнул дверь, и в ноздри ему ударил неприятный затхлый запах запустения. В таком жилье вполне хватило бы места для пары десятков человек, но страх перед способностями Мезиры обрекал ее на одиночество, ибо кто захочет спать под одной крышей с ведьмой?

Опустив ладонь на рукоять болт-пистолета, инфорсер скользнул в дверной проем, стараясь двигаться как можно более бесшумно. Внутри обнаружился узкий коридор с дверьми по обе стороны и

лестницей, поднимающейся на второй этаж. Оттуда, просачиваясь через небольшое оконце, проникал слабый свет, озарявший парящие в воздухе облачка потревоженной пыли.

— Мезира? — позвал Нисато, решив, что после того, как он уже постучался в дверь, смысла прятаться все равно никакого. — Ты здесь?

Ответа не было. Дарон вытащил пистолет из кобуры; чутье на неприятности подсказывало, что в доме что-то не так. Осторожно, зная, что Мезира живет на верхнем этаже, Нисато стал подниматься по лестнице, удерживая ствол нацеленным в пространство четко перед собой. Стараясь дышать как можно более ровно, он вышел на второй этаж и увидел открытую дверь в конце коридора, пол которого представлял собой выложенные странной мозаикой листья фанеры. Явственно чувствовался резкий запах листьев кхат, что лишний раз подтверждало: Мезира живет здесь; многие псайкеры обращались к подобным наркотическим препаратам, лишь бы не

бигеть снов.

Оглядевшись по сторонам, Нисато снова позвал Мезиру и опять не получил ответа. Тогда инфорсер плавным шагом прошагал коридор и, оказавшись возле открытой двери, прижался к стене возле нее. Взмахом руки Дарон опустил забралосишлема, а потом подкрутил настройки авточувств, повышая звуковую чувствительность.

Некоторое время он стоял, пытаясь услышать шорох шагов, испуганное дыхание или металлический лязг взводного курка. Нисато сохранял полную неподвижность несколько минут, пока не убедился в отсутствии непосредственной угрозы.

Сделав глубокий вдох, он метнулся вперед, вышибая дверь внутрь, и стремительно влетел в комнату, проверяя все слепые зоны и темные углы, где мог притаиться неприятель.

Перемещаясь быстрыми профессиональными движениями, он переходил из одной комнаты в другую, но нигде не находил ни признаков борьбы, ни

следов Мезиры.

Впрочем, в то же самое время он обнаружил достаточно доказательств, что здесь обитала потерянная, отчаявшаяся душа, нуждавшаяся в дружеской поддержке. Потертый матрас, лежащий в углу одного из помещений, был застлан стянатыми грязными простынями. Повсюду валялись пустые бутылки из-под ракиры, а стены просто пропитались запахом кхата. Визя разбросанные упаковки из-под готовых обедов, Дарон Нисато пожалел, что не решился навеститься раньше.

И где-то внутри него голос совести напотнил, что подобные чувства обычно посещают человека только тогда, когда исправлять ошибки становится слишком поздно.

В доме было тихо, и инфорсер опустил пистолет, погружаясь в печальные раздумья о представших его глазам свидетельствах бесцельного существования.

Нисато возвратился в гостиную и подошел к давно не мытому окну,

смотревшему на Барбадус. Развязно
раскинувшийся, уродливый город был
окрутан жарким маревом; далекие
фабричные трубы выбрасывали в небо
облака пара и дыма. Статей
олицетворением имперского закона в
подобном местечке? Не так представлял
себе Дарон Нисато завершение своего
карьерного пути в Ачаманских
фалькатах, впрочем, жизнь редко
изъявляет желание соответствовать
тому идеалу, который представляешь себе
в молодости.

Он помнил тот день, когда покинул
Схола Прогениум на Офелии VJJ,
размышляя о восхитительных
перспективах и тех великих деяниях,
которые ему предстоит свершить во имя
Императора. Какое-то время все шло
именно так, как он и мечтал; служба в
рядах фалькат была весьма почетной, и
если его и не любили (ну а кто вообще
может любить котиссара?), то точно
уважали.

Вот только потом полковник
Ландон, или как его еще называли солдаты

— Старый Герцог, погиб в ущелье Коредга вместе со всем старшим офицерским составом, и командование принял Лито Барбаген. До того новый командир попался Нусато на глаза всего-то один раз, и комиссар не сказать чтобы был впечатлен. До того Лито был не более чем квартирмейстером и полковым снабженцем, человеком, умеющим делить лишь с абсолютными числами и видящим в людях не что иное, как простые цифры в учетной книге.

Нусато заставил себя отбросить эти мысли, поскольку ему и самому не нравилось, куда они ведут, а потом принялся внимательно изучать комнату, рассматривая бумажные листки, разбросанные по наклонной поверхности письменного стола, темную груду грязной одежды и протертую до дыр армейскую шинель.

Хотя он и был занят изучением этих мелких подробностей, его внимание неожиданно привлекла стена напротив окна, где были выведены всего пять слов... и инфорсер сразу же понял, что написаны они

кровью.

«Помогите... ибо я была там».

Под нагнисью лежала сверкающая медаль, на поверхности которой был изображен клекочущий орел.

Они были прекрасны.

Уриилу в последнее время редко говодилось увидеть что-нибугь, что напoлняло бы его сердце ощущением близости дома. Костомодесантники стояли в окутанном тусклым светом помещении, скрытом в глубине Галереи древностей, и рассматривали ряды стоек, вида перед собой углиненные исцарапанные шлемы, раскрашенные в синие и белые цвета, и огромное количество элементов силовой брони, испещренной вмятинами и трещинами от давних попаданий.

В других обстоятельствах Уриил считал бы их ужасно поврежденными или же как минимум совершенно не ухоженными, но сейчас ему эти доспехи казались чудом из чудес.

Всего здесь находилось девятнадцать комплектов брони, выкрашенных в огни и

те же синие и белые цвета, с
выгравированной на правом наплечнике
золотой буквой «У» в обрамлении белых
крыльев. К каждому комплекту прилагался
болтер, зажатый в тяжелой перчатке; у
одних он носил следы повреждений, в то
время как у других сверкал так, словно был
только извлечен из оружейной.

--- Узнаешь герб? --- спросил Уриил.

Назаний кивнул и прошептал:

--- Сыны Жиллимана. Основаны в
тридцать третьем тысячелетии.
Поверить не могу.

--- Я тоже, --- произнес капитан,
касаясь пальцами украшенного орлом
нагрудника ближайшей брони. --- Модель
VJ, силовая броня «Корвус».

Уриил развернулся к Лукасу Урбикану,
и куратор подался назад, увидев гнев на
лице костодесантника.

--- Как сюда попала эта броня? Каким
образом Фалькаты заполучили силовые
доспехи Астартес? Их было необходимо
вернуть ордену!

--- О, вы не подумайте! --- торопливо
забормотал Урбикан. --- Это же не боевые

профеи и не реликвии войны. Прошу, поверьте, вся эта экипировка, хранящаяся в моей галерее, уже была здесь, когда я приступил к работе.

Уриил увидел искренность в глазах куратора и в извиняющемся жесте поднял руки:

--- Прошу простить, следовало подумать, прежде чем кричать. Просто видеть, что госпехи Астартес выставлены на обозрение смертным... несколько непривычно. Ни один орган не оставил бы столь ценную часть своей истории.

--- Я понимаю, --- произнес Урбикан, хотя капитан видел, что это совсем не так, но старый куратор еще не успел отойти от неожиданного всплеска эмоций, проявленного костогесантником.

--- Лукас, позвольте мне объяснить, --- сказал Уриил, вздохнув. --- Дело в том, что для костического гесантника его броня --- это нечто большее, нежели сочетание керамитовых пластин и искусственной мускулатуры. Для него она вовсе не только щит, спасающий от пуль и вражеских

угаров. Доспехи впитывают в себя частичку личности того воина, который их носит. В каждом из этих комплектов в бой некогда шли герои, сражающиеся против врагов человечества, и после смерти броню необходимо починить и передать по наследству новому воину, подвигающему меч во имя Императора. Таким образом, каждый из нас стремится быть достойным своего предшественника и вплести в память доспехов собственную легенду.

--- Вот теперь я и в самом деле начинаю понимать, --- сказал Урбикан, подходя ближе и опуская ладонь на иссеченную поверхность наручей доспеха. --- Вы пытаетесь донести до меня, что это не просто мощная и функциональная боевая экипировка, но то, что она хранит живую историю в каждой своей пластине. Каждая щербинка на ее поверхности рассказывает легенду, и сама броня становится воплощением преданий о многочисленных битвах. Да, теперь я понял.

--- Так как все-таки они попали сюда?

— вновь спросил Уриил.

— Ну, как я уже упоминал, вы не первые Астартес, решившие посетить наш мир, — ответил куратор, — хотя мне и кажется, что между временем, когда здесь сражались эти воины, и прибытием Фалькат прошло много веков.

— И против кого же они воевали?

— Боюсь, тут все становится несколько непонятным. Архивариусы Салинаса, прямо скажем, оказались склонны к довольно размытым и уклончивым формулировкам, хотя мне и удалось найти скрытые упоминания об огромных зверях, лишенных кожи, красных, словно обогранных, хищниках, способных проглотить человека целиком, и закованных в броню воинах, могущих уродовать саму суть реальности. Жуть полнейшая, уж будьте уверены, да еще и, без всяких сомнений, авторы постарались нагнать дополнительного страху, но можно сказать точно: дела обстояли достаточно скверно, чтобы привлечь внимание костических десантников.

По описанию куратора Уриил узнал

воителей Губительных Сил, а услышав про огромных, лишенных кожи зверей, обменялся с Назанием тревожными взглядами. Капитан вовсе не забыл о том, что бескожие все еще блуждают где-то в холмах у Хатүриана, и понимал -- их нельзя слишком долго оставлять предоставленными самим себе.

-- Повествуют о великой битве, случившейся возле заброшенного города, что лежит у подножия холмов возле северных гор, -- продолжал свой рассказ куратор.

-- Кажется, мы знаем, о каком городе вы говорите, -- перебил Назаний. -- Кажется, он называется Хатүриан?

-- Да-га, полагаю, что именно так, -- ответил Урбикан. -- Как бы то ни было, эти Сыны Жиллимана, как вы их назвали, вступили в противостояние с врагом, но, к прискорбию, были уничтожены.

-- Тогда где находятся остальные доспехи? -- спросил Уриил.

-- Вы видите перед собой все, что у меня есть. Летописи тех времен рассказывают, что другие Астартес

прибыли на Салинас в скором времени после первой битвы и что им хватило сил расправиться со зверьми.

--- А эти летописи не говорят, кем были те воины?

--- Нет, хотя и изображают их «великанами в серебряной броне, разящими злобного недруга молниями и верой». Судя по всему, они разгелались с противником и отбыли прочь сразу же после победы. Я всегда был склонен полагать, что они забрали с собой доспехи, оставшиеся после Сынов Жиллитана.

--- Но почему тогда они не взяли эти?

--- Если верить архивным записям, данные комплекты были обнаружены погребенными в руинах разрушенного здания в Хатүриане спустя много десятилетий после тех событий. Находку обнаружили сервиторы, собиравшие строительный материал для возведения новой церкви. Полагаю, те серебряные гиганты просто не нашли эти доспехи, когда покидали планету.

--- А что насчет костей? --- спросил Назаний. --- Кто-то же должен был носить

эту броню.

--- Мне очень жаль, но тут помочь не могу. Никакого упоминания о костях, только о доспехах.

Уриил вновь повернулся к молчаливо застывшим манекенам, а затем пошел вдоль ряда, разглядывая комплекты доспехов шестой модификации, теперь уже зная, что смотрит на наследие, оставленное собратьями по Космическому Десанту, погибшими в давние годы на этой планете в противостоянии с величайшим из врагов человечества. Тусклый свет лампы отражался в глубине глазных линз шлемов, словно где-то внутри брони все еще тлели угольки душ прежних обладателей.

--- Они ждут, --- произнес Уриил, и эхо этого слов еще не успело затихнуть, как он сам на каком-то глубинном, подсознательном уровне ощутил всю правоту сказанного.

--- Чего ждут? --- спросил Назаний.

--- Того, кто отыщет их и возвратит им былую славу, --- объяснил Уриил, слова его за гудом словно по своей воле

спрыгивали с его языка, — чтобы вновь встретиться с врагом, а потом возвратиться домой.

Капитан остановился возле брони, чей латный воротник был пробит неким неведомым оружием, и принялся разглядывать вмятые внутрь защитные пластины, печати, письмена. Внутренние поверхности доспехов были покрыты темным налетом, и, хотя миновало столько веков, Уриил уловил запах крови безымянного героя древности.

Глядя на эти потеки, капитан чувствовал, что между ним и погибшим воином есть нечто родственное, но это чувство было из тех, какие весьма затруднительно выразить словами. Доспехи хранили героическое наследие нескольких тысячелетий, и, невзирая на невероятные промежутки времени и расстояния, Уриил понимал, что броня ждет не просто кого-то... она ждет его.

Поскольку Лито Барбаген все никак не отвечал на запрос об осмотре ружья Назания у медикае, Уриил провел два

последующих дня в попытках вернуть функциональность выбранному комплекту брони, работая над ней вместе с мастеровыми из дворцовых кузниц.

Назаний тем временем успел вновь переодеться в собственную броню, но Уриил уже не воспринимал лежащие перед ним доспехи как принадлежащие какому-то другому воину.

Теперь они были его, хотя капитан и понимал, что это ненадолго.

Доспехи являлись собственностью Сынов Жиллимана, чья честь могла быть оскорблена, если бы он решил носить эту броню сверх необходимого периода времени. После тщательного осмотра стало очевидным, что повреждения по большей части носят поверхностный характер, и, заменив поврежденные механизмы деталями, снятыми с других комплектов, Уриил вскоре уже смог примерить полностью восстановленные доспехи шестой модификации.

Мастеровые уже вовсю трудились над подгонкой кабельных разъемов своих генераторов, чтобы подзарядить

внутренние источники питания брони, и их начальники со всей уверенностью заявляли, что та будет готова не позднее чем к вечеру.

Тем временем Уриил с Назанием продолжали исследовать Галерею древностей, сопровождаемые куратором Урбиканом. Музей хранил множество изумительных сокровищ, хотя, конечно, ни одно из них и не могло сравниться с найденными в первый день девятнадцатую комплектами силовой брони модели «Корвус».

Урбикан оказался радужным и словоохотливым хозяином, радующимся тому факту, что хоть кто-то заинтересовался историей фалькат и завоеванного ими мира.

Расположенная на восточной границе субсектора Паразон, являющегося важным пунктом обороны Империи на подходах к сегменту Солар, система Салинас вошла в число дюжины тех, что испытали на себе всю гневную мощь имперского Крестового похода примерно тридцать пять лет тому назад. Важнейшие миры

субсектора пали жертвами агентов
Архиврага, и войска полководца Кроза
Резавра начали поглощать все
блилежащие системы одну за другой.

Но прежде чем враг успел
действительно как следует окопаться в
субсекторе, Империя нанес ответный
удар, подняв на войну с нежданной угрозой
все базировавшиеся неподалеку полки. Эти
силы позволили остановить дальнейшее
продвижение врага, но вот полностью
выбить его из субсектора сил все же не
хватало, и тогда в бой были введены
армии из районов, непосредственно не
связанных с зоной конфликта.

Вот так сюда и прибыли Фалькаты,
в чью задачу входила очистка от ереси
внешних систем. Первые встреченные ими
планеты спасти было уже поздно —
местное население угодило в рабство к
врагу, а губернаторы были низвергнуты.

Сражаясь в едином строю с дюжиной
других полков и полублегионом титанов из
Легио Деструктор, Фалькаты в течение
двух десятков лет воевали на опаленной
поверхности этих планет, пытаясь

выставить отряда войска Резавра.

Когда Урбикан рассказывал об этих событиях, голос его звучал приглушенно, и Уриилу оставалось только гадать, какие же ужасы и кровопролитие побуждал старика за время освободительных войн.

Салинас был третьим обитаемым миром в этой системе, и Ачатанские фалькаты, высаживаясь на его поверхности, действовали как армия покорителей. Пускай местные обитатели и клялись в своей верности Богу-Императору, закаленные в боях ветераны Гвардии, видевшие на протяжении всей своей взрослой жизни лишь кровь и смерть, не были настроены на полумеры.

Губернатора планеты казнили, и едва верные ему войска попытались взяться за оружие, чтобы ответить, как Барбаген спустил на них весь ужас того, чему фалькаты научились за последние двадцать лет.

Что мужчины, что женщины, пытавшиеся в первые месяцы своей службы минимизировать потери среди гражданских, очень скоро переставали

уделять хоть какое-то внимание тем
стертям, что сопутствовали их атакам,
так что местные СНО были уничтожены
весьма быстро.

Хотя организованные войска и
потерпели поражение, сопротивление
сохраняло нерушимый стержень, и еще
много лет фалькаты были вынуждены
бороться с самоотверженной и до
изумления непреклонной армией
мятежников, именовавших себя Сынами
Салинаса, убивавших имперских солдат и
устраивавших взрывы прямо на их базах.

Но все закончилось после резни в
Хатүриане.

Уриил видел, что Урбикану не очень
хочется об этом говорить, но все же
осторожно подтолкнул своего собеседника в
нужном направлении на второй день их
блужданий по галерее.

— Прошло уже почти четыре года с
того дня, как мы прибыли, — повелел
куратор. — Меня-то самого там, понятно
дело, не было, так что знаю все только из
вторых рук. Короче, мятежники совсем
вышли из-под контроля, и уже и дня не

проходило, чтобы где-нибудь не рванула бомба или патруль не угодил в засаду и не был перебит. Мы не могли обеспечить мир -- нас было слишком мало, а вооружение уже начинало приходить в негодность. Без своевременных поставок и бригад квалифицированных технопроводцев танки однажды просто замирали. Мы становились слабее, а они с каждым днем набирали силу.

-- У что же предпринял Барбаген? -- спросил Назаний. -- Он ведь был тогда полковником, верно?

-- Был, -- согласился Урбикан. -- Он заявил, что Хатүриан служит базой для всех операций Сынов Салинаса, и приказал «Клекочущим орлам» окружить город. Насколько мне известно, Барбаген дал старейшинам два часа на выдachu лидера мятежников -- человека по имени Сильван Тайер. В противном случае должна была начаться зачистка.

-- Что-то мне сдается, что лидера не выдали, -- произнес Уриил.

-- Старейшины заявили, что просто не могут, -- пояснил Урбикан. -- Они

сказали, что его нет и что он вообще никогда там не появлялся. Люди утешали Барбагена отозвать войска, но если уж Лито на чем-то зациклился, переубедить его не сможет уже никто и ничто.

--- Так чем все закончилось?

Урбикан покачал головой:

--- Вы должны понять, Уриил, мне тяжело об этом говорить. Бойня на Зоне Поражения... я не могу гордиться тем, что это название связано с моим полком. Все хорошее, что мы когда-либо совершили, вся наша честь и слава... они были похоронены в тот день.

--- Я понимаю, что вам не просто, --- сказал капитан. --- И если не хотите, можете больше ничего не рассказывать.

--- Нет, --- отрезал Урбикан, --- иногда просто необходимо исповедаться в своем позоре.

Куратор сделал передышку и старательно разгладил полы своей рясы, прежде чем продолжить.

--- Значит так, крайний срок по выдате Тайера для жителей Хатүриана уже давно вышел, и они даже успели

подумать, что все эти барбагенские угрозы были блефом.

--- Но, если я правильно понимаю, они ошибались?

Урбикан покачал головой.

--- Ошибались, --- подтвердил он. --- Уж еще как. Из-за гор вылетели «Мародеры», обрушившие на их головы чудовищное количество бомб. Они просто в клочья разнесли тот город. Плата пожаров аж из Барбагуса можно было увидеть. Словно все небо вспыхнуло огнем... кошмарное зрелище, просто кошмарное, да еще к тому же отчеты, поступавшие с передовой, были... путаными.

--- Путаными? --- переспросил Назаний, почесывая кулю.

--- Ни один из тех, с кем я говорил, ни за что бы не согласился участвовать в том, что произошло, и уж тем более --- как оно произошло. И все-таки полковник Барбаген приказал Фалькатам войти в разбомбленный Хатүриан, а когда шесть часов позже они оттуда вышли, в городе не осталось ни единой живой души.

--- Он вырезал целый город?

--- Да, --- кивнул Урбикан. ---
Семнадцать тысяч человек за шесть часов.

--- А что произошло после этой бойни? --- спросил Уриил. Количество погибших просто потрясало воображение.

--- Сыны Салинаса --- те, что уцелели, --- спустились с гор, --- произнес Урбикан, покачивая головой. --- Предположительно, в Хатүриане проживали семьи и самого Сильвана Тайера, и многих его последователей. Вот так и вышло, что, обезумев от горя и ненависти, лидер мятежников повел свою армию в последний славный бой.

--- Закончившийся для них уничтожением, --- вставил Уриил, заранее просчитав исход такого нападения.

--- Разумеется, но это была великопечальная смерть, пусть и бессмысленная, --- они набросились на врага в развевающихся за спинами зелено-золотых плащах, --- продолжал Урбикан. --- Но разве был у них шанс? Простые партизаны, вовсе не армия. Артиллерия вынудила Тайера и его людей укрыться в

руинах, а потом разнесла их всех в клочья, закончив свою работу еще до полудня. Вот так и завершилась история сопротивления Салинаса. В конце той же недели мы получили День Восстановления и все к нему причитающееся.

--- Вот только это не стало окончательным концом сопротивления, верно? --- спросил Уриил, вспоминая граффити, утверждавшее, что Сыны Салинаса снова воспрянут.

--- Нет, хотя и должно было стать, --- подтвердил Урбикан. --- Жестокость, проявленная Фалькатами при покорении Салинаса, стала позором для многих наших бывших солдат, и раны, оставленные войной, зарастут еще очень не скоро. Заместитель Тайера, человек, известный под именем Паскаль Блез, принял командование из рук своего товарища, хотя теперь у него не было уже ни оружия, ни подготовленных бойцов, чтобы представлять такую же опасность.

--- Паскаль Блез? --- поинтересовался Уриил. --- А как он выглядит?

Урбикан только пожал плечами:

--- Понятия не имею. Я же его никогда не встречал, но ходят слухи, что это человек с гладко выбритым затылком и расчесанной на две косы бородой. А почему вы спрашиваете?

--- Полагаю, ты видел его во время нападения на колонну полковника Каин в тот день, когда прибыли.

--- Что ж, это меня не удивляет. У Сынов Салинаса особые счета к Верене Каин.

--- Почему?

--- Все дело в том, что именно она вела Фалькат в Хатүриан, --- объяснил Урбикан. --- Приказ отдал Барбаген, но, насколько мне известно, Верена командовала полком, когда тот входил в аг и когда выходил.

Глава двенадцатая

Этим вечером в баре было людно. Коулен Харк постарался сделать для этого все возможное. Зал наполнился гулом разговоров, а еще --- сильным запахом пота и алкогольного перегара. Почти сотня человек, набившихся в небольшое заведение, создавали такой шум, что их голоса сливались в общий неразборчивый гул. Среди завсегдатаев рассредоточились шесть вооруженных парней, подчинявшихся Коулену, и если хоть какое-то место в Барбадусе и можно было назвать безопасным, так именно это. Наскаль Блез сидел в отдельной кабинке, баюкая в ладони стакан с ракиром, и гадал, как же ему удалось самого себя-то убедить, что явиться сюда было хорошей мыслью?

--- Он не придет, --- сказал Коулен, --- если ему только напрочь не отбило чувство самосохранения.

--- Придет, --- возразил Наскаль. --- У нас есть кое-что, что ему нужно.

--- У с чего ты взял, что она его хоть сколько-нибудь интересует?

--- Он был в ее доме, --- произнес Наскаль, отхлебывая из стакана. --- Ускаль ее.

--- У что с того? Это же ни о чем не говорит.

Наскаль понимал, что Коулен прав. Не существовало никаких разумных договоров, которые позволили бы надеяться, что Дарон Нисато придет на встречу, но все-таки Блез знал --- он появится. Из всех тех мужчин и женщин, что покинули ряды Фалькат, главный инфорсер был чуть ли не единственным человеком, вызывавшим хоть какое-то уважение у лидера повстанцев. Кроме того, Наскалю было известно, что Нисато не только не участвовал в бойне на Зоне Поражения, но еще и пытался разузнать о тех событиях всю правду.

Наскаль пробежался взглядом по лицам присутствующих, и ему вспомнился тот день, когда прямо на его глазах один из солдат Ачатанских Фалькат решил попробовать на вкус ствол своего

пистолета. Потолок очистили от кровавых разводов, но балке был прекрасно виден след от ударившей в нее пули.

--- Чувство вины порой отлично мотивирует, -- прошептал Наскаль.

--- Что? -- спросил Коулен. -- Ты что-то сказал?

--- Нет, просто мысли вслух, -- ответил Блез.

Коулен тоже оглядел присутствующих, и за версту было видно, как он нервничает.

--- Не нравится мне все это. Что если Нисато заявится сюда сразу с парой десятков инфорсеров? Все, что мы сумели сделать за эти годы, пойдет прахом.

--- Он так не поступит.

--- Ты не можешь быть в этом уверен, -- сказал Коулен. -- Риск слишком велик.

Да, Харк был прав, ситуация и в самом деле рискованная. Они просто подставлялись под удар. В заведении явно ощущалась с трудом подавляемая тревога; Наскаль слышал это в чрезмерно шумных разговорах и даже в

вытученном стехе людей. Он чувствовал их страх и понимал, что отчасти сам же и является его причиной.

Все они боялись того, что может случиться здесь из-за его присутствия.

В былые дни эти люди сделали бы для него все что угодно: они помогали его борцам за свободу, снабжали повстанцев едой, делились кровом и сведениями — но времена изменились... десять лет нищеты и тягот заставили многие сердца очерстветь и перестать доверять так, как вначале доверяли Сильвану Тайеру.

Люди устали от войны, и Паскаль не мог их винить.

Он и сам устал.

Самое смешное — он вовсе не испытывал ненависти к Императору. Большую часть своей половозрелой жизни Блез служил Золотому Трону, стремясь внести свой крохотный вклад в благополучие всего человечества. А потом появились Фалькаты... с безумием в сердцах и кровью на клинках, вспоровших самую плоть мира.

Прошло уже десять лет, и Паскаль

потратил лучшие годы своей жизни на борьбу с солдатами Императора, которому клялся служить... хотя, конечно, он воевал против них самих, но не того, что они олицетворяли.

Наскаль не был настолько наивен, чтобы полагать, что может победить. К тому же он пришел к выводу, что все это противостояние не имеет ничего общего с такими понятиями, как победа, зато вполне соотносится со словом «правосудие». Трехи следовало изкупать. Все просто. Когда расплачиваешься за свои ошибки, восстанавливается нормальный порядок вещей. И теперь Наскаль понимал, что никакие убийства не могли решить этой проблемы.

Да, Коулен был прав: они сильно рисковали, но Блез устал проливать кровь, и если эта затея могла заложить основу для прекращения войны, то риск был вполне оправдан.

— А вот и он, — произнес Коулен, вжимаясь в спинку кресла и начиная вытягивать пистолет, скрытый под подолом плаща.

--- Полегче, солдат, --- предупредил Наскаль. --- Мы сюда не драться пришли, да и он, судя по всему, тоже.

Дарон Нисато с настороженным и напряженным выражением лица как раз входил в бар. Шум голосов немого поутих, когда он пригнулся, открывая двери, и направился прямо к стойке бара. Наскаль видел, что главный инфорсер на ходу шарит по посетителям взглядом профессионального служителя закона, отделяя простых выпивох от тех, кто может представлять опасность.

Нисато неоткуда было знать, как выглядит Наскаль, но очень скоро взгляд инфорсера остановился на лидере повстанцев и больше уже нигде не уходил.

--- А он хорош, --- заметил Наскаль, наблюдая за тем, как Нисато проталкивается к его кабинке. --- Этого у него не отнять.

Когда инфорсер приблизился, Коулен зарычал и поднялся со стула.

--- Полагаю, это вы послали мне сообщение, --- произнес Дарон, остановившись у входа.

--- Мы, --- погтервердил Наскаль. ---
Присаживайтесь.

Нисато покосился на Коулена.

--- Может, и присягу, если изволите
отослать своего зротилу. Он заставляет
меня нервничать, и если его рука еще хоть
на миллиметр приблизится к оружию,
которое он прячет под плащом, обещаю ---
вырву ее на хрен.

--- Любопытно будет посмотреть, ---
прорычал Коулен.

--- Дашь повод --- увидишь, --- отозвался
Нисато, становясь лицом к лицу с
огромным телохранителем.

Наскаль постучал краешком стакана
о стоящую на столике бутылку.

--- Не могу ли я предложить линовать
стадию бессмысленных угроз и перейти к
делу? Коулен, остынь. Мистер Нисато,
сядьте.

Коулен Харк неохотно покинул
кабинку, и главный инфорсер протиснулся
внутрь и расположился на скамье
напротив Наскаля. Разглядывая этого
человека, Блез никак не мог решить,
какие чувства тот вызывает у него в

первую очередь. Нисато был привлекательным загорелым мужчиной с довольно крупным носом. «Но его глаза — глаза старика, — подумал Наскаль, — Впрочем, у кого на Салинасе иначе?»

— Ну что, гостеприемство закончено? — спросил Нисато, и Блез улыбнулся.

— Простите, — сказал лидер повстанцев. — Не так уж часто доводится спокойно посидеть рядышком с человеком, который только и думает, как бы вознатыть в меня пулю.

— Вы и правда считаете меня таким?

— А разве я ошибаюсь?

— На данный момент таких желаний у меня нет, хотя, конечно, ночь еще только начинается.

Наскаль наполнил ракиром пустой стакан и толкнул по исцарапанной металлической поверхности столика к собеседнику.

— Но правде сказать, я не был уверен, что вы придете, — произнес Блез.

— А я не думаю, что мне следовало.

— Так почему же вы здесь?

--- Потому... --- начал Нисато, и Наскаль понял, что тот силится найти хоть какое-нибудь рациональное объяснение. --- Потому что кто-то должен был. У Мезиры больше никого не осталось.

--- У Мезиры? Значит, так ее зовут?

--- Да. Разве вы не знали?

--- Нет, --- признался Наскаль. --- Она вообще почти не говорила с того момента, как мы ее нашли.

--- Нашли? Разве вы не похитили ее из дома?

--- Нет... она блуждала по улицам Мусорограда, постоянно крича и царапая собственное тело.

Нисато нахмурился, ведь до этой минуты он даже и не рассматривал версию самостоятельного побега женщины --- сразу заподозрил похищение.

--- Она совсем свихнулась, если вам это интересно, --- произнес Наскаль.

--- Если вы причинили ей вред...

Блез успокаивающе помахал рукой:

--- Разумеется, мы ничего с ней не сделали. Все повреждения она нанесла себе сама.

--- Что вы имеете в виду?

--- Только то, что сказал, --- ответил Блез. --- Она была в прескверном состоянии, когда мы ее нашли.

Нисато откинулся назад и отхлебнул раквира.

--- И откуда же вы узнали, что я ее ищу? Ваша записка просто сквозила уверенностью.

--- Да ладно вам. В конце концов, я стал называть этот город своим куда раньше, чем вы. Люди быстро доносят до меня информацию. И тот факт, что глава сил правопорядка решил проведать ведьму, не мог остаться незамеченным. Так зачем же вы ее ищете?

--- Не ваше дело.

--- Она твоя женщина? --- спросил Наскаль. --- Неужели главный инфорсер получает удовольствие от охов-вздохов опасной любовницы?

Нисато ощерился:

--- Сказал же --- не ваше дело.

--- Ладно, ладно, --- вскинул ладони, словно сдаваясь, Наскаль.

Инфорсер явно с трудом заставлял

себя сохранять спокойствие, так что лидер повстанцев решил, что пора заканчивать словесную пикировку. Поэтому он набрал воздуха в легкие и выпалил:

--- Хотите правду? Женщина ничего для меня не значит. В другой день я, быть может, так и бросил бы ее утирать на улице, но мне стало известно, что она имеет цену для вас.

--- Значит, вы хотите что-то взамен? Это шантаж?

--- Нет, даже и мыслей не было, --- возразил Наскаль.

--- Тогда что?

Блез подался вперед, облачиваясь на столик, и положил ладонь на предплечье Нисато. Инфорсер посмотрел на его руку так, словно она была ядовитой змеей.

--- Я хочу, чтобы убийства прекратились, --- произнес Наскаль. --- Хочу с честью выйти из этой бессмысленной, грязной войны, и если моя помощь позволит купить хотя бы капельку доверия, буду только рад.

Как ни старался Нисато, но

задумления скрыть не сумел.

--- Жест доброй воли?

--- Именно, --- подтвердил Наскаль, откидываясь на спинку кресла.

Нисато задумался над услышанным, и без видел, что тот действительно заинтересовался. Лигер Сынов Салинаса хранил молчание, поскольку понимал, что будет большой ошибкой вмешиваться в размышления инфорсера.

Наконец Нисато подался вперед и произнес:

--- Отведи меня к ней.

--- Не нравится мне все это, --- заявила Верена Каин. --- Ни капельки.

--- Губернатор Барбаген не разделяет ваших опасений, --- сказал Уриил.

--- Губернатор Барбаген, --- произнесла она, чрезмерно подчеркивая титул, --- больше не командует Ачаманскими фалькатами. Полк передан в мое подчинение, и только я могу решать, что для него приемлемо, а что --- нет.

--- Лично мне казалось, что Ачаманские фалькаты больше не

являются полком, состоящим на действительной службе, и имеют статус Сил Планетарной Обороны, -- не удержался от колкости Уриил. -- Следовательно, распоряжается ими губернатор Барбаген.

Каин бросила на него испепеляющий взгляд, и капитан даже немного устыдился того, какое наслаждение испытал, заставив ее разгневаться. Сидевшего рядом Назания злость полковника Каин тоже откровенно веселила.

-- А лично мне казалось, что вас двоих вообще изгнали из ордена.

-- Ага. Вот только мы-то возвращаемся готовой, -- заметил Назаний. -- Фалькаты же так навеки и останутся в снo.

Уриил безуспешно попытался скрыть улыбку, когда разъяренная Каин развернулась на пятках и зашагала к своему адъютанту, выходящему затюканным человеку по имени Баском. С той самой поры, как они познакомились с Каин, Уриил ни разу не видел на ее лице ничего, кроме раздражительности и презрения, словно сам факт его

существования оскорблял ее тонкую
натуру. Но, узнав о бойне в Хатүриане,
или, как его еще называли, Зоне
Поражения, он перестал обращать
внимание на полковника и ее буйный
темперамент.

Уриил выбросил мысли о Каин из
головы и перевел взгляд на нескольких
сервиторов, под управлением парочки
оставшихся на планете технопроводцев
подсоединявших кабели генераторов.

Холодный воздух инженерного ангара
«Клекочущих орлов» пропах металлом и
электричеством. Сейчас здесь стояли два
боевых танка «Летан Русс», сверкавших
свежей смазкой и окутанных топливными
парами. Из-под их днищ к
покашливающему генератору тянулись
гофрированные кабели.

Уриила не слишком интересовали
тогучие боевые машины, его вниманием
полностью завладел комплект брони,
помещенной в самом центре ангара.
Мастеровые Лито Барбагена начистили
ее поверхности, возвратив им былой вид, и
теперь, словно последний воин, оставшийся

стоять на поле битвы, доспехи затерли в неподвижности. Все их сочленения были сейчас заклинены, и они ничем не могли проявить скрытую в них силу.

Заплечная силовая установка брони оказалась полностью разряжена, и никакие старания дворцовых агентов не помогли исправить эту ситуацию. Тогда Назаний предположил, что армейские генераторы и подключения имеют больше шансов, и после того, как костодесантники подали прошение губернатору Барбагену, конвой бронемашин пересек город и вкатился во владения «Клекочущих орлов».

Местные технопровидцы чуть ли не запрыгали от радости, получив возможность поработать над этой проблемой, и предложенное ими решение обладало утонченной изобретательностью. Системы, использовавшиеся для подзарядки внутренней электроники «Летанов Рүссов», были переделаны так, чтобы генерировать большее количество энергии, подавая ее через вручную настроенный трансформатор, что позволяло

технопрови́дцям вывести мощность устройства на необходимый для зарядки ранца уровень.

Во всяком случае, в теории. Бүдет ли все это работать — совсем другой вопрос.

Уриил заставил себя успокоиться, наблюдая за действиями технопрови́дцев, откровенно наслаждавшихся представившейся возможностью заняться столь увлекательным делом. Оставалось только надеяться, что их профессионализм был так же велик, как их энтузиазм.

Назаний стоял рядом, величественный и огромный в своей начищенной и отполированной броне, и, точно какой-нибудь талисман, прочно сжатая в руках болтер. Мастеровые гварца проделали отличную работу по устранению повреждений, оставленных Медренгардом, и Уриил даже испытал прилив зависти, разглядывая сияющие доспехи товарища.

Они даже восстановили окраску наплечника, нанеся на него символ

Ультратаринов, заключенный в лавровый венок. Теперь сержант выглядел как настоящий герой Костического Десанта, каковым, впрочем, и являлся.

Доспехи, стоявшие в центре ангара, тоже были перекрашены в цвета Ультратаринов, хотя Уриил настоял, чтобы шлем сохранил оригинальные краски Сынов Жиллимана. Поступить иначе значило бы оскорбить память воинов, носивших эту броню в прошлом, а капитану вовсе не хотелось, чтобы доспехи подвели его в бою только потому, что он проявил к ним недостаточное уважение.

--- Думаешь, сработает? --- спросил Назаний.

Уриил немного поразмышлял над этим вопросом, прежде чем ответить:

--- Сработает.

--- Знаешь, ты что-то подозрительно уверен.

--- Понимаю, но я не верю, что эти доспехи приманили бы нас к себе, если бы их нельзя было исправить.

Назаний только кивнул. Уриил видел, что друг испытал ту же тягу к доспехам,

хранящимся в Галерее древностей. Некоторые вещи просто ощущаешь спинным мозгом, и хотя Уриила учили не верить ничему, кроме того, что можешь лично увидеть и пощупать, он был убежден: ему судьбой предназначено носить эти доспехи.

--- Мы готовы начать, --- крикнул ему Утериан, один из технопродвигцев, чье тело являло собой союз плоти и металла. Он кутался в красные облачения, из рукавов которых высывались частично ауgmentированные руки.

Уриил подошел к комплекту брони и, чувствуя, как от волнения напрягаются мышцы, положил лапоть на золотого орла, выгравированного на нагруднике.

--- Ты будешь жить снова, --- произнес костодесантник.

--- Капитан Вентрис, --- сказал Утериан, --- думаю, вам следовало бы отойти от доспехов. Если у нас не вышло правильно откалибровать энергетические потоки, было бы разумным держаться отранца подальше. Из кератита получается очень опасная шрапнель.

Уриил кивнул и отошел от брони, возвратившись к персоналу, укрывшемуся позади наспех возведенного барьера из набитых песком мешков. Утериан вытянул глинный кабель из деревянной, окованной бронзой коробки, которую держал в руках угрюмый сервитор, и приступил к последним, довольно запутанным приготовлениям.

Наконец на лице технотроудца возникло удовлетворенное выражение, и его палец застыл над большой черной кнопкой, расположенной в середине наборного диска на поверхности трансформатора.

— Полковник Каин? — окликнул Утериан. — Мы готовы.

Каин бросила на Уриила мрачный взгляд, в котором читалось, что она утыкает руки, и отрывисто кивнула:

— Приступайте.

Технотроудец махнул рукой солдату, сидевшему на броне одного из «Летанов Рүссов», и вскоре двигатели танков взревели, и от их басовитого говора с потолка ангара посыпалась пыль.

Воздух наполнился электрическим

потрескиванием и нарастающим гулом, словно в деревянной коробке в руках сервитора забилося сердце, питающее энергией звездолет.

Итериан в исступлении волхвовал над датчиками, по циферблатам которых метались стрелки, постоянно вылетавшие в красную зону у правого края.

Из трансформатора вырвалось несколько электрических дуг, и Итериан поторщился. Гул, доносившийся из коробки, превратился в визг, и Уриил на мгновение ощутил прилив страха, решив, что что-то пошло не так.

Затем он рискнул выглянуть из-за мешков и увидел, что красные линзы шлема начинают ярко сиять от наполняющей их энергии.

--- Сработало! --- закричал он.

Броня сотрясалась от легкой вибрации, и сердце Уриила запело при виде этого волшебного пробуждения. Он вышел из-за мешков с песком и направился к доспехам, не реагируя на тревожные крики Итериана.

Капитан знал, что ему незачем

опасаться воскрешения брони, ибо оно было всего лишь отражением его собственного возвращения.

Весь срок, проведенный вне ордена Ультратаринов, он был собой лишь отчасти, был тенью бывшего себя, но теперь, наблюдая за тем, как госнехи возвращают себе священное предназначение, он и сам обретал целостность.

Уриил улыбнулся, и в его глазах отразилось сияние линз шлема.

Дарон Нисато поднялся следом за Наскалем Блезом по лестнице, ведущей к жилым комнатам над баром. Шаги инфорсера гудко отзывались на металлических ступенях, и он не переставал удивляться тому факту, что находится так близко от лидера мятежников и все-таки не тащит его в участок.

Если Блез и в самом деле говорил серьезно, предлагая диалог между Сынами Салинаса и имперскими властями, это могло послужить сигналом к прекращению

кровопролития, в котором утопали улицы Барбадуса, и стать началом новой жизни для всей планеты.

Блез толкнул ржавую железную дверь и потянул Нисато за собой, входя в вытянутое помещение, где вдоль одной стены располагалось несколько коек, а у другой стоял небольшой стол. Единственное окно выходило на улицы Барбадуса. Мезира Бардгил сидела на одной из кроватей, поджав колени к груди и обхватив их руками. На ней была надетая бесформенная белая сорочка, а запястья оказались стянуты ремнями.

Нисато присел возле нее и приподнял ее голову за подбородок. Взгляд женщины был остекленелым и отрешенным.

--- Кровь Императора, что с ней случилось? --- спросил инфорсер.

--- Если честно, то такой мы ее и нашли, --- ответил Паскаль Блез. --- Ну, разве что тогда она была не одета.

--- Не одета?

--- Как я уже упоминал, мне кажется, что она лишилась рассудка.

Нисато так часто видел то же самое

пустое выражение в глазах солдат, чей разум более не мог совладать с нанесенной ему травмой, что был вынужден признать правоту мятежника.

--- Мезира? --- позвал он. --- Ты меня слышишь? Это я --- Дарон Нисато. Я заберу тебя собой.

Женщина закачалась на кровати взад и вперед.

--- Нет, --- произнесла она. --- Нельзя собой. Нет больше дома. Мы его сожгли. Спалили все дотла. Он придет за нами. Не отпустит. Он должен наказать нас за все, что мы сделали.

--- Мезира, о чем ты говоришь?

--- Плакальщик... Он придет за нами, --- захныкала псайкер, и по ее щекам покатились слезы. --- За всеми, кто был там.

Нисато перевел беспомощный взгляд на Паскаля Блеза. Тот был бледен и смотрел на женщину расширившимися глазами.

--- Вы понимаете, о чем она говорит? --- требовательно спросил Нисато. --- Что еще за Плакальщик?

--- Плакальщик, --- повторила
Мезура. --- Я постоянно его вижу...
Обожженный, почерневший, мертвый. Его
глаза... его глаза что пламя, и он пылает...
Нет! Не огнем, нет-нет, он пылает
ненавистью!

--- Будьте вы прокляты, Блез! ---
прорычал Нисато, вскакивая с койки и
бросаясь к лидеру Сынов Салинаса. ---
Скажите уже, что вам известно? Кто
этот Плакальщик?

Наскаль Блез тяжело сглотнул,
посмотрев на застывшего в дверях Коулена
Харка.

--- Так мы обычно называли нашего
лидера, --- объяснил он. --- Сильвана Тайера.

--- Того, кто руководил Сынами
Салинаса до тебя?

--- Да, --- кивнул Наскаль.

--- Но ведь он же мертв, верно? Его
убили вскоре после резни в Хатүриане.

Блез так долго не отвечал, что
инфорсер добавил:

--- Или нет?

--- Нет, --- сказал Наскаль, --- не убили.

Сержант Трелейн производил обход укреплений «Клекочущих орлов», приветственно кивая и перебрасываясь парой слов с дежурными охранниками. С плеча непринужденно свисала винтовка, а пальчатка ободряюще похлопывала по бедру при каждом размашистом шаге. Приятно было чувствовать себя вооруженным, точно рядовой солдат, ощущать вес боевой экипировки, бывший таким привычным во время тренировок на родном мире Ачаланского полка.

Былая родина...

Трелейн уже с трудом мог вспомнить планету, на которой родился... ну разве что то, что она была куда более оживленным, красивым и привлекательным местом, нежели этот уродливый кусок камня. Конечно, сержант понимал, что его представления о родине несколько радужны. Как, впрочем, и вообще воспоминания любого солдата о доме. И все же он, невзирая на это понимание, скучал по пряным ароматам в воздухе и золотистым закатам, озаряющим темнеющее небо.

Он улыbnулся неожиданно нахлынуvшему поэтическому настроению и остановился у одной из угловых оруvдийных вышек, представлявшей собой угловатую конструкцию из армированного бетона, дополнительно защищенную стальной сеткой, призванной помочь при попадании кумулятивного снаряда. Установленная на ней автоматическая пушка смотрела на пустырь перед крепостью; два ствола, высывавшиеся из амбразуры, приглядывали за дорогой, ведущей от промышленных районов Барбадуса.

Ночь стояла тихая, если не считать рокота моторов и отзывающегося в зубах электрического гула, доносившихся из ремонтного цеха и непривычно тревожащих. Там сейчас находились два костодесантника, которых фалькаты недавно обнаружили — Трелейну очень не хотелось использовать понятие «арестовали», — а с ними и полковник Каин. Речь шла о какой-то подзарядке брони, хотя сержант не очень-то понимал, что там происходит.

Важно было только то, что ему все это совсем не нравилось. Трелейн вообще не приходил в восторг, когда что-нибудь нарушало статус-кво, а эти двое оказались ему источником неприятностей в тот самый миг, когда он впервые увидел их за ограждением вокруг Зоны Поражения.

Кроме того, он был более чем уверен, что Уриил Вентрис солгал ему тогда, в «Хилере».

Трелейн поправил ремень винтовки и облокотился на паранет, разглядывая задымленные очертания Барбадуса, выросшего, подобно злокачественной опухоли, посреди пустыни. Вот почему из всех завоеванных миров им должен был достаться именно этот?

Глупо было вот так высовываться, но, с другой стороны, подобное поведение создавало ему в глазах солдат репутацию человека, не слишком обеспокоенного угрозой, какую представляли Сыны Салинаса.

--- Вы бы поосторожнее, сержант, --- обратился к нему один из караульных. --- Не

хотите же вы, чтобы какой-нибудь снайпер
отстрелил вам башку.

Тремейн покачал головой:

--- Не стоит беспокоиться обо мне,
приятель. Пусть Сыны Салинаса и любя
погратся, но солдаты из них никакие... У
них просто нет достаточно метких
стрелков, чтобы итело смысл
волноваться.

Караульный улыбнулся и продолжил
свой обход, а Тремейн выждал еще
несколько секунд и отступил назад.
Конечно, Сыны Салинаса вполне
оправдывали его скепсис касательно их
боевых способностей, но судьба не любит
гордецов, так что, торча на виду и далее,
он вполне мог схлопотать пулю от
снайпера.

Тремейн отправился дальше и вдруг
осознал, что его взгляд раз за разом
возвращается к горам, кажущимся отсюда
не более чем неровным темным выступом
на горизонте. Он вспомнил тот день, когда
эти скалы были залиты огнем, и поежился.
Он уже много лет не думал о Зоне
Поражения и старался как можно дальше

держаться от воспоминаний о том дне, но
сегодня вечером воздух был словно напоен
тревогой, заставлявшей мысли
возвращаться к былым ошибкам и
выгнавшей его из теплой казармы на
крепостные стены.

Быть может, его просто нервировало
присутствие костических десантников,
ведь не было ни тени сомнения в том, что
информаторы Сынов Салинаса уже
доставили весть о прибытии этих двоих
всем вражеским боевикам. И все же что-то
подсказывало ему, что дурные
предчувствия куда сильнее связаны с
прошлым, нежели могло показаться на
первый взгляд.

Трелейн остановился и посмотрел на
знамя, развевавшееся и хлопавшее на
ветру, поднимаясь высоко над стеной.
Золотой клекочущий орел, сияющий на
багровом полотнище. Прежде изображение
яростной птицы наполняло душу Трелейна
гордостью, но сегодня, бросая на него
взгляд, он испытывал только странную
смесь грусти и сожаления.

Орудие, установленное на северном

углу крепости, зашнурив гидравликой, развернулось на лафете, и Трелейн тут же скинул лазган с плеча и проверил заряд. Затем он направился туда привычным непринужденным шагом, стараясь не выдавать своего беспокойства, но все-таки заинтересованный тем, что же могло насторожить стрелков.

Задняя часть оружейной турели, по идее, должна была закрываться, но некоторые детали срочно понадобились, чтобы отремонтировать поврежденный «Леман Русс», и Трелейн смог протиснуться внутрь. Два стрелка затерли в неудобных металлических креслах перед консолью управления огнем и мерцающим пикт-экраном. Но последнему катились волны белого шума, сквозь который с трудом пробивалось подергивающееся изображение зоны обстрела.

— Что у вас тут? — спросил сержант. — Заметили движение?

Один солдат остался сидеть, как сидел, склонившись над экраном, в то время как второй с явным смущением на

лице повернулся к Тремейну.

--- Мы не уверены, сержант, --- сказал он. --- Вначале нам показалось, что какой-то сброд начинает собираться на самолётную окраину нашей дальности, но потом...

Поскольку стрелок затолк на него слово и не было похоже, чтобы он собирался продолжать, Тремейну пришлось нагадить:

--- Что «потом»?

--- Они исчезли, --- беспомощно разведя руками, пробормотал солдат. --- Вот только что были, а в следующую секунду их не стало. И целеуказатели словно с ума посходили.

Он не врал. Картинка на пикт-экране и в самом деле являла собой сплошные помехи, а в колонках раненым зверем завывала статика.

--- Должно быть, камеры наблюдения из строя вышли, --- вмешался второй стрелок. --- Ветшают день ото дня.

Однако чутье на опасность, позволявшее Тремейну выживать все эти годы, просто кричало сейчас, что дело вовсе не в поломке оборудования, но чем-то

күда более хүдшет.

--- Продолжайте слежение, --- приказал сержант, --- и кричите, как только получите четкую картинку.

Стрелок кивнул. Трелейн вылез из туннели и позвал к себе нескольких бойцов. Вполне возможно, ему стоило бы объявить общую тревогу, но полковник Каин зажала бы ему яйца в тиски, узнай, что он предпринял столь радикальные меры, не имея веских доказательств.

Полдюжины бойцов подбежали к нему, держа оружие наготове, и, воодушевленные их присутствием, Трелейн снова высунулся из-за паранета, опуская на глаза визор шлема и предоставляя оптической аугментике пронзить темноту.

Мертвенно-бледное зеленоватое свечение системы ночного видения делало все вокруг призрачным и размытым, и вначале он даже не поверил тому, что видит --- слишком уж стехотворным было происходящее, чтобы быть реальным.

Пустырь под стенами оказался полон людей... точнее, тысяч мерцающих человеческих силуэтов, паривших подобно

ключьям разорванного ветром облака. Они становились то более отчетливыми, то расплывались, словно и не существовали вовсе, а были лишь простыми отблесками на поверхности земли.

Вот только среди них перемещались и вполне реальные существа... существа, использующие клубящуюся, мерцающую толпу в качестве прикрытия. Тремейн заморгал, сумев рассмотреть одно из них, стоящее уже прямо под ним, и от ужасного у него пересохло в горле.

Понятившись, когда тварь прыгнула вверх, он споткнулся и приземлился на пятую точку.

Что-то пролетело мимо Тремейна. Раздался сдавленный стон, и визор вдруг ярко вспыхнул, когда по его поверхности расплескалось нечто влажное и горячее. Ослепленный, сержант прижался к стене и поднял щиток шлема как раз вовремя, чтобы суметь увидеть уродливое чудище, сидящее на паранете. Тело его еще недавно живой жертвы стояло на коленях, орошая все вокруг фонтаном артериальной крови.

Кожа убийцы влажно блестела в

отраженном свете ламп и имела неприятный синева-розовый оттенок, точно у новорожденного ребенка. Вместо лица у существа была углубленная угрюмая морга, представлявшая собой нагромождение словно оплавленных костей и плоти, посреди которой разверстыми ранами сияли два пламенеющих глаза. Пасть раскрылась, обнажая похожие на зубы пилы клыки, и Трелейн попытался отползти на ягодицах, отчаянно стрелясь показаться как можно дальше от дьявольского отродья.

К первой твари присоединились и другие -- вначале полдюжины, а потом и еще больше. Могучие лапы, растущие из их угрюмых тел, позволяли существам с легкостью взбираться на стены. Когда Трелейн смог как следует рассмотреть их противоестественный облик, он содрогнулся от ужаса и почти полностью утратил самообладание. Перед ним предстал кошмарный плод фантазий свихнувшегося вивисектора -- узловатые перекрученные кости, мускулы и органы, сплетенные невозможным для живого

существа образом.

Прозрели первые выстрелы, яркие в
вечерних сүтерках, а затем зазвучали
крики.

Засверкали клыки и когти. Полилась
кровь... Люди гибли.

Трелейн потянулся к винтовке, но
было слишком поздно.

Божак бескожих навис над ним и
разорвал пополам раньше, чем сержант
успел коснуться спускового крючка.

Глава тринадцатая

Броня постепенно наполнялась жизнью. Теперь Уриил мог ощущать энергию, курсирующую по ее древним механизмам, с той же уверенностью, как и кровь в собственных венах. Доспехи едва заметно вибрировали, и капитан, наблюдавший за этим воскрешением, излучал прямо-таки осязаемую ауру радости.

Уриил практически выгел, как ток, пробьет сквозь броню, возвращая силу ее давнему дремлющим мышцам, способным наделить обладателя властью сокрушать врагов и выдерживать даже самые мощные ответные удары. Лишь немногие были достойны носить такие доспехи, и капитан знал, что сам является одним из этих избранных.

Пазаний встал рядом с Уриилом возле заряжающейся брони, и капитан в очередной раз испытал чувство благодарности к товарищу за его преданность и дружбу.

— Сколько еще ждаты, технопробудец Утериан? — крикнул Уриил так, чтобы его можно было расслышать за угрожающим ревом двигателей «Леманов Рүссов» и гулом энергии.

Утериан рискнул чуть высунуть голову из-за мешков с песком.

— Я внес кое-какие поправки в используемую частоту, капитан Вентрис, так что ранец полностью зарядится в считанные часы.

Уриил не ответил технопробудцу, поскольку увидел, как лицо Назания превращается в маску войны. Еще мгновение, и капитан понял почему. Сквозь рев танковых моторов его улучшенный слух различил звуки выстрелов.

— Полковник Каин! — прокричал он, указывая в том направлении, откуда доносился шум. — Там стреляют! На вашем периметре!

Верена Каин выбежала из-за мешков и приложила к уху ладонь. Уриил увидел, как на ее лице эмоции сменяют одна другую — от раздражения до ледяной, беспощадной ярости.

--- Глүши все, --- приказала она Утериану, прежде чем расчехлить пистолет и фалькату, которой и ткнула в сторону «Летанов Рүссов», --- и начинай заводигать танки.

--- Удем, --- сказал Уриил, вынимая меч из ножен.

Назаний последовал за гругом, сжата в левой лагони одолженный болтер, пока солдаты собирались вокруг полковника Каин. Командующий фалькатами побежала к главным дверям ангара, услышав, что те начали открываться.

Выхода они с Уриилом достигли одновременно, и Каин одарила его испепеляющим презрительным взглядом.

--- Если это хоть как-то связано с вати... --- свою угрозу она предпочла не заканчивать.

--- То сможете наказать меня позднее, --- отозвался капитан.

Двери раскрылись уже достаточно широко, чтобы можно было выбраться из ангара, и полковник Каин скользнула в проем, а за ней столь же стремительно

последовали ее солдаты. Уриил не стал ей препятствовать и позволил пойти первой, ведь, в конце концов, это она здесь командовала, но постарался буквально тут же ее нагнать.

Едва он успел выбежать на открытый плац в центре укреплений, как ночь взорвалась ревом сирен. С треском и гребезжанием ожили генераторы, и повсюду вокруг вспыхнули ослепительные дуговые лампы, разгоняя тьму и заливая укрепления жестким белым светом.

— Только не это, — произнес Уриил, увидев бойню, которая произошла на стенах.

Чудовища уже прорвались внутрь укреплений.

Охваченные неистовством бескожее бежали прямо сквозь ряды «Клекочущих орлов», отрывая солдатам конечности, до неузнаваемости уродуя человеческие тела сокрушительными ударами когтей или мощных клыков. Мутанты были огромными и могучими, а их прежде обнаженные мышцы и внутренние органы теперь покрывали слои скользкой молодой

кожи.

Когда зажглись лампы, вожак испустил дикий рев; предводитель чудовищ казался настоящим гигантом и был несказанно величествен сейчас, ибо в его венах, похоже, текла не кровь, а чистый свет. Крепость гвардейцев словно бы подверглась нападению целой армии, хотя теперь племя насчитывало не более дюжины воинов. Солдаты пытались бежать, но их настигали все равно, подбрасывая и походя разрывая на куски. Лазерные импульсы рассекали и опалили воздух, но плоть мутантов была неуязвима к столь незначительной огневой мощи.

— Что они творят? — прошипел Уриил.

— Убивают, — ответил Назаний, и в голосе его прозвучал явственный упрек.

Полковник Каин и обступившие ее фалькаты, оцепенев от ужаса, наблюдали за кровопролитием, охватившим их святая святых. Из одной казармы начали выбегать солдаты, но гротескное чудовище со сгибающимися в противоположную сторону коленями и жутко искривленной

спиной, сквозь которую проросли хрящи позвоночника, уничтожило людей прямо в дверях. Со стены заговорило автоматическое орудие, скрытое за барьером из мешков с песком; стрелки понимали, что в этих условиях случайное убийство своих же товарищей станет для них милосердной смертью. Крупнокалиберные снаряды застучали по бетонным стенам, раздирая в лохмотья трубы погибших солдат и с влажными чавканьем входя в тела бескожих.

Вожак наконец прыгнул со стены, и его сил и ловкости более чем хватило, чтобы пролететь весьма большое расстояние и приземлиться на крышу второго барачного ангара. Благодаря своему невероятному весу он проломил гофрированную жестяную крышу и скрылся из виду, хотя до костогесантников по-прежнему долетало его разъяренное завывание.

Сопровождаемый Назанием, следующий за ним по пятам, Уриил побежал к атакованному зданию, пока полковник Каин силилась добиться того,

чтобы хотя бы часть ее приказов исполнялась. Крики и рев разносились среди стен. Бескожие не ведали жалости, прокладывая себе путь через укрепления «Орлов».

Тварь с гвүтя сплавившимися головами и глиняными лапами, заканчивающимися похожими на ножи когтями, врезалась в отряд облаченных в красную униформу солдат, буквально усыпавших ее тело градом пуль и лазерных импульсов.

Мутант, чей кошмарный близнец торчал у него из живота, разрывал фалькат на куски, которые и скармливал прожорливому брату, — его безумный голод не делал различия между мертвой и живой плотью.

Уриил, стараясь не обращать внимания на творящиеся вокруг него ужасы, поспешил как можно скорее отбросить от входа в казарму упавший с крыши металлический лист. Изнутри доносились отчаянные крики, редкие выстрелы лазерных ружей и вняшающий страх рев чистой ненависти. Капитан

вышиб дверь ударом ноги и вбежал в здание.

Во внутренних помещениях господствовала смерть. Даже в снах на борту Омфала Демониума он не видел ничего столь ужасного. Каждая стена была залита кровью, повсюду вокруг, словно после взрыва в морге, валялись вспоротые тела и отрубленные конечности, и не было никакой возможности точно оценить, сколько же людей погибло здесь в считанные минуты.

--- Кровь Императора! --- выругался капитан, увидев, как предводитель бескожих перегибает еще одного солдата пополам так, что у того ломается позвоночник и обломки костей выходят из живота. Огромное существо просто купалось в крови, и Уриил ощутил почти физическую боль от этого предательства. --- Стой! --- закричал он, поднимая перед собой меч, хотя и понимал, что это оружие мало чем ему поможет, если придется защищаться от столь колоссального создания. Разве не был этот самый меч просто выдернут из его рук

куда менее сильным представителем племени, нежели вождь?

--- Что, во имя Императора, ты вытворяешь? --- потребовал Уриил.

Предводитель бескожих повернул к нему свою массивную окровавленную морду. Клочки мяса и ткани застряли в его зубах, и в глазах существа капитан увидел тусклый свет... свет, выдающий тысячи сознаний, скрывавшихся внутри.

--- Они заслужили смерть, --- произнес вождь. --- Они были там.

Уриил уже успел немного изучить историю этого мира и завоевавшего его полка, но откуда она могла быть известна вождю бескожих?

--- Не тебе это решать! --- прокричал капитан. --- Зачем ты это делаешь?

--- Потому что кто-то же должен, --- сказал гигант. --- Погибшие должны быть отомщены.

Из-за стен казармы по-прежнему доносился лающий рев выстрелов, но внутри воцарилось удивительное спокойствие.

--- Положи этого человека, --- приказал

Уриил. — Император будет гневаться, если ты причинишь ему вред.

Вожак бескожих запрокинул голову и испустил пугающий вой, в котором прозвучали преследовавшие его всю жизнь злость, боль и отвращение к самому себе.

— Императору он совсем не интересен, — сказал предводитель; его прежде весьма ограниченный словарный запас удивительным образом пополнился. — Сосуд сей Он оставил уже давно, так же как оставил нас.

Слова эти порождались человеческим разумом, но слетали с уст монстра, а потому звучали нечленораздельно, странно, жестоко и горько. Уриил слышал боль утраты в каждом хриплом слове, ощущал страдания, тающиеся за каждым словом, но, кто бы ни произносил их, он был вовсе не тем, кому полагалось находиться в этом теле. Кому бы ни принадлежал разум, горевший в глазах вожака, он не имел ничего общего с тем существом, что ступило на Салинас вместе с капитаном.

— Довольно, — сказал Уриил, оглядываясь и кивая Пазанию, уже

нацелившему ствол болтера на
предводителя бескожих. --- Тебе придется
остановиться прямо здесь и сейчас!

Увидев направленное на него оружие,
вожак поднял стонающего от боли
солдата и головой вперед сунул в свою
огромную пасть.

--- Во имя Императора, нет! ---
закричал Уриил. --- Стреляй, Назаний!

Помещение наполнилось грохочущим
лязгом болтерных выстрелов, масс-
реактивные заряды прочертили
расстояние до предводителя бескожих, и
каждый взорвался внутри его тела. Во все
стороны брызнула молодая кожа и старая
плоть, но к тому моменту солдат уже был
перекручен пополам. Уриил устремился
вперед, но был сбит с ног брошенной в него
нижней частью трупа и повалился на пол.

Вновь заговорил болтер, однако вожак
уже успел прийти в движение. Уриил
перекатился и вскочил на ноги как раз
вовремя, чтобы увидеть, как монстр
пробежит прямо сквозь внешнюю стену
казармы, превращая в пыль ее шлакобетон.

Назаний мгновенно выскочил наружу.

провожая проводителя мутантов болтерным огнем, когда Уриил еще только перебирался через гряду обломков, отделявшую его от плаца.

Насколько мог видеть капитан, Назанию не изменяла привычная меткость, но болтерные заряды наносили вожаку бескожих разве что косметический урон. Хотя из тела огромного мутанта вырывались фонтаны крови и света, трудно было сказать, причиняют ли ему эти раны хоть какой-то ущерб.

Солдаты сражались, разбившись на несколько плотных групп, образующих перекрывающиеся секторы обстрела, и поливали бескожих четко выверенными очередями. Отряды, экипированные тяжелым оружием, поддерживали издалека более легко перемещающихся товарищей. Так же, как и когда они угодили в засаду Сынов Салинаса, Верена Каин руководила своими людьми с невероятной быстротой и эффективностью.

Но их сил и близко не хватало, чтобы победить.

Против других людей, даже профессиональных военных, ее мастерства и отваги «Клекочущих орлов» было бы вполне достаточно, чтобы одержать верх, но сегодня они сражались против врага, чьи возможности выходили далеко за пределы того, с чем Фалькатам когда-либо доводилось сталкиваться. Среди бескожих прогремели взрывы, но ни огонь, ни шрапнель, ни пули не могли их остановить.

Они только торзились, получая ранения, каких с лихвой бы хватило, чтобы завалить даже самого крупного тиранίδα. Врезаясь в ряды целого взвода, мутанты истребляли в нем каждого солдата раньше, чем люди успевали закричать. Изран же самих существ струился призрачный свет, обволакивавший разрывы на их телах, подобно бинтам.

Казалось, ничто не способно остановить монстров, учинивших резню в своем слабоумном неистовстве.

Сердце Уриила словно покрылось льдом, когда он увидел дикарскую радость на лицах бескожих.

Какие бы надежды он ранее ни питал касательно их покаяния и новой жизни, но все они только что разбились прямо у него на глазах. Не существовало в мире ни искупления, ни прощения столь безумному кровопролитию.

Он еще только бежал, чтобы присоединиться к драке, когда ракета, выпущенная разорванным в момент выстрела солдатом, заплясала в воздухе. Успоив в воздухе дикий танец, она врезалась в строение, где размещался главный генератор укреплений.

Уриил бросился на землю, когда снаряд пробил почти не защищенную дверь, и генератор погиб в мощном взрыве, подбросившем крышу постройки на добрую сотню футов на столбе огня и разрушившем значительную часть внешней стены.

Крепость снова погрузилась во тьму.

— Что ты хочешь сказать, заявляя, будто Сильван Тайер все еще жив? — требовательным тоном спросил Харк.

— Именно то, что сказал, Коулен, —

ответил Наскаль. -- Впрочем, с тем же успехом он мог бы быть мертв.

Дарон Нисато был шокирован не менее Харка, услышав, что прежний лидер Сынов Салинаса остался в живых, но вопль гнева телохранителя Блеза был неистовым и требовал выхода.

-- Ты говорил нам, что он погиб! -- крикнул Харк, и Мезира закрыла уши ладонями, чтобы заглушить шум. Нисато попытался обхватить ее рукой, но она вздрогнула от его прикосновения и застонала, словно от боли.

-- И в общем и целом я не соврал, -- продолжал Наскаль, стараясь несколько успокоить гнев спутника. -- Я нашел его посреди поля боя уже на следующий день. Поверь, Коулен, от него мало что оставалось... лохмотья плоти да лужа крови. Понятия не имею, почему он все еще оставался жив, но так уж вышло. Я ничем не мог ему помочь, поэтому и доставил к Сержу Касуабану в Палаты Провидения.

-- Касуабану? -- спросил Коулен. -- Он же из Фалькат!

Наскаль покачал головой:

--- Нет. Он помогает нам с того дня, как свершилась бойня на Зоне Поражения.

--- Помогает? Как это?

--- А откуда, как ты думаешь, мы получаем медикаменты?

Дарон Нисато пытался вникнуть в суть происходящего сейчас между этими двумя, но Мезира начала все более и более тревожно раскачиваться на кровати.

--- Почему ты ничего не рассказывал?

--- спросил Коулен. --- Неужели мы не могли объяснить этого людям?

--- А что толку? Сильван уже был объявлен мучеником. И, оставаясь в списке погибших, был куда более полезен, нежели мог надеяться в своем состоянии, --- сказал Паскаль. --- Кроме того... он... не совсем тот человек, каким был прежде.

Нисато уловил несколько необычные нотки в голосе Блеза и отвел взгляд от прыгающей Мезиры Баргзил.

--- О чем это вы? Каким он стал?

Коулен Харк оглянулся на него и произнес:

--- Не лезьте не в свое дело, инфорсер. Вас это не касается.

Нисато вскочил и развернул Харка к себе лицом. Громила успел даже потянуться к своему пистолету, вот только Дарон уже успел похитить оружие из его кобуры, вжал ствол в живот телохранителя и приказал:

--- Сядь и заткни пасть.

Харк неохотно подчинился, и Нисато повернулся к Наскалю Блезу:

--- Так все-таки, что вы имели в виду, когда говорили, что он уже не тот? Мне не понравилось убивать людей, вышедших из комы после серьезных травм и получивших за ее время тайные способности, какими ранее они не обладали. Уж не о таком ли случае мы сейчас говорим?

--- В некотором роде, --- согласился Наскаль. --- Он неспособен ни говорить, ни двигаться. Не так уж и много от него осталось, если по-хорошему, вот только... вы и сами бы это почувствовали, окажись поблизости.

--- Что именно?

--- Его гнев, --- пояснил Блез. --- Ненасытный гнев.

Неожиданно раздавшийся крик

заставил обоих собеседников вздрогнуть, и, обернувшись, Нисато увидел, что Мезира стоит возле окна и всматривается в темную ночь, выставив перед собой руку. Ее лицо озарялось мягким светом, раскинувшегося снаружи города, но прямо на глазах инфорсера и командира повстанцев на женщину напало куда более яркое, оранжевое, жаркое свечение.

— Что там? — спросил у нее Нисато, подбегая.

— Плакальщик, — прошептала Мезира.

Дарон Нисато и Паскаль Блез увидели, как где-то на окраине города вздымается огненный цветок взрыва. Несколько секунд спустя до них донеслось и грохочущее эхо, а также — треск телкокалиберного оружия.

— Там же укрепления «Клекочущих орлов», — сказал Нисато. — Блез, это ваших рук дело?

— Нет, — ответил Паскаль так, что инфорсер поверил ему. — Клянусь, не моих.

— Это все Плакальщик, — сказала Мезира Бардгил. — Он нашел их. А теперь

убивает, чтобы дотянуться до нее.

Она повернулась к нему лицом, и Нисато увидел на нем безмятежную улыбку.

— А потом он придет и за мной.

У Уриила не было иного оружия, кроме меча, но это его не стужало, поскольку сражаться приходилось в весьма естественных обстоятельствах. Бескожие оказались куда могущественнее, чем когда-либо прежде. Их тела наполняла сила, какой они никогда не знали, и она наделяла их чудовищной мощью.

Прямо перед капитаном выросла огромная, что твоя башня, фигура — монстр на похожих на обрубки шишковатых ногах и со свисающим на грудь глинным мясистым «жабо», пульсирующим в такт сердцебиению. Из-под этого нароста выметнулись перекрученные костистые конечности, летя в Уриила, и тот отчаянно парировал выпад кривых когтей, пытавшихся вонзиться в мягкую плоть его горла.

Костюгосантник поднырнул под
острые когти и всадил меч прямо в брюхо
мүтанта. Клинок вспорол грудину
существа, но почти в то же мгновение
странный свет, наполнявший бескожих
изнутри, залечил рану.

Создание взревело от боли, невзирая
на удивительный исцеляющий эффект, и
понялось, чтобы поискать менее
опасную жертву среди «Клекочущих орлов».
Уриил отпустил его, поскольку сейчас ему
было куда важнее в суматохе битвы найти
полковника Каин.

Поскольку генераторы вышли из
строя, дальнейшее сражение происходило в
темноте, нарушаемой лишь вспышками
выстрелов из автоматического оружия,
всполохами лазерных импульсов да слабым,
отраженным светом звезд. Небольшие
группки все еще сопротивляющихся солдат
переваливали от одного укрытия до другого,
пока бескожие продолжали
бесчинствовать, разрушая баррикады,
огневые позиции и строения.

Топливный склад взорвался,
взметнувшись к небу огненным грибом и

наполнив воздух едкой вонью прометия. Пылающее облако взмыло вверх, а по площади протянулись огненные реки разлившегося топлива.

Уриил бежал сквозь весь этот хаос, стремясь присоединиться в бою к Назанию, только что всадившему последний болт-заряд в чуговище с огромными раздвигавшимися лапами, которое пробило стену ангара медикое, предварительно уничтожив там всех раненых ударами твердых как сталь кулаков.

--- Еще патроны есть? --- спросил Уриил, стремясь перекричать грохот боя.

--- Последняя обойма, --- ответил Назаний, --- но перезарядка для меня --- тот же фокус.

Уриил обменял меч на болтер и кувыркот ушел за барьер из мешков, где быстро и профессионально перезарядил оружие.

--- Спасибо, --- сказал Назаний, принимая болтер и возвращая меч. --- Что дальше? И что, во имя Императора, здесь вообще происходит? Почему они все это вытворяют?

— Они тут ни при чем, — произнес Уриил, наконец заметивший полковника Каин.

К общему шуму добавился грохот тяжелых орудий — солдаты сумели забраться в люки припаркованных «Хитер» и обрушить на противника потоки огня из мультилазеров и град снарядов, выпущенных тяжелыми болтерами.

— О чем это ты? — спросил Назаний, высовываясь из-за мешков и вновь открывая огонь по существу, разрушающему ангар медикае. — Мне так кажется, что вполне себе при чем.

— Это не они, — настаивал Уриил. — Не знаю, в чем дело, но или что-то управляет. Уверен.

Назаний только пожал плечами, и капитан понял, что на данный момент не имеет ни малейшего значения, по какой причине бескожие напали на «Клекочущих орлов». Вожак продолжал забывать, убивая по десятку человек каждым взмахом массивных кулаков — его тело стало неприступной, нерушимой крепостью против любого оружия.

— Тогда надеюсь, у тебя есть план? — спросил Назаний. — В противном случае они тут прикончат всех и каждого, включая нас.

Уриил ничего не ответил. Вскоре до них донесся рев моторов, и из технического ангара выкатились три «Лемана Рюсса». Их основные орудия были абсолютно бесполезны внутри крепости, но каждая машина была оборудована многочисленными дополнительными системами вооружения, да и даже одна их броня вполне могла повернуть исход битвы.

При виде танков «Клекочущие орлы» возликовали, и полковник Каин подняла свой меч высоко над головой, чтобы все ее увидели. Один из ее солдат развернул знамя, на котором красовалась алая эмблема Ачаманских Фалькат, и это подняло боевой дух всех защитников крепости.

Уриил увидел, как головной танк, такая самая машина, от которой начинали подзаряжать для него броню, разогнавшись, выпустив в ночь раскаленное добела

конье лазерного огня, вырвавшееся из стационарного орудия, установленного в корнусе. Мутант, чьи лапы скорее походили на серпы, рүхнүл на землю, расщеченный надвое, вывалив на бетон выходящие внутренности и заливая все вокруг кипящей кровью. Затем и остальные танки обрушили на бескожих огонь из орудий в спонсонах, и под его мощью существа были вынуждены отступить.

Но огромные железные звери не заставили испугаться вожака. Он отшвырнул в сторону труп только что убитого им солдата и побежал к ближайшей танке, низко опустив голову и прижав к телу крепко сжатые кулаки.

Хотя вначале и казалось, что вот так и врежется в бронированную машину, предводитель неожиданно прыгнул и приземлился прямо на лобовую часть танка. Пули, вонзавшиеся в его тушу, не смогли затормозить его даже на мгновение. Чудовищно могучие руки обхватили укороченный ствол основного орудия, а затем, проявив просто нечеловеческую

мощь, выгннули его наверх.

Раздался скрежет металла, посыпались брызги искр, и вдруг вся башня оказалась оторванной от платформы. Стрелок попытался выпрыгнуть из своего стинающегося убежища, но только лишь затем, чтобы погибнуть под гусеницами собственного танка. Вожак бескожих башней, превратившейся в кусок металлолома, нанес чудовищной силы удар, сокрушив спонсонные орудия и пролив броню.

Моторы протестующе взвыли и, перегреваясь и затирая, выбросили в воздух грязно-голубоватый жирный дым. В корме машины начал разгораться пожар, и предводитель, удовлетворившись тем, что покончил с опасным недругом, швырнул вырванную им башню через весь плац, а затем спрыгнул на землю.

Издав воинственный клич, полковник Каин повела в бой своих «Клекочущих орлов».

Видя их наступление, Уриил выбрался из укрытия, с одной стороны, восхищаясь их отвагой, а с другой —

проклиная бессмысленность подобно
жесту. Этим людям нечего было
противопоставить бескожину, если только
некие темные силы не поработают и на
их телах, превратив в марионетки и
исцеляя смертельные раны.

— Вперед! — крикнул капитан, и
Назаний погнался вслеп за ним.

Они побежали через охваченный
пожаром двор; едкий запах горящего
прометия и густой черный дым
заставляли слезиться глаза Уриила и
обжигали легкие. Жар казался
невыносимым, пляшущие языки пламени
пожирали казармы Фалькат с простым
зверским аппетитом.

Бескожие и «Клекочущие орлы» вели
бой в самом центре плаца, разыгрывая свое
представление на фоне яркого огненного
зарева. Исход у этого побоища мог быть
только один, но гвардейцы продолжали
сражаться с рвением фаталистов, что
весьма многое говорило об их
ответственности и за бойню на Зоне
Поражения.

Уриил взмахнул мечом, когда на него

из дыма и пламени вылетел мутант с лапами, похожими на паровозные поршни, и согнутой спиной. Его перекошенная морда рождалась, демонстрируя пенки обломанных зубов и гнилые десны. Глаза же существа являли два желатиновых комка, в молочной глубине которых плавало по несколько сросшихся между собой зрачков. Его молодая кожа все еще влажно поблескивала, но уже начала гнить и стергелась, словно была поражена всевозможными болезнетворными культурами.

В прыжке существо разrazilось утелой бранью, одновременно обрушив на костогесантника свой мощный кулак. Уриил отвел удар в сторону и крутанулся, обходя мутанта и вонзая тому в спину свой клинок. Меч заскрежетал по деформированному позвоночнику, и тогда капитан повернул рукоять в руке, погружая лезвие еще глубже в тело чудовища.

Монстр завопил и рухнул на колени, что позволило Назанию налететь на него и с силой ударить бронированным сапогом

по лицу. Удар разбросал вокруг осколки
клыков и багряные брызги.

Уриил выдернул меч, покрывшийся
призрачным мерцанием и гнилой кровью.
Назаний же вознал ствол болтера прямо в
пасть твари и нажал на спусковой крючок.
Голова существа озарилась ярким светом,
вырвавшись из пробитой задней стенки
черепи.

Чуговище рухнуло, запачкав бетон
превратившись в жижицу мозгов,
вытекавшим из проделанной в его голове
дыры, и Уриил увидел повисшее в воздухе
мерцающее облачко. Он закричал, ощутив
гневное разочарование того, что
скрывалось в глубине этого света, а потом
упал на колени, пытаясь справиться с
неожиданно атаковавшей его силой.

Капитан выронил меч, перед глазами
его все расплывалось, но теперь он видел,
что стены переполнены зрителями —
призрачными силуэтами, безучастно
наблюдавшими за бойней, устроенной в их
честь. Сотни фигур тесными рядами
выстроились там, и космогесантник
яростно затряс головой, стараясь

избавиться от затопившей его мысли их жажды мщения.

— Уриил! — крикнул Назаний, и наваждение развеялось.

Поверженное капитаном существо погибло, и целительный свет растворился в ночи, но Уриил мог видеть, что это пока оставалось единственным их успехом в продолжающемся противостоянии.

Пожар уничтожал то, с чем не сумели разделиться бескожие. Раздавались крики гибнущих в огне людей, и Уриил удивительным, пугающим образом ощущал истинную радость незримых наблюдателей, следивших в «прямом эфире» за всем этим кровопролитием.

— Надо выбирать, — сказал Назаний. — Нам не устоять.

Уриил кивнул и взмахнул мечом:

— Попробую добратся до Каин.

Он вскочил на ноги и отыскал взглядом знамя «Клекочущих орлов», с трудом разглядев его сквозь огонь. Полковник Каин все еще вел бессмысленное сражение против монстров, уничтожающих ее солдат.

--- Туда! --- сказал Уриил. --- Угел.

Они побежали прямо сквозь огонь к посаженным бойцам, и капитан чувствовал, как по его коже катится пот. Оставалось только загадать, какие мучения испытывают сейчас простые смертные.

Уриил увидел, как падает Верена Канн, истекая кровью из глубокой раны в плече. Огун из мутантов навис над ней, готовясь довершить начатое, но ее люди проявили настоящую доблесть, образовав тежду ней и монстром живой заслон, стреляя из всех стволов и обнажив мечи, чтобы защитить своего полковника.

Встретив такой отпор, бескожий предпочел ретироваться, что позволило Уриилу подбежать к Канн.

Женщина эта, стоило признать, оказалась весьма неуступчивой. Пусть ее левая рука беспомощно повисла, а освещаемое заревом пожаров лицо превратилось в окровавленную маску, полковник посмотрела прямо в глаза Уриилу с неприкрытой ненавистью.

--- Мои люди погибают из-за тебя! --- прокричала она, заглушая грохот

выстрелов и рев огня. — Не знаю, в чем именно дело, но без вашего вмешательства не обошлось.

— Полковник Каин, — начал Уриил, — вы совершенно правы, но с этим мы разберемся позднее. А сейчас отсюда надо выбираться, и быстро. В этой драке нам не победить.

— Ни за что! — отрезала Верена. — «Клекочущие орлы» никогда не бежали с поля боя!

— Знаю, — рявкнул Уриил. — Почти то же самое сказал Старый Герцог, перед тем как погибнуть, и та же судьба ждет вас, если останетесь здесь.

Он уже думал, что женщина откажется, но неожиданно для него с ее лица сползла маска ненависти, сменившись усталой покорностью. Уриил кивнул и повернулся к Пазанию как раз в тот момент, когда огни пожара заслонила огромная тень. Знаменосец «Клекочущих орлов» погиб быстро — его голова слетела с плеч, и из разорванной шеи ударил фонтан крови.

Уриил развернулся на пятках раньше,

чем стяг успел упасть на землю. Над капитаном навис предводитель бескожих, невероятно выросший и раздавшийся в плечах с того дня, как они встречались в последний раз. Под кожей гиганта струился свет, становившийся ослепительным там, где изливался из ран, а мышцы, казалось, просто пылали, наполнявшей их неестественной энергией.

Кулак, твердый и тяжелый, словно каменный валун, врезался в грудь костодесантника, отрывая того от земли и заставляя скорчиться возле поврежденного «Лемана Русса». Перед глазами капитана заплескали звездочки, и, пытаясь отдышаться, Уриил услышал, как заговорил болтер Назания.

Вожак отбросил сержанта чудовищным ударом, от которого тот распластался в грязи, и потянулся к Берене Каин. Полковник «Клекочущих орлов» подняла с земли свое знамя, чей трепещущий на ветру шелк лизало пламя. Уриил закричал и рывком поднялся на ноги, чтобы покачиваясь направиться к предводителю бескожих.

Полковник полоснула мутанта своей фалькатой, хотя ее уже сжимала огромная ладонь. Из раны хлынули кровь и свет, но ничто не могло заставить могучую хватку гигантского чудовища разжаться.

Уриил видел гнев, обезобразивший лицо вожака, — гнев столь дистиллированный и всепоглощающий, что костогесантник даже сбился с шага. Слишком уж необычной была эта эмоция. Бескожие никогда не знали такой ненависти — она принадлежала к миру тех, кто не обладал голосом, кто мог мечтать лишь о том, чтобы вернуться и осуществить свою последнюю месть.

Предводитель бескожих потащил сопротивляющуюся Каин к пылающей луже прометия — единственному напоминанию о топливном складе. Уриил попытался подняться, но его ноги словно бы налились свинцом, и каждый вдох обжигал легкие.

— Нет, — процедил он сквозь стиснутые зубы, понимая, чему сейчас станет свидетелем.

Вожак неторопливо пошевелился, будто наслаждаясь тем, что собирается

совершить. Он склонил морду к Верене Каин, и хотя он шептал, но его слова отозвались громким эхом в голове каждого, кто еще оставался внутри крепости:

--- Ты была там.

А затем тутант швырнул полковника прямо в раскаленное добела пламя.

Уриил закричал, не в силах словами выразить весь тот ужас, который испытал при виде столь хладнокровного убийства, а предводитель бескожих запрокинул голову, чтобы испустить кошмарный, зловещий вой отчаяния. Затем существо повернуло окровавленное, обожженное лицо к Уриилу, и в их встретившихся взглядах читалось взаимное отвлечение к случившемуся.

Божак опустил глаза, и мгновение взаимопонимания прервалось, когда многочисленные сознания еще сильнее сжали разум гиганта в своих тисках.

Стрельба окончательно стихла. Над крепостью повисла тишина, если не считать, конечно, стонов отчаявшихся

утирающих солдат. Предводитель взревел, созывая племя, пока Уриил шел к нему, перешагивая через окровавленные останки.

--- Зачем?! --- закричал капитан. --- Зачем вы так поступили?!

Вождь бескожих вновь поднял взгляд, и в глазах его огненными кометами заплясали мстительные огни.

--- Потому что они были там, --- сказал он. --- Все они должны быть наказаны.

С этим трагичным предупреждением он отвернулся и устремился к пробоине в крепостной стене, проделанной взрывом генераторного ангара. Уцелевшие бескожие поспешили за ним, и Уриил понял, что племя направляется вглубь дремлющего Барбадуса.

С трагичной ясностью капитан осознал, что этой ночью кровопролитие еще не закончено.

Глава четырнадцатая

Из высокой мансарды своей частной библиотеки Лито Барбаген наблюдал за тем, как на северной окраине его города разгорается пожар. Он понимал, что начался тот в крепости «Клекочущих орлов», но не испытывал никаких эмоций по поводу того, что люди, которых он когда-то знал, возможно, погибали сейчас в дыму, собиравшемся в небе жирной черной тучей.

Причины нападения были ему ясны, хотя это мало что для него значило. Да, граждане Барбадуса вымещали на завоевателях свой гнев. Единственной возможной реакцией утирающего, поверженного народа на своих новых властителей. Последние агонизирующие судороги тела, все еще отказывающегося признать, что оно уже мертво.

Но, хоть и вполне естественный, поступок этот не заслуживал прощения, поэтому губернатор уже распорядился вывести на улицы усиленные

подразделения на тот случай, если понадобится применить силу. Порядок должен быть восстановлен, даже если в жертву ему придется принести кровь и человеческие жизни.

Барбаген отвернулся от зарешеченного окна и, заложив руки за спину, спустился по железной винтовой лестнице в основной зал библиотеки. Он знал, что первые годы его правления будут сложными — многим великим людям приходилось сталкиваться с подобными трудностями, но именно в их преодолении и ковалось то самое величие.

Сойдя с последней ступеньки, он пересек трапезную библиотеки, полной грудью вдыхая пыльный, плесневелый запах книг, бумаг и манускриптов, кропотливо собранных в течение десятилетий войны, перевозимых за собой из одной кампании в другую. Спокойствие, придающее сил, исходило от фактов и людей, упомянутых на этих страницах, внушающих губернатору утешение и уют. Барбаген снял с полки том в золотом переплете — биографию Солара Махария.

а затем направился с ней к шкафчику-бару.

Он всегда с почтением относился к великому лорду Солару — человеку прямолинейному и целеустремленному, чьи неудачи всегда проистекали из одной лишь трусости мелочных людшек. Таково уж проклятие поглинных гениев — слишком часто их талант оказывается задавленным бездарностью современников. Лорд Солар Махарию достиг границ известного ныне космоса, стоял на самом краю галактики и остелился бросить вызов звездам гало.

И только трусливые человечешки, стесняющие именоваться себя воинами, помешали ему овладеть теми просторами во имя Императора. Слабость духа его спутников стала той самой преградой, которая не позволила Махарию полностью развить свой поглинный потенциал. Лито Барбаген давно уже решил для себя, что никогда подобная слабость, будь она его собственной или чей-либо еще, не заставит его сбиться с пути к величию.

Прежде чем опуститься в единственное кресло и раскрыть гладкие

пергаментные страницы, он налил себе изрядную порцию раквира. Губернатор встретил взгляд на столь полюбившиеся ему строки, в чьей красоте таились неоспоримые факты, в чьих изящных изгибах и тщательно выведенных буквах содержалось подлинное течение истории.

Лито Барбаген любил читать исторические книги, и чем более подробными они были, тем лучше. Ведь он был человеком, которому самые мелкие детали казались наисладчайшим лакомством. Историю пишут победители — этот афоризм был стар как само время, и Лито Барбаген знал, что уже вписал в нее свое имя... по крайней мере, на этой планете.

Там, где кто другой узрел бы поглотность, он видел силу воли.

То, что остальным казалось холодностью и недостаточной эмоциональностью, он полагал решительностью.

Лито Барбаген привык считать себя человеком, лишенным таких бесполезных чувств, как угрызения совести или же

сентиментальность.

Он уважал исключительно логику и здравый смысл, не затуманенный никакими эмоциями, ибо эмоции приводили тех, кто не был тверд в своих убеждениях, к провалу.

Кто-то называл его чудовищем, но этот кто-то был полнейшим дураком.

Эта галактика угрюма и жестока, и только способный сбросить мешающий его полету балласт эмоций мог подняться над жалкими вопросами морали, добра и зла, чтобы делать только то, что должно.

Губернатор отчетливо осознавал это с той самой минуты, как полковник Ландон вместе со всем старшим офицерским составом погиб в ущелье Коредга. Люди частенько называли его Старым Герцогом, что сам Барбаген находил абсурдным. Как вообще могло кому-то прийти в голову подобное прозвище для человека, избравшего делом всей своей жизни стезю войны?

У Ландона кишка была тонка завоевать Салинас. Его страсти гуляли слишком близко к поверхности, он излишне

заботился о каждом из своих солдат, а потому не имел шанса прийти к успеху. Для Ландона наиважнейшим казалось вытаскать каждого вверенного ему бойца целым и невредимым из стальных клыков войны, но Лито Барбаген понимал: уж если в каком ресурсе у Империи нет недостатка, так это в людях. Машины и оружие были весьма дороги, а вот солдаты в любой момент можно было заменить, как всегда можно было восстановить численность населения на планете.

Еще в первые дни войны против Сынов Салинаса Барбаген пришел к истине: не имеет значения, какое число людей он погубит, на смену им всегда придут новые. Люди были не более чем терзкими, жестокими существами, состоящими из плоти, костей и страстей, бесцельно проживающими жалкие, ничтожные жизни и плодящиеся, словно мухи.

Казалось просто нелогичным, что никто больше этого не замечает, что никто не понимает: жизнь вовсе не то, чем стоит настолько дорожить.

Он был единственным, кто осознавал

сей жестокий факт, когда пришло время
приказать разрушить Хатүриан.
Единственным, кто понимал, что размах
проявленной им жестокости раздует
страсти неприятеля, не оставляя тому
ни одного выхода, кроме как открыто выйти
на битву.

Сильван Тайер, казавшийся
достойным противником до гибели его
семьи, повел своих людей в заведомо
проигрышное сражение, и Барбаген даже
улыбнулся, вспомнив выжженное поле
битвы, где встретили свой конец Сыны
Салинаса.

Опять же пример того, как эмоции
погубили потенциально великого
военачальника.

Следующий час губернатор посвятил
чтению, потягивая ракир и перелистывая
страницы между избранными цитатами
Солара при помощи давным-давно
заложенных в книгу закладок. Каждый раз,
когда он переворачивал листы, его палец
бежал по тексту, пока не утыкался в
излюбленную строку.

--- В войне на выживание нет места

сторонним наблюдателям, -- прочитал Барбаген вслух. -- Всякий, кто не встает с тобой плечом к плечу, сущь враг, которого ты должен сокрушить.

Губернатор улыбнулся, процитировав это изречение, отмечая в нем несомненный гений.

Лаконизм и прямота -- вот что он больше всего ценил и чему стремился соответствовать.

В дверь постучали.

-- Войдите, -- сказал он.

В комнату торопливо вбежал белый как мел Эвершел, как всегда, облаченный в сюртук. Барбаген, оторвав взгляд от книги, обратил внимание, что тот сжимает в руках планшет данных и при этом имеет весьма неопрятный вид.

-- Следует заметить, Эвершел, что твой костюм несколько растрепался, -- произнес Барбаген. -- Очень советую привести себя в порядок до того, как я решу перевести тебя в судотойки.

Судя по всему, Эвершел полагал, что его новости чрезвычайно важны, но все-таки ему хватило здравомыслия

застегнуть воротничок и разгладить
полы. Он уже собирался раскрыть рот, как
Барбаген прервал его.

--- Ты знаком с трудами Махари,
лорда Солара? --- поинтересовался
губернатор.

Эвершем покачал головой, и Барбаген
понял, что помощник вынужден напрягать
всю свою стальную волю, чтобы не сказать
что-нибудь, кроме дозволенного.

--- Нет, господин. Сожалею, но нет.

--- Вот одна из моих излюбленных
цитат: «Смысл победы не в том, чтобы
поддержать верх над врагом или
уничтожить его, но в том, чтобы в
памяти живых не осталось для него
места, чтобы ничто более не напоминало
о его существовании. Следует досконально
разрушить все, в чем он добился успеха,
сжечь любое свидетельство о том, что он
вообще когда-либо жил. От такого
поражения враг уже никогда не опомнится.
Вот в чем смысл победы». Весьма
воодушевляет, не правда ли?

--- Так точно, господин, --- ответил
слуга. --- Весьма.

--- Ты вспомел, Эвершет, --- заметил Барбаген. --- Неважно себя чувствуешь?

--- Никак нет, губернатор, --- сказал тот, протягивая ему планшет, словно стремился от него избавиться.

--- Скажи-ка мне, --- начал Барбаген, не обращая внимания на планшет, --- какова природа происходящего в казармах «Клекочущих орлов»?

--- Этого мы еще не выяснили, господин. Поступают отчеты о перестрелке и нескольких взрывах, но нам до сих пор не удалось связаться ни с полковником Каин, ни с кем-либо из его свиты.

--- Вот и славно. Прикажи двум ротам дворцовой стражи отправиться туда, выяснить, что происходит, и обеспечить безопасность.

--- Разумеется, --- произнес Эвершет, вновь пытаясь вручить губернатору информационный планшет.

--- Что там? --- спросил Барбаген.

--- Астронавическая передача, --- ответил слуга. --- Яниценсы поймали ее еще вечером, но предрекатель притарис

только сейчас закончил расшифровку.

--- У от кого же поступило сообщение?

--- Не знаю, господин. Но ему был присвоен максимальный приоритет. Очевидно, что послание предназначено только для ваших глаз. Не успел предрекатель закончить свою работу, как темовирус, сохранившийся в коде, полностью вычистил его разум.

Поддавшись любопытству, Барбаген все-таки принял протянутый ему планшет и приложил палец к сканеру, поторщившись, когда его уколола игла генетического анализатора. Как только личность была подтверждена, планшет включился, и на экране возникли серебряные буквы, начертанные ныне безмозглым предрекателем.

Когда губернатор дочитал послание, глаза его удивленно расширились.

Медленно, с преувеличенной осторожностью он возвратил планшет Эвершету. Затем закрыл книгу и положил ее на столик возле кресла. Поднялся на ноги и разгладил мундир, стараясь сдержать панику, зарождающуюся в его

зрүди.

--- Приготовь мою личную посадочную площадку на верхнем уровне, --- приказал он. --- К нам прибывают весьма важные гости.

Идти по следу бескожих было несложно, поскольку они и не старались соблюдать осторожность. Пускай они и не оставляли отчетливых следов на земле, но ломали все на своем пути, и сомнений в том, куда они направляются, не было.

Уриил ехал, высунувшись из командирского люка «Хитеры», хотя ширины проема едва хватало, чтобы в него мог протиснуться генетически усовершенствованный воин. Силловые успехи пришлось оставить в инженерном ангаре на попечение технопровидца Утериана, поскольку не было ни времени переоблачиться, ни уверенности, что заряда хватит на достаточный срок. Если удастся пережить эту ночь, капитан собирался возвратиться за броней утром.

Под ним в десантном отсеке ехали Назаний и еще пятеро солдат ---

окровавленных и все еще потрясенных тел,
с какой легкостью были уничтожены их
укрепления, и гибелью своего полковника.

Еще две «Хитеры», где разместились
бойцы, способные держать оружие,
следовали за машиной Уриила, рассекая
предутренний сумрак городских окраин и
следуя за разрушениями, оставленными их
целью.

Но правде сказать, Уриил и сам не
знал, чего добивается погоней за
бескожими. Если целая рота «Клекочущих
орлов» не смогла победить, то на что
могло надеяться их собранное на скорую
руку войнство оборванцев?

Но капитан понимал, что обязан
перехватить бескожих хотя бы ради того,
чтобы успокоить свою совесть. Погром,
учиненный в крепости «Клекочущих орлов»,
был целиком и полностью его виной, и
теперь на душу костодесантника тяжело
давил груз того, что он столь глупо
доверился этим существам.

Как можно было быть настолько
слепым, чтобы не различить звериную
натуру бескожих? Да, разумеется, они и

внешне были не более чем чужовищами, но Уриилу казалось, будто их сердца исполнены вполне человеческого благородства.

Капитан был уверен, что на прежних соратников повлияло какое-то черное колдовство, но он также знал — оно не нашло бы поживы в действительно чистых сердцах. Какая-то гниль в душах бескожих только и ждала, пока ей представится возможность обрести власть, и Уриилу оставалось лишь укорять себя за то, что он не разглядел этого сразу.

Гибель солдат лежала целиком и полностью на его совести, и уже не имело ни малейшего значения, что именно они натворили в прошлом, чтобы заслужить такое возмездие. Уриил заставил себя отбросить мрачные мысли, изо всех сил пытаясь сосредоточиться на первоочередной задаче.

«Хитеры» с грохотом катились по улицам, вдоль которых тянулись дома — высокие, поблескивающие сталью или же приземистые кирпичные. Мимо проносилась более чем неоднородная

архитектура Барбадуса, из-за занавесок на неостекленных окнах выглядели лица, испуганно наблюдавшие за продвижением колонны. Смерть блуждала по улицам города, и это осознавали все; ее дыхание проносилось по обезлюдевшим тротуарам, с которых попрятались все, кроме самых любопытных. Да и эти немногие задержавшиеся пешеходы стремились как можно скорее скрыться, едва заметив приближение машин.

Этой ночью смерть вышла на охоту и была готова схлестнуться с любым, кто осмелится бросить ей вызов.

Большое расстояние и темнота не позволяли различить детали, но было очевидным, что битва за крепость «Клекочущих орлов» уже завершена. Начинали угасать языки пламени, еще недавно лизавшие небо, стих шум пальбы.

— Что бы там ни произошло, все закончилось, — заметил Наскаль.

Нисато не ответил, взглядываясь в далекие отблески пожара, словно пытаясь вырвать признание у самой темноты.

Наскаль Блез всецело отрицал свою причастность к происходящему, и как бы Дарону ни хотелось ему не поверить, но он интуитивно чувствовал, что лидер мятежников говорит чистую правду.

Все это не имело никакого отношения к Сынам Салинаса. Но если не они, то кто?

--- Надо бы отсюда убираться, --- сказал Блез, --- если она права и сюда направляется то, что расправилось с «Клекочущими орлами», чем бы оно ни было...

Нисато кивнул и повернулся к Мезуре. Псайкер снова приняла позу, в которой сидела до его появления, --- прижатые к груди колени, крепко обхваченные руками.

--- Мезура? --- окликнул ее инфорсер. Женщина подняла взгляд; ставшая уже привычной маска страха и вины исчезла с ее заплаканного лица. --- Что сегодня произошло? Ты знаешь?

--- Плакальщик, --- ответила она. --- Он убил ее, а теперь пришла моя очередь.

--- Кого убил?

--- Полковника Каин. Я почувствовала ее смерть. Она была мучительной.

--- Для тебя? --- уточнил Нисато.

--- Для нас обеих.

Наскаль Блез тоже встал возле Мезиры.

--- Каин мертва? Ты уверена?

Мезира кивнула. Лигер Сынов Салинаса повернулся и встретился с Нисато взглядом, в котором тот увидел нечто вроде усталой радости.

--- Даже и не надейся, что я стану горевать по этой сукке, --- сказал Наскаль. --- Каин руководила «Клекочущими орлами» в Хатүриане. На ее руках кровь многих тысяч людей. Она получила то, чего заслуживала.

--- А чего заслуживаешь ты, Блез? --- спросил Нисато. --- И чего заслуживает все мы? Разве на наших руках нет крови? Неужели все мы достойны только смерти?

--- Возможно, --- пожал плечами тот. --- Возможно, что именно так. Я убивал, это правда. Я стрелял, взрывал --- и никогда не чувствовал раскаяния. Те, кого я убил, были захватчиками моей родины.

Что еще мне оставалось делать? Если бы кто-то с оружием в руках полез на людей, которых ты любишь, ты бы сопротивлялся, верно?

--- Полагаю, что так, --- ответил Нисато, --- но...

--- Никаких но, --- отрезал Наскаль. --- Это наша планета, мы верны Золотому Трону, вот только Барбаген и слушать нас не захотел. Он казнил наших лидеров, вырезал наших солдат. Кем бы мы были, не попытайся оказать сопротивление? И не надо делать вид, инфорсер, будто ты лучше меня. Сильно сомневаюсь, что твои руки менее замараны кровью, нежели мои. Скажи, сколько испуганных солдат стояло перед тобой на коленях, умоляя о пощаде, прежде чем ты расстреливал их во имя Императора? Десятки? Сотни? Может, тысячи?

Нисато всем телом развернулся к Наскалю Блезу, и гнев его нарастал с каждым брошенным ему в лицо обвинением.

--- Да, я тоже убивал, --- прорычал инфорсер, --- и каждый из них вполне

заслуживал этой участи. Они не справились со своей работой во имя Императора.

--- Выходит, не так уж сильно мы с тобой и различаемся, --- констатировал Наскаль. --- Возможно, вопрос, кто прав, а кто нет, зависит только от точки зрения.

Нисато вздохнул, чувствуя, как его гнев растворяется в правоте собеседника. Потом он вздохнул еще раз и, присев возле Мезиры, отцовским жестом провел ладонью по ее волосам.

--- В нашем деле не бывает ни правых, ни виноватых, --- сказал Нисато. --- Настоящее меняет прошлое с каждой секундой. Остается только молиться, что будущее нас не осудит.

Мезира посмотрела на него, улыбаясь:

--- А я больше не боюсь.

--- Неужели?

--- Нисколько, --- покачала она головой.

--- Все эти годы я прожила с тем, что видела, чему позволила случиться. Теперь все кончено. Он придет за мной, и я обрету мир.

--- Я никому не позволю причинить тебе вред, --- заявил Нисато. --- Обещаю.

Мезира снова улыбнулась, и Дарон вдруг подумал, что никогда прежде не видел ее столь красивой. Все страхи и тревоги, которые она носила, словно вторую кожу, разрушились, и теперь лицо женщины просто лучилось, будто какой-то мягкий свет проникал сквозь ее плоть из самых костей.

--- Не стоит обо мне беспокоиться, Дарон, --- сказала Мезира. --- Теперь все будет хорошо.

--- Надеюсь.

Она наклонилась к нему и поцеловала в щеку, и от прикосновения ее губ его словно пронзило током. По всему телу расплылось теплое, уютное ощущение покоя.

--- Ты хороший человек, Дарон. Куда более хороший, чем сам полагаешь.

Мезира Бардзил поднялась с кровати, опираясь на его руку, а затем он позволил ей и себя самого поднять на ноги. Тогда женщина протянула ладонь к Наскалю Блезу и сказала:

— Если этому миру суждено выжить, то спасут его именно такие люди, как вы двое. Вы оба в прошлом совершали ужасные поступки, но они там и остались. Сейчас значение имеет только грядущее. Былую вражду необходимо оставить позади, чтобы выковать новые цепи, объединяющие всех граждан планеты. Вы понимаете меня?

Нисато перевел взгляд с Мезиры на Наскаля. Ее слова казались легяным душем, стывшим с него старую кожу и остудившим до мозга костей. Был ли это какой-то псайкерский трюк? Быть может, колдовство, вынудившее ее нагой прогуляться по улицам, раскрыло в ней еще какие-то глубинные таланты?

Но что бы ни излучала сейчас Мезира, он не чувствовал в ней никакого зла и потому позволил себе с головой окунуться в исходящий от нее целительный свет.

— Я понимаю, — сказал инфорсер, видя, как та же самая аура охватывает и Наскаля Блеза. Он не знал как, но понимал, что это соприкосновение изменит их

обоих навсегда.

Наконец Мезира отпустила их руки, и Нисато испытал укол разочарования, когда перестал ощущать ее прикосновение.

За спиной женщины отворилась дверь, и в комнату вошел Коулен Харк с винтовкой, переброшенной через плечо, и пистолетом, который Нисато возвратил ему прямо перед тем, как он ушел. Теперь инфорсер ничего не испытывал к Харку — ни злости, ни страха, совсем ничего. Казалось, будто былые обиды и неприязнь просто смыло водой.

— Коулен, — произнес Блез, воспользовавшись возможностью прийти к себе после соприкосновения с Мезирой, — сколько у нас тут ребят?

— Восемь, считая нас, — ответил Харк, — но я уже подал сигнал, и скоро должно прибыть подкрепление. А чего мы ждем? Фалькат? — в его голосе звучала такая буря эмоций, что Нисато даже жалело этого человека, столь поглощенного собственным гневом.

— Нет, не думаю. Затруднительно сказать точно, но оставайтесь начеку.

Нисато подхватил Мезирү под руку и
следом за Наскалем направился к двери.
Она с охотой приняла его жест, и они в
обнимку спустились по лестнице, по
которой вечером он поднимался один.

Коулен Харк распахнул дверь в бар, и
они прошли в прокуренный, пропахший
потом зал. Духота и вонь этого места
заставили Нисато задержать дыхание,
хотя он буквально недавно сидел здесь.

Посетители, подняв головы от
выпивки, посмотрели на вошедших, и
Дарон вдруг ощутил себя удивительно
беззащитным — куда больше, чем когда
только прибыл сюда. Ведь тогда ему
приходилось беспокоиться лишь о
собственной безопасности, а сейчас было
необходимо уберечь Мезирү от любого, кто
постеет на нее покушаться. Кроме того,
теперь он ощущал ответственность и за
Наскаля Блеза, что было глупо, ведь у
того и так ителась дежурящая в баре
вооруженная охрана, а если верить Харкү,
то и на улице у них были свои люди.

Вооруженные повстанцы, которых
Нисато заметил еще при входе, поднялись

со своих мест и направились к ним, и местные выпивохи без всяких возмущений поодались в стороны. Удя через толпу, инфорсер улавливал обрывки разговоров.

Новости о нападении на базу «Клекочущих орлов» уже достигли этих стен, но Дарон был удивлен, заметив испуганные взгляды, обращенные к Наскалю Блезу.

--- Что происходит? --- спросил инфорсер, поравнявшись с лидером мятежников. --- Почему мне вдруг стало казаться, что эти парни готовы тебя линчевать?

--- Они напуганы, --- через плечо ответил Наскаль.

--- Чем?

--- Неизбежными последствиями, --- объяснил Блез. --- Они убеждены, что это мы нанесли удар по «Клекочущим орлам», и теперь боятся ответа Барбагена. Помнится, я уже говорил, что устал от убийств. Что ж, не я один.

Теперь Нисато осознал, что на каждом лице он видит печать усталости и страха, и эти эмоции были ему

понятны. Он посмотрел Мезуре прямо в глаза и улыбнулся. Псайкер грациозно прошла между столами, и всякий, кто бросал на нее взгляд, казалось, обретал то же утиротворение, какое пролилось бальзамом на измученную душу самого Инфорсера еще там, наверху.

Она словно останавливала рябь на воде, казалась прохладным ветерком посреди жаркого дня.

Нисато неохотно отвел от нее глаза, когда на его плечо опустилась лапоть Паскаля Блеза.

— погоди. Пусть вначале ребята Коулена разведают, что там снаружи.

Дарон кивнул и притянул Мезуру поближе. За приглушенной болтовней вытивок он мог слышать странные звуки, доносившиеся из-за стальной двери, — почти неразличимый рокот работающих моторов и глухие хлопки.

Инфорсер затер, различив ни с чем несравнимый треск выстрелов и жутковатый, полный звериной ненависти рев, от которого кровь застывала в жилах. Звук эти отразились от стен бара, и

теперь к нему и Паскалю были обращены лица всех присутствующих.

--- Это еще что за хрень? --- произнес Коулен Харк.

Вновь донеслось эхо отдаленных выстрелов, а потом раздался крик: жуткие агонизирующие вопли и воющий рев... затем --- влажное чавканье, словно чью-то клыки вонзались в чью-то плоть.

Харк понялся от двери, лицо его перекосилось от страха. Эта эмоция оказалась заразной. Люди закричали, и, когда на их вопли прямо из-за стены отозвалось чудовищное рычание, паника только усилилась. Мужчины и женщины толкались, стремясь первыми добратсья до выхода, выбегали через черный ход или выпрыгивали в окна, расположенные на противоположной стороне от того места, откуда прозвучал пугающий рев.

Нисато расчехлил пистолет как раз в тот момент, когда вновь раздался звериный рык, на сей раз прямо из-за двери. Рев был оглушительным, и в бар, словно зловонное дыхание какого-то кошмарного зверя, вполз тошнотворный запах гнилого

мяса.

--- Предлагаю найти другой выход, ---
процедил сквозь зубы Наскаль.

--- Угу, --- согласился Нисато, увлекая
за собой Мезиру.

Коулен Харк последовал за ними. На
бегу Дарон рискнул оглянуться, но только
для того, чтобы увидеть, как нечто
разрушает фасадную стену бара.
Выбранные из нее куски искривленного
металла отлетали куда-то в темноту,
потом с чудовищным грохотом рухнула
внутрь дверь. Железный брус, служивший
ей притолокой, был вырван и отброшен
прочь с такой же легкостью, с какой собака
отшвыривает от себя изгрызенную кость.

Внутри ворвался жаркий ветер, и
животный запах и вонь гнилого мяса
стали просто невыносимыми.

Нисато смотрел прямо в лицо
ночного кошмара.

Это было настоящее чудовище:
окровавленное, испещренное ожогами, с
кошмарными клыками и мерцающими
болезненным светом злыми вместо глаз.
Огромное, выше всякой меры и разума.

но выглядело так, будто перенесло
жуткие пытки.

— Спаси нас Император! — воскликнул
Наскаль Блез и побледнел от ужаса,
увидев, что монстр пришел не один, но в
сопровождении других, ничуть не менее
кошмарных созданий.

Паника, овладевшая толпой,
выразилась в поспешном, бездумном
бегстве. Кто-то налетел на Нисато, и
тому пришлось приложить усилие, чтобы
удержать возле себя Мезирю, пока мимо
проносились кричащие от страха люди.

Коулен Харк вскинул лазган, и Дарону
стало смешно от абсурдности попытки
сражаться со столь кошмарными тварями
при помощи такого жалкого оружия. Но
телохранитель все равно разразился
бранью и открыл огонь; пылающие
лазерные стрелы вырвались из ствола и, не
причинив ни малейшего вреда, вонзились в
грудь существа.

Небрежно, точно отмахиваясь от
назойливой мухи, тварь дернула лапой и
швырнула Коулена через весь зал. Харк
врезался головой в металлическую стойку

бара, и даже сквозь скрежет рвущегося металла и крики завсегдатаев Дарона Нисато явственно расслышал неприятный короткий хруст ломающейся шеи.

Нисато попытался оттащить Мезиру подальше от выбитой двери, но она неожиданно высвободила руку, и толкающиеся люди все-таки разделили их. Инфорсеру оставалось лишь беспомощно наблюдать за тем, как монстры забираются внутрь бара.

--- Пришло время, --- произнесла псайкер, и голос ее звоном колокольчика прозвучал прямо в его голове. --- Время утирать.

Глава пятнадцатая

До Уриила донеслись крики и металлический скрежет. Рокот трех «Химер» эхом отражался от глиняных стен домов, из которых стали появляться первые жители, рискнувшие полюбопытствовать, что же такое происходит у их порога.

Со своего места в командирском люке Уриил видел сияние, пляшущее в небе, и слышал крики людей, определенно столкнувшихся с чем-то ужасным. Какую бы кровавую цель ни наметили себе бескожие, судя по звукам, они уже вовсю занимались ее выполнением.

Разрушенное строение на углу служило еще одним указателем на пути, по которому прошли мутанты, и водитель «Химеры» опытным движением провел машину по самому краю груды бревен, кирпича и металла.

За углом улица расширялась, вливаясь в мощенную камнем площадь, и темнеющие жившие здесь любопытные

граждане, кто рисковал высунуться, чтобы
выяснить причину шума, тут же вновь
скрывались за дверями, едва увидев, что
ждет их снаружи.

--- Клятва Жиллимана! --- выругался
Уриил, глядя на разворачивающееся перед
ним действо.

Отсюда строение казалось ярко
освещенной пирамидой, составленной из
брошенных танков, чьи внутренности были
выпотрошены и при помощи молота и
сварочного аппарата переделаны в
коридоры, комнаты, небольшие залы. Люди
одни за другими удирали из здания,
сотрясающегося под ударами атаковавших
его стены бескожих.

Нападение возглавлял сам
предводитель, его массивные мускулистые
руки легко раздирали стальную броню,
пока гигант прокладывал себе путь внутрь
здания. Разбрасывающие сейчас снопы искр
многочисленные неоновые вывески ---
«пирамида» явно использовалась в качестве
местного питьевого заведения --- заливали
площадь и штурмующих строение
монстров призрачно-зеленым, похабно-

розовым и терпвенно-голубым терцианием. Воины племени нетерпеливо подпрыгивали и завывали, пока их вождь, точно хищник, разоряющий гнездо, прорубался сквозь сталь и дерево. Если предводитель бескожих и обратил внимание на прибытие «Химер», то никак этого не выказал, всецело сосредоточившись на разрушении фасада бара.

Пытающихся удрать перехватывали остальные бескожие, крутившие и ломавшие бедолаз до тех пор, пока те не переставали издавать агонизирующие вопли. Уриил услышал выстрелы, донесшиеся из глубины здания, и задумался, что могло привлечь вожака в подобное место.

Въехав на площадь, «Химеры» начали сбавлять скорость, но Уриил крикнул водителю:

— Нет! Прибавь газу! Используй броню!

Поняв замысел костодесантника, водитель бросил машину вперед, и «Химера» взревела, набирая скорость. Капитан заставил себя не волноваться.

глядя, как один из бескожих оборачивается на бешеный рокот моторов; морда существа, казалось, была способна разделиться надвое, такова была ширина его клыкастой пасти.

Кости просвечивали сквозь обтянувшую их болезненно-бледную кожу, но этот новый наряд не мог хоть сколько-нибудь скрыть уродливую анатомию существа. Руки — глинные, похожие на паучьи лапы — завершались когтями. Передвигалось оно на коротких мускулистых ногах походкой вставшей на задние лапы огромной обезьяны.

Зверь и машина встретились навстречу; друг другу вторили ревом живая плоть и сталь. «Хитера» врезалась в монстра, который успел осознать всю мощь и инерцию боевой машины пехоты в тот краткий миг, когда его намотало на гусеницы. Текучий свет излился из перемолотого в кашу трупа — кровь, мясо и кости превратились в густую пасту, размазанную по площади.

«Хитера» заскользила по камням, когда механик-водитель инстинктивно

отпустил газ и ударил по тормозам. Мотор взревел в последний раз и заглох, выбросив из выхлопной трубы клуб едкого дыма. Водитель завозился с управлением, пытаясь снова запустить двигатель.

— Назаний! За мной! — прокричал Уриил, выпрыгивая из командирского люка. Он едва успел коснуться ногами твердой земли, когда десантный люк в корме машины распахнулся, выпуская солдат на залитое странным неоновым мерцанием поле битвы.

По обе стороны от них остановились две оставшиеся «Химеры», из которых с отлаженной эффективностью высадились остальные бойцы. Какие бы потери они ни несли, что бы ни натворили в прошлом, но эти мужчины и женщины всегда оставались в первую очередь солдатами, хорошо запомнившими все уроки, какие преподала им жизнь.

Они разбились на группы, и Уриил вдруг ощутил уже почти забытое чувство гордости за людей, которых предстояло вести в битву. Не имело значения, что эти солдаты вовсе не

Ультратарины четвертой роты, они оставались верными воинами Императора и в нем черпали свою силу.

--- Объединимся! Вместе мы покончим со всем этим! Вы со мной? --- прокричал Уриил, поднимая свой золотой меч так, чтобы все обратили на него внимание.

Солдаты обнажили фалькаты и злобительно зарычали, видя, как капитан разворачивается и устремляется к разрушенному бару.

Огромная, изборожденная вздувшимися венами лапа чудовища протянулась через зал к Мезире. Женщина, казалось, была только рада тому, что с ней натеревался сотворить монстр, поскольку никак не реагировала на тольбы Дарона Нисато бежать, пробиваться к нему через толпу.

Ослепленные паникой, многие из завсегдатаев заведения пытались прорваться прямо мимо кошмарных тварей. Нескольким счастливицам удалось проскочить и раствориться в безопасности ночи, но тех, кому повезло

меньше, раздирали на кровавые лоскуты или же просто перекусывали пополам.

Толкающиеся люди мешали Мезуре приблизиться к жуткому существу, хотя именно этого она, кажется, и пыталась добиться. У сама тварь, похоже, сейчас думала только о псайкере, но пока никак не могла дотянуться до нее, останавливаемая все еще сопротивляющимися стенами бара. Впервые Нисато оказался рад тому, что эта часть Мусорограда отстроена из бронемашин, оставленных его прежним полком, поскольку только благодаря этому чудовище еще не добралось до намеченной цели.

Будь питейная построена из более традиционных материалов, монстр уже ковырнулся бы в зубах костями Мезуры, намотав ее кишки шарфом вокруг шеи. У только стальные перегородки и балки, добытые из разграбленных танков, не давали твари ворваться внутрь и сожрать всех там находившихся.

Стены зала заходили ходуном и заскрежетали, когда две несущие опоры

оказались переломленными пополам. Раздался скрип металла о металл --- нагрузка перераспределялась по остальным конструкциям, не рассчитанным на то, чтобы выдерживать такой вес.

Стрелки, которых разместил в барельефы покойный Коулен Харк, открыли по чужовищу огонь из пистолетов, полностью опустошая обоймы, только пользы от этого оказалось мало, если она вообще была. Из многочисленных пулевых отверстий сочился свет и густой дым, но тварь словно не замечала полученных ран.

Чужовище расстроено взревело, и прорези его глазниц вдруг вспыхнули яростным хищным огнем. Дарон Нисато был парализован страхом, став свидетелем столь первобытных голода и ненависти, которым просто не было места ни в одной нормальной вселенной.

--- Это еще что, варн его раздери?! --- прокричал Наскаль, делая все возможное, чтобы его голос пробился сквозь грохот, учиненный тварью, штурмующей здание.

--- Понятия не имею, --- отозвался Нисато. --- Надо хватать Мезиру и

убираться отсюда!

--- Да неужели? --- равкнул Наскаль, вращая головой в поисках безопасного отхода. Толпа была слишком тесной, и, когда перекосило стены, многие двери заклинило. Сейчас на них с рычанием наваливались тужчины, но никаких человеческих сил не могло хватить, чтобы преодолеть тот чудовищный вес, что давил на эти двери сверху.

Нисато увидел, как одна из опор, поддерживавших потолок, образованный перевернутой «Хитерой», и мешавших монстру протиснуться в помещение плечи, поддается натиску и ломается. Тварь издала торжествующий рев и наполовину пролезла внутрь.

Как ни странно, но этот звук вывел Нисато из оцепенения и придал ему сил.

--- Я должен забрать Мезиру! --- прокричал он.

Блез кивнул и отозвался:

--- Давай! Я прямо за тобой!

Нисато выставил вперед плечо и принялся протискиваться сквозь зажатую в ловушке перепуганную толпу, используя

навыки, отточенные при подавлении
многочисленных мятежей, прокладывая
себе путь кулаками, ногами и стволом
пистолета.

Дело шло медленно, зато верно, и
инфорсер мог прекрасно видеть Мезиру
позади грязных физиономий фабричных
рабочих. Ее лицо казалось каплей
спокойствия среди моря паники; она словно
дарила просветление и утешение
всем, кто оказался рядом с ней.

Наконец Нисато сумел дотянуться до
псайкера и крепко схватил ее за
предплечье.

--- Мезира! --- крикнул он. --- Нам надо
выбраться отсюда!

Ощувив прикосновение, она
обернулась и прокричала в ответ:

--- Нет, Дарон, это вам надо
выбраться.

И в это мгновение вся фасадная стена
сдалась натиску и обрушилась с
оглушительным металлическим
скрежетом.

Уриил услышал лязг обрушившейся

стенны питейной и вдавил рычаг активатора на рукояти меча. Клинок наполнился треском заструившейся по нему энергии, и капитан ощутил, как сила оружия передается его руке. Бескожие повернулись к ним — от бара солдат и костодесантников отделяли целых шесть чудовищных тварей.

Рядом застыл Назаний, прижатая к боку болтер.

— Каков план? — спросил сержант.

— Ты должен возглавить солдат, — сказал Уриил. — Защищайте гражданских.

— А ты куда?

— Внутрь, — ответил капитан. — Сдается мне, что там мы найдем ответы.

— Опять ты за свое, — проворчал Назаний, наблюдая за тем, как от основной группы отделяется тварь с глиняными клыками и раздутым поблескивающим брюхом, которое непрерывно шевелилось. — Вечно ты со своими предчувствиями.

Залп лазерного огня обрушился на приближающее существо, и то взвыло от боли. Шипящий текучий свет пролился из

продырявленных конечностей и живота.

--- Действуй, --- приказал Уриил, хлопнув ладонью по наплечнику друга. ---
Беди этих людей.

Назаний кивнул и погбежал к облаченным в красную униформу солдатам, наступавшим на врага с непрерывно полыхающими лазганати. Одна отдельно взятая винтовка была весьма скверным оружием, но когда их становилось много, они становились серьезной силой, и лишь глупец мог недооценить возможности массированного залпа.

Бескожие отвлеклись от бездумного уничтожения посетителей бара и завывали от боли, внезапно охваченные странным светом. Сияние, вытекавшее из их ран, теперь окутывало их тела, словно собственные амбиции монстров вступили в противоречие с тем, ради чего их сюда признали.

Предводитель бескожих практически полностью протиснулся внутрь заведения, и Уриил устремился к нему, предоставив Назанию руководить фалькатами в этой

битве. Его товарищ умел поднять боевой дух Астартес, что и говорить о людях, воодушевленных уже тем, что их возглавляет один из лучших воинов Ультратаринов.

И если им суждено пережить эту ночь, они будут весь отпущенный им срок вспоминать об этом.

Уриил бегом обогнул начинающуюся схватку, направляясь прямо к охваченному безумной яростью вожаку. Гигант скрылся почти целиком. Из бара доносились крики и грохот выстрелов.

Внешние стены строения скрежетали и местами начинали проседать; в скором времени вся конструкция должна была рухнуть. Если капитан собирался что-то изменить, действовать надо было быстро.

Наконец предводитель бескожих оказался внутри, а Уриил перетахнул через груды кирпичей возле стены, где одна из бронированных пластин немного отходила в сторону.

Даже без доспехов капитан был огромен и едва сумел протиснуться в

проект, чувствуя, как рвется его одежда. Втянув голову в плечи, костогесантник принялся, и в ноздри ему ударили запахи бара: прогорклого пота, сырого мяса и крепкой выпивки, но в первую очередь — страха.

Вожак, огромный, словно башня, возвышался на противоположном конце зала — чудовищный, играющий могучими мышцами. Что бы ни случилось с ним в горах, но оно сделало его еще более жутким, чем Уриил мог себе представить. Однако при всей переполнявшей предводителя безумной мощи капитан видел в нем и человеческое: толстую кожу, гнев, страх.

Костогесантник знал, что в груди этого монстра живут все те чувства, которые делают человека человеком, и что они даже являют собой квинтэссенцию этих чувств. Но какие бы демоны ни овладели бескожим и ни заставили его совершать убийства, их мощь была слишком велика, чтобы кто-то мог с ней совладать.

Прямо перед вожаком стояла

облаченная в белую робу женщина, и лицо ее воплощало полнейшую безмятежность, резко контрастировавшую с тем ужасом, который читался на лицах остальных людей в зале. Память Уриила услужливо подсказала ее имя: Мезира Бардгил, псайкер-правдоискатель на службе губернатора Барбагена.

В следующее мгновение костодесантник узнал еще одно лицо — оно принадлежало инфорсеру Дарону Нисато, а человек, стоявший рядом, определенно был не кем иным, как Паскалем Блезом. Оба мужчины силились дотянуться до Мезиры, но капитан понимал, что им уже не успеть.

— Сюда! — закричал он, и его голос легко перекрыл грохот разрушений. Звенело бьющееся стекло, трещали доски, скрежетал металл, но каждое лицо в зале вдруг повернулось к костодесантнику.

Предводитель бескожих тоже поднял на него глаза, в которых пылала горячая смесь гнева и ненависти. Свет, переполнявший его тело, стекал с его члеников, подобно каплям расплавленного

золота, и на какую-то секунду Уриилом овладела жалость к этому существу. Где-то в глубине своего естества вожак все еще оставался прежним, но чужеродное влияние вынуждало его убивать.

Костогесантник спрыгнул на пол бара, и перепуганные посетители понялись от него почти так же, как и от чудища в дверях. На лице же предводителя отразилось смятение, словно гигант вел какую-то войну в собственной душе.

Эта затинка дала Дарону Нисато столь необходимое ему время, чтобы схватить Мезиру и оттащить прочь от громадного монстра. Ее вскрик разорвал оцепенение, овладевшее вожаком, и тот снова протянул к ней когтистую лапу.

Наскаль Блез выстрелил, и выпущенная им пуля ударила мутанта точно в глаз. Из раны потекла белесая жидкость, и предводитель бескожих взвыл — целительный свет не был способен сразу унять причиненную ему боль.

Однако уже в следующее мгновение гигант снова потянулся за Мезирой, но

тут ему наперерез бросился Уриил. Понимая, что иного выхода просто нет, костодесантник обрушил свой меч на руку вожака. Окутанный энергетическим полем клинок легко вспорол мышцы, но зазвенел и соскользнул в сторону, налетев на кость.

Предводитель бескожих взревел и отдернул руку, одновременно нанося удар второй. Уриил перекатился, и когти мутанта прошли мимо, грозя то, что еще не было разрушено; на пол посыпались осколки бутылок и зеркал.

Уриил вскочил на ноги и начал отступать к дыре, через которую проник в бар. Вожак последовал за ним.

--- Скорее! --- крикнул Астартес. --- Нисаме, уведите людей!

Инфорсер кивнул, все еще прижимая к себе Мезиру, лицо которой превратилось в маску страдания, и в секунду, прошедшую, прежде чем вожак набросился на него, Уриил успел подумать, что эти эмоции у нее вызывала вовсе не опасная ситуация, а факт собственного спасения.

Как только предводитель бескожих направился к Уриилу, напуганная толпа, до

той поры вжимавшаяся в стены, рванулась на волю, изливаясь через огромную брешь, проделанную монстром в стене.

Уриил продолжал пялиться, обеспечивая Нисато необходимое время, чтобы вывести людей. Инфорсер как раз порекомендовал Мезиру Баргзил Паскалю, когда вожак решил, что ему надоело гоняться за постоянно отступающей добычей, и метнулся вперед.

Мутант был настолько огромным, что увернуться от него не представлялось ни малейшего шанса, поэтому Уриил встретился навстречу. Меч полоснул по груди гиганта, легко вспоров кожу и мышцы, но вновь не сумел пробиться глубже. Затем в бок костодесантника врезался тяжелый кулак, и капитана с чудовищной силой швырнуло через весь зал.

Монстр же вновь сосредоточил внимание на Мезире, которую, как увидел Уриил, попытался защитить Паскаль Блез. Лидер мятежников выстрелил из пистолета, хотя это и оказалось пустой тратой сил — предводитель бескожих с пренебрежительной легкостью отшвырнул

лидера Сынов Салинаса со своего пути.

Уриил вскочил и бросился через разрушенный зал. Раздался крик Нисато, увидевшего то, что видел теперь и костодесантник: Мезира вновь стояла прямо перед вожаком, и на сей раз спасти ее было некому.

Гигант сжал ее голову своей ладонью.

--- Нет! --- закричал Дарон Нисато, но предводитель бескожих остался глух к его мольбам.

Одно резкое движение --- и Мезира Бардгил погибла. Ноги в агонии затолотили по полу, и гигант разжал ладонь, отпуская обмякшее тело.

Покончив с ней, вожак повернулся спиной к разрушенному заведению и встретился к проделанной им в стене бреши. Прихрамывая, Уриил побежал следом за этой гигантской машиной смерти из плоти и крови, шокированный тем, с какой легкостью предводитель бескожих лишил Мезиру Бардгил жизни.

--- Это было не наказание! --- закричал Уриил. --- Это было убийство!

Дарон Нисато рухнул на колени возле

Мезиры и, заливаясь слезами, обхватил ее безжизненное тело. Паскаль Блез, также увидевший, что произошло, заставил себя подняться и вновь атаковать тварь, но, вожак, не обращая ни на кого из них ни малейшего внимания, перепрыгнул через тусор, усеивавший пол разгромленного бара, и покинул место своего преступления.

Снаружи доносился грохот выстрелов — мощный рев болтеров и треск лазганов. Вой реактивных двигателей и посадочных турбин доносился откуда-то из повисших в воздухе непроницаемых туч пыли, и капитан увидел мощные лучи прожекторов, бьющие с неба.

Неужели Назанию удалось призвать на помощь авиацию?

Капитан слышал не только все усиливающуюся стрельбу и звериный рев, но и скрежет стинающейся стали и стенания стен бара, больше неспособных выдерживать давящую на них тяжесть. Уриил поднял голову и увидел глубокие трещины, в великом множестве зазмеившиеся по потолку.

— Бежим! — крикнул костогесантник.

Наскаль Блез выволокнул сопротивляющегося Дарона Нисато из здания, пока все еще не оправившийся от удара Уриил старался добраться до выхода. Вокруг начали падать куски штукатурки и обломки досок, вонзалась в пол стальная арматура, потолок опасно прогибался.

Стальная балка ударила его по плечу, и Уриил распластался на животе, а за его спиной полностью обрушилась вся задняя половина бара. Он пополз вперед, прислушиваясь к усиливающемуся скрежету перекручивающегося металла — разрушение здания вступило в свою финальную фазу.

Удушливые облака пыли и гари мешали костогесаннику видеть, но он двигался, ориентируясь по лучам ослепительного света, проникающим с улицы. Наполовину бегом, наполовину ползком он продолжал прокладывать путь через обломки. На него рухнул тяжелый кусок бетона, и Уриил зашатался, услышав, как пирамида из танков

испускает свой последний оглушительный стон.

Капитан прыжком вылетел из барака как раз в тот момент, когда вся эта громада, сложенная из бронетехники, бетона и досок, наконец обрушилась. Нижние этажи оказались погребены под тысячами тонн стали. Уриил покатился по земле, уворачиваясь от падающих сверху громадных обломков: оружейных лафетов, люков, железных шестеренок и гусениц.

Буквально рядом с ним в землю вонзилась стальная балка размером с самого Астартеса, и он поспешил перекатиться в сторону, чтобы не быть придавленным. Мусор и обломки сыпались железным градом, и Уриил закричал от боли, принимая все новые и новые удары.

Он попытался подняться, но тут же рухнул на колени, когда в него врезалось что-то очень тяжелое. Вращающийся в полете осколок стекла пронорол ему щеку, а в бок ударил кусок листовой стали, выбив воздух из легких и придавив к земле своей тяжестью.

Капитана ослепила пыль и оглушил чудовищный скрежет рушащегося здания.

Уриил изо всех сил пытался сбросить с себя стальную панель, но сверху на нее напали все новые и новые обломки гибнущего строения. Металлическая пластина над ним зазвенела и начала прогибаться, и костогесантник закашлялся, чувствуя, как усиливается тяжесть, прижимающая его к земле.

Он попытался подтянуть ноги, чтобы получить хоть какой-то рычаг, но его тело было словно сковано. Даже физическая мощь Астартес, обычно столь грандиозная и способная противостоять любым испытаниям, оказалась бессильна защитить его от участи быть до смерти забитым этими железяками.

Будь на нем доспехи, он бы еще мог спастись, но без них...

Неожиданно давление начало ослабевать, и сквозь пыльную тучу Уриил увидел обступивших его великанов, чьи силуэты поблескивали серебром.

Затем он услышал потрескивание вокс-передатчиков и топот тяжелых

саног.

Его ноздри защекотал отчетливый и такой родной запах смазки и полироля, свидетельствовавшей только об одном: эти люди носили доспехи Agentys Астармес.

Закованные в бронированные перчатки руки подхватили тяжелую пластину вместе со всем насыпавшимся на нее мусором так, словно она ничего и не весила. Кто-то помог ему подняться, и откуда-то из-за спин спасших его воинов до Уриила донеслось молитвенное песнопение. Помимо запахов, определенно ассоциировавшихся у него с костическими десантниками, он обонял также угрюмый дым, обычно витающий внутри храмовых зданий.

--- Кто... --- вот и все, что успел произнести Уриил, прежде чем тяжелая серебряная перчатка сжалась на его горле, подобно стальному ошейнику. Его приподняли над землей, так что он заболтал в воздухе ногами, и поднесли лицом к чрезмерно огромному, выкрашенному все в тот же серебряный

цвет шлему с угловатым забралом и пылающими красным огнем линзами.

Шею воина защищал высокий воротник, пластины брони, массивнее обычного, были богато украшены восхитительным запутанным орнаментом. Сочленение огромного наплечника и резного нагрудника оказалось закрыто геральдическим щитком, разделенным на алое и белое поля, разграничивало их изображение черного меча, повернутого острием вниз.

Уриил сразу понял, что перед ним не рядовой воин, а терминатор — один из избранных, ветеран. В Космическом Десанте не было лучших солдат, нежели те, кого сочли достаточно умелым, чтобы позволить носить столь ценную броню.

Символ ордена, красовавшийся на левом наплечнике воина, изображал книгу, чьи исписанные золотыми рунами страницы пронзал меч. Уриил изумленно смотрел на этот древний герб, ведь носить его могли только величайшие из защитников человечества, превосходившие в доблести даже Агентус Астартес.

Великан, державший его, наклонил голову ближе.

--- Я Леогегарий из Серых Рыцарей, --- произнес он, --- а ты --- мой пленник.

«И от огней тех не исходит света, но тьма в их пламени становится отчетливо видна».

Часть четвертая

КРАХ

Глава шестнадцатая

Руки Уриила обжигало болью из-за до крови врезавшихся в его запястья серебряных наручников, на которых его подвесили над холодным каменным полом в каком-то затененном помещении. Размеры зала оставались неясными, но капитан сумел составить примерное представление о них по эху, отзывавшемуся на его крики с требованиями объясниться.

Прошло уже несколько дней после сражения с бескожими, но сколько именно этого утверждать с уверенностью Уриил не мог, поскольку трок, царивший в помещении, всегда оставался одинаковым, и Серые Рыцари не оставили внутри ничего, что могло бы служить подсказкой о ходе времени.

Его пленители... Серые Рыцари...

Легенды об этих воинах рассказывались сдержанным шепотом, ибо не было страшнее врага, чем тот, с кем они сходились в битве, -- демоны и

нечистые твари, вырвавшиеся из врат
элпиреев. Из всех слугителей Императора
они были самыми уважаемыми,
почитаемыми и смертоносными.

И теперь их внимание обратилось на
Уриила.

Капитану казалось просто
нелогичным, что с ним так обращаются,
он не понимал, почему собратья по
Космическому Десанту подвергли его
такому наказанию. Но, с другой стороны,
он не держал в своем сердце обиды, ведь
разве не вернулись они с Назанием из
самого жуткого места во всей галактике,
с планеты, служившей логовом для
отвратительных чудовищ и демонических
отрогий?

Чем больше он размышлял над
последними событиями, тем больше
утверждался в мысли, что ничего иного
ему ожидать и не следовало. С этого
времени Уриил всецело зависел от
решения людей, куда лучше, нежели он сам,
разбравшихся в вопросах демонической
угрозы.

С того самого дня, как Серые Рыцари

взяли его в плен, Ультрамарин увидел только этот трак. Едва Леогегарий вытащил его из развалин разрушенного бара, как со всех сторон налетели удивительно мускулистые сервиторы, сжимающие в руках глинные палки, заканчивающиеся прочными металлическими петлями и острыми наконечниками.

Петли закрепили на его шее, и Уриил понимал, что, попытайся он сопротивляться, клинки на концах шестов тут же вопьются ему в горло. Затем облаченный в рясу священнослужитель надел ему на голову мешок, но в последнюю секунду перед этим капитан увидел точно так же связанного Назания, поднимающегося по сходням серебряного «Грозового ястреба».

Мешок оказался сшит явно не из обычной ткани, поскольку полностью блокировал всякое восприятие окружающего мира. Все пять чувств оказались абсолютно бесполезными, и Уриил впал в странную апатию, словно его вдруг отрезало от мира чувств и эмоций.

Затем его завели в «Громовою
ястреб», на котором и переправили в эту
тюрьму. Уриил понятия не имел, где
находится, и что его ожидает в
дальнейшем, также оставалось загадкой.
Когда его притащили сюда, то вначале
весьма грубо заковали и только потом
сдернули мешок, чтобы побрить голову,
после чего на цепях подняли к потолку,
оставив подвешенным над полом темницы.

Где-то за границами его зрения, в
наполненном ароматами благовоний
помещении, постоянно звучало монотонное
молитвенное песнопение — сводящий с ума
непрерывно повторяющийся рефрен.
Источника голосов Уриил не видел, но
внутреннее чутье подсказывало, что где-
то там, скрываясь во мраке, движутся
человеческие тени. К сожалению,
темнота была столь непроглядной, что
даже усиленное зрение кастодесантника не
могло проникнуть в ее глубины.

Все же он чувствовал, что за ним
наблюдает, и потому в полный голос
клялся в своей невиновности и преданности
целу Императора, хотя, конечно,

пленившие его воины наверняка уже сотни раз слышали точно такие же слова, доносившиеся, как правило, из уст еретиков, якшавшихся с демонами. Некоторое время спустя капитан сдался и сосредоточился на том, чтобы заглушить боль в плечах.

Под весом тела суставы начинали выворачиваться, а сухожилия до предела растянулись, пока он висел во тьме. Серебристый металл наручников глубоко врезался в ткани запястий и по предплечьям протянулись речейки запекшейся крови.

Наконец Уриил услышал тяжелые шаги, приближающиеся к нему из непроницаемой тьмы. Ярко вспыхнул загоревшийся факел, и капитан увидел перед собой того самого серебряного гиганта, который извлек его из-под обломков питейной.

Отблески огня заиграли на начищенных пластинах невероятно роскошной брони, казавшихся не только красивыми, но и неуязвимыми.

Терминаторы были воинами.

способными выдержат даже самые
нелогичные повреждения, настоящими
мастерами боевых искусств,
непробиваемыми танками в человеческом
обличье. Астармес в доспехах седьмой
модели были очень хорошо защищены и
сохраняли при этом смертельную для
врага подвижность, терминаторы же
жертвовали скоростью движений, зато
становились при этом практически
неуязвимыми.

Как терминаторы ветеранской роты
Ультратаринов превосходили Уриила в
своем мастерстве и смертельности, так
этот воин стоял много выше любого из
них. Удостоиться встречи с подобным
героем, пусть даже пребывая в качестве
пленника, было большой честью.

Леогегарий снял шлем, и взору
Уриила предстали идеальные, едва ли не
ангельские черты. Из-под серебристых
бровей сверкали ясные голубые глаза, а
белые волосы были туго стянуты на
затылке. Физическое совершенство этого
воина определенно лишь подчеркивало
совершенство его души, и Уриил против

боли подумал о космогесантниках из
ордена Кровавых Ангелов, настолько
прекрасен был лик Серого Рыцаря.

За Леогегарием следовала вереница
монахов, чьи лица оставались скрытыми
под капюшонами. Один из спутников воина
читал тяжелую книгу, установленную на
золотом пюпитре, который был намертво
приварен к обнаженной спине идущего
впереди карлика. Еще один монах нес в
руках серебряную курильницу в форме
аквилы, от которой поднимались клубы
благовонного дыма. Остальные же держали
перед собой бархатные подушечки, где
покоились разнообразные предметы; в
некоторых из них Уриил безошибочно
узнал инструменты пыток, в то время как
предназначение остальных устройств
оставалось для него загадкой.

Еще один Серый Рыцарь, облаченный
в сияющие серебром силовые доспехи,
встал за плечом Леогегария и принял из
его рук богато украшенный шлем. За их
спинами виднелись два взмокших от пота
сервитора, тащивших за собой пылающую
жаровню, из углей которой торчали

раскаленные добела железяки.

Уриил почувствовал, как слабнет натяжение цепей. Их отпустили достаточно, чтобы он смог встать и опустить руки по бокам.

Капитан повел плечами, разминая затекшие мышцы и возвращая на место вывихнутые суставы. Ни один из посетителей не сделал даже намека на то, что собирается подойти и снять либо хотя бы ослабить оковы, все еще сдавливавшие его запястья.

— Расскажи мне, почему нам не стоит тебя убивать, — произнес Серый Рыцарь.

На какое-то мгновение Уриил оказался сбит с толку. На столь прямолинейный вопрос трудно было сразу отыскать правильный ответ.

— Я верный слуга Императора, — наконец сказал он.

— Это я уже слышал, — бросил Леодегарий, выказывая явное недоверие, — так что придется мне заставить тебя открыться и изучить самые сокровенные глубины твоей души. Я все узнаю о тебе,

Уриил Вентрис, и если найдут, что ты
чист, у тебя еще будет возможность
заслужить прощение Императора, но
стоит мне обнаружить хоть намек на
скверну или грязные тайны... твоё тело
будет очищено огнём.

--- Понимаю, --- сказал Ультратарин. ---
Но во мне нет скверны.

--- А это уж предстоит решать нам, ---
произнес Леогегарий. --- Теперь же ---
замолчи.

Уриил кивнул, прекрасно осознавая,
что жизнь его находится в руках этого
воина. Одного жеста хватило бы Сероту
Рыцарю, чтобы само имя узника было
навсегда стерто из памяти Императора.
Все, что когда-либо совершил Уриил, все
его героические деяния были бы вычищены
из всех архивов так, будто бы его никогда
не существовало.

--- Назови своё имя и должность, ---
приказал Леогегарий, --- мы все
записывает.

--- Я Уриил Вентрис, бывший капитан
четвертой роты ордена Ультратаринов
Agentus Астартес.

Пока он говорил, стенографист, стоявший возле Леогегария, тщательно выводил всякое произнесенное слово на листе пергамента — каждый палец монаха заканчивался полным чернил пером. Записанное им должно было решить, оправдательный или обвинительный приговор будет вынесен Ультратарину.

Леогегарий кивнул и протянул руку, поворачивая к себе плечо Уриила. Тот заскрежетал зубами от боли, когда кости вновь выскочили из суставов.

— Татуировки ордена и роты выведены с твоего тела.

— Так точно, — ответил Уриил. — Все отличительные знаки были удалены перед тем, как мы покинули Макрагге, чтобы исполнить смертельную клятву. Так уж сложились обстоятельства, что мы заслужили изгнание. Мы более не имеем права носить на своих телах геральдические знаки своего ордена.

— И по какой же причине вас обязали принести смертельную клятву? — поинтересовался Леогегарий, и Уриил не мог не заметить, как сервитор вынимает

одну из раскаленных железок, сжимая ее толстой жаропрочной перчаткой. Но пока что Серый Рыцарь делал вид, что не обращает внимания на предложенный ему инструмент пыток.

--- Мы нарушили Кодекс Астартес.

Леогегарий кивнул, словно уже знал об этом. Неужели они уже успели выпытать эту информацию у Назания?

Вспомнив о грюге, Уриил рискнул задать встречный вопрос:

--- Где Назаний?

Серебряная перчатка тут же сжалась на его горле, а затем Леогегарий протянул вторую руку назад, чтобы принять у сервитора кочергу, заканчивающуюся клеймом в виде окруженного нилбончерепа. Одним ловким, непринужденным движением Серый Рыцарь прижал раскаленное железо к плечу Уриила --- туда, где некогда красовалась вытатуированная аквила.

Ультратарин согрознулся всем телом, когда пылающее клеймо погрузилось в его плоть, колени поглотились, но он сдерживал крик, хотя

Леогегарий продолжал прижимать раскаленный металл к его коже. Воздух наполнился дымом и отвратительной вонью обуглившейся плоти. Боль была очень сильна, однако Уриил закрыл глаза и сосредоточился на том, чтобы отреши́ться от нее.

Наконец клеймо убрали, и Уриил судорожно вдохнул. Боль, конечно, нигде не делась — его руку все еще настойчиво жгло, но все же он испытал облегчение, как от холодной воды.

Из темноты выбежали два облаченных в халаты костоправа, и вскоре боль сменялась настоящей прохладой, когда они покрыли антисептическим составом чудовищный ожог на его плече.

— Считай это первым уроком, — произнес Леогегарий, возвращая клеймо сервитору. — Когда ты вернешься к вопросу, тебе будет дозволено говорить только в том случае, если я это разрешу. Ясно?

— Да, — кивнул Уриил. — Я понял.

— Значит, ты готов к первому испытанию, — сказал Серый Рыцарь. — Испытанию вопросом.

--- Что ты хочешь спросить?

--- Спросить? --- произнес Леодегарий. ---

Я не собираюсь тебя спрашивать ни о чем.

Вокруг Уриила и Леодегария были проведены концентрические круги, прорезанные в полу одежками в ряды сервиторами, руки которых заменяли ацетиленовые горелки. Они же и заполнили эти прорезы расплавленным серебром из закрепленных на их спинах золотых баков. Кроме того, теми же горелками между двутя костодесантниками были начертаны незнакомые Уриилу руны, также залитые впоследствии серебром.

Все вокруг было окутано паром, когда сервиторы наконец закончили рисовать последний из знаков.

--- Испытание вопросом, --- произнес Леодегарий, --- столь же древнее, как и мой ордено. Око моего разума заглянет в каждый темный уголок твоей души. Мне станут ведомы все твои мысли. Тебе не удастся ничего скрыть от меня. Стирись с

этим, и тогда, быть может, избежишь
лишних страданий. Если же в твоей душе
таится зло, лучше покайся сразу, и тогда
твоя смерть будет быстрой. Но если
предпочтешь отвергнуть это
предложение, а я обнаружу хотя бы крупную
скверны, утирать будешь долго и в мучках.

— Мне не в чем каяться, — заявил
Уриил. — На мне нет скверны.

Леогегарий кивнул, словно разыгрывал
давно ставшую привычной сцену.

— Что ж, посмотрим.

Наконец узор на полу был закончен, и
сервиторы растворились во тьме,
оставляя Леогегария и Уриила наедине.
Затем появились семеро монахов, каждый
из которых держал в руках по факелу;
капюшоны их были отброшены за спину.
Когда Уриил разглядел в пляске огня их
жуткие иссушенные лица и лишенные
всякого волосяного покрова головы, он
пожелал, чтобы они вновь исчезли во
тьме.

Всем своим видом они напоминали
мультифицированных мертвецов, найденных
в жаркой пустыне, их лица, казалось, были

лишены всех жизненных соков и эмоций. Запавшие глаза пылали огнем, хотя Уриил и не мог точно сказать, что было тому причиной — искусная аугментация или же какое-то кошмарное заклятие.

Будучи костическим десантником на службе Императора, Уриил повидал за свою жизнь много ужасов: древних богов, велик Великого Пожирателя, логова демонов... но эти несчастные, судя по всему, знали куда более жуткие места в галактике.

Внушающие ужас монахи заняли свои места вокруг костодесантников, образуя защитный круг, и принялись читать нечто едва слышное, с расстояния скорее напоминающее треск статических помех. Их тихие голоса сливались в атональное шепотение, лишенное всякого намека на ритм, и Уриилом вдруг овладело то же отупение, которое сопровождало его все то время, пока на его голову был надет мешок.

— Ноль-сервиторы создают барьер против ментальных выбросов, — пояснил Леогегарий. — В сочетании с силовыми контурами, проведенными по полу, они не

позволят никакой скверне покинуть пределы круга, пока я допрашиваю твою душу и плоть.

--- Понимаю, почему вы прибегаете к подобным предосторожностям, --- произнес Уриил, --- но вынужден еще раз повторить: они не понадобятся.

--- Умолкни, --- приказал Леогегарий, подходя ближе и опуская лагони на виски пленника. --- Испытание вопросом началось.

Металл перчаток источал холод, и Уриил почувствовал, как тот растекается по коже, заставляет застыть мышцы лица, проникает сквозь кости черепа. Легяные любопытные пальцы шарили по поверхности его разума, силась отыскать заветную дверь и пролезть внутрь.

Уриил совершенно непроизвольно ответил мгновенной попыткой защититься, возведя в ответ на вторжение ментальные барьеры. Он посмотрел прямо в сияющие холодной голубизной глаза Леогегария, и мир вокруг вдруг начал сжиматься, пока не сократился до этих двух легяных сфер.

Двух космогосантников словно связало неразрушимым энергетическим потоком.

Тело Уриила стало наливаться тяжестью, ментальная мощь Серого Рыцаря пробивала себе путь сквозь все выставленные презграды.

— Почему ты сопротивляешься? — спросил Леогегарий, его невероятно могущественное сознание все глубже проникало в мысли Уриила. — Тебе все-таки есть что скрывать?

Ультрамарин пытался ответить, но язык ему уже не подчинялся. Ему хотелось сказать, что он хотел бы ослабить ментальную оборону, чтобы впустить Серого Рыцаря в свой разум, но таковы уж природные человеческие инстинкты защищать от чужого посягательства свои секреты и внутренние процессы.

Впрочем, ощущая, как прогибаются усиливающие остановить вторжение стены его разума, Уриил понимал, что, даже если бы он осознанно пытался сопротивляться, все его старания оказались бы тщетны против мощи Серого Рыцаря. С осознанием этой простой

истины ему стало проще впустить чужака в тайную крепость своего разума — тщательно охраняемое место, где хранились все сомнения, все страхи, все надежды и амбиции.

Все, что делало Уриила Вентриса тем, кем он был, открылось взгляду Леогегария, позволяя тому видеть, изучать и понимать. Каждая добродетель и каждый порок капитана Ультратаринов легли на весы правосудия, и если бы его уличили хоть в каком-то преступлении, его жизни настал бы конец. Удивительно, но страха не было, и наконец последний барьер между его памятью и Леогегарием пал.

Теперь Уриил ощущал присутствие колоссального сознания Серого Рыцаря в своей голове; два воина словно сливались воедино, что позволяло Леогегарию в одночасье полностью воспринять всю суть того, что составляло личность Ультратарина. Все, от залитых голубым светом пещер Калта в раннем детстве капитана и до сражения с бескожими, стало частью памяти Леогегария, словно

на какое-то мгновение они вдруг стали
одним целым.

Как Серый Рыцарь изучал своего
узника, так и Уриил изучал Леогегария...
Во всяком случае, ту часть его души,
которую пленитель оставил открытой.
Ультратарин видел перед своим
мысленным взором десятилетия сражений,
долгие годы учебы и одиночества,
всеобъемлющую и абсолютную
преданность священному долгу.

Леогегарий был героем в полном
смысле этого слова, воином, сражавшимся
не ради славы, выгоды или по какой-либо
иной причине, кроме той, что в этой войне
он был одним из немногочисленных членов
избранного братства, стоящего преградой
между человечеством и смертью. Перед
глазами Уриила проносились сцены битв,
где решалась судьба целых миров,
повисших буквально на волоске.

Он видел победы, видел и поражения.
Успехи и чудовищные жертвы.

Именно такой и должна была быть
жизнь подлинного заступника Империи,
и собственные подвиги Уриила не шли ни в

какое сравнение с тем, через что довелось
пройти этому великому герою.

На мгновение истории их жизней
настолько переплелись, что Уриил чуть
не поддался панике, чувствуя, как
всепоглощающее присутствие Серого
Рыцаря овладевает его разумом.

Но в следующую секунду все
закончилось.

Словно меч, выдернутый из раны,
сознание Леогегария выскользнуло прочь, и
Уриил обмяк в удерживающих его цепях.
Ультратарин рухнул на колени, внезапно
ощутив себя очень и очень одиноким. В
голове его вдруг образовалась пустота,
словно из его мозга кто-то вырезал
жизненно важную часть.

По сравнению с ужасами, какие
приходилось уничтожать Серому Рыцарю,
что значила жизнь каких-то там двух
Ультратаринов? В великом племени
галактики они были ничтожной, ничего не
значащей ниточкой, и, осознавая это,
Уриил был готов принять любое
наказание, назначенное ему Леогегарием.

— Пребывай в покое, Уриил Вентрис, —

произнес Серый Рыцарь. — Разум
допрашиваемых всегда оказывается
охваченным стяганием и чувством своей
бесполезности, когда соединяется с кем-то,
чья сила значительно его превосходит. В
скором времени твоя воинская гордость
возвратит тебе понимание собственной
значимости.

Уриил посмотрел в лицо Леогегария —
в прекрасное, идеальное, восхитительное
лицо. Каждая его черточка подчеркивала
образ великого героя человечества.

— Ты смотрел вглубь меня, —
прохрипел Уриил, каждое слово давалось
ему с боем, — и теперь знаешь, что во мне
нет скверны.

— Да, известных пороков мне найти
не удалось, — согласился Леогегарий. — Я
не ощутил в тебе зла, вот только скверна
способна принимать различные формы. Ты
вполне можешь оказаться провозвестником
греха и не знать об этом.

— Не понимаю, — произнес Уриил,
невзирая на боль заставляя себя подняться
на ноги.

— Кокон, что плетет вокруг тебя

судьба, пропитан кровью, Уриил Вентрис, и дни великой опасности всегда станут соучастниками твоей жизни. Ваше прибытие на Салинас есть лишь финальный аккорд в хитросплетении событий, способных обречь всю планету на экстерминатус. По дороге, где гуляешь ты, идти весьма рискованно.

--- Рискованно для твоих врагов, --- ослабился Уриил.

--- Вижу, твой дух возвращается к тебе, --- улыбнулся Леогегарий. --- Это славно.

--- Неужели? --- с сарказмом спросил Уриил.

--- Конечно, --- ответил Серый Рыцарь. --- Ведь это означает, что ты уже готов ко второму испытанию.

Едкие испарения поднимались над железным котлом, содержимое которого кипело и бурлило, когда Уриила подвели к нему. Вдоль крошки посуды были выгравированы соединяющиеся крыльями орлы. Ароматы варева играли на чувстве голода Ультратарина, что, как он

позднел, и было задумано.

Цени с него сняли и даже позволили
стыть кровь с рук, прежде чем
отконвоировать через темноту от зала
заточения к этому котлу. В свете
пылающего факела Уриил смог хоть
немного больше узнать о том месте, где
оказался, — во все стороны от него
раскинулась просторная зала с
взмывающими к своду арками и мощными
колоннами. Воздух здесь был одновременно
затхлым и прохладным — это заставило
Ультратарина предположить, что он
находится в подвале некого весьма
большого строения. Быть может, даже
затка или кафедрального собора.

Леогегарий повернулся к Уриилу и
произнес:

— С древнейших времен наш орган
применял испытание священными
маслами, дабы подвергнуть проверке саму
плоть тех, кто представал перед нашим
судом. Даже слишком часто случается
так, что данная проверка оказывается
вовсе не обязательной, хотя ты, Уриил
Вентрис, пробудил мое любопытство. Это

испытание довольно болезненно, но, если свет Императора пребывает в твоём теле, ты не отступишь и пребудешь в лучах Его славы.

Леогегарий встал за котлом напротив Уриила.

— Если твоя плоть подтвердит твою правоту и ты пройдёшь через это испытание, то предстанешь предо мной в конце и узришь суг Императора. Лишь тогда твоя душа будет признана чистой.

— А как же испытание вопросом? — спросил Уриил. — Мне казалось, что ты не увидел во мне зла?

— И это так, — отозвался Леогегарий, — но ты прошёл через земли, где ничто святое или благое не может уцелеть. Душа твоя была открыта влиянию скверны, настолько жуткой, что даже если бы она сожгла тебя заживо, то не проявила бы и малой толики того, на что действительно способна. Ты побывал во том мире, и на меня ложится обязанность определить, принес ли ты на себе хотя бы крупницу того ужаса, сокрытую в глубине плоти и костей. Тебе есть что сказать,

прежде чем испытание начнется?

Уриил осторожно взвесил каждое сказанное ему слово.

--- Я все-таки снова задам тот же вопрос, что и раньше: где Назаний?

--- Проходит те же оргалии, что и ты. Его судьба решается отдельно. И так же, как и ты, он либо пройдет их, либо нет. Огин.

--- Тогда я готов, --- сказал Уриил. --- Да, мы прошли по земле проклятых, но, встретив ее искушения, сумели устоять.

--- Полагаешь, этого достаточно?

--- Не мне об этом судить, --- признал Уриил, --- но что-то это да должно значить, ведь только тот, кто пытался противиться искушениям, может знать, насколько они могут быть сильны. Истинную силу врага познают, вступая с ним в бой, но не сдаваясь ему. Силу ветра понимает лишь тот, кто идет ему наперекор, а не тот, кто прижимается к земле.

--- В твоих словах есть правда, --- кивнул Леодегарий. --- Человеку не дано познать всю мощь зла, таящегося в нем.

пока не он не попытается сопротивляться. Лишь Император никогда не поддавался соблазну, ибо был единственным человеком, кто поглубже осознавал, к чему тот может привести.

— Вот я и веду к тому, что мы с Назанием не раз терлись силой с терзайшими из всех мыслимых созданий.

— Стало быть, это испытание не будет для вас и испытанием вовсе, — ответил Леогегарий, указывая на бурлящий котел. — Слышал когда-нибудь о святом Де Хаане из сектора Донориан?

Уриил покачал головой:

— Никогда. Кем он был?

— Инквизитором, верно служившим Императору целых два столетия, — пояснил Леогегарий, — человеком, искоренившим ересь и скверну на тысячах миров. Десятки тысяч еретиков и злоумышленников пали под его стопой, и его благословенное пророчество об очищенном Империи служило маяком на пути каждого, кто без остатка посвятил себя Золотому Трону.

— И что же с ним случилось? —

спросил Уриил.

--- Принял мученическую смерть в битве за Костиашек, --- сказал Леогегарий. --- Воители Губительных Сил пленили его и отдельными частями прибили к стенам оскверненного кафедрального собора Требия. Верные слуги Де Хаана сумели собрать останки наставника, и многие из тех реликвий хранятся ныне в ароматизированных шкатулках красного дерева во всех освобожденных им мирах.

--- Многие, но не все? --- уточнил Уриил.

--- Верно.

Ультратарин бросил взгляд на бурлящую густую жижу. Там, под шипящим и плюющимся маслом, он сумел различить неверные очертания чего-то, напоминающего кинжал.

--- И вот сейчас ты сунешь туда руку и достанешь этот нож, --- сказал Леогегарий.

--- Так, а что это докажет, кроме того банального факта, что меня можно сварить?

--- Частички брони, принадлежавшей
Де Хаану, были использованы, чтобы
выковать рукоять этого оружия, и лишь
тот, чья плоть избавлена от отметин
Великого Врага, сумеет взять ее.

Уриил тяжело вздохнул и кивнул:

--- Ну, стало быть, мне бояться нечего.

--- Хотелось бы надеяться, --- сказал

Леогегарий, и Ультратарин неожиданно
для себя услышал искренность в голосе
Серого Рыцаря. --- А теперь возьми
кинжал.

Стараясь не рисовать себе картин
сваренной плоти, отваливающейся с
костей, Уриил закрыл глаза и сунул левую
руку в котел. До самого плеча ее пронзило
мучительной болью. Он заскрежетал
зубами, ощущая, как всепоглощающее
пламя проносится по его телу, вспыхивая
ревущими белыми всполохами под
закрытыми веками.

Ноги предательски подкосились, и
ему пришлось искать, на что бы опереться
свободной рукой, чтобы сохранить
равновесие. Вторая ладонь с шипением
опустилась на край котла, и Уриил не

стог сдержатъ агонизирующаго крика. Онъ чувствовалъ, какъ его кожа вздувается волдырями и плавится въ масле, пока пальцы силятся нашарить на дне рукоятки кинжала. Боль оказалась просто невыносимой, костодесантник едва могъ устоять на ногахъ. Ощущение было такое, словно онъ сунулъ руку въ самое жерло вулкана, и на мгновение Уриилу вдругъ захотелось, чтобы его настигло блаженное забытие потери сознания, только бы эта боль прекратилась.

Но не могло ли это быть такой же частью испытанія, какъ и то, стоженъ онъ взять кинжалъ или нѣтъ?

Быть можетъ, именно способность преодолѣть такую адскую боль могла подтвердить его невиновность?

Уриилъ заставилъ себя отрешиться отъ боли, распахнувъ ей груженные объятія, и открылъ глаза, чтобы увидѣть, какъ на него смотритъ Леогегарій. Во взглядѣ Серого Рыцаря Ультрамаринъ увидѣлъ явное одобрѣние и съ неожиданной увѣренностью вдругъ понялъ: тотъ хочетъ, чтобы онъ сумѣлъ пройти это испытаніе. Леогегарій

действительно хотел найти причину не убивать своего пленника.

Пальцы нашарили полированный металл, и Уриил сжал ладонь на проволочной обмотке рукояти кинжала. Хотя он уже почти не чувствовал своей руки, мышцы и сухожилия все-таки еще достаточно повиновались ему, чтобы надежно схватить оружие.

Сделав это, Уриил вынул кинжал из кипящего масла и поднял перед собой. Дыхание вырывалось из его груди отрывистым сипением, рука превратилась в сплошной багровый ожог; сама плоть ее вскипела, а кожа сползала маслянистыми, похожими на слизь нитями. Такой боли Ультратарин еще не знал, и вид изуродованной конечности делал ее только хуже.

Хотя каждый нерв в его теле требовал незамедлительно выпустить из ладони раскаленное добела оружие, Уриил протянул кинжал Леодегарию.

— Держи, — прошипел Ультратарин сквозь зубы. — Кажется, ты это просил?

Леодегарий кивнул и принял оружие.

латная перчатка надежно защищала его от обжигающего жара.

--- Именно это, --- произнес Серый Рыцарь, убирая кинжал в ножны на своем боку и обхватывая пальцами запястье пленника.

Пока Леодегарий изучал ожог, Уриил торщился от прикосновений, скрежеща зубами от боли, но все-таки вынуждая себя оставаться на ногах.

--- И? --- спросил Ультратарин. --- Чиста моя плоть?

--- Возможно, --- отозвался Леодегарий, отпуская его руку. --- Пройдет три дня, и я вернусь, чтобы еще раз осмотреть твою рану. У воина, чья плоть чиста, она начнет заживать, а у оскверненного начнется заражение. И тогда мы будем знать, готов ли ты к последнему испытанию.

--- Последнему испытанию? --- переспросил Уриил, задавая, что может быть хуже того, что ему уже довелось перенести.

--- Твой разум избавлен скверны, и я более чем уверен, что и плоть --- тоже, ---

пояснил Леогегарий, --- но все это лишь
проверки, которые проводит человек, мы
же должны теперь обратиться к самому
Императору, дабы он оценил силу твоей
души.

--- И как же мы это сделаем?

--- Суг Императора, --- ответил Серый
Рыцарь. --- Пройдет три дня, и мы с тобой
встретимся в бою, по результатам коего и
будет вынесено решение.

Глава семнадцатая

В течение всех трех дней Уриил страдал от боли, доставлявшей почти невыносимые страдания. Как только испытание священными маслами завершилось, его вновь отправили в темное, одинокое заточение в холодном подземелье.

Впрочем, не таким уж и одиноким оно было, если учесть, что его верными сокамерниками опять стали доводящее до безумства заунывное псалмопение и низкочастотный гул, мешавший уснуть. Его оставили одного, насколько Уриил мог судить, но в то же время он понимал, что за ним постоянно следят вооруженные тюремщики, не сводящие с него прицела стволов и способные уничтожить его в ту же секунду, как он предпримет попытку бежать.

Но бегство все-таки не входило в планы Уриила, возмущенного тем, что его верность и честь были подвергнуты сомнению.

Время во тьме текло медленно, и мысли капитана переползли от собственных невзгод к тому, что происходит сейчас с Назанием, и событиями во внешнем мире. Справился ли его друг? Сумел ли он, как и сам Уриил, преодолеть два предыдущих испытания?

Капитан не имел оснований полагать, что Назаний провалит их. Он только надеялся, что обратительные хирурги Медренгарда полностью удалили зараженную ксеноинфекцией руку и тело самым очистили его товарища от скверны.

Если хоть малейший след Несущего Ночь остался в нем, не будет ли этого достаточно, чтобы Серые Рыцари вынесли ему смертный приговор?

Он попытался отбросить сомнения и тревоги, предавшись размышлениям о том, что сейчас творится на улицах Барбадуса. Его знания о событиях, произошедших после того, как его вытащили из-под обломков бара, были, мягко скажем, фрагментарными, и он ни в чем не был уверен. Например, уничтожили

ли Серые Рыцари бескожих или те где-то все еще рыскают?

Барбагус являл собой подлинный лабиринт петляющих улочек и темных закутков, вполне привычных вожаку и его племени и способных позволить ему избежать плена или уничтожения. И если бескожим удалось прорваться, то каким станет их следующий шаг? Спрятаться и залечь на дно? Вновь начать убивать?

За одну-единственную ночь бескожие истребили практически всех «Клекочущих орлов», уничтожив и Верену Каин, и Мезиру Бардгил. Кто должен был стать следующим?

Все это как-то было связано с Зоной Поражения.

Всякий, кто принимал участие в резне, учиненной против мирных жителей Хатүриана, становился целью убийства, и пришедшая в действие цепочка событий вполне могла привести к тому, что на Салинасе разгорится настоящая война. И что хуже, Леодегарий — это было очевидно — принадлежал к тем людям, кто, распознав подлинную угрозу, исходящую от

бескожих, мог приговорить к
уничтожению разом всю планету.

Однажды Уриил уже видел, как
гибнет мир, обреченный на смерть
Унквизицией, и вовсе не желал увидеть
это вновь. Какова бы ни была правда о
происходившем на Салинасе, капитан
собирался сражаться бок о бок с Серыми
Рыцарями, если, конечно, сумеет пройти
через суг Императора.

Все его нутро протестовало против
того, чтобы сражаться с Леодегарием,
вот только был ли у него выбор? Отказ от
боя стал бы для него однозначным
приговором, но и вступить в бой против
верноподданного воителя Империи
казалось ему поводом для анафеты.

Сама мысль о битве с сородичем
вызывала у него отвращение, а надеяться
на победу в ней было и вовсе глупо и даже
стыдно. Уриил был ранен, избит и изнурен,
в то время как Леодегарий пребывал в
отличной форме. Это было бы не
состязание — просто позорное избиение.

Тем не менее Уриил Вентрис был не
из тех, кто так просто сдается.

На Павонисе он лицом к лицу столкнулся с чудовищной, способной уничтожать сами звезды мощью Несущего. Ночь и помешал твари завладеть кораблем, который бы увеличил ее потенциал в сотни раз. Схлестнулся с морной-королевой в чреве корабля-улья и одержал победу. Сражался на выжженной поверхности адского мира, убивая демонов и бесов, населявших его земли.

Он примет вызов, и примет его с высоко поднятой головой.

Другого пути просто не существовало.

Проблемы внешнего мира его сейчас не касались, ибо он все равно никак не мог повлиять на исход событий, происходивших за этими стенами. Более того, он и над своей собственной судьбой сейчас не был властен, но все равно заставил себя расслабиться на холодном каменном полу и начать подготовку к предстоящему поединку.

Уриил закрыл глаза и сосредоточился на контроле дыхания, направляя все резервы тела на лечение и восстановление

сил. Время замедлилось до черепашьего шага; капитан ощущал каждый мускул, косточку и волосок своего тела, сконцентрировав все свое внимание на внутренних процессах.

Он не был способен полностью исцелить обваренную руку, как поступили бы иные из псайкеров, но костические десантники тратили десятки лет, обучаясь использовать свои ментальные силы, что позволяло им контролировать энергетические потоки своих тел и направлять их в нужное русло.

Уриил ощутил саднящую боль в горле, там, где его пронзил клинок на Медренгарде, — рана давно зажила, но шрам и память о ней сохранились. Нестерпимое жжение в чудовищно обваренной священными маслами руке притихло до приемлемого уровня. Натянулась кожа там, где сросшиеся ребра его гладкой грудной клетки успела перед смертью пронзить норна-королева. Уриил заставил себя вспомнить о еще многих сотнях ранений.

Каждое из них повлекло бы за собой

гибель простого смертного, но, будучи Астармес, он сумел выдержать их и выжить, становясь с каждым разом только сильнее. И в этот раз испытания также лишь приддут ему новых сил.

Уриил знал, что не может быть предателем и что тело его не несет в себе печати скверны. И причина была вовсе не в спеси или чрезмерной гордыне; это было именно знание, хранящееся где-то в самой глубине его души. Подозрение в том, что он может оказаться внедренцем врага, было настолько отвратительным, что, даже если бы Леодегарий пришел сейчас и решил отменить последнюю проверку, Уриил бы сам потребовал ее, ведь как иначе он мог убедить окружающих в том, что душа его не претерпела изменений за время, проведенное в Оке Ужаса?

Только полная проверка, проведенная священными и уважаемыми Серыми Рыцарями, могла гарантировать, что его собственные боевые братья окажутся избавленными от талейшей тени сомнений.

Возвращение на Макрагге без

подобных гарантий теперь выглядело абсурдным, и Уриил вдруг осознал, насколько был наивен, когда натеревался вот так запросто появиться во вратах крепости Геры. Быть может, родичи и приняли бы его слова на веру (ибо разве способен Ультрамарин солгать братьям по оружию?), но без того, чтобы Серые Рыцари подтвердили его чистоту, он навсегда бы остался подозреваемым в глазах всех остальных.

И все же... разве мог он что-то противопоставить мощи Леогегария?

Уриил позволил себе на минутку предаться гордыне, вспоминая о могучих противниках, побежденных им в бою, — врагах, давно превратившихся в прах, в то время как сам капитан все еще жил и готовился к новому сражению.

Пока живешь, есть место и надежде, а пока остается надежда, Уриил Вентрис будет драться.

Время шло, и темнота вокруг Уриила шевелилась, словно живое существо. Решив, что его тело и разум

уже готовы, насколько это возможно, к предстоящей схватке, он поднялся с пола и заставил кровь течь по венам в ускоренном темпе.

Хотя его и окружал непроницаемый туман, он провел базовые элементы боевой подготовки Agentus Астартес, разрабатывая поочередно все группы мышц, разогревая их перед дракой. Уриил потягивался и разминался, совершая неторопливые плавные движения, готовя свое тело к перегрузкам и необходимости убивать.

Темнота как ничто другое способствовала этой тренировке, вынуждая полагаться на все чувства, кроме зрения, при нанесении ударов и финтов, превращая его колени, локти и кулаки в смертоносное оружие. Он сумел забыть о боли в руке, лишь слегка отмечая запах опаленной плоти.

Легкие горели, сердце колотилось так, словно пыталось выбить татуировку на его ребрах, но тело выходило из медитативного состояния, превращаясь в машину убийства. Закончив с серией

базовых упражнений, Уриил перешел к более экзотичным трюкам, прыгая и вращаясь, сражаясь с воображаемыми противниками из своей памяти.

Наконец он приземлился на одно колено, и его кулак затер буквально в миллиметре от земли, а затем костогесантник испустил сгавленный вздох. Распрямившись, Уриил провел ладонью по затылку, ощутив непривычное, но приятное покалывание отрастающих волос.

--- Свет, --- приказал чей-то голос из темноты, и Уриил едва успел прикрыть глаза, когда вокруг вспыхнули голубые огни. Его зрение быстро адаптировалось к новым условиям, и Ультратарин увидел, что окружен группой воинов, носящих серебряные доспехи. Каждый из них был вооружен глинной алебардой, клинки которых были окутаны голубым сиянием энергетических полей, служивших источником того самого яркого света.

Двадцать пять Серых Рыцарей затерли по стойке смирно, расположившись кругом. Пластины их

брони отражали неровное сияние, сверкая
сталью. Из общего круга вышел
Леогегарий. Командир Серых Рыцарей не
был одет в броню и носил сейчас свободный
белый хитон — спортивное облачение,
весьма схожее с тем, что надевали и
Ультратарины, когда снимали доспехи.

— Как я вижу, Уриил Вентрис, ты
нашел применение свободному времени, —
заметил Леогегарий.

— Часы, проведенные не в
оттачивании навыков, — это впустую
потраченное время, — отозвался Уриил.

— Спорить не буду, — согласился
Леогегарий. — Итак, три дня прошли.
Покажи мне свою руку.

Уриил вдруг понял, что уже
практически забыл про боль, но все равно
кивнул и, глядя в глаза собеседнику,
протянул ему обожженную конечность. Из-
за спины Серого Рыцаря вышел хирург, из-
под одеяний которого высывались
шипящие шланги и побулькивающие
трубочки. Из рукава хирурга выдвинулся
бронзовый стержень, служащий опорой для
устройства, идентичного нартециуму

аптекариев. Приспособление это протянулось к руке Уриила, озарив ее золотым светом; казалось, будто по воспаленной плоти разлился теплый мед.

Затем свет погас, и хирург кивнул Леогегарию, прежде чем отступить назад.

Посмотрев на свою руку, Уриил был поражен, когда увидел, что практически все следы чудовищного ожога исчезли. Кожа была молодой, розовой и крайне непрочной, но все-таки, сомнений не оставалось, целой и здоровой.

Леогегарий протянул руку и сжал запястье пленника, внимательно исследуя его. И Ультрамарин мог сказать, что Серый Рыцарь оказался вполне доволен тем, что увидел.

--- Процесс заживления идет хорошо, --- произнес Леогегарий. --- И я, если честно, не припомню никого, кто столь же быстро оправился бы от испытания маслами.

--- Значит, мы будем драться? --- поинтересовался Уриил, отступая на шаг назад.

--- Похоже, ты рвешься в бой, --- заметил Леогегарий.

--- Так и есть, --- ответил ему
Ультратарин, --- но не ради драки с тобой,
а лишь для очищения своего имени.

Леогегарий кивнул.

--- Понимаю, --- произнес он,
поворачиваясь спиной, --- хотя здесь
неподходящее место для боя.

--- Тогда где же мы будем драться?

--- Там, где каждый сможет увидеть,
как над тобой свершит свой суд
Император, --- сказал Серый Рыцарь. ---
Следуй за мной.

Уриил зашагал за Леогегарием к
выходу из темницы. Коридор со сводчатым
потолком и стенами из облицовочного
каменя проходил, насколько мог судить
капитан, через фундамент дворца. Их
путь пролегал по древним тоннелям,
проложенным еще в стародавние времена и
приспособленным строителями для нужд
современности.

Грубо отесанные булыжники стен
стенились металлическими панелями,
которые в свой черед перетекли в
облицованные керамической плиткой ярко

освещенные палаты с высокими купольными потолками. Подземная архитектура, казалось, не имела никакой осмысленной упорядоченности, и проходы изгибались под причудливыми углами, слишком часто разворачиваясь на триста шестьдесят градусов, так и не приведя ни к какой цели.

Серые Рыцари двигались четким строевым шагом, с видимой неспешностью, но в ритме, позволяющем без усталости преодолевать многие и многие километры. Несколько воинов шли впереди Уриила, еще девять — позади, а остальные пристроились по бокам. Леогегарий возглавлял их шествие вместе со стайкой кагильщиков, создававших настоящую дымовую завесу перед процессией.

Они миновали склады, пришедшие в запустение залы, оружейные и казармы, пока не вошли в коридор с низким потолком и Уриил не услышал возбужденные голоса, доносящиеся откуда-то сзади.

Коридор выходил в просторное круглое помещение с высоким сводом и

серой приземистой башенкой в центре. Вдоль стен тянулись ряды клеток, решетки которых смотрели на башню, и Уриил догадался, что его привели в некое подобие тюрьмы.

--- Это паноптикум, --- произнес Леогегарий, угадав мысли Уриила. --- Охранники располагаются в центральном здании, и заключенные неспособны предугадать, когда наблюдение устанавливается именно за ними, поскольку не могут видеть ничего, что происходит в башне. Не имея возможности избежать этого наблюдения, они вынуждены сдерживать свои первобытные инстинкты, дабы не подвергнуться наказанию.

--- Так значит, здесь страх перед возмездием, но вовсе не вера в Императора обеспечивает порядок?

--- Именно так, --- с явным неудовольствием подтвердил Леогегарий. --- И с тем же успехом можно сказать то же самое обо всей этой планете в целом.

--- И зачем мы сюда пришли? --- спросил Уриил.

--- Забратъ твоего товарища.

--- Назанія?

--- Да, мы держали его здѣсь, пока он, как и ты, проходилъ черезъ испытанія.

--- И онъ тоже будетъ сражаться?

--- Бокъ о бокъ съ тобой, --- кивнулъ Леогегарій, пересекая дворъ и останавливаясь возле клетки, гдѣ Уриилъ, къ своей радости, увидѣлъ Назанію.

Тотъ не былъ закованъ, и капитанъ увидѣлъ, что здоровая рука его товарища была такой же воспаленной и розовой, как и его собственная, и такъ же счастливо исцелившейся после погруженія въ кипящее масло.

--- Уриил! --- воскликнулъ Назаній съ явнымъ облегченіемъ. --- Какъ твоя лапа?

--- Почти такъ же хорошо, какъ и твоя, --- отозвался Уриилъ, пока дверь открывалась и его другъ выходилъ изъ клетки. Воины обнялись, несказанно радуясь тому факту, что оба выжили.

Наконецъ Уриилъ выпустилъ приятеля изъ медвежьихъ объятий.

--- Готовъ? --- спросилъ капитанъ.

--- Ты чертовски правъ, я --- готовъ, ---

заявил Назаний и качнул головой в сторону Леогегария. -- Не хочу никого обидеть, но эти ублюдки постели подвергнуть сомнению нашу верность. Я готов на что угодно, лишь бы доказать, что мы не стали предателями.

-- Капитан Вентрис, твой сержант проявил отчаянную верность тебе, -- произнес Леогегарий, и Уриил не мог не отметить, что тот предварил его имя подобающим званием. Добрый знак.

-- Он мой друг, -- сказал Уриил, -- и поступает именно так, как и следует другу.

Леогегарий повернулся лицом к выходу из огромной залы -- высокой арке из черного камня, вздымавшейся к потолку.

-- Остается лишь надеяться, что этого будет достаточно.

Окруженные со всех сторон Серыми Рыцарями, Уриил и Назаний вновь углубились в хитросплетение продуваемых сквозняками туннелей, со временами выведших их к каменному проходу с бойницами вдоль стен и высокими бронзовыми воротами впереди.

Ворота открылись, впуская внутрь дневной свет, и Уриилу вспомнилась та радость, которую он испытал, когда увидел настоящее солнце после прибытия на Салинас. Вновь оказаться под открытым небом, пускай с последнего раза и прошли буквально считанные дни, было просто восхитительно, и Уриил зашагал по наклонной мощеной тропке, преисполненный надежды.

Впрочем, надежда эта разбилась, едва он перешагнул через невидимый порог, и на него вдруг сокрушительной волной накатило уныние, которое словно втекало в его легкие при каждом вдохе. Воздух наполнился свинцовой тяжестью, небеса нависли над землей так, словно грозили вот-вот обрушиться на нее. Не предвещающие ничего хорошего тучи собирались над плацем, и Уриил снова ощутил, как его сердцем завладевает меланхолия, заставляя вспомнить о событиях в разрушенном Хатүриане.

Капитан и Назаний вышли прямо на просторную площадку, где был провозглашен День Восстановления. На сей

раз на плацу расположилось как минимум двести сотни солдат и несколько местных чиновников.

Позади них, опустив десантную ракету, сиял серебром «Грозовой ястреб», и Уриил не смог сдержать улыбки, увидев столь милый его сердцу объект. Пусть грозная машина и не была раскрашена в цвета Ультратаринов, но по-прежнему являла собой символ мощи Агентства Астартес, чем и поднимала настроение капитана, невзирая на общую зловещую атмосферу.

Вдалеке Уриил видел башню Яницевсов, а справа от себя хоть и разрушающуюся, но все же такую восхитительную Галерею древностей. Повернув голову, он нашел взглядом и высокие башни, и мрачные шпили имперского дворца.

— Никогда это место мне не нравилось, — произнес Назаний. — А теперь и того меньше.

— Мы будем сражаться здесь? — спросил Уриил. — Что тут произошло? Здесь пахнет... смертью.

--- Поединок должен проводиться в присутствии надлежащих планетарных чинов, как светских, так и церковных, --- ответил Леогегарий. --- Чтобы ритуал суда Императора хоть что-нибудь значил, необходимы свидетели. Что же касается вашего дальнейшего заточения... об этом мы поговорим, если вы выживете.

На этой печальной ноте их разговор прервался, и два Ультратарина зашагали следом за Леогегарием в самый центр плаца; Уриил нашел в ожидающей драки толпе много знакомых лиц. Вот кардинал Согандис, все так же исходящий потом под церемониальными одеяниями, а вот Дарон Нисато в как всегда безупречно начищенной черной броне слугителя закона.

Лито Барбаген восседал на высоком троне, выглядя одновременно и скучающим, и разгневанным, происходящим, словно и не обращая внимания на тот факт, что сейчас ему предстоит стать свидетелем того, как решится судьба двух величайших защитников человечества.

Леогегарий приостановился у
подиума и в кратком приветствии кивнул
Лито Барбагену, прежде чем вновь
повернуться в Уриилу и Назанию.

--- Губернатор Барбаген, оба
присутствующих здесь воина прошли через
испытания чистоты по всем правилам,
определенным моим орденom, и теперь я
представляю их вам, дабы вы стали
свидетелем того, как над ними вершится
правосудие Императора. Не существует в
мире власти большей, нежели власть
Императора, и именно Он скажет
финальное слово в решении их судьбы.

Уриил удивленно моргнул,
вслушиваясь в слова Серого Рыцаря. В
голосе Леогегария словно звучала скрытая
угроза в адрес губернатора и намек, что не
тому решать, как поступить с
пленниками. Уж не пытался ли в
последние дни Лито Барбаген настаивать
на казни? Учитывая их прежние встречи,
это вовсе не казалось невозможным, но
теперь Леогегарий указывал, что тот не
постеет приказать ничего подобного,
поскольку делом отныне занимались Серые

Рыцари.

Агенту́с Астартес возвышались над всей прочей неуклюжей правительственной машиной Империи́та, хотя многие чиновники и находили сей факт оскорбительным. Серые Рыцари же облагали властью, позволявшей им вмешиваться даже в личные дела большинства независимых орденов. Их авторитет был абсолютен, и никто из дорожащих своей жизнью не осмелился бы перечить их решениям.

Судя по всему, Лито Барбаген все-таки не оказался исключением из правил, поскольку Уриил видел, что губернатор, нехотя кивнул, признавая их полномочия, хотя оставалось очевидным: он считает Серых Рыцарей незваными гостями.

Кивнув, Барбаген произнес:

— Эта парочка моей планете ничего, кроме неприятностей, не принесла, но если ваш закон полагает, что поединок является вполне достаточным поводом для вынесения приговора, мне остается лишь наблюдать.

Уриил откровенно потешался над

тем, с какой неохотой губернатор произносит эти слова, но все-таки заставил себя скрыть эти эмоции, просто отведя на его полный злобы взгляд точно таким же. Чем больше узнавал капитан о правителе Салинаса, тем сильнее становилась его неприязнь к этому человеку. Барбаген ни во что не ставил жизни людей, его действия при завоевании планеты были неприемлемы, и Уриил верил, что рано или поздно губернатору придется сполна ответить за все свои преступления.

Леогегарий посмотрел на Уриила и произнес:

— Пойдем, я покажу площадку для поединка.

Уриил кивнул и вместе с Назанием направился за Серым Рыцарем в центр круга, очерченного серебром точно так же, как те защитные контуры, которые прямо на его глазах рисовали в каменном зале, где проводилось испытание вопросом. Единственным отличием служило то, что этот круг был много больше. Сразу за чертой ринга расположились Серые

Рыцари, облаченные в силовую броню и сжимающие в руках глинные алебарды, чьи клинки ярко сверкали в лучах солнца.

--- Дерется в рукопашную, без оружия, --- сказал Леогегарий, --- вас двое, я один.

--- Вот так все просто? --- спросил Назаний.

--- А чего ты ожидал?

--- Даже не знаю, --- признался сержант. --- Мне просто казалось, что все это будет несколько более... ритуальным, что ли.

--- Ритуалы нужны язычникам, заклинающим трупы, да колдунам, --- отрезал Леогегарий, принимая боевую стойку. --- Я предпочитаю действовать без лишних экивоков.

Уриил привел свое тело и разум в соответствие с ритмами боя, заставляя метаболизм ускориться, чтобы повысить свою реакцию и восприятие.

--- Каковы правила? --- спросил Уриил.

--- Какой же ты все-таки Ультратарин, --- ухмыльнулся Леогегарий, одновременно нанося мощный удар в лицо капитану. Кулак Серого Рыцаря показался

стальной кувалдой, Уриила словно
средноут ударил.

Из рассеченной щеки брызнула кровь, и
перед глазами Ультратарина заплескали
звезды, но Уриила были и прежде, так что
он знал, как противостоять боли ударов.
Он опустил одно плечо и втянул голову,
уходя от следующего выпада Леогегария.

Одна рука капитана взметнулась,
двигаясь словно по собственной воле, и
отразила косой удар справа, в то время как
правая нанесла противнику апперкот по
корпусу. Затем его кулак врезался в бок
Серого Рыцаря, и Уриил с
удовлетворением услышал, как тот
судорожно выдохнул. Обожженную руку
нестерпимо сдвинуло, не до конца зажившая
кожа полонелась, но капитан заставил
себя прогнать боль на задний план.

Пазаний ударил левой, но Леогегарий
легко уклонился от этого плохого
сбалансированного выпада и со всей своей
силой врезал сержанту локтем в бок.
Кулак, словно наверху палицы, обрушился
на ребра Пазания, вынудив того рухнуть на
колени.

Уриил бросился в наступление, метя кулаком в висок Серого Рыцаря, но тот именно этого и ожидал. Со скоростью, немыслимой для такого великана, Леогегарий метнулся в сторону и перехватил запястье капитана. Не прекращая своего плавного движения, Серый Рыцарь подставил сопернику подножку, используя набранную тел инерцию, чтобы провести бросок.

Твердый бетон мелькнул перед глазами Уриила, спустя мгновение врезавшегося в него с такой силой, словно его вгонял в землю сваебойщик. Весь воздух оказался выбит из его легких, и капитан едва успел оглянуться, чтобы увидеть опускающуюся на него тяжелую ногу. Он откатился в сторону, и босая пятка его противника расколола бетон. Затем Уриил прокрутился и вскочил на ноги, пока Назаний принимал очередной мощный удар по черепу.

Уриил потряс головой, прогоняя звон из ушей, и сплюнул кровь. Теперь он понимал, что недооценил твердость характера Серого Рыцаря. Быть может,

Леогегарий и желал продемонстрировать всем, что они с Назанием невиновны, вот только это ни в малейшей мере не означало того, что он сделает для них хоть какое-то послабление в испытании судом Императора.

Леогегарий отвернулся от Назания, и в этот момент Уриил обошел Серого Рыцаря слева под радостные крики солдат. Официальные лица Салинаса наблюдали за происходящим с молчаливым интересом, но фалькаты проявляли куда меньшую сдержанность. Серый Рыцарь не заметил этого прохода, поскольку был вынужден посмотреть на попытавшегося схватить его, пошатывающегося от боли Назания, в то время как Уриил нанес удар справа.

Кулак врезался в плечо Леогегария, не причинив серьезного вреда, зато заставив того на долю секунды потерять равновесие. Уриил тут же продолжил атаку серией стремительных выпадов в голову и был награжден тем, что сумел все-таки преодолеть оборону Леогегария и рассечь тому правую бровь.

В ответ к его собственной челюсти
устретился могучий кулак, но Уриил
предвидел это. Он специально допустил
некоторую слабость в своей защите,
провоцируя Леогегария нанести простой и
сокрушительный удар.

Прежде чем кулак Серого Рыцаря
встретился со своей целью, Назаний
перекатился на бок и провел хлесткий
секущий удар ногой чуть выше колена
соперника. Стопа сержанта
Ультратаринов, подобно стальной кувалде,
пробила плоть над талоберцовым нервом,
роняя Леогегария на землю.

Как только тот повалился, Уриил
прыгнул сверху, нанося один за другим
удары по лицу соперника, всей душой
ненавидя тот факт, что приходится
сражаться с сородичем в полную силу.

Когда он очередной раз заносил кулак,
Леогегарий вдруг распрямился, возна
перед этим раскрытую ладонь в солнечное
сплетение капитана. Не прекращая
движения, Серый Рыцарь рубанул правой
рукой по шее Назания.

Сержант издал сдвленный вскрик, и

глаза его закатились.

Уриил чуть отступил, пытаясь восстановить дыхание и распрямить сведенную спазмом диафрагму — боль в солнечном сплетении практически ослепляла его, он едва мог вздохнуть.

Леогегарий возвышался перед ним, словно титан, вырвавшийся из бездны, и Уриил был просто поражен тем, насколько быстро Серый Рыцарь оправился от удара Назания. Любой смертный воин вообще лишился бы после такого ноги, а другой костический десантник не смог бы подняться еще несколько минут.

Но Леогегарий двигался так, словно его и вовсе не били, и Уриил понял, что сражается против одного из величайших воинов Империи. Капитан вновь поднял сжатые кулаки, но был уже слишком изранен и медлителен, чтобы избежать тяжелых ударов, посылавшихся на его череп. Он отчаянно кружил по рингу, пытаясь увеличить расстояние между собой и соперником.

Уриил уже ничего не мог противопоставить этому бешеному

натиску и последний, определенно смертельный удар успел заметить буквально в последнюю долю секунды перед тем, как тот достиг цели. Кулак Серого Рыцаря описал дугу, обходя блок, и врезался в череп Ультратарина со скоростью молнии.

Уриил отлетел назад и безвольно распластался возле Пазания. Лицо капитана было разбито в кровь, а все тело покрывали многочисленные кровоточающие ссадины и синяки.

Он понимал, что должен подняться, но силы оставили его, и он просто лежал на бетоне, неспособный ни встать, ни сопротивляться, лишь только лежать и истекать кровью. Дыхание вырывалось из его легких прерывистыми болезненными хрипатами, и он ощущал во рту металлический привкус поражения.

Значит, вот так закончится его жизнь? Он будет избит до состояния кровавой каши воином, с которым должен бы был сражаться плечом к плечу? Унижение и ужас, испытываемые им от такого поворота дел, были просто

непредставимы.

Уриил заставил себя встопреяться в угрожающую кровавую пелену, чтобы увидеть нависшего над ним Леогегария.

--- Убивай уже и покончи с этим, --- прохрипел капитан, --- но знай, тем самым ты лишь поможешь врагам Императора.

--- Нет, --- ответил Серый Рыцарь. --- Я не собираюсь вас убивать. Испытание судом Императора завершено, и вы сумели доказать мне, что являетесь верными слугами Империи.

Уриил принял протянутую ему руку и, пошатываясь, поднялся на ноги.

--- Но ведь мы проиграли.

--- Суд Императора заключается не в том, кто победит, а кто проиграет, --- объяснил Леогегарий. --- Весь смысл в борьбе. Я --- воин Серых Рыцарей и несусвет Императора в самые темные уголки галактики. Лишь слуга Губительных Сил способен одолеть меня. Одержите вы верх, и доказали бы, что являетесь врагами. Тогда мои соратники расстреляли бы вас на месте.

--- Стало быть, вы знали, что мы

проиграем? — спросил Уриил, уstraшенный тем, что услышал.

— Знали? — пожал плечами Леогегарий. — Нет. Зато Император был со мной, и я был уверен, что сумею расправиться с вами и тем самым показать, что вы не служите злу.

Назаний тяжело поднялся на локте.

— Что случилось? — спросил он. — Мы победили?

— Полагаю, что да, — ответил Уриил.

— Это хорошо, — произнес Назаний, вновь скатываясь в забытие. — Так и знал, что мы его уделаем.

Чувство прикосновения к коже свежего нательника вызывало подлинное наслаждение, а часы ожидания казались просто невыносимыми. Пульс Уриила участился, пока он наблюдал за тем, как ремесленники Серых Рыцарей поднимают синий нагрудник силового доспеха, лежащий под боевым знаменем, и начинают закреплять броню на его теле.

Все это действо сопровождалось

торжественными псалмениями
прячущихся под капюшонами монахов,
которые после оправдания Уриила и
Назаниа казались тем не такими уж
жуткими.

Оба Ультратарина стояли на
приподнятом над полом подиуме перед
собравшимися воинами Серых Рыцарей и
куратором Лукасом Урбиканом в одном из
просторных залов Галереи древностей.
Каждый из Серых Рыцарей был облачен в
свои серебряные боевые доспехи,
украшенные многочисленными гирляндами
печатей чистоты.

Как только невиновность Уриила и
Назаниа и их верность Золотому Трону
были подтверждены, Серые Рыцари
сопроводили своих бывших узников на борт
«Грозового ястреба», где хирурги и
апотекарии обработали их раны. Все это
происходило в полнейшем молчании, и
Леогегарий отказывался отвечать на
любые вопросы, пока они не приведут себя в
порядок и не предстанут перед ним как
полноправные Астартес.

Уже и без того подживавшие ожоги на

руках были очищены стерильными мазями и покрыты синтенолостью, а многочисленные ушибы и ссадины, заработанные за время последнего испытания, обработали охлаждающими и унимающими боль составами.

Клейменым плечом Уриила занялся сервитор, встроенный в стену медицинского отсека «Громого ястреба». Его пощелкивающие механизмы быстро удалили шрамы от ожогов и восстановили ткани мышц и кожи.

Уже час спустя и Уриил, и Пазаний были признаны годными к возвращению в строй и получили чистые нательники, надевающиеся под силовую броню. Леогегарий лично вывел их из «Громого ястреба» и в сопровождении эскорта Серых Рыцарей прошеествовал с ними по опустевшему плацу к Галерее древностей.

Их уже дожидался куратор Урбикан, но дружелюбному лицу которого, когда он приветствовал гостей, растеклась радужная улыбка. Костогесантники вновь зашагали по сумрачным коридорам галереи, пока не оказались перед

комплектами силовой брони, некогда принадлежавшей Сынам Жиллимана.

Теперь восемнадцать из них были расположены в боевом порядке позади помоста, а девятнадцатый, выбранный Уриилом, оказался разобран на составные части и лежал под установленным на древко боевым стягом Салинаса, прежде украшавшим стену. Броня выглядела в точности так, какой ее и запомнил Уриил, — сверкающая свежей краской цветов Ультратаринов, и только шлем сочетал в себе синий и белый Сынов Жиллимана.

Рядом лежал еще один комплект, на сей раз полностью несущий родную расцветку и геральдику Ультратаринов. Уриил видел, какой восторг овладел Назанием, когда тот наблюдал за восстановлением символики их ордена несколькими днями ранее, и сейчас на лице сержанта отражались сходные эмоции.

— Приготовьтесь принять свою броню, воины Императора, — произнес Леогегарий.

Уриил и Назаний взошли на помост, и

оружейники с величайшим благоговением
поднесли им первые элементы доспехов.
Вначале они закрепили поножи,
набедренники и наколенники, за которыми
последовало подключение энергетических
контуров срединной части.

Часть за частью разложенные на
полосте доспехи были установлены на
подобающее им место, и Уриилу
показалось, что попутно в нем
возрождается его собственная душа.
Наконец настал черед налокотников и
перчаток.

Поврежденные части брони Назания
были починены и на одной руке заделаны
временной заглушкой в районе локтя.
Сержант отклонил предложение Серых
Рыцарей установить ему аугментический
протез, застенчиво объяснив, что ему бы
хотелось, чтобы этим занялись
технодесантники на Макразге.

Наконец подгонка пластин
завершилась, все части встали на свои
места. Каждая пластина доспехов была
тщательно начищена и смазана
священными маслами и составами, и

теперь оставалось закрепить лишь одну последнюю деталь. Мастеровые вставили нагрудник в соответствующие пазы, и Уриил услышал знакомое шипение и гул оживающей брони.

На плечах двух костодесантников застегнули чистейшие белые, отороченные мехом плащи, закрепленные на груди золотыми застежками в виде орлов. Защелкнулся латный воротник — плотно облегающий шею, но не давящий. Как только сработали гермоуплотнители, Уриил ощутил, как внутренние механизмы брони вновь наполняют силой его тело, гудя от переполняющей их невероятной мощи.

Щупы биоимплантатов осторожно выдвинулись из пазух доспехов и нашарили разъемы на его теле, соединяя органику с керамитом и неописуемо сложными механизмам брони костического десантника.

Уриил почувствовал, как его силы многократно усиливаются благодаря этим доспехам, увеличивающим его физическую мощь, выносливость и способность

крүшить врагов Имперіума.

Как только Уриил и Назаний полностью облачились в броню, Леодегарий шагнул вперед и вручил каждому из них сияющий новенький болтер. Гладкая поверхность оружия была позолочена и украшена невероятно изящными рисунками. Каждый болтер был совсем недавно тщательно смазан и снаряжен полной обоймой, расположенной сразу за дугой, прикрывающей спусковой крючок.

Уриил кивнул, изучая подаренное ему оружие; оно, казалось, ничего не весило. Броня просто бурлила силой, и капитан мог ощущать струящиеся по ней потоки энергии так, словно она стала его второй кожей.

Костиный десантник — это нечто большее, нежели просто сумма брони, оружия, навыков и самоотверженности. Объединяясь вместе, они давали что-то более значимое, чем просто набор разрозненных частей.

Как воин без оружия и доспехов мог быть легко убит его врагами, так и без веры и необходимых тренировок он мог

поддаться искушениям, ведущим по пути предательства.

Уриил своими глазами видел, что может случиться с воином, не обладающим должной телесной и духовной экипировкой, да и сам успел постоять на самом краю пропасти, куда многие до него срывались. Перед его глазами пронеслись воспоминания о кузнеце войны Хонсю и Аргарике Ваанесе, но все это были лишь призрачные, секундные образы уже ушедшего трагического прошлого.

Уриил повернул голову, разглядывая доспехи, и увидел прилепленный к наплечнику алой сургучной печатью трепещущий на сквозняке кусок пергамента, на котором мелким аккуратным почерком были выведены слова прекрасно знакомой капитану проповеди:

«И да накинет он одежды белые на душу свою, дабы спуститься в пучины грязные, но, погибнув, остаться праведником».

Леогегарий отступил назад и поклонился Уриилу и Назанию.

--- Добро пожаловать обратно в строй,
воины Ультратара, --- произнес он.

Глава восемнадцатая

Глаза Лито Барбагена пылали ненавистью, когда Уриил и Назаний строевым шагом вошли в его частную библиотеку бок о бок с Леогегарием и облаченным в рясу монахом, который нес в руках надушенную благовониями шкатулку из красного дерева. Серый Рыцарь на этот раз избрал в качестве одежды светло-бежевую туннику, поверх которой надел серебряную кольчугу, украшенную мехом горностая, но и без привычной тяжелой брони он производил величественное впечатление.

Сразу же за костогесантниками поспешали еще четверо людей, в срочном порядке вызванные Леогегарием. Первым шел кардинал Тогангис, обильно потеющий под церковными облачениями, впопыхах неправильно им застегнутыми и потому сидящими мешком.

Рядом с ним держался Серж Касуабан, на лице которого читалась смесь раздражения тем, что его отвлекли

от работы в Палатах Провидения, и
любопытства. Медикае был одет в
глинный темный плащ, брошенный
поверх рабочего халата, а его седые волосы,
быть может впервые за много лет, были
аккуратно причесаны.

За ним бок о бок шли Дарон Нисато и
Наскаль Блез, и последний, наго-
замечать, весьма неуютно себя
чувствовал ввиду надетых на него
железных наручников и еще менее уютно
из-за того, куда его привели, хотя и
понимал, что сейчас это действительно
необходимо.

Губернатор Салинаса восседал в
кресле, покачивая в руках огромный бокал
портвейна и взирая, как вся эта процессия
сваливается в его святая святых. Уриил
даже испытал нечто вроде истинной
радости, понимая, какое неудовольствие
это ему доставило. Капитан прямо-таки
визгел, каких усилий Лимо Барбагену
стоит держать язык за зубами, но даже
этому человеку не хватило бы смелости
отказаться от этого посещения, рискуя
навлечь на себя гнев Серых Рыцарей.

Нельзя не упомянуть также о том, что к самому Уриилу наконец вернулось чувство собственной значимости. Теперь, вновь обретя броню костического десантника, он был готов встать на защиту Империи плечом к плечу вместе с такими героическими воинами, как Леогегарий и Назаний. И хотя он понятия не имел, что собирается сказать на этом собрании командир Серых Рыцарей, но чувствовал повисшие в воздухе напряжение и ожидание.

Сразу же после того, как бескожие прокатились волной разрушений по Барбадусу, местные граждане высыпали на улицы, образовав стихийный митинг, требуя извинений и компенсации их убытков. Никто из людей, впрочем, точно не понимал, кому следует предъявлять эти требования, что не мешало их возмущению приблизиться к критической отметке и нуждаться в срочных ответных действиях. Несколько домов были сожжены дотла, весь северо-восток города оказался охваченным эпидемией стародерства.

Инфорсеры, подчинявшиеся Дарону Нисато, вывели на улицы остатки истребительской в их распоряжении бронетехники, поддерживаемые незначительными солдатами, согласившимися принять участие в патрулировании после того, что случилось с «Клекощущими орлами».

Барбадусом владело крайне мрачное настроение, и любая искра сейчас могла зажечь пожар кровопролитных мятежей городского масштаба.

События величайшей значимости пришли в движение, и Уриил понимал, что многие актеры разворачивающейся драмы не доживут до ее финала, если сделают хоть одно неверное движение. Монах опустил шкатулку на стол в центре комнаты, и Барбаген бросил на нее лишь краткий взгляд, прежде чем произнести:

— Брат Леогегарий, вы уверены, что с этим визитом действительно нельзя повременить? У нас тут, вообще-то, полный хаос на улицах моего города!

— Вы, губернатор, правы даже куда больше, чем сами можете полагать, — не

предвещающим ничего хорошего тоном
ответил Леогегарий, -- и, да, я совершенно
уверен, что это необходимо именно сейчас.
Можете мне поверить, прежде чем все
придет в норму, дела станут еще хуже.

-- Ну-ну, -- проворчал Барбаген,
отхлебывая из бокала и бросая полный
желчи взгляд на Наскаля Блеза. -- Раз уж
эта... шүтовская шайка тут собралась,
тогү я хоть үзнуть, зачем вам, брат
Леогегарий, понадобилось присутствие
известного террориста?

-- Я не террорист! -- воскликнул
Наскаль. -- Этот титул скорее подойдет
тебе, Барбаген!

-- И все же, -- произнес губернатор, -- я
распоряжүсь казнить вас раньше, чем
зайдет солнце.

-- Нет, не распорядитесь, -- возразил
Дарон Нисато, постукивая пальцами по
рукоятке пистолета. -- Если мы вообще
надеемся когда-нибудь установить мир на
Салинасе, этот человек должен жить.

Барбаген пропустил слова инфорсера
мимо үшей, словно того вовсе не
существовало, хотя Уриил не мог не

заметить, насколько потрачен губернатор оттого, что кто-то в его присутствии носит огнестрельное оружие.

--- В скором времени, губернатор Барбаген, вы получите ответ на этот вопрос, --- произнес Леогегарий, поочередно всматриваясь в лица всех присутствующих, и Уриилом овладел отчетливое ощущение того, что Серый Рыцарь разглядывает сейчас вовсе не их физический облик, но что-то, что видно ему одному. --- Эта шутовская шайка, как вы изволили выразиться, состоит из исключительно важных людей, и я собрал вас всех только потому, что видел --- каждый из здесь присутствующих сыграет свою роль в фортировании будущего планеты, если оно у него самого, конечно, будет.

--- Звучит как угроза, --- заметил Барбаген.

--- Вполне возможно, губернатор, --- признал Леогегарий, поднимая со стола шкатулку из красного дерева. --- Мне известно о беспорядках в вашем городе, но они могут и подождать, поскольку куда

большая опасность затаилась в тени.

--- Что еще за опасность? ---
потребовал ответа Барбаген.

--- Всему свое время, --- произнес
Леогегарий, и Уриил уловил по его голосу,
что тот уже устал отвечать на вопросы.
Губернатор тоже не мог этого не
замечить, а потому разумно предпочел
прикусить язык, наблюдая за тем, как
Серый Рыцарь открывает шкатулку и
извлекает из нее колоду карт. --- Искусство
картомантии пришло к нам из
древнейших времен, --- начал Леогегарий. ---
Оно зародилось задолго до установления
Империи и применялось в качестве
инструмента предсказания еще ранними
племенами, разбросанным по поверхности
Старой Земли.

--- Мы что, должны выслушивать
лекции по истории, пока мой город
горит? --- устехнулся Барбаген, и Уриил в
очередной раз поразился то ли невероятной
отваге, то ли глупости этого человека,
остеливающегося перечить столь
могучему воину, как Леогегарий.

Тот, впрочем, никак не выказал

раздражения тем, что его перебили, и продолжил:

— Что бы ни происходило сегодня, оно всегда имеет корни где-то в истории. И события в вашем городе также имеют причиной ошибки, совершенные в прошлом. Только изучая предшествующие события, мы можем чему-то научиться.

Барбаген вовсе не выглядел удовлетворенным подобным объяснением, но все равно кивнул, и Леодегарий заговорил снова:

— Я собрал вас вместе, поскольку все вы так или иначе связаны с тем, что происходит на Салинасе. И я уверен в этом, ведь это раскрыли мне карты. Так что идите все сюда.

Уриил и Назаний стояли по обе стороны от Серого Рыцаря, наблюдая за тем, как остальные подходят к столу. Барбаген, что ожидалось, приблизился последним, одарив Ультрамаринов полным злостью взглядом.

— Смотрите, — сказал Леодегарий, случайным образом вынимая карту и выкладывая ее перед Дароном Нисато.

На ней оказался изображенный облаченный в рясу мужчина, восседающий на троне, сжимая в одной руке меч, а в другой — золотые весы. Подпись под картинкой гласила: «Правосудие».

— Это вы, главный инфорсер, — произнес Серый Рыцарь. — Каким бы ни было ваше прошлое, пришло время исполнить и переоценить его. Есть там и ошибки, которые вы хотели бы искупить, и причинившие вам боль люди, но вы достаточно мудры, чтобы подойти к делу с позиций разума. Вы мечтаете сделать мир лучше, и эта карта показывает, что вы сумеете исправить свои промахи.

— И все это вы увидели в одной единственной картинке? — спросил Дарон Нисато.

— И в ней, и в вас самом, — ответил Леогегарий, извлекая еще одну карту и выкладывая ее перед человеком, стоящим возле Нисато. На ней оказался изображен человек, повешенный за лодыжки на веревке, свисающей с кубка, установленного на куполе имперского храма.

— Выглядит не слишком

обнадеживающе, -- произнес Паскаль Блез. --
-- Как я понимаю, она предсказывает, что
меня казнят, да?

-- Ну, для этого и карт не нужно, --
процедил сквозь зубы Барбаген. -- Жизней,
загубленных твоим бессмысленным,
глупым мятежом, мне вполне достаточно,
чтобы предсказать твою судьбу.

Прежде чем Блез успел ответить,
снова зазвучал голос Леогегария:

-- Жизнь еще не принесла тебе своих
благих плодов, но будь терпелив.
Прислушайся к собственному совету,
отбрось ненависть и доверься внутреннему
чувству. Оно сослужит тебе добрую службу.

Еще одна карта легла рубашкой вниз:
носящий рясу человек, сидящий между двух
колонн, с двумя ключами, лежащими у его
ног.

-- А это, кардинал Тогандис, вы --
церофант, -- произнес Леогегарий. -- Он
символизирует владычество веры и
религии, мудрые наставления, обращенные
к людским массам. Этот знак говорит о
вашей любви к ритуалам и церемониям, но
и о том, насколько вы нуждаетесь в чужом

одобрении. Церофант также указывает на важность следования протоколу.

Обливающийся потом кардинал ничего не ответил, и Серый Рыцарь продолжил.

На стол легло изображение пожилого седовласого мужчины, стоящего на самом краю заснеженного утеса и рассматривающего мир ногами. В одной руке он держал лампу, а в другой — крылатый посох, украшенный переплетшимися змеями.

— Отшельник, — произнес Леодегарий, глядя на Сержа Касубана. — В долгие ночи, накрывающие саму душу, Отшельник освещает нам путь к мудрости и знанию. Из его уст мы принимаем откровения самого Императора. Отшельник сопровождает нас, готовя к грядущим испытаниям. Напоминает нам о тех целях, что могут быть достигнуты, но в то же время предупреждает: путь будет вовсе не легким.

— Полагаю, там и для меня карта где-то спрятана? — спросил Барбаген, напуская на себя скучающий вид, хотя было

очевидно, что он ждет не дожидется, когда ему тоже выгадут предсказание.

--- Несомненно, губернатор, --- ответил Леодегарий, хлопком впечатывая карту в столешницу.

Облаченный в глинные одеяния мужчина стоял возле стола, на котором были разложены кубок, жезл, меч и пентаграмма. Вокруг него распускались цветы, а над головой повис символ, в котором Уриил узнал знак бесконечности.

--- Колдун, --- сказал Леодегарий.

--- Колдун? --- фыркнул Барбаген, хотя в его голосе и прозвучала тревожная нотка. --- Я, конечно, не самый лучший человек, брат Леодегарий, но какой же из меня колдун? Этим я, смею заверить, не занимаюсь.

Серый Рыцарь покачал головой:

--- Вы плохо понимаете символику карт, губернатор. Колдун --- это вовсе не обязательно в прямом смысле агент магии. Он олицетворяет человека, постоянно пребывающего во власти обстоятельств. Одной рукой он поднимает свой жезл к небесам, но вторая в этот миг

показывает на землю. Колдун одновременно предупреждает о скрытом потенциале и в то же время указывает на то, что человек, которому он выпал, большой перфекционист, что он разбирается со всеми вопросами и проблемами неторопливо и хладнокровно, но использует свою силу в разрушительных и негативных целях.

--- Брег какой-то, --- обиделся Барбаген, хотя по лицам окружающих становилось очевидно, что все они более чем согласны со словами Серого Рыцаря.

--- Осталось извлечь последнюю карту, --- произнес Леогегарий, --- и она будет вашей, капитан Вентрис.

Уриил кивнул. Это было ожидаемо, хотя, конечно, он и сам не знал, любопытно ему или страшно.

Карта, легшая перед Уриилом, изображала башню, воздвигнутую на вершине горы и разрушенную сверкающей молнией, ударившей с небес. С крыши здания падали две человеческие фигурки.

--- И что она означает? --- спросил капитан.

--- Гибель Башни напоминает нам о том, что если мы используем свои познания и силу во зло, то разрушение настигнет и нас самих, --- пояснил Леогегарий. --- Когда выпадает Башня, речь идет о переменах, внутреннем конфликте, катастрофе. Более того, она означает, что вся жизнь в любой момент может перевернуться с ног на голову.

--- А что, тебе подходит, --- сухо отметил Назаний.

Уриил нахмурился, но Леогегарий еще не закончил своего прорицания.

--- Однако через разрушение приходит просветление. Еще Башня напоминает, что наши личные амбиции и жадность никогда не позволяют добиться чего-нибудь хоть сколь-либо значимого.

Уриил понял, что стоит, заткнув рот, и посмотрел на людей, собравшихся вокруг стола. Все они были ему знакомы, за исключением, быть может, Касуабана, и капитан видел, что предсказания обеспокоили их всех, включая даже губернатора Барбагена.

--- Как можете понять, все вы

совершенно необходимы для разрешения
данного конфликта, --- произнес
Леогегарий. --- Какую роль вам надлежит
сыграть, то мне еще неведомо, но ваши
жизни неотрывно связаны с судьбой этого
мира.

--- Но что вы имели в виду, когда
говорили о том, что Салинасу грозит куда
большая опасность? --- спросил Уриил. ---
Прозвучало так, словно все эти беспорядки
являются всего лишь признаком чего-то
более серьезного.

--- Так и есть, капитан Вентрис, но
прежде, чем ответить, мне придется
ввести вас в курс дела относительно
истории Салинаса.

--- Мы уже изучили историю
Салинаса, --- встрял Лито Барбаген. --- У
любой, кому интересна эта занудная
чепуха, может ознакомиться с ней в
Галерее древностей.

--- Я говорю о той истории Салинаса,
каковая известна моему ордену, --- отрезал
Леогегарий.

Прежде чем Серый Рыцарь начал свое

повествование, он бросил пару фраз в закрепленный на запястье вокс-передатчик и хранил полнейшее молчание, пока нүль-сервиторы не расположились вдоль стен комнаты. Заняв полагающиеся места, они завели свое заунывное пение, и Уриил выдал, насколько шокирует остальных жутковатый облик этих созданий. Даже Барбаген старался не смотреть на них.

--- Теперь я могу рассказать вам правду, --- произнес Леогегарий. --- И правда эта обладает такой силой, что сама по себе способна вырваться за пределы человеческого мира. Мне придется произнести слова, ни одно из которых не должно покинуть пределы этой библиотеки.

При виде лишенных всяческих эмоций сервиторов по спине Уриила поползли мурашки; он снова ощутил уже знакомую вальность, проникающую в него вместе с песнопениями. Леогегарий тем временем продолжал:

--- Чтобы разобраться в происходящем на Салинасе, вам следует уяснить себе природу выступившего против нас врага. В

этот уголке галактики стена между материальным миром и безумием варна крайне тонка. Течения, приводящие в движение Море Душ, задевают и этот мир, подхлестывая грезы и кошмары простых смертных, внося дисгармонию в биение их слабых сердец. Ненасытные хищники блуждают в варне, но в большинстве мест они неспособны покинуть проклятое обиталище без помощи тех, кто желает отдать им свое тело, или мерзких пособников, могущих облегчить переход. Но здесь... здесь демоны, обладающие большой силой, способны воплощаться и самостоятельно.

Леогегарий помедлил, и Уриил передернулся, вспомнив об обитателях варна, — он уже встречался с подобными существами и знал, какого шуту они способны наделать.

— Одна такая тварь уже объявлялась на Салинасе чуть более четырех тысяч лет назад — это был падший демон-принц, известный как Астарот; тысячи проклятий на его гадкое имя. Этот принц Хаоса был существом почти безграничных

возможностей и невероятной злобы, и
брешь, пробитая им при выходе из варна,
позволила многим другим отрогьям
сбежать из империума. Разразилась
великая бойня, и многие сотни людей
погибли в первые же ее часы, а в
последующие дни — еще тысячи. В
отчаянии воззвал имперский управляющий
о помощи, и подразделение Сынов
Жиллимана откликнулось на зов. Зная,
что надежды на победу у них весьма мало,
они все равно попытались оказать ту
помощь, какую могли, ибо какой человек
чести сможет остаться в стороне, пока
войска Архиврага охотятся на верных слуг
Императора?

Сердце Уриила наполнилось
гордостью за героизм его братьев по крови,
и он произнес про себя торжественную
клятву, что не осрамит брони,
принадлежавшей одному из героев былых
веков.

— Сыны Жиллимана сражались
плечом к плечу с планетарными войсками,
но их оказалось слишком мало, чтобы
противостоять ордам демон-принца.

накатившим волной и уничтожившим всех
до единого в великой битве за город,
лежащий в тени гор.

Уриил и Назаний обменялись
быстрыми взглядами. Каждый в этой
библиотеке, пусть и сам не понимал как,
но знал, что речь идет о Хатүриане.

Зона Поражения, похоже, была
поглотителем магнитом, притягивающим
смерть.

--- Убийства, непредставимые
кровавые ритуалы, рабство --- все это
продолжалось здесь еще целый десяток
лет, пока не подоспели воины Серых
Рыцарей, идущие на острие крестоносных
сил. Мой орден сошелся с демон-принцем в
битве, и великий Узначий поверг его в
поединке, отправил мерзкую тварь
обратно в ад, из которого она выбралась.
Салинас был очищен от скверны и вновь
населен людьми с разных концов сектора,
чтобы восстановить численность
граждан. Когда стенилось три поколения,
уже мало что могло наполнить об-
становленном вторжении, и планета
вновь стала превращаться в типичный

мир во власти Императора.

Леогегарий потянул и прикрыв веки, вспоминая и вознося молитву за душу отважного героя, одолевшего могучего принца Хаоса. Затем Серый Рыцарь снова открыл глаза и продолжил свой рассказ:

--- Салинас был вырван из демониических лап, но нанесенный ему ущерб простирался далеко за пределы одного лишь физического бытия. Хотя ни одному из порождений варпа не удалось спастись, визит столь могущественного существа уже успел нарушить саму ткань мироздания, и незримые стены, отделяющие нашу реальность от ультиматума, стали еще куда более опасно тонки. А демоны всегда стремятся вернуться туда, где однажды успели устроить пир.

--- Значит, с тех самых пор вы приставляете за Салинасом? --- неожиданно встрял Назаний. --- Поэтому вы и прилетели?

--- Именно так, --- подтвердил Леогегарий. --- После той великой победы мы создали тайный наблюдательный пост,

скрытый от любых посторонних глаз, дабы
вечно стоять на страже Салинаса и
ждать возвращения демон-принца, однажды
изгнанного великим Игнацием.

--- Вы перехватили мое
астронавтическое сообщение, --- произнес
Уриил, вдруг поняв, откуда Серым
Рыцарям стало известно об их
местоположении. --- Услышали вызов
Яниценсов.

Леогегарий кивнул:

--- Так и есть. Кроме того, наши
варновидцы ощутили возмущение в
илматериуме, вызванное вашим
прибытием. Опасные энергии в
невероятном количестве прорвались в наш
мир вместе с доставившей вас машиной, и
ими воспользовались темные силы, уже и
без того блуждавшие по планете.

--- Темные силы? --- спросил кардинал
Тогандис грожащим голосом. --- Вы
говорите о демон-принце?

--- К счастью, нет, --- ответил
Леогегарий, и Тогандис, вздохнув с
облегчением, облокотился на стол. --- Вот
только силы эти смогли воспользоваться

подаренной им энергией, что, опять же, повлекло за собой дальнейшее истончение барьеров между нами и варпом.

--- Что представляют собой эти силы? --- спросил Дарон Нисато. --- И как мы можем их остановить?

--- Да все мы прекрасно понимаем, о чем речь, --- неожиданно взорвался Тогандис, и глаза его наполнились слезами. --- Не так ли? Давайте, признайтесь же наконец, что все мы их увидели! Дарон? Лито? Серж... я знаю, что это так!

--- Что ты несешь, Шейво?! --- рявкнул Барбаген.

--- Мертвецы! --- закричал кардинал. --- Убитые в Хатүриане! Их гневу нет предела! Они мечтают покарать нас за все, что мы натворили... и за то, чему мы позволили случиться.

Тогандис упал на колени, и Уриил протянул руку, чтобы подхватить его. Кардинал сжал ладонь костомодесантника, ища поддержки, и по его пухлым щекам покатились слезы.

--- Мы все были там, --- прошептал
Тогандис. --- Мы были там.

--- Шейво, заткнись, --- произнес
Барбаген.

Кардинал поднял взгляд на
губернатора, и Уриил был изрядно удивлен,
увидев в нем стальной блеск.

--- Нет, Лито, --- ответил Тогандис, ---
не заткнусь. Ты совершил это. Ты вынес
нам всем приговор в тот день. Я обязан
исповедаться. Обязан рассказать!

Прежде чем кардинал успел
произнести еще что-нибудь, у него за
спиной вырос Эвершет, сжимавший в руке
пистолет. Уриил стоял слишком далеко,
чтобы успеть помешать, но вдруг
сверкнула серебром кольчуга, раздался
характерный хруст, и убийца рухнул на
пол.

--- Кровь Императора! --- выругался
Уриил, разглядывая лежащего на ковре
телохранителя Барбагена; из огромного
кратера, оставленного кулаком
Леодегария на виске Эвершета, текла
кровь. Его ноги дергались, а веки
трепыхались, словно этот человек никак

не мог стириться с тем, что его убили.

Все вдруг понялись прочь от утирающего, в то время как Леогегарий навис над Лито Барбагеном.

— Что должно быть сказано, то сказано будет, — не терпящим возражений тоном произнес Серый Рыцарь.

— Конечно, конечно, — ответил ему губернатор, рассматривая труп, кажется, впервые действительно напуганный стоящим перед ним воином.

Леогегарий вновь повернулся к потрясущемуся от страха кардиналу, чтобы подхватить того под руку и поднять на ноги так, словно толстяк весил не больше ребенка. Затем Серый Рыцарь сопроводил обессилевшего Тогандиса к единственному креслу в этой комнате, и истекающий потом священник с большим удовольствием погрузился в уют мягкой кожи.

— Он... он собирался меня убить? — спросил Тогандис, чей взгляд метался между покойником и воином, который размазал мозги Эвершета по полу.

— Именно так, — кивнул Леогегарий, —

... чтобы защитить своего хозяина.

Взгляды всех присутствующих обратились к Барбагену, и губернатор распрямился в полный рост, тщательно расправил мундир и сложил руки на груди.

--- Мне извиняться не за что, --- заявил он. --- Я делал то, что должен был. И любой управляющий на моем месте поступил бы в точности так же.

--- Нет, --- произнес Уриил, приближаясь к губернатору, --- не поступил бы. Вы уничтожили все население Хатүриана только потому, что это было самое простое и быстрое решение. Погиб целый город, десятки тысяч людей --- и все это ради того, чтобы вы смогли покончить с одним-единственным человеком.

--- Хатүриан являлся законной военной целью, --- возразил Барбаген.

--- Военной целью? --- воскликнул Наскаль Блез, побагровев от ярости, и лишь своевременное вмешательство Дарона Нисато не позволило ему наброситься на губернатора. --- Сыны Салинаса никогда не хранили в городе ни

оружия, ни припасов! Мы намеренно старались держать их подальше от неприятностей, чтобы не подвергать опасности жизни наших семей. Вы просто убили их всех!

— Этот город защищал находящиеся в розыске террористов, и потому его население стало целью для моих солдат, так что мне непонятно, с какой стати ты обвиняешь меня в убийстве.

— Нет! — крикнул Тогандис, вскакивая на ноги. — Все ты понимаешь, Лито. Ты знал, что у многих из Сынов Салинаса есть семьи в Хатүриане. И только поэтому ты сделал город своей мишенью. Еще до того, как первый танк въехал на его улицы, ты уже знал, что сровняешь там все с землей. Ты приказал Верене Каин, и она отправилась уничтожать все живое. И все это только ради того, чтобы Сильван Тайер обезумел от горя и в ярости сунулся в открытый бой.

— Так ведь сработало, верно? — устехнулся Барбаден. — Почему вы этого не понимаете? Мы покончили и с ним, и с Сынами Салинаса. Мы добились мира!

--- Мира? --- горько застелся Серж
Касуабан. --- Какой же ты глупец, Лито,
если и в самом деле так полагаешь.
Проведи, что ли, денек в Палатах
Провидения, чтобы полюбоваться, какой
«мир» ты принес Салинасу.

--- Так вот в чем дело! --- расхохотался
Барбаген. --- Все это дешёвый спектакль,
призванный заставить меня раскаяться?
Собрали здесь кучку жалких червяков,
которым никогда бы не хватило ни воли,
ни мозгов, чтобы выполнить необходимую
работу, и позволяете им тыкать в меня
своими хилыми культяпками?

Лито Барбаген повернулся к ним
спиной и направился к барному шкафчику,
чтобы налить себе ещё портвейна.

--- Мы находились в состоянии войны, ---
продолжил губернатор, тщательно
выговаривая каждое слово, словно
разговаривал с толпой идиотов, --- а
война такая штука... на ней люди
погибают.

--- И этим вы пытаетесь оправдать
массовое убийство? --- спросил Уриил.

--- Массовое убийство, военная

необходимость, геноцид, --- произнес
Барбаген, пожимая плечами, --- означают
эти слова одно и то же, не так ли?
Капитан Вентрис, будет вам известно,
что тот же великий Солар Махарий никогда
не уходил от трудных решений, если в них
возникала необходимость. За его спиной
оставались выжженные дотла миры и
вырезанные под корень планеты, и все-таки
вы называете его героем. Его имя
прославилось на весь Империйт, а его
генералы почитаются в качестве святых.
Готовы ли вы бросить ему те же
обвинения? Войны выигрывает та сторона,
которая способна зайти дальше и принять
решения, для которых ее противник
оказывается слишком слаб. Или же вы
провели вне ордена столько времени, что
уже забыли о таких простых истинах?

--- Вы заблуждаетесь, губернатор, ---
возразил Уриил. --- Я достаточно повидал
стертей, и благородных, и подлых, и
прекрасно осознаю, что война --- грубое,
кровавое дело, пробуждающее в людях
одновременно и самые прекрасные, и самые
отвратительные черты. Мы живем в

жестокой, опасной галактике, во тьме которой кружат неописуемые ужасы, только и мечтающие, чтобы поглотить нас, но, позволяя себе обратить оружие против своих же собратьев, мы с тем же успехом могли бы просто приставить нож к собственному горлу.

--- Никогда бы не подумал, что костический десантник может быть столь наивен, --- сплюнул Барбаген. --- Мы пребывали в состоянии войны с противником, наносящим удары из тени и избравшим тактику террора. Как бы мы могли победить, если бы не прибегли к их же собственным методам?

--- Когда-то ты был человеком, Лито Барбаген, но чудовищем суть стал, --- произнес Шейво Тогандис. --- Было время, когда я гордился тем, что служил с тобой, пока все не изменил тот день, и теперь все мы понесем за него расплату.

--- Расплату? --- спросил Барбаген. --- И кто же меня заставит?

--- Я уже говорил: мертвые взыскуют отомщения.

--- Мертвые? --- растеялся

губернатор. -- Но правде сказать, я их не очень-то боюсь. Не в их юрисдикции пока.

-- Ошибаешься, -- сказал Тогандис. -- Я видел их. Чувствовал их ледяное дыхание и касание мертвых пальцев. Они хотят поквитаться за то, что мы с ними сделали. Ганнон Мербал больше не смог этого выносить и распрощался с жизнью прямо на глазах у Дарона, и хотелось бы мне облагать той же смелостью. Во имя любви Императора, да ведь ты же знаешь, что мертвецы уже погубили и Мезиру Бардгил, и Верену Каин, и «Клекочущих орлов»! А теперь пришла и наша очередь -- моя, твоя, Сержа. Больше никого не осталось.

Леодегарий поднял руку, не давая Барбагену ответить.

-- Кардинал говорит правду, мертвые уже здесь. Я ощущаю их присутствие, и вовсе не обязательно облагать ментальным даром, чтобы почувствовать буйствующих призраков. Вся планета стонет от них.

-- Но как такое возможно? -- спросил Уриил. -- Как могут мертвые вернуться.

после того как их уже похоронили?

--- В каждом из нас живет искра, дух или душа -- называй как хочешь, -- и в момент смерти она покидает тело, чтобы раствориться в варне, -- ответил Леогегарий, -- но, когда одновременно погибает столь великое число людей, да еще и охваченных такой ненавистью и таким страхом, какие, несомненно, испытывали жители Хатүриана, их души вполне могут сохранить самоосознание.

--- И что тогда с ними происходит? -- спросил Паскаль Блез.

--- В обычных условиях -- ничего, поскольку эти призраки подобны едва тлеющим уголькам, переносимым ураганом, но если появляется нечто, способное их объединить, направить их энергию в общее русло, то они обретают возможность влиять на мир живых. И даже тогда они, как правило, остаются не более чем недолговечными фантомами, но сила, приведшая их в мир, становится сильнее с каждой секундой.

--- Так вот кем были чудовища, убившие Мезиру? -- спросил Дарон

Нисато. -- Разгневанными мертвецами?

-- Нет, это сделали создания из плоти и крови, -- ответил ему Уриил. -- Мы повстречали их во время своего путешествия и искали для них новый дом. Когда-то они были обычными человеческими детьми, но их изуродовали Губительные Силы, превратив в... -- капитан затолчал, не в силах подобрать подходящее слово.

-- Монстров, -- подсказал Нисато.

-- Нет, не монстров, -- возразил Уриил. -- Они остались чисты. Но души мертвых овладели их телами. То, что происходит, не их вина.

Лито Барбаген вновь застелся.

-- Так значит, вы, капитан Вентрис, утверждаете, что притащили этих тварей с собой на Салинас? Это признание дорогого стоит. Стало быть, смерть «Клекочущих орлов», полковника Каин и Межиры Бардгил -- ваша вина.

-- Нет, губернатор, -- ледяным тоном ответил ему Уриил. -- Их смерть лежит на вашей совести. Бескожие вполне могли мирно прожить в каком-нибудь тихом и

безопасном месте, если бы вы не учинили
весь этот ужас в Хатүриане. И теперь они
всего лишь пешки в кровавой игре, начатой
вашими жертвами.

— И что хуже всего, она вполне
может закончиться гибелью всей
планеты, — добавил Леогегарий.

Поток взаимных оскорблений внезапно
прервался.

— Гибелью? — переспросил Касүабан. —
Но, заклинаю вас именем Императора,
скажите почему?

— Чем большую силу набирают
мертвецы, тем сильнее они притягивают
к себе энергии варна, расширявая тем
презграды, что препятствуют
имматериуму захлестнуть ваш мир. Если
нам в самом скором времени не удастся
положить всему этому конец, стены
рухнут, и целый сектор превратится во
Врата Хаоса. Впрочем, я уничтожу эту
планету раньше и не допусщу такого
исхода.

В комнате повисло тяжелое
молчание; все обдумывали размах
нависшей над ними угрозы.

--- И как же мы их остановим? ---
спросил Уриил.

--- Необходимо найти то, что
удерживает здесь призраков, и
уничтожить, --- ответил Леогегарий.

--- А что их может держать? ---
поинтересовался Тогандис.

Поскольку Серый Рыцарь не дал
незамедлительного ответа, Барбаген
произнес:

--- Вы этого не знаете, верно?

--- Нет, я не знаю, но вот один из вас ---
знает.

--- Один из нас? --- переспросил Уриил. ---
Но кто?

--- Опять же, это мне неведомо, но
карты неспроста привели вас сюда, ---
отозвался Леогегарий. --- Энергии этих
духов должны были найти что-то вроде
фокальной точки, позволившей им
материализоваться. Быть может, кого-
то, обладающего псайкерскими
способностями и в достаточной мере
исполненного гнева, чтобы привлечь столь
чудовищные силы.

Вновь воцарилось молчание, но затем

Наскаль Блез произнес:

--- Я знаю, кто это.

--- Кто? --- потребовал Леогегарий. ---

Скажи нам.

--- Сильван Тайер.

--- Чепуха, --- отрезал Барбаген. ---

Этот скудоумный ублюдок давно мертв. Фалькаты расправились и с ним, и с его поглой бандой сразу после Хатүриана.

Серж Касүабана покачал головой.

--- Нет, Лито, --- произнес он. --- Тайер жив. То, что от него осталось, на данный момент подключено к машинам в Палатах Провидения, хотя, конечно, назвать подобное существование жизнью сложновато.

--- Так ты знал, что Тайер не погиб, и скрывал это от меня?! --- взорвался Барбаген.

--- Именно так, --- признал Касүабан. ---

Это часть моего покаяния за то, что я совершил. Он был человеком, который оказался на грани жизни и смерти из-за моей трусости.

Леогегарий вмешался в их спор, развернув Сержа Касүабана к себе лицом:

--- Кто этот Сильван Тайер?

Расскажите о нем.

--- А что вы хотите услышать?

--- Вы сказали: «То, что от него осталось». Что вы под этим подразумевали?

--- Только то, что фалькаты с большой основательностью подходят к своей работе; они полагали, что убили его, поскольку и в самом деле почти удалось. Когда Блез доставил его ко мне, я вначале решил, что этот человек уже мертв, но он цеплялся за жизнь, отказываясь признавать поражение. Почти девяносто процентов его тела покрывали ожоги, он потерял обе ноги и руку. Пламя съело его глаза, он утратил способность говорить. Полагаю, он еще может слышать, хотя утверждать этого не могу. За него дышит машина, его кормит машина, и она же помогает ему избавиться от испражнений. Как я уже говорил, жизнью это можно назвать весьма условно.

--- О Император, человечнее было бы позволить ему умереть! --- воскликнул

Пазаний.

--- Знаю, --- произнес Касуабан, угрожающим, готовым сорваться голосом, --- только я не стог. После всей этой бойни в Хатүриане я поддерживал себя в здравом рассудке только тем, что постоянно убеждал себя: я никого не убил, не сделал ни выстрела. И если бы я организовал для Тайера эвтаназию или же просто позволил ему отойти в мир иной, то был бы ничем не лучше тех, кто спалил Хатүриан.

--- Если кто и может держать в себе исконную нашу ненависть, так это человек, чья семья была уничтожена в Хатүриане, --- кивнул Леогегарий. --- Быть узником собственного разрушенного тела... что ж, это вполне могло стать катализатором, активировавшим латентные псайкерские способности.

Леогегарий крепко стиснул в ладонях плечи Касуабана.

--- Так вы говорите, Сильван Тайер лежит в Палатах Провидения?

--- Да, --- ответил медик.

--- Ведите нас туда, --- велел Серый Рыцарь, --- пока не стало слишком поздно.

Глава девятнадцатая

«Лэндрейдер» громко завывал мотором и насквозь провонял едким, но все равно показавшимся Уриилу родным запахом топлива. Капитан был облачен в позолотенную броню и ехал на битву в одной из самых мощных машин, имевшихся в распоряжении Космического Десанта, — очередной явственный намек на то, что вынужденное изгнание подошло к концу.

Рядом сидел Назаний, всецело сосредоточившись на пикт-планшете, на который сейчас было выведено грожащее изображение территорий вокруг «Лэндрейдера». Напротив него располагалась пятерка Серых Рыцарей в начищенных до металлического блеска серебряных доспехах.

Возле передней штурмовой рамы стоял Леогегарий, вновь переодетый в свою колоссальную терминаторскую броню. Командир Серых Рыцарей прочно сжимал в массивном кулаке древко глиняной алебарды. Вместо обычного штурмового

болтера в одну его латную перчатку было вмонтировано нечто, что, как поведал сам Леогегарий, являлось пси-пушкой. Это оружие стреляло не разрывными болтами, но уничтожало врага сгустками священного пламени, имеющими чистый серебряный цвет, столь ненавистный демоническим и противоестественным созданиям.

Уриил держал в руках подаренный Леогегаром болтер, чьи изящные линии и удивительно тонкая работа превосходили все когда-либо виденное капитаном. Это был поистине королевский подарок, и Уриил очень надеялся, что покажет себя достойным столь великолепного оружия в предстоящем сражении.

Целюзий он не строил — уже вечером предстояло пролиться крови.

Ему хватило лишь выйти из дворца в сгущающиеся сумерки, чтобы ощутить тягостное чувство приближающейся опасности. Присутствие мстительных покойников наэлектризовало воздух и едва заметно дергало за ниточки нервов.

Не тратя времени на пустяки,

Леодегарий собрал своих солдат, прихватив заодно и Уриила с Назанием, а также и Сержа Касуабана, и вместе с ними поехал по улицам Барбадуса, направляясь к Палатам Провидения. Следом за «Лэндрейджером» катились два «Рино», но, какой бы страх ни внушали громоздкие машины, быстрой ездой никак было не назвать — городские артерии были переполнены напуганными, шумящими, возмущенными людьми.

— Однако шумновато здесь, — произнес Назаний, не отводя взгляда от пикт-планшета.

— Никто из них не знает, что происходит, зато все понимают, что это определенно нечто очень скверное, — ответил Уриил.

— Ага, даже спорить не о чем, тут и к псайкеру не ходи, настолько все очевидно, — согласился с ним Назаний, кидая взгляд в сторону Леодегария. В полутраке десантного отсека лезвие его алебарды светилось красным огнем, и Уриил поежился, ощущая, как излучаемые ею энергии отзываются тревожным

покалыванием в его позвоночнике.

--- Оружие «Немезида», --- произнес Леодегарий, обратив внимание на изучающие взгляды, --- лезвие выковано лучшими мастерами Титана и закалено в крови демона.

--- Что насчет бескожих? --- спросил Уриил. --- Оно способно их убить?

--- Уже убил двоих на площади перед разрушенным зданием, где мы вас подобрал.

--- Двоих, --- с печалью в голосе произнес капитан, --- стало быть, остается еще пятеро или шестеро.

--- Испытываешь к ним симпатию? --- поинтересовался Леодегарий.

--- Да, --- подтвердил Уриил. --- Они всего этого не заслужили.

--- Может, и так, но мало кто в нашей галактике получает именно то, чего заслуживает.

--- Вот он вполне может, --- заметил Назаний, ткнув большим пальцем в сторону Сержа Касабана, с несчастным и жалким видом скорчившегося в дальнем углу отсека. Отвернувшись от удрученного

медики, сержант обратился к
Леогегарию: -- Я все еще настаиваю, что
вернее всего будет разбомбить там все
прямо с орбиты. У вас же есть корабли,
верно?

-- Конечно, -- даже не поворачиваясь к
нему, ответил Леогегарий, -- и если нам с
вами не удастся остановить Сильвана
Тайера, я прикажу нанести точечный
орбитальный удар.

-- Вы не постесняетесь! -- закричал Сержант
Касуабан. -- В Палатах Провидения полно
людей, ни в чем не повинных людей, не говоря уже
о том, скольких простых горожан вы
неотвратимо зацепите такой
бомбардировкой! Отдав подобный приказ,
вы окажетесь ничем не лучше Барбагена!

-- Или, скажем, вас, -- парировал
Пазаний. -- Вы ведь тоже участвовали в
уничтожении Хатүриана.

-- Я никого не убивал, -- защищаясь,
произнес Касуабан.

-- Вы позволили Барбагену отдать
приказ, -- сказал сержант. -- Или я путаю
и вы пытались его остановить?

-- Вы плохо его знаете. Если уж Лито

что надумал, ничто на всем белом свете
неспособно его переубедить.

--- Кстати о птичках, --- произнес
Назаний, поворачиваясь к Уриилу, --- а
почему бы нам просто не дать этим
мертвым парням то, что они просят?
Барбаген и Тогандис посажены по
клеткам, этот у нас прямо здесь, так,
может, каждому по пуле в затылок? Не
решит ли это нашей проблемы?

--- И вы способны хладнокровно меня
убить? --- возмущился Касуабан.

--- Ага, если это хоть как-то поможет
спасти планету, --- кивнул сержант, --- и
даже глазом не моргну.

--- Прекрати, Назаний, --- отрезал
Уриил. --- Мы никого расстреливать не
станем. Речь идет о правосудии, но не об
отмщении. Мы остановим Сильвана
Тайера, а потом все трое предстанут
перед судом за военные преступления.

Уриил помедлил, его посетила
неожиданная мысль, и он повернулся к
Леогегарию:

--- А безопасно ли держать Барбагена
и Тогандиса в дворцовой тюрьме?

Мертвяки их там не достанут?

--- Нет, я воздвиг над ними купол
эпидемии, --- ответил Серый Рыцарь. ---
Никаким силам варна до них не
дотянуться.

У Уриила было еще великое
множество вопросов, но тут Леогегарий
поднял руку и произнес:

--- Мы на месте.

--- И как там снаружи?

--- Плохо.

Невзирая на тот факт, что его
запирали в клетку где-то в катакомбах
под имперским дворцом, Шейво Тогандис
пребывал в куда более умиротворенном
настроении, нежели когда-либо за
последние десять лет. Груз вины если и не
исчез совсем, то хотя бы стал куда
меньше давить на его плечи после того,
как правда о Зоне Поражения вышла
наружу.

В круглом тюремном зале было
довольно прохладно, и впервые за долгое
время кардинал не обливался потом. Хотя
с него и сорвали церемониальные одежды,

но собственное исподнее ему пришлось оставить, поскольку на толстяка не налезла бы никакая тюремная роба.

Он опустился на колени, повернувшись к безликой башне надзирателей, возвышающейся в центре круга, и принялся читать молебен, разгоняющий пустоту в его сознании, порожденную страхом перед разоблачением.

— Думаешь, тебе помогут молитвы? — спросил Лито Барбаген из соседней клетки.

Тогандис довел до конца чтение сакрального текста и только тогда повернул лицо к человеку, жившему в его ночных кошмарах все последнее десятилетие. Глядя на него теперь, кардинал и сам уже не понимал, почему так долго его боялся. Быть может, Лито Барбаген и был монстром в душе, но телом оставался человеком. Не слишком сильным, не слишком утлым — самым обыкновенным.

Таким же, как сам кардинал.

И именно это делало их преступление еще более ужасающим.

Кто мог ожидать, что подобные
отвратительные поступки способны
совершить такие вот ничем не
примечательные люди?

Казалось само собой разумеющимся,
что уничтожение столь многих жизней
могло быть учинено лишь крылатым
огнедышащим демоном или ордой
кровожадных орков.

Но нет, все это было совершенно
руками самых простых мужчин и женщин.

Они сделали это, и близость
расплаты принесла бывшему кардиналу
некоторое облегчение.

--- Полагаю, Лито, помолиться не
помешает в любом случае, --- отозвался
он. --- Нам всем предстоит рассчитаться
за то, что мы сделали, и мне хотелось бы
вначале примириться хотя бы с
Императором.

--- Они сколько угодно могут
разыгрывать этот фарс с испытаниями,
но я ни за что не стану каяться. От меня
им ничего не добиться.

--- Даже сейчас, когда все выплыло
наружу, ты так и не понял, что мы

совершили ошибку?

--- Конечно же нет, --- отрезал Барбаген.

--- Ты и в самом деле запутался, Лито, --- произнес Тогандис, покачивая головой. --- Я всегда знал, что ты опасный человек, но до этой минуты даже и не представлял насколько.

--- О чем это ты там бормочешь?

--- У тебя черное сердце, Лито, --- продолжал кардинал. --- Ты стал средоточием преследующего нас зла, ты с готовностью направишь нас совершать любые гнусности, да еще и с улыбками на лицах. В сердце каждого из нас есть нерушимый барьер, проводящий черту между добром и злом... у всех, но не у тебя. Не знаю, как так вышло, но ты просто лишен этих понятий и думаешь лишь о результатах.

Слова одно за другим срывались с уст Тогандиса, неожиданно для себя ощутившего катарсис.

Договорив, он прикрыл глаза и улыбнулся, почувствовав слабый, но вполне отчетливый запах паленого мяса.

— Они идут, Лито.

Тогандис повернул голову и посмотрел за решетку, откуда доносились встревоженные крики других заключенных.

Посреди зала собиралась мерцающая дымка, словно одна из труб вдруг лопнула и начала подавать в тюрьму горячий пар. Но Тогандис прекрасно понимал, что дело совсем в другом, и улыбался, наблюдая, как туман принимает очертания трепещущих призрачных фигур.

Вначале из мерцающего тумана выступила совсем юная девочка в почерневшем тлеющем платье. Ее плоть сильно обгорела и сползала с костей неровными лоскутами.

За девочкой последовали и другие — мужчины, женщины, дети. Они продолжали прибывать, пока весь тюремный зал не заполнился ожившими мертвецами.

Они перемещались так, словно их переносил легкий сквозняк, приближаясь к клеткам. Тогандис ожидал с некоторым облегчением, осознавая, что теперь ни ему, ни Лито Барбагену уже не придется

предстать перед судом.

Кардинал покосился на губернатора и так и не смог решить, возмущаться или восхищаться полным отсутствием эмоций на его лице. Низвергнутый правитель Салинаса, казалось, ни на йоту не был напуган этими воплощениями смерти, так же как никогда и ничего не страшился в своей жизни прежде.

«Насколько же серым должно быть его существование», — подумал Тогандис.

Девочка повернулась к Барбагену и произнесла:

--- Ты был там.

--- Чертовски верно, --- осклабился бывший губернатор. --- Я убил тебя и ни капельки об этом не жалею.

Лицо девочки исказила гримаса, она бросилась к Лито Барбагену, истекая светом и размываясь очертаниями.

Прутья решетки вдруг вспыхнули голубоватым огнем, и Тогандис удивленно заморгал, когда девочку отбросило назад. Ее тело вначале утратило свою плотность, а затем и вовсе развеялось, точно утренний туман.

Барбаген растеялся:

--- Похоже, эти фантомы, напускаемые Тайером, не так и опасны.

--- О чем это ты? --- спросил Тогандис, надеявшийся, что призраки погибших придут за ним и положат конец его жалкому существованию.

--- О том, что Леогегарию уж очень хочется, чтобы мы дожили до суда.

Теперь кардинал все понял.

«Плохо» --- это слово даже близко не описывало то, что происходило в действительности.

Палаты Провидения были охвачены пожаром --- языки холодного огня сверкающим саваном окутали здание, вырываясь из каждого открытого окна и из щелей под замками на стенах. Все три машины, составлявшие медицинское учреждение, были просто залиты светом.

Завывающий ветер, в котором слышались крики обреченных на вечное проклятие душ, бесновался на подходах, принося с собой истошные, полные отчаяния вопли, какие, казалось,

неспособно было издавать человеческое горло. Дуги сверкающего льдом огня приплясывали и трещали на металлических поверхностях колоссальных боевых машин, и по холму растекалось болезненного цвета свечение.

— Все еще не думаете, что было бы лучше разбомбить тут все с орбиты? — спросил Назаний.

Серж Касуабан взирал на то, что случилось с его Палатами Провидения, в оцепенелом ужасе, и Уриил даже представить не мог, что сейчас испытывает медикае. Место, дарующее здоровье, вдруг оказалось отдано во власть смерти и тщения, и врач в душе восставал при виде подобного осквернения его владений.

Уриил и Леогегарий первыми побежали вверх по склону холма, когда тут «Лэндрейдеру» преградили вытащенные на дорогу обгоревшие остовы танков. Серые Рыцари последовали за ними, разбившись на боевые группы по пять человек, а затем Назаний помог выбраться и Сержу Касуабану.

— Откуда здесь танки? — спросил
медикае. — Раньше их не было.

— Бескожие, — ответил ему Уриил,
указывая рукой на пять уродливых
силуэтов, вырисовывавшихся на фоне
горного хребта. Они должны были быть
всего лишь черными тенями в
опускающейся ночи, но их выдало
призрачное сияние, струящееся по венам, и
Уриил смог различить предводителя,
ставшего еще более огромным с момента
их последней стычки, — плоть великана
чужовищно раздулась под влиянием
кишащих в ней разгневанных духов.

Спустя мгновение мутанты скрылись
из виду за каменистым склоном, и
Уриилом овладело черное отчаяние, когда
он понял, что нет иного выхода, кроме как
помочь Серым Рыцарям в истреблении
бескожих. Какие бы надежды он ни
возлагал на этих созданий, теперь об этом
уже было забыть. Грубая реальность
галактики не оставила для них ни места
под солнцем, ни счастливого конца — одну
только смерть.

Ветра, завывавшие вокруг Палат

Провидения, становились все сильнее и кричали все громче. С брони одного из «Капитоль Импералис» сорвалась молния и с оглушительным грохотом ударила в остов брошенной и выпотрошенной «Хилеры».

— Кто-то определенно не намерен нас подпускать! — крикнул Уриил.

Серж Касуабан бежал за костодесантниками, зажимая уши.

С неба обрушился тяжелый дождь.

Тропа, ведущая на вершину холма, петляла; продвижение воинов замедляла необходимость отыскивать путь в лабиринте сгоревших и просто брошенных танков. Когда обойти препятствие становилось невозможно, Леогегарий приподнимал и отбрасывал в сторону очередной остов. Невероятная мощь терминаторских доспехов позволяла командиру Серых Рыцарей даже танки сдвигать так, словно те ничего не весили.

Гребень холма постепенно приближался, и Уриил передернул затвор болтера, исполняясь гордости из-за того, что снова идет в бой так, как и полагает

костищескому десантнику Императора.
Серые Рыцари рассредоточились,
выставив перед собой алебарды, словно
рассекая призрачное сияние и стену дождя.

Уриил поводил стволот болтера из
стороны в сторону, реагируя на
мельтешение мечущихся призрачных
фигур, возникающих на самой границе
зрения. Тысяча шепчущих голосов
зашелестела в его голове, подобно
оппадающим листьям. Слова их были
неразборчивы, однако полны злобы.

--- Слышишь их? --- спросил Леодегарий
по воксу.

--- Слышу, --- отозвался Уриил, --- но
меня куда больше волнуют сейчас
бескожие.

--- Они будут поджигать нас внутри, ---
заверил Серый Рыцарь.

Стараясь думать только об этом,
Уриил взбежал на вершину холма и
застыл, запрокинув голову в тени
невероятно огромных Палат Провидения.

На расстоянии три «Капитоль
Импералиса» казались просто
внушающими уважение символами мощи

Ципериута, но, если оказаться в такой близости, они становились удивительными колоссальными машинами разрушения. Ржавые борта устремлялись высоко к бьющим небесам, их окружало наэлектризованное облако, из которого в тучи раз за разом били молнии, словно из реактора, готового вот-вот взорваться.

Зрелище было не из воодушевляющих.

Пока они приближались к Палатам Провидения, все инстинкты Уриила вопили о том, что его со всех сторон окружили враги, хотя он не видел вокруг ничего и никого, во всяком случае, облученного в плоть, поскольку в бьющем ветре нет-нет да проносились фантомные силуэты, призрачные тела, состоящие из обрывков тумана, и все же капитан ощущал присутствие чего-то живого, дышащего.

Движение к Палатам Провидения оказалось затруднено, поскольку костодесантники с каждым шагом проваливались во все более намокающую, засасывающую их ноги грязь. Даже Леогегарий был вынужден сбавить

скорость, и Уриилу вдруг вовсе расхотелось сталкиваться с той силой, что оказалась способна замедлить терминатора.

--- Как ты попадешь внутрь? --- прокричал Уриил, пытаясь найти хоть какой-нибудь вход в протянувшейся перед ним стене.

--- Нам туда, --- ответил Леодегарий, указывая на неверные очертания арочного прохода, отчасти скрытого туманом и противоестественной темнотой. Уриилу пришлось напрячь зрение, чтобы уловить хотя бы намек на контур ворот.

Леодегарий повернулся к Сержу Касуабану:

--- Вы, медикае, отведете нас к Сильвану Тайеру. Ваша задача: опознать его и тут же убраться с нашей дороги, понятно? --- Голос Серого Рыцаря по какой-то причине с легкостью проникал сквозь ревущий ураганный ветер псионического шторма.

Касуабан кивнул.

Уриил перехватил болтер, услышав, как Леодегарий командует:

— Заходим!

Если снаружи Палат Провидения бушевал безумный ураган, то внутри все было сковано морозным спокойствием. Как только Уриил перешагнул через порог, и шум, и сверканье прекратились.

Над головами воинов покачивались в своих сетках окутанные дыткой светосферы, воздух, нагреваясь при прохождении через заплечные ранцы, вырывался облачками, словно при дыхании на холоде. Гладкие металлические стены покрывала корка изморози, а под сапогами потрескивал лед. Уриил и Назаний направились по узкому коридору за Леогегариет, чьи наплечники при каждом шаге царапали стены.

Сумрак становился плотнее, словно стекая с покрытых инеем стен, и в ушах Уриила начал нарастать доводящий до безумия гул. Серые Рыцари, разбившись на боевые группы по пять человек, рассредоточились по зданию, обеспечивая максимально надежный в этих условиях периметр.

Потомто четырех Рыцарей в полной силовой броне, его собственный отряд состоял еще из Леогегария, Назания и Сержа Касуабана. Последний отчаянно угрожал, его лицо было бледным, а зрачки расширились от страха. Неожиданно медикое остановился, помассировал виски и потряс головой так, словно пытался выбить воду из уха.

--- Так много голосов, --- прошептал он, и его тихий голос отразился эхом от холодных стен.

--- Тоже их слышишь? --- спросил Уриил.

Касуабан кивнул, и по его щекам покатились быстро застывающие слезы.

--- Всех их. Они напуганы. Плакальщик --- так они его называют.

--- Кого?

--- Сильвана Тайера, --- пояснил Касуабан, --- так его стали именовать после бойни.

--- Они боятся его?

--- Да... они хотят уйти, найти успокоение, но он не отпускает, не позволяет им этого, пока не свершится

месть.

Уриил отметил для себя эту информацию и вновь поспешил за Леогезариет.

Их путь пролегал через многочисленные коридоры, палаты, полные напуганных пациентов, и просторные приемные. Повсюду под потолком витали, переплетаясь, нити призрачного света, и из глубин здания доносились странным образом искаженные стоны раненых.

Повсюду воинов встречали взгляды безнадежно изувеченных мужчин, женщин, детей... кто-то взирал на них с испугом, кто-то — с упованием, но у костических десантников не было времени, чтобы остаться и хоть чем-то помочь. «Вот уж действительно жуткое место», — подумал Уриил. Раненные в конфликте, случившемся еще десять лет назад, эти люди были оставлены гнить здесь, и жизнь держалась в их телах исключительно благодаря навыкам и самоотверженности одного-единственного врача.

Что бы ни произошло дальше, Уриил натеревался оказать Сержу Касубану

любую поддержку, какая окажется в его силах. Быть может, на этом человеке и лежала вина, зато он, совершенно очевидно, испытывал муки совести из-за того, что позволил всему этому произойти.

Десантники осторожно приближались к каждому из указанных им местонахождений, всякий раз опасаясь обнаружить за ними бесножик, но пока что не встречали ни их, ни каких-либо других врагов.

Хотя прямой опасности он не видел, Уриил ощущал, как вокруг нарастает угроза, словно какая-то невероятно могущественная сила прямо сейчас пробуждалась ото сна. Капитан обложился непечатными словами свое разыгравшееся воображение и потряс головой, отгоняя тяжелые мысли, когда Леодегарий неожиданно остановился.

Они стояли на пересечении двух сумрачных коридоров, разбегающихся направо и налево и заканчивающихся широкими металлическими лестницами, ступени которых озарял неровный мерцающий свет. С бронзовых перил

свисали глинные сосульки.

--- Куда идти, медикае? --- потребовал ответа Леогегарий.

--- Наверх. Нам надо наверх.

Нападение произошло настолько внезапно, что всех застало врасплох.

Первыми приняли удар воины, двизавшиеся справа, --- монстр с горбатой спиной и чрезмерно глинными лапами, опоясанными подобными стальным тросам мышцами, оторвал голову одному из Серых Рыцарей и швырнул ею в его товарищей.

В следующее мгновение на костодесантников, идущих слева, выскочил мутант, защищенный, точно броней, прочным экзоскелетом, разметав их строй и в своем стремительном натиске на смерть задавив двоих воинов.

Уже приближаясь к уходящему наверх пологому скату, Уриил увидел, как из алькова в стене перед ним возникает грандиозная, пульсирующая светом фигура, тут же встретившаяся в бой. Это существо являло собой союз двух тел, сплавившихся воедино, --- это было

несовместимое с жизнью уродство, но
мүтант все же как-то сумел выжить.

Уриил видел, как вросший внутрь
твари близнец перемещается под его новой
бледной кожей, прижимая к ней
искаженную криком морду. Мышцы
существа брызнули жидким светом, когда
его кулак протял визор шлема Серого
Рыцаря, шедшего как раз рядом с
капитаном Ультратаринов.

Из обезглавленного этим ударом
тела ударил фонтан крови, и тишина,
прежде гоневшая над Палатами
Провидения, окончательно разрушилась.

Серые Рыцари ответили на
нападение со всей стремительностью и
яростью, какую и ожидал увидеть Уриил.
Едва первый мүтант ворвался в их круг,
как на его шкуру обрушилась алебарда
каждого, кто оказался в зоне досягаемости.
Залаяли штурмболтеры, накрывая
противника четко скоординированным
огнем. Все вокруг превратилось в
свистопляску оглушительного шума и
ослепительных всполохов света. Бескожие
содрогались под ударами, каждый из

которых срезал кусок их плоти.

Кулак, облагающий весом и мощью кузнечного молота, врезался в нагрудник Серого Рыцаря и вышел из его спины в брызгах крови и осколках керамики. Уриил уклонился от повторного удара и открыл огонь; рев его собственного болтера присоединился к общему грохоту.

Серж Касуабан, чьи руки были крепко связаны, рухнул на колени, но наг ним вырос Назаний.

Не имея возможности в столь стесненных обстоятельствах использовать пси-пушку, Леогегарий взмахнул алебардой и вознал пылающее лезвие в спину одного из монстров. Тот взвыл от боли, когда сверкающий раскаленный наконечник прошил его тело насквозь и показался из груди. Мутант попытался развернуться к своему обидчику лицом, но Леогегарий был слишком силен и тяжел, чтобы это ему удалось.

--- Живо! --- крикнул Леогегарий. --- Кончайте его!

Два переживших нападение Серых Рыцаря устремились к нему, стреляя из

болтеров, и Уриил не мог не восхититься их бесстрашием при встрече со столь жутким созданием. Реактивные снаряды оставили глубокие воронки в теле мутанта, но тот словно ничего не чувствовал.

Прокрутив гревко алебарды, Леогегарий заставил бескожего опуститься на колени, и Уриил встретился на выручку Серым Рыцарям — меч словно сам по себе прыгнул ему в руку. Несколько лезвий разом вонзились в плоть мутанта, и крик его отразился эхом от стен, сбив с потолка небольшие сосульки.

В чудовищной пародии на рождение из груди существа вырвался его близнец, протянув гниющие, злобно скрюченные, вытазанные в крови лапы к ближайшему воину. Когти твари были окутаны призрачным светом и вспороли доспехи и плоть Серого Рыцаря, словно размоченную бумагу. Паразитирующий близнец пробил и мышцы, и кости воина, превратив его сердце и внутренние органы в кровавое месиво.

Серый Рыцарь рухнул на пол, ломая

своей тяжестью позвоночник собственному
убийце.

Последний бескожий попытался
отступить, и Леогегарий получил
возможность воспользоваться пси-пушкой,
выпустив по твари град насыщенных эго-
ментальной энергией зарядов.

Результат не заставил себя ждать,
и мутант наконец опрокинулся на спину,
хотя уже давно был отмечен столь
жуткими ранами, что не мог бы выжить,
если бы его не поддерживали силы,
даруемые мстительными мертвацами.

Участвуя в этой резне, Уриил вовсе не
испытывал гордости — одно лишь
сожаление, хотя ему так до конца и не
удалось разобраться в своих чувствах,
поскольку в этот момент на них
посыпались новые враги.

Окутанные мерцающим заревом, они
выбегали из прилегающих палат, испуская
полные страданий вопли, больно резавшие
по нервам Уриила. Взглядываясь в
окружающий этих противников свет, он
видел чудовищно изувеченные тела,
несомые на костодесантников словно

как и то неистовым потоком ветра.

Все эти тела принадлежали пациентам — искалеченным, истощенным, умирающим от голода, покрытым ожогами, облаченными в развевающиеся больничные рубы. Он видел перед собой ампутантов, безглазых мужчин, женщин со шрамами, покрывающими каждый дюйм кожи. Все эти люди тянули к нему руки, словно прося милостыню, но глаза их сверкали ненавистью, памятью о мучениях и ужасе. Перед ними по стенам и полу, потрескивая, нарастала белая корка льда.

— Император вас раздери, это еще кто такие? — закричал Касубан.

— Фантомы, — ответил ему Леогегарий, — ночные кошмары тех раненых, кому вы оказывали помощь. Власть варна усиливается, и они захватывают их тела.

— Как я понимаю, эти существа опасны? — произнес Уриил, поднимая меч.

— Смертельно, — сказал Серый Рыцарь. — Не позволяйте им дотронуться до вас. Они поглощают чужие жизни, чтобы облегчить собственные муки.

Медикае! Куда нам?

Касуабан завращал головой так, словно вдруг оказался в совершенно неизвестном ему месте.

--- Скорее! --- прокричал Леогегарий.

--- Наверх! Еще на один этаж!

Леогегарий повернулся к остальным спиной и встал посреди помещения прямо на пути коштарной орды.

--- Хирон, ко мне! Уриил, ты сзади! --- приказал командир Серых Рыцарей. --- Пробивается наверх!

--- И что ты будешь делать дальше? --- отозвался Уриил.

--- Остановим их, --- ответил Леогегарий.

Уриил чуть понявился от Серых Рыцарей, ощутив жгущее покалывание ментальных энергий и увидев, как его меч заискрился и зашипел, столкнувшись с образованным ими полем. Затем, подгоняя Назания и Касуабана, он стал отступать к положоту скату, уходящему в неизвестность.

Загрохотало оружие Серых Рыцарей, болты, выпущенные Хироном, похожие

почти не причиняли вреда, зато каждый выстрел Леогегария поджигал очередного врага не хуже, чем спичка, поднесенная к промасленной ветоши. Но призрачные порождения ночных кошмаров подбиравшись все ближе, и Уриил понял, что силы явно неравны.

--- Я должен им помочь! --- крикнул капитан.

--- Стой! --- рявкнул Назаний, показывая пальцем на двух оставшихся Серых Рыцарей.

Уриил оглянулся и увидел, что очертания носящих серебряную броню воинов вдруг словно раздались вширь; с выступающих частей их доспехов теперь срывались миниатюрные молнии.

Оба Серых Рыцаря ударили древками алебард об пол и протянули вперед свободные руки, затянув одновременно одну и ту же мантру:

--- Порождения скверны варна --- мы знаем вас. Нечистые силы, втайне действующие, --- мы презираем вас. Мы убивали демонов в эмпиреях --- уничтожим и вас. --- Леогегарий вновь грохнул древком

о металлическое покрытие пола. ---
Трижды прокляты вы уже --- и еще тройное
проклятие обретете вы.

Серж Касуабан вдруг вскрикнул, и
Уриил ощутил налетевший волной
энергетический поток, когда
ослепительно белая сфера огня выросла
вокруг Серых Рыцарей. Охваченные ею,
Леогегарий и Хирон выглядели ангелами
Императора. Платя, плясавшее вокруг них,
должно было направляться воистину
могучей волей.

--- Отпрыски зла, я изгоняю вас из
этих мест! --- закричал Леогегарий, и
белый огонь прокатился по коридору от
Серых Рыцарей к призрачным фигурам,
зашедшимся в пронзительном визге, когда
их окутало ревущее платя.

Когда волна жара проходила мимо,
Уриил прикрыл собой Касуабана. Металл
стен застонал и зашипел, соприкасаясь с
выпущенным очищающим огнем самого
Императора.

Все закончилось в считанные секунды,
и кошмарные вопли оборвались, а затем
стих и врывающийся ужас рев огненного

холокоста, устроенного гвүтя Серыти
Рыцарями.

Уриил посмотрел на Леогегария и
Хирона, стоявших посреди коридора; их
серебряные доспехи все еще сверкали
постепенно угасающим светом.
Леогегарий повернулся, и Ультратарины,
хоть он и был облачен с головы до пят в
терминаторскую броню, увидели,
насколько их спутник устал.

--- Вперед, --- прохрипел Серый
Рыцарь. --- Они скоро вернутся. Надо
двигаться дальше.

Уриил кивнул, и Назаний рывком
поднял Сержа Касуабана на ноги.

--- Так нам наверх, говоришь?

--- Да... храни меня Император, ---
произнес медикое, совершив знамение
аквилы.

Уриил первым встретился вверх по
скалү, сопровождаемый Назанием,
потажившим за собой не слишком
обрадованного этим фактом Касуабана.
Леогегарий и Хирон вскоре догнали их, и
капитан услышал, как по коридору
начинают разноситься крики и завывания

новой партии врагов.

Он включил вокс, вмонтированный в шлем, и услышал голоса командиров, раздающих указания на фоне непрерывающейся пальбы. Звук выстрелов долетали до него и раньше, доносимые эхом из глубин Палат Провидения, но точное местоположение воинов в этом лабиринте коридоров установить по ним было невозможно.

Насколько хорошо идут дела у остальных Серых Рыцарей, Уриил сказать не мог, поскольку те общались на незнакомом ему боевом языке. Впрочем, все приказы отдавались уверенным, спокойным тоном. Слыша непробиваемую самоотверженность в их голосах, Уриил в очередной раз почувствовал гордость, что сражается плечом к плечу с этими воинами.

--- Сюда, --- сказал Серж Касуабан, направляясь к дверям, уводящим куда-то вглубь Палат Провидения. Пару раз проходы оказывались слишком узкими для Леодегария, но несколько быстрых, уверенных взмахов «Немезиды» тут же

создавали проем достаточно широкий, чтобы через него можно было пройти в грозоздокой терминаторской броне.

Наконец лабиринт вывел их к покоям на верхнем этаже перестроенных «Капитоль Импералис», в глиняную палату с металлическими стенами, уставленную рядами больничных железных кроваток, тянувшихся вдоль широкого центрального прохода. На каждой кровати лежали увечные фигуры, чьи лица искажали гримасы боли.

От стен отражались крики, в воздухе повисла светящаяся дымка, а у койки, стоявшей в середине правого ряда, парили прозрачные силуэты.

Не было ни малейших сомнений, что все-то и занимает Сильван Тайер.

Возле него застыл производящий пугающее и в то же время потрясающее впечатление вожак бескожих.

Глава двадцатая

Уриил, Леогезарий и Хирон неторопливо направились по центральному проходу, тянущемуся вдоль рядов больничных коек. Назаний же вначале спрятал Сержа Касуабана за каким-то медицинским аппаратом возле двери, а после поспешил нагнать остальных. Вожак наблюдал за их приближением, и в глазах его пылало яростное пламя утирающих звезд.

--- Предложения будут? --- спросил Уриил по воксу.

--- Вначале завалим зверюгу, --- ответил Леогезарий, --- и пробьется к Тайеру.

--- А потом?

--- Убьет.

Уриил кивнул. Ему не очень-то по душе было убивать человека, прикованного к смертному огу, хотя Сильван Тайер определенно не был невинной овечкой, и его неукротимая псайкерская сила могла привести к гибели миллионов людей, если

его не остановить. Он не давал упокоиться мертвым, сковывая их своей ненавистью, и это было непростительно.

Предводитель бескожих пригнул голову, и его челюсти странным, непривычным образом задержались, роняя на пол кровавую слюну.

--- Пришли остановить меня? --- произнес вожак, хотя голос совсем не был похож на его собственный.

--- Я говорю с Сильваном Тайером? --- требовательно спросил Леодегарий.

--- Так точно, воин, с ним сатыл.

--- Тогда мой ответ --- да, мы пришли тебя остановить, --- сказал Серый Рыцарь, сделав еще один шаг по направлению к предводителю. --- Ибо если мы не сделаем этого, твоя ненависть погубит всю планету.

Существо зашло отвратительным гулким стехом.

--- А разве это так плохо? На Салинасе не осталось ничего хорошего. Барбаген и Фалькаты постарались.

--- Барбаген взят под арест, --- сказал Уриил, становясь рядом с Леодегарием. ---

костюгесантников раздался голос Сержа Касуабана, и Уриил оглянулся на звук.

--- Он прав, капитан Вентрис, плохое выходит правосудие, --- произнес медикае. --- Только наша кровь может хоть как-то искупить нашу вину. И мы все это понимаем.

--- Затолчите, --- приказал Леогегарий. --- Я же говорил вам не путаться под ногами.

Серж Касуабан поднял руку, и Уриил увидел, как в ней что-то сверкнуло.

--- Мне уже доводилось убивать, и сами видите, к чему это привело, --- сказал медикае, поднося к собственному горлу длинный скальпель. --- Пришла пора платить за все, что мы сделали и чего не сделали. Простите.

--- Нет! --- крикнул Уриил, но было уже поздно.

Касуабан провел лезвием по своей шее, рассекая яретную вену. Кровь брызнула багряным фонтаном, и врач повалился на пол.

Уриил бросился к нему, но Серж Касуабан знал свое дело, и под ним уже

растеклась обильная лужа крови. Капитан попытался зажать рану, но та была слишком широкой и глубокой, чтобы можно было чем-то поточь. Алая жидкость толчками прорывалась между пальцами костогесантника и орошала его броню.

Взгляд Касуабана остекленел, и Уриил понял, что тедикае уже мертв. Спасти его было невозможно.

Уриил поднялся и увидел, что Леогезарий стоит не более чем в пяти метрах от немыслимо огромного предводителя бескожих. Мутант распрямился во весь свой рост, и капитану оставалось лишь удивляться тому, какую физическую мощь набрал его былой друг. Конечно, вожака изрядно потрепало в боях за последние несколько дней, но не стоило недооценивать силу, заключенную внутри его тела.

Под его вытазанной в петле шкурой текли светящиеся ручейки, наполняя мышцы порожденной варпом мощью. Предводитель бескожих взревел, и от стен палаты отразился крик, полный его собственной боли и гнева Тайера.

--- Уже достаточно было пролитой крови, --- сказал Леогегарий. --- Пора положить этому конец.

--- Согласен! --- прокричал Тайер. --- Так или иначе, но все сейчас закончится!

Прежде чем Леогегарий успел выстрелить, вожак пригнулся и метнул в костодесантников две тяжелые железные койки. Сгустки священной энергии тут же разнесли их на куски вместе с удерживаемыми ремнями невезучими пациентами. К сожалению, это помешало выстрелам достигнуть предполагавшейся цели.

Койки рухнули на пол кусками перекрученного железа. В воздухе повисло облако окровавленных перьев --- все, что осталось от растерзанных матрацев. Уриил бросился вперед как раз в тот момент, когда предводитель бескожих подпрыгнул и ударил по полу массивным кулаком, заставляя прогнуться металл палубы.

Леогегарий вновь навел свою пушку, но вожак уже набросился на него, нависая всей своей громадой над Серым Рыцарем и

освещающая тем светом, что тлел под
шкурой. Удар внешней стороной лапони
заставил Леогегария закрутиться на
месте, и в ту же секунду в спину
предводителя бескожих застучали болты,
выпущенные из оружия Хирона.

Пазаний и второй Серый Рыцарь
обойшли огромного мутанта сзади, пока
тот молотил тяжелыми кулаками,
силаясь пробить броню, защищавшую
Леогегария.

Командир Серых Рыцарей пытался
противостоять врагу, но терминаторские
успехи разрабатывались, чтобы
обеспечивать максимальную защиту, а
вовсе не скорость, и потому Леогегарий не
мог уклониться ни от одного из яростных
ударов вожака. Один наплечник уже повис
на связке искрящихся проводов, а кираса
пошла трещинами, из которых сочилась
какая-то жидкость.

Уриил перемахнул через изломанные
остатки двух расстрелянных коек, вознося
толчавшую молитву за души погибших
пациентов. Его меч блеснул в свете лампы,
освещавших палату, когда капитан сжал

рукою обеими руками и присоединился к
группе.

Открыл огонь Назаний, взмахнул
мечом Уриил, и его клинок описал
сверкающую дугу. Лезвие вспороло прочную
шкуру вожака, но рану в то же мгновение
исцелил пролившийся из нее свет.

Мутант прокрутился на месте и
обрушил на Уриила тяжелый кулак.

Капитан прыгнул и подкатился под
ноги великану, вонзая меч тому в пах.
Яростно завывающий клинок погружился в
плоть, но только удар, лишивший бы
любого нормального противника ноги, не
нанес бескожему заметного урона.

Назаний и Хирон продолжали
поливать монстра градом выстрелов,
хотя их оружие не оказывало, похоже,
никакого влияния. Дев болтеров стесался
с завываниями призраков и рыком
предводителя бескожих в одну общую,
неистовую какофонию битвы.

Казалось просто нелогичным, что
один-единственный противник способен
выстоять перед натиском сразу четырех
костических десантников и выжить, и все

же вожак не просто выжил... он побеждал.

Леогегарий повалился на пол от сокрушительного удара, выбившего у него «Немезиду». Командир Серых Рыцарей вскинул руку, пытаясь защититься, но предводитель бескожих схватил ее и с отерзительным хрустом выгнул из плеча. Из раны хлынула кровь, и в своем восторге Уриил услышал мучительный крик Леогегария.

Было удивительно видеть, с какой легкостью мутант сумел разорвать терминаторскую броню, обычно обеспечивавшую своему обладателю практически полную неуязвимость. Леогегарий завалился на спину; боль от полученных ран и напряжение, перенесенное им при нанесении ментального удара, совсем лишили его сил.

В бой устретился Хирон, намереваясь обрушить «Немезиду» на спину предводителя бескожих. Тот отреагировал стремительно, прокрутившись на пятках и вырвав древко из рук нападавшего, а затем нанес мощнейший удар. Серый Рыцарь

прокатился по полу и врезался в стальную стену, оставляя в ней глубокую вмятину и осев безвольной грудой керамики.

Назаний подхватил «Немезиду» Леогегария. Вместе с Уриилом они закружили по палате, обходя вожака с двух сторон. Тело мутанта было испещрено следами многочисленных порезов и болтерных попаданий, а спину сплошняком покрывали чудовищные, залитые кровью и целительным светом кратеры.

Уриил мог лишь гадать, какую боль испытывает его былой друг, но сейчас приходилось заставлять себя не видеть в сопернике ничего человеческого.

Назаний взмахнул алебардой, хотя и не учел, насколько это сложно — орудовать тяжелым древковым оружием, имея в своем распоряжении всего лишь одну руку, так что предводитель бескожих запросто отвел лезвие в сторону. Тогда вперед бросился Уриил, нанося рубящий удар в колено, надеясь, что такая травма хотя бы немного замедлит их противника.

Прежде чем клинок успел погрузиться в плоть, вожак крутнулся, и на Уриила

обрушилась толстая, словно древесный
пень, рука. Капитан поглетел в воздух и
рухнул позади перекрученных остатков
коек. Пластины брони погнулись, но
выдержали.

Он перекатился и вскочил на ноги как
раз вовремя, чтобы увидеть, как
следующий удар сбивает с ног Назания.
Сержант рухнул возле трупа Сержа
Касуабана, но теперь силился подняться.
Леогегарий, да и Хирон уже снова стоял на
ногах там, куда его отбросил гигант.

Уриил бросил взгляд на тело
Сильвана Тайера. У койки мятежника
завывали призраки, и крики их были полны
неописуемой боли, вызванной столь
скорбным существованием. Над кроватью
постепенно нарастал купол пусть и белого,
но лишнего всякого намека на чистоту
света. Оттуда доносились вопли и
чужовищные визги, и Уриил понял, что
видит перед собой разрыв в самой ткани
реальности, рану, сквозь которую могли
проникнуть какие угодно ужасы.

Услышав, как по палате вновь

прокатывается рев предводителя бескожих, он заставил себя отвести взгляд от этого сияния — крик мутанта был полон разрывавшей его сердце стесняющей боли, ликования и сожаления.

Капитан вновь перепрыгнул через растерзанные койки. Ему, несомненно, хотелось бросать своих товарищей в этой схватке, но он вдруг понял, что им ни за что не победить, если полагаться только на силу оружия. Поэтому сейчас он направлялся прямо к койке Сильвана Тайера.

— Я с тобой! — крикнул Назаний, устремляясь к нему.

Тайер почувствовал их приближение и взревел голосовыми связками вожака бескожих, а забывание призраков стало еще более грозным. Позади Ультрамаринов вновь загрохотали выстрелы, и Уриил услышал за спиной тяжелые шаги, свидетельствовавшие о том, что на них вот-вот налетит кто-то очень и очень большой.

Койка Тайера была уже совсем близко.

и Уриил видел обмотанное грязными бинтами тело, изуродованное именно так, как описывал Серж Касуабан.

Кожа бывшего лидера Сынов Салинаса была красной, воспаленной, сочащейся сукровицей. Обе ноги чуть выше колен заканчивались кульями с торчащими из них гренажными трубками, одна рука отсутствовала, ампутированная сразу у плеча. То, что некогда служило Сильвану Тайеру лицом, теперь представляло собой уродливую мешанину оплавленной безжизненной плоти. Оба глаза заплыли и ничего не видели, прикрытые искусственными веками.

Уриил размахнулся мечом, натереваясь раскроить Тайеру череп и остановить все это безумие.

Это убийство не принесло бы ему ни славы, ни чести, ни награды, но совершить его требовал долг.

--- Давай же! --- закричал Назаний. --- Кончай его!

И тут закрытые веки Сильвана Тайера распахнулись, и в мертвых глазах вспыхнул огонь, словно там, в их глубине,

собралась вся его пламенеющая ненависть к живым.

— Узнай же то, что известно мне, — прошептал в голове Уриила голос лидера мятежников. — А потом уж решай.

И весь мир вдруг растворился в ревущем пламени пожара.

Уриил вскинул руку, защищаясь от катящейся на него огненной волны и надеясь, что системы брони успеют задействовать охлаждение и спасти его от жара, но спустя несколько мгновений опустил ладонь, с удивлением обнаружив, что больше не находится в Палатах Провидения. Разрушенная зала исчезла.

Вместо серых металлических стен они с Назанием видели перед собой оживленные городские улицы, купающиеся в теплых лучах весеннего солнца. Мимо проходили сотни озабоченных, напряженных людей.

Город был окутан страхом, и население подхватывало его ритм.

Назаний обернулся, все еще сжимая в руках «Немезиду».

--- Император небесный, это что еще за хрень? --- процедил он. --- Что происходит? Где мы?

Уриил и сам был не прочь узнать ответ, но пока что ему удалось лишь найти взглядом знакомый силуэт церкви с орлинокрытым фронтоном над арочным входом, и капитан вдруг понял.

--- Хатүриан, --- прошептал Уриил.

--- Зона Поражения, --- произнес Назаний. --- Но как это возможно?

Учитывая, что их никто не замечал, Уриил ответил:

--- Все это не настоящее. Только воспоминания.

--- Воспоминания? Но ведь Тайера не было в Хатүриане, когда тот уничтожили, --- заметил Назаний.

--- Не было, --- согласился Уриил, обводя рукой бредущих мимо них людей. --- Зато все они --- были.

Совсем рядом раздался панический крик, и Уриил запрокинул голову, услышав монотонный гул, доносящийся со стороны гор. Три крестообразные тени вынырнули из облаков, неспешно снижаясь и

приближаясь к городу.

Усиленное зрение Уриила позволило ему в скором времени различить очертания бомбардировщиков «Мародер». Каждый «крест» являл собой звено из шести машин.

Хатүрианцы закричали намного раньше, чем упали первые бомбы, и Уриил мог видеть, какой ужас они испытали, когда заметили приближающуюся авиацию. Здесь, в предгорьях, эти люди рассчитывали укрыться от войны и разрушений, охвативших всю остальную планету.

Этот день показал, насколько наивными были их надежды.

— А нам бояться-то стоит? — поинтересовался Назаний, наблюдая за приближающимися бомбардировщиками.

— Не гутаю, гружище, — покачал головой Уриил. — Мне кажется, Тайер просто хочет, чтобы мы увидели, что здесь произошло.

Назания это явно не убедило, и он пожал плечами:

— Ладно. Все равно мы ничего не

стожем сделать.

Хотя Уриил и понимал, что все это происходит не на самом деле, его захлестнули эмоции, переполнявшие хатүрианцев: паника, страх, непонимание и ненависть — и вот эти чувства были более чем настоящими. Люди с криком бросались к своим домам, чтобы попытаться увести детей и любимых в убежище.

Но капитан понимал, что и это уже вряд ли удастся, поскольку видел, как из черев «Мародеров» начинают сыпаться первые кластерные бомбы. Крошечные черные точки... казалось невероятным, что они смогут причинить постигшие Хатүриан разрушения и страдания, но с каждой секундой они увеличивались в размерах, обретали свои жуткие очертания. Вскоре стало возможным различить и тупой контур боеголовки, и аэродинамические закрылки, с максимальной точностью направляющие бомбы к цели.

Первые взрывы прогревели на северных окраинах города. К небу взмыло

ревущее пламя, а затем и похожие на грибы столбы дыма. Сверху сыпались все новые и новые бомбы, и по Хатүриану прокатилось грохочущее цунами разрушений.

Город был охвачен пожарами и ураганным ветром, грохот взрывов сливался в единый чудовищный гул. Здания рушились одно за другим, по улицам прокатывались волны огня. Пылающие торнадо, подобные разъяренным элементам, влекомы ветром, настигали тех, кто не успел найти убежища, затягивали их в горящие дома.

Бомбы продолжали падать, но все эти разрушения никак не затрагивали Уриила и Назания. Земля вздымалась и опускалась, точно грудь живого существа, казалось, это безумие никогда не закончится.

Весь город напоминал теперь адский пейзаж, охваченный пожарами от центра до самых окраин. Стонущий ветер разносил пламя по окрестностям, и город уничтожался основательно и надежно. Уриилу от увиденного захотелось

попытаться, хотя ни единая крупинка непла
не могла пристать к его телу.

Бомбардировка длилась около
тридцати минут, и город издавал
предсмертный рев, сплетающийся из
грохота разрушающихся зданий и воплей
горящих заживо людей. Уриил был
полностью измучен происходящим и мог
мечтать лишь о том, чтобы весь этот
огненный апокалипсис скорее закончился.

--- Я видел достаточно, Тайер! ---
крикнул он, обращаясь к охваченным
заревом небесам.

Все вокруг было предано огню, даже
небо и вообще все, что хоть как-то могло
гореть. Ничто не могло уцелеть в этом
аду.

--- Кровь Императора, --- прошептал
Назаний, глядя, как из домов выбегают
превратившиеся в живые факелы люди.
Улицы были усеяны обгоревшими телами,
рев пожаров понемногу стихал,
бомбардировка наконец завершилась.

--- Безумие, --- процедил сквозь зубы
Уриил. --- Все это из-за одного человека.

Назаний не ответил, его слишком

переполняли эмоции, чтобы он мог что-то сказать. В руинах домов лежали изувеченные тела — целые семьи, свернувшиеся в гротескных позах в чудовищном жару.

И хотя казалось нелогичным, что хоть кто-то способен уцелеть в пронесшемся по городу огненном вихре, но выжившие все-таки были. Они выползали из подвалов и подземных убежищ контуженные, рыдающие, брели по тому, что осталось от их города.

Уриил видел, что все они изранены и окровавлены, их тела покрывали ссадины и ожоги. Никому не удалось избежать травм, и как только стих грохот взрывов, костодесантники смогли услышать стоны выживших хатүрианцев.

— Должно же быть что-нибудь, чем мы можем им помочь, — выдохнул Назаний, когда мимо прошел лишившийся руки тужчина, смотрящий перед собой совершенно пустыми глазами.

— Нет, — сказал Уриил. — Все они давно уже мертвы. Все, что можно сделать, так это не забывать.

--- У я этого не забуду, --- поклялся Назаний.

--- Как и я, --- поддержал Уриил.

--- Слишком легко они отгадываются, --- произнес сержант. --- Я о Барбагене и Тогандисе говорю. Нельзя быть соучастником подобной бойни и остаться жить.

--- А они и не останутся, --- пообещал Уриил, и сердце его ожесточилось и против тех, кто устроил всю эту бойню, и против тех, кто ничего не сделал ни чтобы предотвратить ее, ни чтобы спасти людей.

Брега по разрушенному пейзажу, Уриил бросил взгляд на заваленную обломками улицу, услышав отсюда лязг стальных гусениц, переталывающих кирпичи в мелкую пыль. Пепельно-серый танк, несущий символику Ачаманских Фалькат, выкатился из-за угла. По языкам пламени, вырывающимся из его ствола, Уриил сразу же узнал «Агскую гончую».

Машина раз за разом плевалась пылающими струями, предавая огню то незначительное, что еще могло уцелеть под

рядом зажигательных бомб, сброшенных
«Мародерати». Следом за «Адской гончей»
катились боевые танки, время от времени
посылая снаряды по той или иной стороне
улицы.

За ними шли солдаты — бойцы,
облаченные в красные кирасы, под ярким
знаменем, изображающим клекочущего
золотого орла на алом поле. Стволы их
винтовок непрерывно огрызались огнем,
либо загоняя немогочисленных выживших
внутри пылающих зданий, либо заставляя
жаться к стенам — и там, и там
хатурянцев ждала беспощадная смерть.

В люке первого же показавшегося
«Лемана Русса» Уриил увидел не кого-
иного, как Лито Барбагена. Щиток его
шлема был поднят, чтобы не мешать
полковнику выкрикивать приказы. На лице
будущего губернатора сквозило явное
наслаждение происходящим и святая
уверенность, что он выполняет заветы
Императора, истребляя мирных граждан.
Рядом с танком Барбагена вышагивали
Верена Каин и сержант Трелейн, и в их
глазах Уриил видел тот же самый

фанатичный блеск. Теперь капитану Ультратаринов хотелось, чтобы смерть губернатора стала как можно более болезненной.

Ему самому было тошно от столь злобных желаний, однако его гнев погнитывался еще и тем фактом, что Барбаген не только приказал убить всех этих людей, но еще и слишком явно наслаждался бойней, чтобы это можно было не заметить.

--- Как бы нам все это прекратить, а? --- спросил Назаний.

--- Понятия не имею, --- ответил Уриил. --- Полагаю, все закончится, когда Тайер решит, что мы увидели достаточно.

--- Ну, мне-то уже точно хватило, --- заметил Назаний, --- вполне хватило, чтобы понять, что пуля в затылок --- слишком гуманная смерть для Барбагена.

--- Согласен, --- сказал Уриил, --- и теперь я даже знаю, как положить всему этому конец.

Как только он произнес эти слова, видение потеркло, пошло рябью, и

пылающие руины Хатүриана стенила разгромленная больничная палата.

Уриил несколько раз моргнул, привыкая к полутраку, и увидел нависшего над ним предводителя бескожих. В глазах мутанта все так же бушевало хищное пламя, но угрозы он, казалось, не излучал, огнү только глубокую скорбь. Уриил увидел, как позади огромного мутанта силится подняться на ноги Леогегарий, чья броня с правой стороны была полностью залита кровью.

--- Так тебе известно, как положить этому конец? --- спросил вожак.

--- Известно.

--- Как?

Уриил заглянул за спину гиганта, чтобы посмотреть на командира Серых Рыцарей.

--- Брат Леогегарий, вы все еще поддерживаете купол эгиды над Барбагеном и Тогандисом?

--- Конечно, --- отозвался тот, и Уриил по голосу понял, насколько вымотан воин. Впрочем, Серый Рыцарь действительно по праву носил титул героя Империи, раз

уж сумел подняться на ноги, будучи почти
стерпительно изувеченным. -- И что?

-- Снимите его, -- произнес Уриил.

Тюрьмой овладела паника.

Заключенные кричали и осыпали
охранников бранью, но если кто и слышал
их вопли, то не рискнул даже носа
показать из центральной башни. Сейчас
Паноптикум был полностью отдан во
власть призраков погибших хатүрианцев.

Шейво Тогандис стоял перед
прутьями своей клетки, шепча молитвы и
исповедываясь во всех своих грехах, во всех
ошибках, совершенных за свою жизнь. Слова
он произносил очень и очень тихо, зная,
что Император и так услышит, и не
желая делиться ими с Лито Барбагеном.

Призрачные фигуры в молчании
наблюдали за его покаянием, и Шейво
оставалось лишь надеяться, что они
поймут, сколь искренни его сожаления и
душевная боль. С той минуты, как призрак
девочки был отброшен псионическим
барьером, воздвигнутым Леогегариел, они
больше не делали попыток приблизиться.

только смотрели на них и ждали.

Когда с исповедью было покончено, Согандис произнес:

--- Я иду по пути праведному. И пусть он усыпан битым стеклом, я пройду по нему босыми ногами. Пусть его пересекают реки огненные, я преодолею их. Пусть он порой скрывается во мгле, свет Императора направит мои стопы.

--- Сам ты, Шейво, разумеется, ничего придумать не мог, --- устехнулся Барбаген. --- Чьи это слова? И не пытайся лгать, будто твои собственные, я слишком хорошо тебя знаю.

--- Они принадлежат перу Долана Хиросийского, человека, который помог низвергнуть кардинала Бухариса.

--- А, тому самому, что выступил против тирана во время Чумы Неверия? Я прав? Неужели ты полагаешь, будто люди будут вспоминать тебя так же тепло, как и Долана? Быть может, ты и исповедник, Шейво, но в тебе нет и десятой доли того, что было в нем, --- произнес Барбаген, беззаботно развалившись на нарах. --- Очень уж ты любишь престыкаться и лебезить,

чтобы удостоиться царствия
Императора.

--- Думаешь, тебе там найдется место, убийца?

--- Я не убийца, --- растеялся Барбаген, --- и как только меня выпустят из этой клетки, я снова займу трон в императорском дворце. У меня есть право апеллировать к самому губернатору сектора, и как ты думаешь, станет он сильно беспокоиться по поводу того, что я прикончил какую-то горсточку террористов?

--- Если в этой галактике еще существует хоть капля справедливости, то --- да, --- сказал Тогандис, закрывая глаза и мечтая лишь о том, чтобы Барбаген заткнулся.

--- Шейво, нет на свете никакой справедливости. Не будь глупцом. Ей в галактике просто некуда было бы приткнуться, --- продолжал губернатор. --- И если позволишь мне тоже прибегнуть к цитате, то лично я нахожу одну из них весьма правильной: «Ежели человек заботится о долге, он и не человек более».

но хуже зверя есть. Нет пристанища ему ни среди людей, ни в сердце Императора. Да погибнет и забыт будет».

--- Так и поступил.

Голос этот неожиданно прозвучал прямо в мозгу Тогангуса, и, открыв глаза, он вскрикнул, увидев, что клетки их внезапно наводнили призраки, прежде неподвижно дожидавшиеся за прутьями.

Сердце кардинала сжалось от страха, но на стену ему тут же пришло что-то вроде облегчения. Все наконец завершилось --- и пустое ожидание, и боязнь быть казненным, и, более того, тревога, что ил удастся избежать наказания.

--- Отстаньте от меня, будьте вы прокляты! --- закричал Барбаген. --- Проваливайтесь, я сказал!

Тогангус молча наблюдал за тем, как мертвецы окружают бывшего губернатора Салинаса, спеша поучаствовать в его уничтожении. Слово «призраки» уже не слишком ил подходило, поскольку они больше не были бесплотными существами, сотканными из туманного света, --- их когти теперь

вполне могли пронзить кожу, а зубы позволяли им сдирать плоть с костей.

Барбаген зашелся в вопле, когда погубленные им люди вначале исцарапали его лицо, а потом повалили на пол и начали рвать на части. Прежде всего он лишился глаз, выгранных из глазниц холодными мертвыми руками.

Существа срезали кожу с его лица, по ниточкам повыдергали мышцы, обнажая кости. Бывший губернатор отчаянно толкал руками и ногами, наполняя своими воплями тюремные покои, а мертвецы тем временем протянули окровавленные когти к его животу.

Как зачарованный, Тогангис с ужасом наблюдал за тем, как мстительные духи рвут Лито Барбагена на лоскуты, раздирая его плоть и дробя кости.

Еще несколько мгновений — и все было кончено; в камере не осталось ничего, что хотя бы отдаленно напоминало человеческое тело. Огня лишь истерзанная трещина, глубокая лужа крови да осколки костей.

Мертвецы повернули головы к Шейво

Согандису.

--- Делайте, что считаете правильным, --- произнес он, а когда мертвецы приблизились и протянули руки к его глазам, добавил: --- Я прощаю вас.

Уриил понял, что все закончилось.

Мертвенный свет в глазах предводителя бескожих потерк, и в Палатах Провидения воцарилась неожиданная тишина. Утолкло забывание призраков, начал развеиваться светящийся туман. Уриил испытал ни с чем несравнимое облегчение, когда призраки отправились в последний путь, обретя наконец возможность раствориться в варпе.

Уныние, окутывавшее Салинас, исчезло в одно мгновение, и Уриил понял, что даже не осознавал, насколько оно давило на него, пока не пропало.

Затем он услышал хриплый вздох, донесшийся со стоявшей возле него койки, и посмотрел на Сильвана Тайера --- машины, поддерживавшие жизнь в его теле, начали со скрежетом останавливаться.

Ритмичный механический гул затихал, пока не остался лишь тонкий монотонный писк, который мог значить только одно.

Сильван Тайер умер, а вместе с ним — и угроза для Салинаса.

Рана в ткани реальности схлопнулась, как только ее перестало поддерживать сознание бывшего лидера Сынов Салинаса.

Уриил сделал глубокий вдох, очищая легкие, и огляделся, уверяясь, что это не очередное видение и что все действительно завершилось. Рядом стоял Назаний, на полу, опираясь на единственную руку, сидел Леодегарий, усилившийся сохранять вертикальное положение.

Хирон, прихрамывая, направился к своему командиру, а внимание Уриила тем временем переключилось на предводителя бескожих. Последний из племени, он неуверенно покачивался и озирался, словно просыпаясь после долгого и тяжелого сна.

Его заплывшие, мокрые от слез глаза постотрели на Уриила, а затем вожак, издавая раздирающий сердце стон, рухнул

на колени, прижатая когтистые лапы к вискам и борточка что-то о том, что это он во всем виноват. Грудь гиганта содрасалась в рыдающих всхлипах, и Уриил уже в который раз испытал глубокое сожаление, что все закончилось именно так.

Хирон вдруг устретился к предводителю бескожих, поднимая штурмболтер, но Уриил покачал головой.

— Опусти, — сказал он. — В этом больше нет необходимости.

Хирон посмотрел вначале на согнувшегося в рыданиях мутанта, потом на капитана Ультратаринов и, кивнув, возвратился к Леогегарию.

Уриил присел возле вожака, чье тело удивительно быстро вернуло себе прежние пропорции. Плоть великана была настолько иссечена мечами и изъязвлена воронками от болтерных попаданий, что казалось просто невероятным, что он еще жив. Предводитель был все еще огромен, но, лишившись подпитки энергией мертвецов, стал казаться куда меньше, изъязвленное, а главное — бесконечно

несчастливым.

--- Что будем делать? --- спросил Назаний.

Уриил перевел взгляд на товарища.

--- Угу, проводи Леогегария и Хирона, --- произнес капитан. --- У меня тут еще осталось одно дело.

--- Уверен?

--- Абсолютно, --- кивнул Уриил.

Назаний, видя, что хотел что-то возразить, но непреклонность, прозвучавшая в голосе капитана, вынудила его отвернуться и отойти.

Уриил же протянул руку и опустил ладонь на плечо предводителя бескожих. Слишком поздно костодесантник вспомнил о том, какую боль причиняют тутанту подобные прикосновения, но никакой реакции не последовало.

Встав на колени возле гиганта, Уриил ждал, пока тот выплачется.

--- Капитан Вентрис, --- раздался голос за его спиной, и, обернувшись, Ультратарин увидел Леогегария. Серый рыцарь снял шлем, открыв бледное изможденное лицо, свидетельствующее,

насколько тяжело далась ему эта битва и
боль жестокой травмы. -- Когда закончите
здесь, возвращайтесь во дворец, -- произнес
он. -- Надо решить, как вернуть вас на
Макрагге.

-- Обязательно, -- пообещал Уриил.

Серый Рыцарь протянул целевщую
руку, и Ультрамарин посмотрел на
предмет, который тот в ней сжимал.

-- Думаю, вам это пригодится, --
сказал Леогегарий, и капитан кивнул.

-- Спасибо, брат Леогегарий, --
произнес Уриил. -- Для меня было честью
сражаться рядом с вами.

-- Нет, -- возразил Серый Рыцарь, --
это было честью для меня.

Леогегарий, Назаний и Хирон вышли
из палаты, оставив Уриила наедине с
предводителем бескожих. Существо,
которое капитан пытался спасти от
жизни, полной лишений и смерти, стояло
на коленях возле койки человека,
поработившего и его, и все племя, и
рыдало.

Уриил даже не пытался представить

себе, насколько ужасными должны быть
воспоминания вожака о том, как его
принуждали к тому, что было сделано,
так что не стал нарушать скорбь
великана пустыми словами.

Наконец мутант поднял голову, и
взгляд его сосредоточился на Урииле.

--- Бескожие поступали плохо, ---
сказал гигант.

--- Нет, --- произнес капитан, --- вся эта
ненависть и убийства не на вашей совести.

--- Неправда. Это все мы. Моя рука в
крови. Бескожие плохие.

--- Нет, --- повторил Уриил, ---
бескожие --- хорошие. Вас просто
использовали. Вы не виноваты.

--- Теперь Император ненавидит нас
еще сильнее.

--- Он не ненавидит вас, --- сказал
Уриил. --- Император любит тебя.
Посмотри.

Капитан махнул рукой в сторону
висящей на стене кованой стальной
аквилы, от поверхности которой
отражались первые лучи рассвета,
заставляя священный символ переливаться

серебром.

Вожак посмотрел на распростершего крылья металлического орла и заметил в нем свое отражение. Сам Уриил, глядя туда, увидел, как начищенная до зеркального блеска поверхность аквилы вдруг подернулась рябью, и глазам негодосантника предстал образ совсем юного красивого мальчишки, на лице которого засверкала озорная улыбка.

Увидев это, предводитель испустил радостный крик:

--- Император любит меня!

Уриил тем временем встал у него за спиной и поднял пси-пушку, полученную из рук Леодегария.

--- Да, Император любит тебя, --- подтвердил Ультрамарин, нажимая на спусковой крючок.

Путь голог и тернист,
зато ведет из ада на свет.

«Грозовой ястреб» накренился, совершая маневр, предписанный ему наземным пунктом слежения. Уриил

выглянул в боковой иллюминатор
грохочущего десантно-штурмового
корабля, наблюдая за тем, как мимо
проносятся ослепительно-белые снежные
шапки скал, окутанные облачными
одеяниями.

С того дня, когда они сражались в
Палатах Провидения, минуло уже
несколько недель, но его тело и душа все
еще не до конца оправились от пережитого
на Салинасе. Конечно, раны Уриила вполне
зажили, и все же он никак не мог
выбраться из трясины меланхолии,
овладевшей им с той самой минуты, как он
выстрелил из пси-пушки.

Он понимал, что это был
единственно возможный выход, что дни
жизни вожака бескожих должны были
прерваться там, на Салинасе, и что
вполне правильно, если сделал это именно
тот, кто привел племя на планету.

Как только Сильвана Тайера не
стало, исчезло и давление мертвецов на
души живущих, и в Барбадусе вдруг
воцарилось странное спокойствие
(впрочем, куда страннее было то, что по-

прежнему использовалось именно это название). А когда народ известили о гибели Лито Барбагена, спокойствие тут же сменилось всеобщим ликованием.

Так повернулись дела, что весь мир вдруг был весьма богатым на новости.

По приказу и под присмотром Серых Рыцарей власть над планетой перешла к Дарону Нисато, ставшему новым имперским управляющим. Разумеется, это известие было воспринято с куда большим энтузиазмом, нежели сообщение о смерти Лито Барбагена, но местное население весьма одобрительно отнеслось к тому факту, что главным доверенным лицом нового губернатора станет Паскаль Блез.

Конечно, до благоденствия Салинасу было еще далеко, но Уриил был уверен, что планета все-таки оставила ведущий к гибели курс и что у ее населения наконец появилась возможность отбросить былую вражду, чуть не закончившуюся весьма трагично.

Это уже было больше, чем многие в галактике могли мечтать.

Как только контроль Империи на планетой был восстановлен, Леогегарий проводил Ультратаринов к ожидающему их на эспланаде перед дворцом челноку и пожелал доброго пути.

— И помни о Башне, — посоветовал Серый Рыцарь. — Она напоминает нам, что, если мы используем свои знания и силу во зло, нас ждет неминуемая расплата.

Прощавшись с Лукасом Урбиканом и Дароном Нисато, Ультратарины взошли на борт челнока, чтобы навсегда покинуть Салинас.

Уриил откинулся назад, прислонившись спиной к борту челнока и ощущая, как ему через металл передается ритмичная вибрация двигателей. Он уже и не мечтал, что этот полет однажды состоится, а потому прикрыл глаза, боясь, что все это может вдруг оказаться всего лишь сном.

Вместе с ним в транспортном отсеке десантно-штурмового корабля разместилось девятнадцать комплектов брони, принадлежащих Сынам

Жиллимана. Сам Уриил сейчас был облачен в бледно-синий хитон и держал на коленях меч. Со дня битвы в Палатах Провидения капитан ни разу не надевал позаимствованные доспехи, поскольку понимал, что будет оскорбительным носить их без крайней надобности.

Каждый комплект был собран и пристегнут к скамье «Громого ястреба» так, словно все еще втещал в себе живого, дышащего костического десантника. Орген Сынов Жиллимана уже получил извещение о том, что доспехи скоро будут и возвращены, чтобы и далее защищать боевых братьев.

Открылась дверь, ведущая в кабину пилота, и в отсек вошел Назаний. В отличие от Уриила он был облачен в полный комплект брони, а на лице его сверкала довольная улыбка.

--- Тебе бы понравилось посмотреть на все это из кабины, --- заметил сержант.

Уриил улыбнулся в ответ, поднялся со скамьи и пересек транспортный отсек. Пригнув голову, он вошел в кабину, наполненную ярким солнечным светом и

изрой теней, перетекавших с места на место, пока пилоты закладывали виражи, пикируя в отвесное ущелье, стены которого сверкали отложениями кварца.

--- Смотри, --- сказал Назаний, указывая куда-то за пределы бронированного лобового стекла.

Там, впереди, на самой вершине скалы сверкал в солнечных лучах облачный заток, воздвигнутый словно из золота и серебра.

Уриил вдруг понял, что не может сдержать ни взволнованного дыхания, ни слез, покотившихся по его щекам при виде импаторных башен, мозаичных куполов и высоких стен, воздвигнутых из люминесцентных блоков.

--- Крепость Геры, --- произнес Назаний, также не сдерживая слез.

--- Дом, --- добавил Уриил.